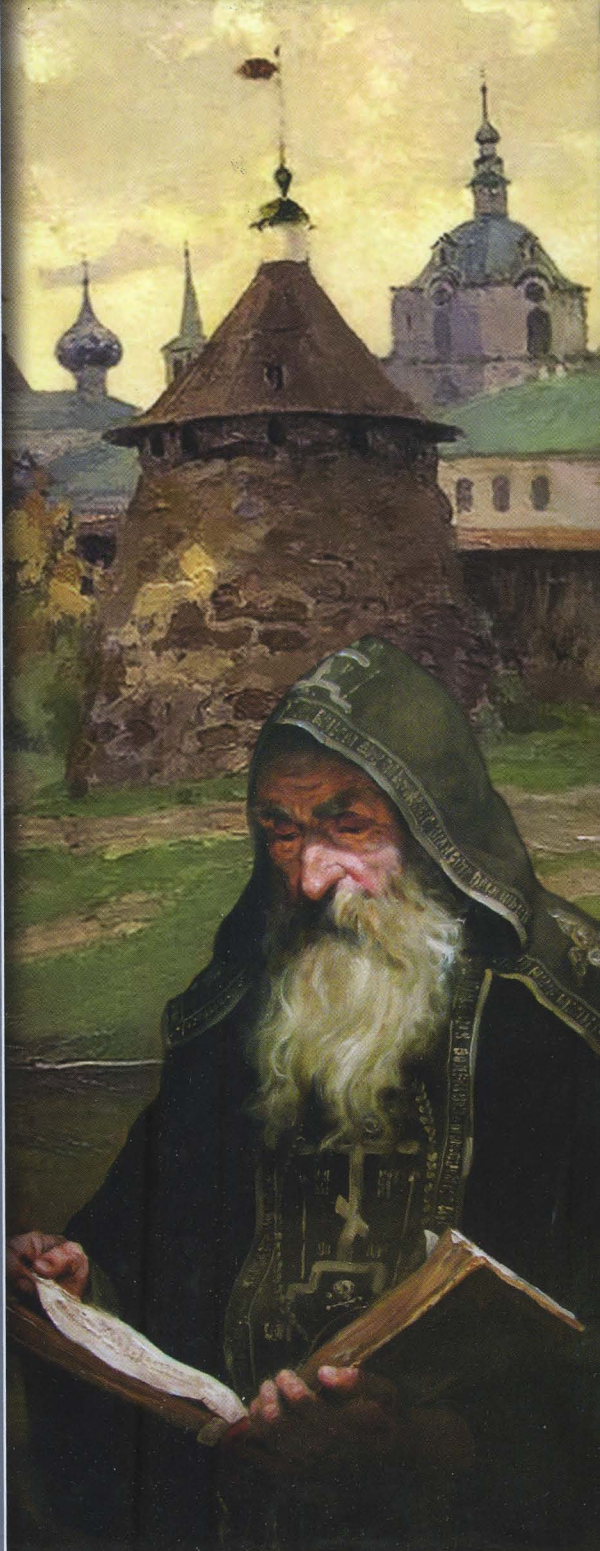


ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Максим Гуреев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

СОЛОВКОВ: ОТ ОБИТЕЛИ ДО СЛОНА





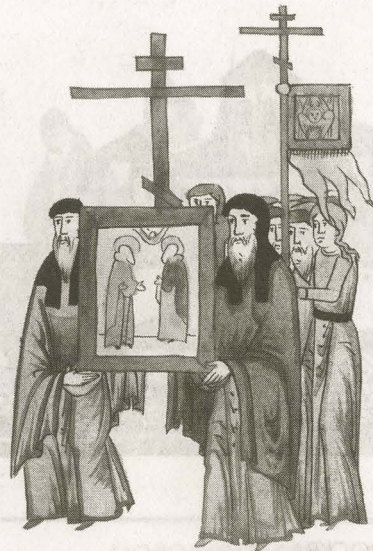




ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

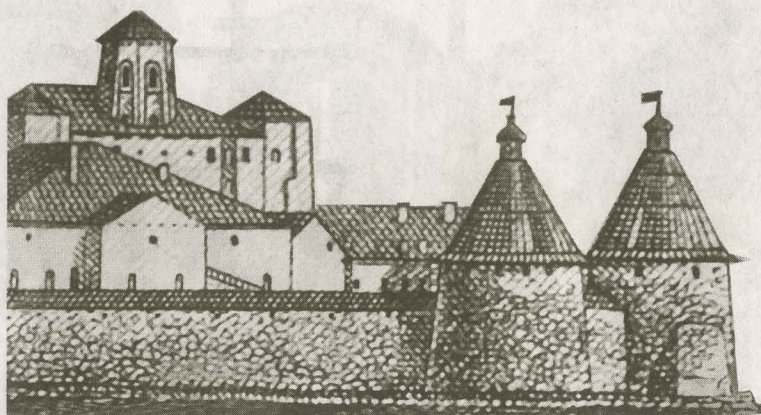
Максим Губев



ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Максим Гуреев



МОСКВА

ЖИЗНЬ

СОЛОВКОВ:
ОТ ОБИТЕЛИ
ДО СЛОНА



УДК 94(470.116)“14/19”
ББК 63.3(2Рос-4Арх)
Г 95

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

*В книге использованы фотографии
Егора и Максима Гуреевых.*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04113-4

© Гуреев М. А., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018



Сие же место да будет для жительства иноков, да соберется тут множество черноризцев и да прославится ими имя Божие.

Из Жития преподобных Зосимы
и Савватия, Соловецких чудотворцев,
1503 год

Особенно хорошо видишь весь остров с горы Секирной, — огромный пласт густой зелени, и в нее вставлены синеватые зеркала маленьких озер; таких зеркал несколько сот, в их спокойно застывшей, прозрачной воде отражены деревья вершинами вниз, а вокруг распростерлось и дышит серое море...

Из очерка М. Горького «Соловки», 1929 год

История предопределила Соловкам сыграть две крупные роли в жизни Русского народа, совершенно противоположные по характеру и результатам.

Из воспоминаний бывшего соловецкого узника И. Зайцева, 1931 год

Выбор предпосланных нашему повествованию эпиграфов не случаен. На протяжении почти шести столетий этот загадочный архипелаг, расположенный в Белом море, притягивает к себе внимание представителей самых разных социальных сословий и политических взглядов, разных культурных и духовных традиций. Соловки остаются местом, куда хочется приезжать всегда.

Порой это путешествие может носить не столько физический, сколько умозрительный характер. Так, рассматривая старинные иконы и миниатюры, гравюры и дагеротипы, всматри-

ваясь в пожелтевшие от времени фотографии и кадры кинохроники, на которых изображена повседневная жизнь Соловков, читая памятники соловецкой книжности и воспоминания островитян, наполняешься ощущением того, что ты уже когда-то здесь был...

Например, во времена преподобных Савватия, Зосимы и Германа, или при игумене Филиппе, будущем митрополите Московском, или в годы трагического Соловецкого сидения, или во время легендарного обстрела монастыря английской эскадрой в Крымскую войну, или, наконец, в бытность нахождения на нем Соловецкого Лагеря Особого Назначения (СЛОН), или в годы Великой Отечественной войны, когда на острове располагалась знаменитая Соловецкая школа юнг...

Эта погруженность внутрь русской истории, предельно сконцентрированной на территории площадью не более 347 квадратных километров, может быть объяснена тем, что издревле Соловки играли чрезвычайно важную роль в жизни России материковой, став своего рода Россией в миниатюре, где, как на островном полигоне в Белом море, проходили «обкатку» социально-экономические, военно-политические и духовно-религиозные процессы.

А знаменитая пословица: «Сначала на Соловках — потом в России» — закрепила этот факт в народном сознании.

В своей статье «Соловки в истории русской культуры» Д. С. Лихачев писал: «Уединенный среди Белого моря на пустынном острове, избранном для скитской жизни, монастырь тем не менее распростер свою светскую — военную, феодальную и хозяйственную — власть на огромном пространстве и сыграл выдающуюся роль в феодализации общественно-хозяйственных отношений на Русском Севере. Он постепенно распространил свое влияние на западе до границ Швеции, а на Крайнем Севере до самой Печенги, где Соловецким выходцем Трифоном был основан в XVI в. Трифоно-Печенгский монастырь. Соловецкий монастырь завязал культурные и религиозные связи с Афоном, Константинополем, Сербией. Он держал военные гарнизоны в Карелии и оборонял Белое море от вторжения иноземных кораблей вплоть до середины XIX в. Сотрясаемый внутренними противоречиями, он оказался после восстания

1668—1676 гг. во власти оппозиционных господствующей церкви старообрядцев и избегших казни разинцев и восемь лет оборонялся против осаждавших его правительственных войск. Он был местом ссылки и заключения для неугодных правительству религиозных и государственных деятелей».

Прежде чем мы приступим к описанию повседневной жизни Соловков, было бы правильным посвятить несколько страниц нашего повествования самому острову, а точнее сказать, группе островов, расположенных в Белом море при входе в Онежскую губу на расстоянии около 70 километров от материка, а также его ближайшим окрестностям.

Соловецкий архипелаг включает в себя шесть крупных островов — Большой Соловецкий, Анзерский, Большая Муксалма, Малая Муксалма, Большой Заяцкий и Малый Заяцкий, а также более ста малых.

О происхождении названия архипелага споры не утихают и по сей день. Существует несколько версий.

Согласно одной из них, предложенной Ксенией Петровной Гемп, выдающимся этнографом и исследователем Русского Севера, в книге «Сказ о Беломорье», Соловки «назвали по малой птице... соловьем зовут». Эту гипотезу Ксения Петровна основывает на поморской легенде, записанной ею в одной из этнографических экспедиций по Беломорью на рубеже 70—80-х годов XX века.

Читаем эту легенду:

«По ранней весне шли поморы на зверобойку. Навязали юрков. К дому пошли. Затерли их льды. Нагородило их. Торосят, грохотят. Не знают мужики, как к земле выйти. С Летнего, видно, были. Опыт не тот, как у зимников. Туды-сюды. Толку нет. Потом глядят — чернеет. Далеконько только. Шли и по льду, и по воде. Дошли. Все целы. Такая радость была. Земля — остров. Ране они его не примечали. Не был он тут. Из нашего моря Белого встал для спасения людей. Имени ему не было. Назвали остров по малой птице. Соловьем зовут. В наших лесах не живет... На картах они теперь Соловецкие. Поморское название Соловец ране карт. Монахов тоже соловьянами прозывали. Всё по птице. Сказ мой твердый. От дедов идет».

Однако «твердый сказ» вызывает сомнения хотя бы

по той причине, что на Соловках никогда не было соловьев (что замечено и в легенде).

Интересно, что тема Соловья-разбойника, в честь которого якобы назван архипелаг, получила свое продолжение уже во времена Соловецкого Лагеря Особого Назначения (1923—1933). «Соловьи» — «лихие люди» — обретались на острове и грабили проходящие мимо суда еще до появления преподобных Савватия, Зосимы и Германа, а их пронзительный свист якобы до сих пор звучит в вое ветра и треске ломающегося весной льда.

К лагерным временам также восходит весьма красивая, но в высшей степени фантастическая легенда о том, что именно на острове находится тайная могила легендарного разбойника Кудеяра, принявшего иноческий постриг в Соловецком Спасо-Преображенском монастыре под именем Питирим.

Еще в 1876 году вдохновленный былиной-сказом «Жили двенадцать разбойников» Н. А. Некрасов написал стихотворение «Сказание о двенадцати разбойниках», вошедшее в поэму «Кому на Руси жить хорошо» и впоследствии положенное на музыку:

Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить.
Сам в монастырь пошел он
Богу и людям служить.
«Господу Богу помолимся!
Древнюю быль возвестим», —
Так в Соловках нам рассказывал
Сам Кудеяр-Питирим.

К числу весьма распространенных мифологических версий происхождения топонима Соловки следует отнести и так называемую «соляную». На первый взгляд она выглядит вполне убедительно, но на проверку, увы, тоже не выдерживает никакой критики. Речь идет о связи названия Соловки с соляными промыслами, которые были весьма популярны на Беломорье в XV—XVII веках.

В «Письмах с Дальнего Востока и Соловков» священника, религиозного философа и ученого Павла Флоренского (1882—1937) обнаруживаем следующую запись:

«А знаешь ли, отчего этот остров называется Соловками — от соли. В прежнее время тут были соляные вар-

ницы, соль вываривали и торговали ею или выменивали ее на другие товары. От этого, как говорят, и стал называться остров Соловецким».

Скорее всего, эту информацию отец Павел почерпнул, работая на Соловецком лагерном заводе йодной промышленности, от заключенных. Но дело в том, что традиционно монастырские соляные варницы находились на материке, а на Соловецком острове солеварением никогда не занимались.

И наконец, последняя версия, которая нам представляется наиболее достоверной.

В своей книге «Топонимы Мурмана» профессор А. А. Минкин исследует интерпретации саамского слова *соул* — остров и *суоллы*, *суоллэ* — острова. Вполне естественно, что в ходе фонетической адаптации и просторечного переименования слов с саамского языка на русский (с учетом значительного влияния поморских говоров) на место Суоловкам и Суоловейским пришли Соловки и Соловецкие острова.

Такой вариант возникновения топонима Соловки видится наиболее логичным, тем более что традиционно местные жители, а также обитатели прилегающих материковых территорий называли архипелаг просто — *Острова*.

Предполагая рассказывать о повседневной жизни Соловецкого архипелага, следует понимать, что природно-климатические условия, как ни в каком другом случае, играют решающую, если не определяющую роль в бытовании островитян.

В конечном итоге жизнь на острове, который окружен не самыми дружелюбными и ласковыми водами Белого (в древнерусских летописях Дышащего) моря и находится на расстоянии 165 километров от полярного круга, подчинена простым и одновременно предельно сложным задачам выживания. Причем речь идет не только о выживании физическом, но и о сохранении духовных и морально-нравственных сил, способности не потерять человеческий облик, когда зимой продолжительность светового дня составляет четыре часа, температура воды летом не превышает плюс 15, а зимой опускается до минус 1,7 градуса, короткая и абсолютно непредсказуемая солнечная обстановка может смениться проливными дождями, густыми туманами,

ураганными ветрами или снежными буранами зимой, а шести- и семибалльные штормы поздней осени отрывают остров от материка до открытия навигации лишь в июне.

Неистовство морской стихии Беломорья испытал на себе патриарх Никон, когда, по словам патриаршего клирика и ставрофора Иоанна Шуперина, «в мимошедшем 1639 году мы, будуще иеромонахом, творихом шествие по морю из скита Анзерского; и во время то от великого морского волнения едва не потопихомся: но, уповающе на силу Божественного Животворящего Креста, спасение получихом пред Онежским устьем, к пристанищу к Кий-острову, и славу воздахом Распеншемуся на Кресте Господу нашему Иисусу Христу об оном избавлении» (жизни на архипелаге будущего патриарха Всероссийского, а также соловецким приключениям (иначе и не скажешь) Кийского креста-мощевика будет посвящен особый раздел нашей книги).

Полярные широты и морское окружение в полной мере определяют и формируют климат на Соловках.

Так как в районе архипелага активно действуют циклоны, то для лета характерны частые вторжения арктических масс, когда парадоксальным образом совмещаются жаркое июльское солнце и по-зимнему пронизывающий штормовой ветер. При этом следует заметить, что в целом, если говорить о годовом цикле, климат на архипелаге морской с переходом к континентальному.

Здесь относительно мягкая влажная зима (средняя температура минус 10 градусов) и прохладное солнечное лето (средняя температура плюс 12), которое, впрочем, может омрачаться затяжными ливнями и даже снегом.

Зимой море вокруг Соловецких островов промерзает, образуя четырех- пятикилометровую линию припая. Например, в феврале (самый холодный месяц на архипелаге) по льду можно добраться с Большого Соловецкого острова на остров Анзер, расстояние между которыми составляет пять километров (между поселком Ребалда и мысом Кеньга).

В толще воды вне зависимости от времени года подерживается стабильная температура плюс пять—семь градусов, именно поэтому море медленно прогревает-

ся летом и не замерзает зимой (исключая прибрежное мелководье).

Еще одной отличительной чертой соловецкого климата является предельно нестабильный и неблагоприятный ветровой режим, когда в течение часа погода может поменяться на прямо противоположную — яркое солнце уступит место грозовому фронту, а низкое пасмурное небо будет разорвано северо-восточными ветрами, дующими из открытой горловины Белого моря.

Священник Павел Флоренский писал: «Я называю Соловки Островом Ветров, припоминая, что по верованиям эллинов далеко на севере, за гипербореями, находилась Пещера Ветров, в которой Ветры живут и откуда вылетают, чтобы носиться по всему миру. Тут же ветры свистят, завывают, врываются сквозь малейшие щели в помещения».

Соловки имеют сформированный ледниковыми отложениями по преимуществу неровный, холмистый рельеф, доминантными точками которого являются четыре горы — Вербокольская (88,2 метра над уровнем моря) и Голгофа (63,8 метра) на острове Анзер, а также Секирная (73 метра) и Поднебесная (80,3 метра) на Большом Соловецком острове.

Предгорья и низины архипелага заполнены по большей части болотами и пресными озерами, имеющими ледниковое происхождение. Всего же на Соловецких островах более 400 озер.

Озера Большого Соловецкого острова в середине XVI века трудами игумена Филиппа (Колычёва), впоследствии митрополита Московского, были связаны в единую озерно-канальную «питьевую систему», питающую Святое озеро (самое большое на острове); на рубеже XIX—XX веков система эта была расширена и превращена в транспортную артерию.

Несколько слов надо сказать и о соловецких окрестностях, формально не относящихся к архипелагу, но играющих значительную роль в жизни Соловков и связанных с ними исторически и географически.

Город Кемь расположен в устье одноименной реки, впадающей в Онежскую губу практически на параллели Соловецкого архипелага. Именно это обстоятельство еще с середины XV века, а точнее, с 1450 года, когда новгородская посадница Марфа Борецкая даровала

Кемь Соловецкой обители, определило судьбу города как своего рода стыковочного узла между Соловецким Спасо-Преображенским монастырем и Большой землей.

Из очерков К. К. Случевского «Поездки по Северу России в 1885—1886 годах»:

«В 1657 году Соловецкий монастырь, по-видимому, сильно интересовавшийся Кемью, поставил здесь острог и снабдил его пушками, пищальями и припасами. Есть сведения, что острог этот напором льда был снесен в 1764 году. С 1785 года Кемь — уездный город, и открывал его бывший в то время Олонецким губернатором Державин, едва не потонувший при этом случае».

Последнее обстоятельство вовсе не является плодом фантазии поэта и путешественника Случевского. Выполняя предписание наместника Олонецкой и Архангельской губерний генерал-губернатора Тимофея Ивановича Тутолмина — человека властного и решительного, Гаврила Романович Державин был отправлен в Кемь для торжественного открытия здесь уездного города. До Кеми в ту пору можно было добраться лишь водным путем от Сумского острога (ныне село Сумской Посад Беломорского района Республики Карелия), и составлял путь около 100 километров. Плавание было весьма рискованным, потому как в Онежской губе уже начались осенние штормы, и маститый автор знаменитых од «Гром победы, раздавайся!», «Вельможа» и «Водопад», сенатор, действительный тайный советник неоднократно оказывался на краю гибели.

В результате, благополучно добравшись до места назначения, Гаврила Романович с изумлением обнаружил, что никаких атрибутов уездного города здесь не было. На тот момент Кемь представляла собой обычный рыбацкий поселок, состоявший из нескольких дворов. Однако предписание Т. И. Тутолмина должно было быть выполнено в любом случае. Приглашенный священник отслужил молебен, а Г. Р. Державин объявил собравшимся немногочисленным жителям, что отныне поселение Кемь является уездным городом Российской империи.

В отечественной истории Кемь стала знаменита уже при совсем иных, драматических обстоятельствах.

В 1923 году в Кеми и поселке Рабочеостровске, расположенном на Поповом острове (портовая часть го-

рода), начал функционировать пересыльный пункт Соловецких Лагерьей Особого Назначения, сокращенно Кемперпункт.

Ю. Д. Бессонов, штаб-ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка личной охраны Его Императорского величества, бывший соловецкий заключенный, вспоминал:

«Попов остров — небольшой островок, кажется, километра три в длину и два в ширину... С материком он связан дамбой и железнодорожным мостом. Прежде он служил передаточным пунктом для богомольцев и монахов, едущих на главные Соловецкие острова... Теперь это один из самых тяжелых пунктов Соловецкой каторги».

В современной Кеми почти не осталось артефактов, связанных с тем временем. Разве что здание УСЛОН и гостиница для сотрудников НКВД начала 30-х годов постройки (на пересечении Пролетарского проспекта и улицы Ленина), а также руины лагерного причала в Рабочеостровске.

Отсюда на остров осуществлялась переброска партий заключенных.

Флотилия Соловецких Лагерьей Особого Назначения состояла из нескольких судов.

Самым крупным из них был бывший монастырский пароход «СЛОН», до 1931 года носивший название «Глеб Бокий» (в честь комиссара государственной безопасности, члена коллегии ОГПУ Г. И. Бокия). Он мог принять на борт около пятисот заключенных. Ходовой ресурс «СЛОНа» был давно выработан, и по этой причине он не ходил в Архангельск, чтобы не быть задержанным контролирующими органами Северного морского пароходства. Следовательно, перевозкой заключенных на остров и с острова транспорт занимался незаконно.

Еще имелись:

ледокольный пароход «Нева»; он затонул в 1932 году; баржа «Клара Цеткин», вошедшая в историю острова с усеченным названием — просто «Клара»: так ее именовали заключенные, для перевозки которых она была переоборудована (до недавнего времени остатки корпуса «Клары» догнивали под стенами монастыря в бухте Благополучия);

рыболовецкая шхуна «Новые Соловки»;

быстроходные катера — «Пионер», «Часовой» и «Че-

кист II», которые обслуживали лагерное начальство и высокопоставленных гостей СЛОНа.

Также существовала воздухолиния «Соловки — Кемь» с приписанным к ней гидропланом М-24 «Красный Путиловец» конструктора Д. П. Григоровича. Воспоминание об этой экзотической машине сохранил специально для нее выстроенный деревянный ангар близ Тамарина причала. К сожалению, подобное же сооружение в Рабочеостровске было утрачено.

При выходе из Кеми, в самой горловине Онежской губы, мы в первую очередь встречаем островной архипелаг Кузова, название которого восходит к саамскому *куз-ойвэ*, что в переводе означает «еловые головы» (вершины).

Поморам они стали известны раньше Соловков, примерно с середины XV века, что, впрочем, и понятно: ведь от Кузовов до материка около 20 километров, тогда как до Соловецкого архипелага — более 70. Традиционно Кузова были местом, где можно было укрыться от непогоды. Особенно подходили для этого многочисленные шхеры, которыми пользуются и нынешние мореходы, когда входят в горловину Онеги во время шторма.

Впрочем, история Кузовов, судя по сохранившимся на островах архипелага *сейдам* — мегалитическим ритуальным каменным сооружениям, имеет значительно более древние корни, нежели середина XV столетия.

Так, посетивший в 1904 году архипелаг поэт и путешественник Н. С. Гумилев придерживался весьма распространенной среди мистиков Серебряного века гипотезы о том, что Кузовые острова (они же легендарный остров Буян) и есть Гиперборея, а увиденные им здесь загадочные артефакты безусловно свидетельствуют о том, что некогда тут существовала великая нордическая цивилизация, восходящая к Каменной книге, более известной как петроглифы Онежского озера.

В 95 километрах на юго-восток от Соловецкого архипелага, в глубине Онежской губы, расположен еще один остров, исторически связанный со Спасо-Преображенским Соловецким монастырем, — Кондостров.

Первые упоминания об иноческой жизни на острове площадью около 12 квадратных километров относятся к 90-м годам XIX века, когда архимандрит Варла-

ам (Горбачев), прежде игуменствовавший тут же рядом, в Крестном Кийском монастыре, что близ Онежского устья, приступил к строительству Никольской церкви и хозяйственных построек. Интересно, что существенную помощь в устройении Кондостровского Никольского скита оказал на тот момент министр финансов С. Ю. Витте, посетивший Соловки в 1894 году.

Никольский скит на Кондострове стал одним из самых молодых и, увы, самых недолговечным из обителей, имевших статус Соловецких. Будучи освященным в 1908 году, он был закрыт в 1920 году, впрочем, не утратив при этом своей связи с островом. Здесь была сформирована так называемая «лагерная командировка» для «стукачей». На Конд во избежание самосуда и расправ ссылали провалившихся сексотов из числа заключенных, а также проштрафившихся чекистов и лагерную обслугу.

К 1926 году у соловчан Кондостров получил говорящее название — «Могилевская губерния». Именно здесь среди всех «лагерных командировок» СЛОНа был самый высокий процент смертности. Известно, что после зимы 1927 года из 560 заключенных в живых здесь не осталось вообще никого, а 15 надзирателей были в спешном порядке переведены на Большой Соловецкий остров.

Таким образом, соловецкая повседневная жизнь, а также повседневная жизнь материковых и островных окрестностей была предопределена не только общим духовным, экономическим и культурно-историческим контекстом, но и природными условиями, которые во многом сформировали соловецкий быт, соловецкий стиль жизни, соловецкое мироощущение, которые сохраняются и по сей день и о которых пойдет речь в нашей книге.

Но сначала — о предыстории Соловков, которая в какой-то степени предопределила их последующую историю.

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

*Место силы. — Река Морг. — Священные горы. —
Лабиринты. — Хождение на остров. — Кузова. —
Гиперборея. — Великая пропасть. — Секирная гора*

В верованиях протосаамских племен запредельным местом «силы» всегда была группа островов посреди Дышащего моря, где вода входит и выходит из преисподней (речь в данном случае идет о приливах и отливах на Белом море, отсюда и название — Дышащее), а дикие безлесные луды (от карельского *luodo* — отмель, каменный остров) и есть «резиденция мертвых» — *saivo*.

Земля, находящаяся там, где уже не может быть земли, иначе говоря, за окоёмом, землей как таковой уже не является, но становится местом сакральным, расположенным на границе, пересечении миров: «верхнего» — мира небесных светил и добрых духов, «среднего» — обители людей, животных, птиц и растений, и «нижнего» — подземного и подводного мира темных потусторонних сил.

Здесь, под низким северным небом под нескончаемый вой ветра, направление которого разнообразно и непредсказуемо, и происходил переход из мира живых в потусторонний и парадоксальный мир мертвых, населенный черными животными и благородными предками, злыми духами и их антагонистами, в мир, где входящего в него встречают Олень-Сайво, Рыба-Сайво и Птица-Сайво.

Всякий раз, отчаливая от материка, древний мореход, по сути, безоглядно входил в кипящие воды реки Морг, о которой много веков спустя, в первой полови-

не XIV столетия, архиепископ Василий Новгородский скажет: «Много детей моих (духовных детей, разумеется. — М. Г.) видоки тому на Дышучем мори: червь неусыпающий, и скрежет зубовный, и река молненная (кипящая. — М. Г.) Морг».

Так называемое «кипение воды», или «толчея волн», более известное как *сулой*, — явление, весьма распространенное на северных морях, — связано с приливно-отливными процессами, когда происходит столкновение разнонаправленных и разноскоростных течений. Это приводит к шумовым выбросам в воздух столпов вспененной, бурлящей воды, что и по сей день производит на мореплывателя угнетающее впечатление.

В сознании людей глубокой древности (вплоть до I тысячелетия н. э.) подобное плавание становилось последним, апокалиптическим, потому что мореход дерзал пересечь рубеж вечности, и любая суша, любой остров, к которому можно было пристать и на котором найти спасение от «морского возмущения», воспринимались как чудо, как переход в иную реальность.

У того же Василия Новгородского читаем: «...и принесло их к высоким горам... и свет бысть на месте том самосиянен, яко не мочи человеку исповедати. И пребыша долго время на месте том, а солнце не виде, но свет бысть многочасьный, светлююся паче солнца...»

Сознание человека, обретающего неожиданное спасение от неминуемой гибели, воспринимает действительность преувеличенно, отчасти даже деформированно, мифологизирует ее. Например, он видит в таинственно выплывающих из непроглядного тумана или штормовой мороси пологих, заросших густым косматым лесом берегах Соловецких островов «высокие горы» и скалистые уступы, что закрывают собой небо, воздевать глаза к которому страшно и непозволительно, ибо оно и есть воплощение гнева богов.

Однако это не просто вымышленные детали местного рельефа, это символы иного, священного мира, который мореплыватель никогда не видел раньше, но предания о котором передаются из поколения в поколение, и оказавшись в котором, человек становится посвященным, могущим на равных говорить с усопшими, блуждающими в лабиринтах «священных гор».

Впрочем, вскоре возбуждение проходит, прибреж-

ный туман рассеивается, и шторм затихает, а заболоченные низины острова возвращают странника к реальной жизни. Стало быть, необходимо создать то, что было нарисовано воображением в минуты экстатического прозрения: ведь подвижный относительно борта долбленной или каркасной лодки горизонт лишь усиливает ощущение нереальности и зыбкости сакрального.

Итак, странник, достигший островов, совершенно утрачивал ощущение устойчивости — и в смысле физическом, и в смысле ментальной устойчивости он более не был привязан к тверди, отныне имея возможность опираться лишь на символы, из которых состоит потусторонний мир и постигнуть которые можно лишь путем посвящающих практик или самой смерти.

Вслед за этнографом и фольклористом Н. Н. Виноградовым (1875—1938), заведующим Соловецким краеведческим музеем в конце 20-х годов XX века, узником СЛОНа, здесь же расстрелянным, можно предположить, что знаменитые Соловецкие лабиринты, во множестве имеющиеся на островах, «есть не что иное, как *Saivo*, священные горы, где живут души усопших, наслаждаясь блаженством... самый вид лабиринтов уже дает представление о хребтах каменных гор».

Стало быть, мы можем говорить о рукотворных горах, которые оказываются фактом мифологического, сакрального рельефа острова. Более того, концентрические окружности гор-лабиринтов вполне сопоставимы с Колесом времени, проходя все стадии (этапы) которого, точнее говоря, преодолевая все житейские хитросплетения, разматывая нить судьбы, что связывает непрерывные циклы человеческой жизни воедино, блуждая в бесконечных коридорах в поисках единственно правильного пути, готовящийся к переходу в потусторонний мир достигает своего внутреннего «я», где горит огонь и где совершается обряд кремации.

В частности, известно, что при проведении раскопок на лабиринтах Большого Заяцкого острова именно в центре ряда этих ритуальных сооружений были обнаружены остатки костровищ.

Соловецкие лабиринты никогда не были бытовыми захоронениями, но играли роль мистическую, становясь своего рода вратами в «резиденцию мертвых».

Также весьма интересные аллюзии вызывают

островные лабиринты летом, когда вросшие в землю, плотно пригнанные друг к другу валуны, составляющие узкие проходы, покрываются зеленым мхом и травой. Если взглянуть на такое сооружение сверху, то сравнение с кроной пышного дерева напрашивается само собой, а вход в лабиринт напоминает ствол этого дерева.

И вновь возникает переключка с традицией «верхнего», «среднего» и «нижнего» миров, центром которого является Древо жизни, а крона его символизирует мир вдохновения, творчества, свободы, видения будущего и бессмертия.

Следовательно, вполне возможно, что лабиринты, коих на Соловках насчитывается до тридцати пяти, одновременно выполняли функцию порта в потусторонний мир, а также символизировали «горные селения», кущи блаженства, явленные здесь и сейчас.

Спиралевидная лестница, уходящая в небо, и в то же время, подобно змее, извивающаяся на земле, воспринималась саамским, а впоследствии и поморским населением как двухмерная проекция «вавиллона» — священной башни или горы, восхождение на которую становится итогом всей земной жизни, достижением и постижением самого себя.

В «Письмах с Дальнего Востока и Соловков» Павла Флоренского есть такие строки:

«Тут, на островах Соловецкого архипелага, существуют замечательные сооружения, называемые в археологии лабиринтами, а в народном языке “вавилонами”. Это — выполненные из камней, преимущественно валунов, величиною с голову, иногда меньше, до кулака, узорные дорожки с запутанным ходом; в одних случаях промежутки между каменными лентами идут непосредственно к центру, в других же случаях — разветвляются и приводят к тупику. Попав в центр, обыкновенно не сразу можно выбраться оттуда, и после прохождения некоторого пути приходишь на старое место».

Впоследствии в христианской традиции на уровне популярного (вульгарного) богословия эта мысль будет сформулирована предельно просто — «из земли вышли, в землю и уйдем».

То обстоятельство, что во всей полноте и красоте модели священных гор можно было наблюдать только летом, скорее всего, говорит о том, что острова архипе-

лага были посещаемы и обитаемы лишь в теплое время года, когда до них можно было добраться и когда на них можно было устроить временное жилье.

С наступлением же зимы Соловки пустели, погружаясь в снежное небытие, и никто из живых не мог беспокойить святилища обители мертвых.

Предположительно, на остров древние мореходы доходили за два-три дня. В путешествие они отправлялись с западного побережья, из низовьев рек Кемь и Выг.

Долбленные лодки и плоты по степени надежности, затратам на производство и управляемости значительно уступали так называемым каркасным лодкам, которые не только были маневренны, обладали достаточным для перевозки трех–пяти человек водоизмещением и были удобны для переноски, но и изготавливались быстро, что для короткого мореходного сезона на Дышащем море представлялось немаловажным, если не решающим фактором.

Каркас собирался из упругих ветвей ели или корневых сосны, а обшивка могла быть двух видов — берестяная и из выделанных особым образом шкур — медведя, оленя, лося или тюленя. Второй вариант, что и понятно, был более трудоемким и дорогостоящим, зато более надежным. Такая технология предполагала несколько циклов производства — выделка шкуры, сшивание кусков в единую, как сейчас говорят байдарочники, «калошу», смоление и проклейка шкур в несколько слоев, пропитка тюленьим жиром.

Берестяные же лодки чаще строились в глубине материка и использовались для выхода (сплава) по реке к морю.

Первый день похода в «резиденцию мертвых» завершился, как правило, на Кузовых островах. Здесь можно было отдохнуть после проделанного пути, проверить снаряжение, отсюда, с горы Русский Кузов (123 метра над уровнем моря, название, разумеется, восходит к XVII веку), в ясную погоду через пролив Западная Соловецкая Салма можно было увидеть едва различимую на горизонте группу островов, достижение которых приравнивалось к обряду посвящения, к переходу в иное нравственное и душевное состояние.

У археолога, исследователя соловецких древностей А. Я. Мартынова читаем: «В древности Соловки как цель

морского путешествия были видны только со скальных вершин Немецкого и Русского Кузовов, да еще со стрелки Онежского полуострова — мыса Ухт-Наволок».

Понятно, что воображение рисовало древнему мореплавателю картину фантастическую, но реальное достижение цели иначе как прохождением между Сциллой и Харибдой назвать было невозможно.

Кузовые острова превращались в место ожидания и созерцания, в место предуготовления, притом что и сам островной архипелаг, расположенный в 20 километрах от материка, имел свою мистическую историю.

Согласно существующему преданию, в 1904 году семнадцатилетний поэт, путешественник, мистик Николай Степанович Гумилев удостоился высочайшей аудиенции Государя Императора Николая II, во время которой он поведал самодержицу о Каменной книге, якобы найденной им в Карельских дебрях на берегу Онежского озера. Николай Александрович был потрясен рассказом молодого путешественника, потому как и сам имел склонность к разного рода мистическим и оккультным опытам, а Каменная, она же Голубиная, книга, таинственно утраченная еще в Средневековье, имела статус дохристианского космогонического сочинения, в котором изложены основы бытования славянской цивилизации, а также содержатся зашифрованные предсказания будущего, разгадав которые, возможно достичь блаженства вечной жизни.

Следует заметить, что былинная тематика языческой Руси, восходящая к образу прародины человечества, северной страны Гипербореи, населенной сверхлюдьми, ведущими свое происхождение от детей Урана и Геи, была чрезвычайно популярна на рубеже XIX—XX веков, в эпоху Серебряного века. И то обстоятельство, что именно Николай Степанович Гумилев — поэт-акмеист, впоследствии основатель «ежемесячника стихов и критики» «Гиперборей», проявил такую активность в поисках неведомой земли, расположенной «за северным ветром», вполне закономерно.

Поиск иного пространства перед лицом века электричества, аэропланов, паровозов, политических катаклизмов и кризиса института Церкви стал общим местом для интеллектуалов, уже вырвавшихся (как им ка-

залось) из патриархального небытия дореформенной России, но так и не усвоивших новые, порой варварские, законы русского капитализма.

Итак, на поиски Гипербореи за казенный счет (видимо, посещение царя юным поэтом возымело свое действие) отправляется экспедиция. Н. С. Гумилеву якобы удается разгадать некоторые строки из Каменной книги, которые и приводят экспедиционеров на Кузовые острова. Необитаемая земля, как и положено месту сакральному и доисторическому, будоражит воображение, страшит и притягивает одновременно.

Однако информация о том, кто и когда проводил археологические исследования на островах, представляется достаточно путаной. По одной версии, на Кузовах копал сам Гумилев, по другой — здесь, но уже значительно позже работали экспедиции профессора Владимира Юльевича Виза, а также археолога Александра Яковлевича Брюсова, брата известного поэта Серебряного века Валерия Брюсова.

Артефакты, обнаруженные тогда, на сегодняшний день считаются утраченными, но каменные святилища Гипербореи — *сейды* (развенчать данную теорию, как и доказать обратное, не удалось никому) и по сей день возвышаются на Кузовых островах.

Култ священных камней восходит к традиционным представлениям древних саамов о том, что гранитные утесы или валуны являются вместилищами человеческой души. Скорее всего, именно по этой причине сейды своими очертаниями напоминают фигуры людей.

Для тех, кто отправлялся в плавание на Соловки, Кузова становились своего рода мистическим этапом на пути к «Острову мертвых», к подножию священных гор, когда лишь каменные изваяния (на Большом Немецком Кузове сохранился пантеон, состоящий из 150 сейдов) безмолвно провожали входящих в бурлящие воды Белого моря.

Оставляя часть своей души в сейдах, древний мореход тем самым предвосхищал пожирание своего второго «я» морским «неусыпающим червем» в случае кораблекрушения. А катастрофы, приводящие к гибели отважных путешественников и рыбаков, были нередки!

Итак, мерцающий на горизонте архипелаг, то про-

падающий в штормовой дымке, то вновь поднимающийся среди мерно накатывающих волн, словно всплывающий со дна Дышащего моря, и был той последней магической гранью, тем окоёмом, за который могут зайти лишь избранные.

Неоднократно упомянутое нами словосочетание «Остров мертвых» не следует, однако, воспринимать исключительно как своего рода фигуру речи. Оно (словосочетание) в полной мере отражает концептуальную установку древнего, а впоследствии и средневекового человека на то, что место это изначально не предназначено для проживания, хотя, как мы знаем, на Соловках все к тому условия наличествуют — пресная вода, рыба в озерах и дичь в лесах, ягоды, грибы, достаточно мягкий для этих широт климат. И дело здесь не только и не столько в климате и удаленности архипелага от материка; в данном случае первоочередную роль играет ритуально-мистическая составляющая. Действительно, живой человек не может существовать вне тверди, без опоры именно на реалии, а не на символы. Ведь в конечном итоге утрата физической и ментальной устойчивости ведет к безумию, к изменению личности, к тому, что в медицине называется аутизмом, галлюцинациями и сумеречным помрачением сознания.

Следует заметить, что и в наши дни существует достаточно примеров, когда туристы или паломники, оказавшиеся на острове, не могут пробыть здесь и дня, испытывая необъяснимые томление и страхи, а выбравшись на материк, зарекаются посещать архипелаг.

Во времена преподобных Савватия, Зосимы и Германа тема сакральности Соловков получила свое развитие.

Так, в рамках аскетических традиций христианства, заложенных святыми Отцами Церкви еще в IV веке, монах, инок является живым мертвецом в миру: ведь принимая постриг, он умирает для жизни обыденной, отрекается от суеты, искушений и страстей «мира сего» и уже под новым именем обретает новое, ангельское бытование. «Кто в сердце своем приобрел смирение, тот мертв стал для мира, и омертвевший для мира омертвел для страстей. Кто омертвел сердцем для своих близких, для того мертв стал диавол», — читаем у преподобного Исаака Сирина.

Однако мы должны понимать, что речь идет не об омертвлении сердца, не о «жестоковости» и окоснении чувств! Православная аскетика предполагает в первую очередь омертвление плоти как источника «злостыкозненности», отмирание страстного начала, что и составляет смысл и основу бесконечной «невидимой брони» монашествующего. Эту мысль предельно четко поясняет преподобный Иоанн Лествичник, игумен Синайского монастыря: «Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и брнное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных».

Интуитивное принятие Соловков как места особенного, неизведанного, необитаемого, на протяжении многих веков служившего обителью потусторонних сил, почитавшегося у поморов «резиденцией мертвых», естественным образом дополнило мистическое мироощущение преподобных Савватия и Германа, прибывших на архипелаг в 1429 году.

Вполне возможно, что, будучи сначала насельником Кирилло-Белозерского, а затем и Валаамского монастыря, святой Савватий был знаком с сочинениями святых Отцов и Учителей Церкви, и слова преподобного Симеона Нового Богослова, отшельника и гимнотворца X века, попадались ему на глаза. Вот эти слова:

«Монахи должны жить в монастыре, как бы на уединенном острове, находящемся среди моря, считая, что весь мир стал для них совершенно недоступным, словно вокруг всего монастыря их утверждена великая пропасть, так что ни находящиеся в мире не (могут) перейти в монастырь, ни живущие на острове — переправиться к тем, которые там, и, с пристрастием глядя (на них), удерживать в сердце или в уме воспоминания о них, но, как мертвые к мертвым, они и обладая чувством, должны относиться к ним без ощущения, делаясь (таким образом) поистине как бы добровольно закланными агнцами».

Переход «великой пропасти», после которого нет возврата ни в ту, ни в другую сторону, становится архетипичным и для древнего, и, впоследствии, для средневекового человека. Причем первый воспринимает Соловки «Островом мертвых» буквально, а второй — сообразно христианскому учению о смерти, конце света и спасении.

Именно и только в этом контексте получает свое объяснение странная на первый взгляд соловецкая притча о «светлых юношах» ангельского обличья, изгнавших с острова семью поморского рыбака со словами: «Бегите отсюда, а не то смерть вас постигнет».

Популярное объяснение притчи: мол, ангелы изгнали рыбака и его жену с острова, чтобы они не мешали монахам, справедливо лишь отчасти. Значительно более точным оказывается иное толкование — изгнанием обычных людей с «Острова мертвых» «светлые юноши» спасают их от неминуемой гибели, потому как по научению «началозлобного демона» поморы «не ведают, что творят» (Лк. 23, 34), желая поселиться в месте, уготованном Богом лишь «живым мертвецам».

Показательно, что это знаковое событие произошло именно у подножия Секирной горы (об этимологии данного названия речь пойдет ниже), где свою первую келью на острове и поклонный крест поставили преподобные старцы Савватий и Герман.

С этого момента Священная гора на Соловках обрела реальные очертания, символически восстав над языческими «вавилонами».

Много позже, во второй половине XIX века, здесь будет воздвигнут скит, освященный в честь двенадцатого праздника Вознесения Господня.

Таким образом, победив смерть, Спаситель освободил человека от смерти, указав ему путь к воскресению, и именно на Соловках эта возможность обрела не только мистическое, но реальное наполнение.

МОНАСТЫРЬ

Глава первая

Великий отшельник

Савватий из Кириллова монастыря. — Русская Фиваида. — О священнобездомствующих. — Уход на Валаам. — Инок Геннадий. — В сердце кротких почитет мудрость. — Савватий и Никон. — На Выге. — Встреча с Германом. — 1429 год. — В Сосновой губе. — Кельи-полуземлянки. — Савватиево

В один из дней конца лета 1429 года от поморского села Сорока, что располагалось близ устья реки Выг, отчалил карбас. Местные жители с любопытством и недоумением наблюдали за двумя монахами, которые, сев на весла, умело развернули судно и, встав на курс, стали удаляться от берега.

«На остров пошли», — проговорил кто-то из толпы.

Какое-то время селяне наблюдали за лодкой, что постепенно растворялась в водной глади Онежского залива, а потом стали расходиться, обсуждая слова одного из двух монахов — убеленного сединами старца по имени Савватий, который на предостережения поморов о невыносимости соловецкого жития с улыбкой ответил: «У меня такой Владыка, который и дряхлости дает силы свежей юности, и голодных питает досыта».

Тогда о загадочном отшельнике было лишь известно, что он пришел на поморский берег Белого моря из Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, что на Ладогe, где пробыл немало времени, «прилежно исполняя возлагаемые на него в обители послушания со всяческим смирением, и многим терпением, и великой кротостью».

С сожалением следует заметить, что спустя столетия

информации о началоположнике иноческого жития на Соловках не прибавилось.

Так, в составленном на рубеже XV—XVI веков игуменом Досифеем и митрополитом Киевским Спиридоном Житии преподобного Савватия описание детских и юношеских лет великого подвижника отсутствует вообще. Тут прямо сказано: «А из какого города или селения были его родители, этого мы не знаем точно, ведь много лет прошло до нынешнего написания. И не смогли узнать мы, в каком возрасте он принял иноческий образ».

Дело в том, что изначально послушание составления Жития святого Савватия было возложено на соловецкого агиографа, игумена Досифея — ученика преподобного Зосимы Соловецкого и келейника преподобного Германа Соловецкого. Однако записанное со слов старцев повествование о начале иноческого жития на острове таинственным образом пропало: якобы его взял почитать некий белозерский священник и так и не вернул.

Второй подход к написанию Жития Савватия Соловецкого был осуществлен уже после смерти Зосимы и Германа все тем же Досифеем по благословию новгородского архиепископа Геннадия, бывшего в молодости учеником преподобного Савватия (они виделись и общались на Валааме). Собранные воспоминания, по признанию самого агиографа, требовали профессиональной редакции, которую с блеском осуществил митрополит Спиридон, по прозвищу Сатана, находившийся на тот момент в заточении в Рождества Богородицы Ферапонтовом Белозерском монастыре.

Несовершенство памяти рассказчика (Досифея Соловецкого), путаница в фактах и датах, наличие нескольких рукописных редакций привели к тому, что окончательный вариант Жития преподобного Савватия выглядел совершенно соответствующим агиографическому канону, избыточным «общими местами», а по той причине абсолютно протокольным, особенно в своей первой части, где речь идет о событиях, предшествующих появлению отшельника в поморском селе Сорока на берегу реки Выг.

Однако обратимся к составленному митрополитом Спиридоном сочинению и попытаемся проанализировать представленные здесь факты.

Свой иноческий путь Савватий (мирское имя подвижника нам неизвестно) начал на берегу Сиверского озера под началом преподобного Кирилла Белозерского в 1396 году. Предположительно здесь будущий Соловецкий отшельник принял монашеский постриг. Однако говорить о том, что это произошло именно в Кирилло-Белозерском монастыре, невозможно, потому как сама обитель святого Кирилла была основана на год позже, в 1397 году.

Скорее всего, пострижение в рясофор произвели сам Кирилл и его сподвижник Ферапонт, который в 1398 году удалится на Бородаевское озеро для устроения здесь Рождества Богородицкого монастыря.

Житие преподобного Кирилла Белозерского сообщает, что место, где поселился подвижник, находилось в глухом бору, в чаще, где никто раньше не жил. «Святой же... выкопал в земле келью и в ней боролся против козней невидимого врага». Со временем к отшельнику стали приходить люди. Нам известны имена некоторых из них — Авксентий, по прозвищу Ворон, Матфей, прозываемый Кукос, а также монахи Московского Симонова монастыря Зеведей и Дионисий.

Вполне возможно, что среди прочих сподвижников Кирилла был и Савватий, который к тому моменту уже прошел все предшествующие пострижению в рясофор этапы монашеского пути — трудничество (работа в монастыре) и послушничество (жизнь в монастыре под мирским именем). То есть он пришел к подвижнику-аскету на берег Сиверского озера, уже имея за плечами некоторый опыт монастырского служения, а навык валки леса, корчевания пней, строительства земляных келий, полученный под руководством Кирилла и, вероятно, Ферапонта, пригодился Савватию годы спустя, когда он, вместе с преподобным Германом, впервые оказался на Соловках.

В Соловецком патерике годы нахождения преподобного Савватия в Кирилловой обители описываются следующим образом: «Любим же и прославляем он был всеми местными иноками и самим игуменом монастыря того. За великое его послушание, кротость и смирение все почитали его и называли примером добродетельной жизни для братии».

Особую любовь новоначальный инок испытывал к

чтению Евангелия, сочинений аввы Дорофея и Иоанна Лествичника, а также богослужебных книг, которые хранились в монастырской библиотеке. Этот факт дает нам возможность предположить, что Савватий не просто владел грамотой, но принадлежал к числу церковных интеллектуалов своего времени. Начитанность, видимо, была одной из черт инока, которая обращала на себя внимание как игумена, так и всей братии.

«Отрекшийся от мира из страха подобен фимиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом... а исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжет сильный пожар».

Эти слова из «Лествицы» преподобного Иоанна Синаита всякий раз заставляли Савватия задуматься об истинном смысле своего иноческого выбора, и поручкой тому были великие современники молодого постриженника, ученики преподобного Сергия. «Излюбивши пустыню, они явили большую отрешенность от мира и его судьбы... — замечает историк и публицист Г. П. Федотов (1886—1951), — взяв на себя труднейший подвиг, и притом необходимо связанный с созерцательной молитвой, они поднимают духовную жизнь на новую высоту, еще не достигнутую на Руси».

Мефодий Пешношский и Димитрий Прилуцкий, Сильвестр и Павел Обнорские, Стефан Махрицкий и Авраамий Чухломский, Кирилл и Ферапонт Белозерские стояли у истоков целой иноческой ойкумены на Русском Севере, которую в 1855 году известный писатель и путешественник А. Н. Муравьев назвал Русской Фиваидой. В своей монографии, опубликованной в Петербурге после поездки по Вологодским землям, Андрей Николаевич писал: «...Многие однако слышали о Фиваиде Египетской и читали в патериках Греческих о подвигах великих Отцев, просиявших в суровых пустынях Скитской и Палестинской. Но кто знает этот наш чудный мир иноческий, нисколько не уступающий Восточному, который внезапно у нас самих развился в исходе XIV столетия и в продолжение двух последующих веков одушевил непроходимые дебри и лесистые болота родного Севера».

Итак, поиск пустынных и необитаемых мест становится отличительной чертой аскетического делания

подвижников так называемой Радонежской плеяды, для которых слова «те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11. 38) являются не самоцелью, но обетованием. Едва ли кто из учеников святого Сергия, как, впрочем, и сам великий старец, был знаком с учением святителя Григория Паламы об исихазме — молчании как основе внутреннего умно-сердечного молитвенного делания, совершаемого в уединении. Однако именно подвижники Северной Фиваиды наполнили идею архиепископа Фессалоникийского Григория Паламы (1296—1359) «о священнобезмолвствующих» особым содержанием, своеобразно переосмыслили ее применительно к русской монашеской традиции, да и к русскому менталитету вообще.

Безусловно, переосмысление это носило интуитивный характер, было результатом не только молитвенной и богослужебной практик, но и условий, в которых эти практики осуществлялись. Речь, разумеется, идет о суровой природе Северной Фиваиды — заболоченные пустоши Вологодчины, непроходимые леса Белозерья и Поонежья, суровый климат поморского берега Белого моря, островная жизнь. В конечном итоге это и есть доведенное до крайности понимание свободы, о которой святой Макарий Египетский говорил: «Как Бог свободен, так свободен и ты; и если захочешь погибнуть, никто тебе не противится и не возбраняет... если захочет человек, делается сыном Божиим или сыном погибели».

Таким образом, возникает закономерный вопрос: где проще умертвить себя — в миру, общаясь с людьми развратными, что, по мысли преподобного Нила Синайского, «гораздо тлетворнее заразной болезни», или погибнуть в дремучем лесу от когтей диких животных, холода, голода и одиночества? Уходя в необитаемые дебри Северной Фиваиды, ученики преподобного Сергия отвечают на этот вопрос однозначно, уповая лишь на Божественное произволение и доскональное знание своих слабостей, немощей и в то же время сильных сторон, ощущение своего сердечного горения.

Интересное объяснение нравственной крепости, по сути неборимости перед лицом нечеловеческих лишений, страданий и козней «началозлобного демона» дает

философ, переводчик, богослов С. С. Хоружий в своем сочинении «Диптих безмолвия»: «Идеи ухода от мира, уединенного подвига, священнобезмолвия очевидным образом несут в себе мощный заряд утверждения индивидуальности. Более того, именно в лоне аскетики и вырабатывались, в своем большинстве, все представления о важности и суверенности всякой человеческой индивидуальности как таковой. Жизненный нерв христианской аскетики — сознание абсолютной ценности личного духовного пути и личной духовной судьбы, и вместе с этим — сознание полной ответственности человека за свой путь и свою судьбу: от тебя самого зависит, что ты есть и что станет с тобой, а итог твоего пути может быть различным в немыслимом, страшном размахе — от Неба до Ада».

В данном случае кротость, послушание, смирение, немногословие становились отнюдь не синонимами слабости и беспечности, но самым парадоксальным и немыслимым образом расширяли такие заповеданные еще аскетами Древней Церкви качества, как внутренняя решимость, дисциплинированность, непреклонность в противостоянии греху, дерзновение в бесконечном и горячем поиске Божественного водительства.

Например, преподобный Кирилл Белозерский, будучи ласков к братии, всеконечно ища уединения, избегая славы и обладая даром слез на молитве, слыл суровым ревнителем благочестия, монастырского устава и внутреннего повседневного распорядка, требовал от иноков неукоснительного исполнения возложенных на них послушаний, при этом к себе был строг «паче инех», также почитал келью первым другом священнобезмолвствующего (старец часто повторял: «Первее в келью иди, и келья всему научит тя»), а сердечное горение в вере — основой монашеской жизни.

Общаясь с преподобным Кириллом, Савватий, можно утверждать, имел перед глазами пример почти безупречный, почти святоотеческий, но при этом абсолютно живой, совершенно лишенный налета дидактического высокомерия. Например, все насельники Кириллова монастыря и сподвижники великого отшельника не просто хорошо знали, но и прекрасно помнили те времена, когда преподобный старец, совершая послушания наравне с прочими иноками (валка

леса, заготовка дров на зиму, сбор хвороста, работа на огороде), трижды чудесным образом избежал неминуемой гибели, но при этом не возгордился, не вознесся, почитая себя полностью неуязвимым по воле Божией, но еще более сосредоточился на внутренней молитве и борьбе с вражескими, читай: дьявольскими, кознями, коим особенно подвержен всякий монах.

Впрочем, по мысли преподобного Иоанна Кассиана (360—435), «не внешнего врага (пожара, нападения разбойников и лютых зверей) надобно бояться; враг наш заключен в нас самих. Почему и ведется в нас непрестанно внутренняя война («невидимая брань»). Одержжи мы в ней победу, — и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно, и все будет ему покорно. Нечего будет бояться врага во сне, когда то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу».

Таким образом, «внутренний враг» кроется в малом, но насущном, ежедневном, бытовом, если угодно, незаметно, но неотвратимо поработщает, и лишь опытный монах умеет распознать его и вовремя отсечь все пагубные искушения.

Так, тяготясь вниманием и уважением братии, а также вниманием и почитанием приходивших в Кириллову обитель на Сиверское озеро многочисленных паломников, Савватий, не желая впасть в «рабство славы», просит игумена благословить его уход из монастыря на Ладожское озеро, на остров Валаам, где его никто не знает и где можно укрыться от всеобщего восхваления и восхищения.

В Житии преподобного об этом эпизоде его монашеского служения сказано следующее: «И начал он просить игумена сам и молитвами братии, чтобы отпустил его с благословением. Ибо слышал от неких странников такой рассказ: “Есть в Новгородской земле озеро, называемое Ладожским, а на том озере — остров, именуемый Валаам. На том острове стоит монастырь Преображения Господа нашего Иисуса Христа. Проводят там иноки жизнь очень суровую: пребывают в тяжелых трудах, и все делают своими руками — и от этих трудов нелегкую пищу себе добывают, песнопения же и молитвы беспрестанные Богу принося”. От этого известия уверился в своем стремлении раб Божий Савва-

тий и появилось у него боголюбивое желание там поселиться».

Далее источник сообщает, что, «тяжко скорбя, простилась братия Кирилло-Белозерского монастыря со святым старцем».

Думается, что выбор именно Спасо-Преображенского Валаамского монастыря был не случаен. К тому моменту, когда Савватий принял решение удалиться в обитель на Ладогу, а это рубеж XIV — XV веков, островных монастырей на Русском Севере было всего четыре — Спасо-Каменный на Кубенском озере (в 80 километрах от Кирилловой обители), Рождественский Корнилиев Палеостровский на Онеге, Рождества Богородицы Арсениев Коневецкий и Валаамский на Ладоге.

Из перечисленных Валаамский и Спасо-Каменный были древнейшими, что объясняет наличие двух северных монашеских школ в смысле круга молитвенного и бытового общения, особенностей жития, исторической и канонической преемственности, а также традиций и стиля жизни местного населения.

Спасо-Каменный монастырь был основан в 1260 году князем Глебом Васильковичем Белозерским и Ростовским (1237—1278) по обету, данному во спасение от «лютой бури», в которую попал князь на Кубенском озере. К тому моменту здесь уже подвизались отшельники, но когда и откуда они пришли на остров Каменный, неизвестно.

Паисий Ярославов, постриженник Каменской обители, а впоследствии игумен Троице-Сергиева монастыря, в своем «Сказании о начале Спасо-Каменного монастыря» время расцвета обители связал с именем игумена Дионисия Грека (Цареградского) (ум. 1425), пришедшего на остров при князе Дмитрие Ивановиче Донском из Константинополя и установившего в монастыре Афонский устав. Последнее обстоятельство во многом сформировало Спасо-Каменскую иноческую школу, которую отличали строгий аскетизм, нищелюбие, а также любовь к «книжному мудрованию».

Такие подвижники, как Дионисий Глушицкий, Александр Куштский, Евфимий Сянжемский, Иоасаф и Пахомий Каменские, по сути, встали у истоков движения «заволжских старцев», или «нестяжателей», движения, которое впоследствии возглавил преподобный Нил

Сорский, вступив в непримиримую полемику с «иосифлянами» — сторонниками его великого современника преподобного Иосифа Волоцкого.

Именно при Дионисии Греке Спасо-Каменный монастырь стяжал славу авторитетного духовного центра Ростовских и Белозерских земель, о нем хорошо знали и в Москве.

Известно, что еще до своего отбытия на Кубенское озеро Дионисий был тепло принят в Москве при дворе князя Дмитрия Донского, где он получил келью в Богоявленском монастыре. По мысли исследователя эпохи Дионисия Грека А. Е. Тарасова, «размещение именно в Богоявленской обители было не случайным... в то время монастырь был тесно связан с московской политической элитой».

Итак, поддержка и покровительство великих московских князей (Дмитрия Ивановича Донского, а после его смерти Василия I Дмитриевича) превратили эту небольшую островную обитель, затерянную в Вологодских лесах, в место паломничества, а также значительных денежных пожертвований. Именно здесь в 1481 году возводится первый в Русской Фиваиде каменный Спасо-Преображенский собор.

Вне всякого сомнения, Савватий, размышляя в Кирилловом монастыре о большем уединении, не мог не знать о событиях, происходивших на Кубенском озере. С одной стороны, как мы видим, строгий Афонский устав, островное житие и крепкие аскетические традиции братии не могли не привлекать инока. Но с другой — пристальное и порой докучливое внимание столичного политического истеблишмента, частые визиты высоких гостей, а также систематическое посещение монахами братии Москвы и Ростова по делам хозяйственным в конечном итоге склонили Савватия к мысли о том, что должно удалиться еще дальше на север, в место дикое и уединенное.

Таким местом и стал Валаам на Ладожском озере.

О том, что застал на острове Савватий, мы можем судить лишь опосредованно. В частности, в Житии преподобного Александра Свирского, подвизавшегося на Валааме в 70-х годах XV века, сказано, что иноческие кельи были построены там довольно удобно, каждая имела предсение, а для приходящих в обитель существ-

вовала вне монастырской ограды гостиница. К этому времени было завершено строительство «великой и зело прекрасной и превысокой» каменной церкви во имя Преображения Господня. Следовательно, в 10-х годах XV столетия, скорее всего, в обители шли восстановительные работы после разорительных шведских набегов и многих лет разорения и запустения, следовавших за ними.

Савватий, прошедший суровую монашескую школу под началом преподобного Кирилла Белозерского на берегу Сиверского озера, с радостью и внутренним спокойствием воспринял происходящее. Подвижника не могла не радовать эта труднодоступная «пустыня», на тот момент слишком удаленная от мира, чтобы стать центром паломничества и, как следствие, излишнего внимания, почитания и прочих искушений, которые отвлекают от постоянного молитвенного усилия и подвергают опасности «хранение духа». Ведь согласно учению святителя Григория Паламы процесс стяжания благодати не может носить накопительный характер, ибо каждый новый день приносит новое усилие в борьбе с собственным несовершенством и всякое ослабевание в этом усилии, в этом молитвенном трезвении может привести к победе «злокозненного диавола».

В 50-х годах XX века известный богослов, литургист, православный мыслитель архиепископ Василий (Кривошеин) очень точно объяснил этот феномен неостановимого бегства из мира: «Пока человек живет, он всегда может пасть. Никакое состояние святости, никакое богатство благодати не обеспечивают его от возвращения греха». И Житие преподобного Савватия передает это великое нравственное напряжение отшельника, это постоянное бодрствование, этот неустанный надзор духа за самим собой:

«И жил там вместе с братиею, в трудах пребывая и к трудам труды прилагая; и был любим всеми. И пробыл там немало времени, прилежно исполняя возлагаемые на него в обители послушания со всяческим смирением, и многим терпением, и великой кротостью. И изнурял свое тело, чтобы плоть поработить духу, — и недостаточно ему было трудов этого подвига... Игумен же и братия той обители, видя его в таком внутреннем устройении, столько времени неуклонно в трудах пре-

бывающего, дивились и говорили про себя: “Что делать? Видим, как этот (брат) подвизается, ничего не говоря, и с каким усердием работает здесь без всякого прекословия, словно некий раб, не имеющий выкупа. Воистину, это и есть раб Божий и великий делатель заповедей Его”. Услышал эти слова блаженный Савватий и тяжело ими опечалился, ибо более всего ненавидел похвалу человеческую. И сказал себе: “Что мне делать? Какой найти выход? Ведь я за свои грехи предал себя тому же осуждению, что и прародитель в раю. Но сам Владыка Христос нам этот пример показал и заповеди оставил: будучи богат, ради нас обнищал, чтобы мы его нищетою обогатились. Эти повеления и заповеди Его подобает хранить что есть сил, ибо Он сказал пречистыми своими устами: ‘Тот, кто хочет за Мной идти, пусть возьмет крест свой и следует за Мной’. Лучше мне оставить место это, чем принимать честь и похвалы и покой от таких же, как я, людей — и напрасен труд мой будет; да не случится, что, изнузив тело, лишен буду награды!” Ибо как не может укрыться город, стоящий на вершине горы, но всем виден бывает, так и добродетельных мужей богоугодное житие не сможет утаиться; зывают они к Господу втайне, а Бог их делает явными, ибо сказал: “Славящих Меня прославлю!” Скорбел душою блаженный Савватий, видя себя почитаемым игуменом и всей братией, и помышлял о подвиге безмолвия».

Однако слова преподобного Нила Синайского, аскета и отшельника IV века: «Терпи скорби, потому что в них, как розы в тернах, зарождаются и созревают добродетели», вне всякого сомнения известные Савватию, наполняли его сердце верой в то, что все происходящее с ним на Валааме есть проявление промысла Божьего, и всякое смятение, роптание не будут оставлены без вразумления. Можно предположить, что таким назидательным примером преподобному Савватию стало неожиданно возложенное на него послушание — духовное водительство молодого инокa Геннадия, прибывшего на остров из Москвы. О новоначальном Геннадии было известно, что он происходил из боярского рода Гонзовых, был «муж сановитый, умный, добродетельный и сведущий в Священном Писании». Видимо, последнее обстоятельство и стало определяющим в том, что в духовники Геннадию назначили

именно Савватия, известного любителя книжного богомыслия.

Годы спустя в сане архимандрита Геннадий возглавит Московский Чудов монастырь, а в 1485 году будет возведен на архиепископскую кафедру Новгорода Великого. С именем Геннадия Новгородского будет связана бескомпромиссная борьба с так называемой «ересью жидовствующих». И, наконец, именно Геннадий благословит написание Жития своего учителя преподобного Савватия Соловецкого.

Ежедневное памятование о смерти, без которого любой, самый возвышенный аскетический подвиг может привести к гордости, самомнению и тщеславию, становится для Савватия обязательным правилом. Старец все более и более приходит к пониманию того, что священнобезмолвие и умная молитва представляют собой постоянную работу над человеческой природой, способной приноравливаться к самым немислимым внешним условиям бытования, а следовательно, быть подверженной впадению в крайности — от проявлений добра до погружения в глубины крошечного зла.

Преподобный Антоний Великий (251—356), основатель отшельничества, писал: «Рассматривая превратность жизни человеческой и неизвестность ее конца, мы устранимся таким рассматриванием от греха. Когда встаем от сна, то вполне сомнительно — достигнем ли вечера. Опять, когда желаем успокоить тело сном, столько же ненадежно — увидим ли свет наступающего дня. Размышляя о неверности наших жизни и естества во всех отношениях, мы достигаем познания, что Божий Промысл управляет нами. Тогда перестаем согрешать и увлекаться положениями пустыми и тленными, тогда не прогневаемся ни на кого, не стремимся к собранию земных сокровищ, попираем все тленное страхом могущего ежедневно последовать отшествия отсюда и непрерывным размышлением о разлучении души с телом».

Таким образом, согласно учению святых Отцов Церкви ничто в человеческой природе не хорошо и не дурно само по себе, но все может быть употреблено как во благо, так и во зло, все может находиться и в благом, открытом для благодати, и в пагубном, открытом ко греху, состоянии. Постоянная же «работа сердца», явленная

в молитвенных и прочих аскетических упражнениях, направлена на то, чтобы все элементы человеческой природы и все способности человека перевести от пагубного сиюминутного к благому, вечному устроению. Это и есть «собрание» воедино тела, души и ума. Однако чем больше опыт и чем выше возведенная башня знания, тем больше возможность впасть в искушение и упасть вниз.

«Сердце мое затрепетало, и боязнь смерти напала на меня. Страх и трепет нашел на меня, и покрыла меня тьма. И я сказал: кто даст мне крылья, как у голубя, и полечу, и успокоюсь? Вот я, убегая, удалился и водворился в пустыне. Ожидал я от Бога спасения мне от малодушия и бури».

Эти слова из 54-го Псалма становятся в Житии преподобного Савватия решающими для понимания его внутреннего состояния на тот момент, его дум о некоем необитаемом острове, где можно было бы достичь окончательного безмолвия.

Читаем в Житии: «И начал просить с молитвой игумена и всю братию, чтобы отпустили его с благословением на поиски того острова. Они же нимало не уступили его мольбам и не захотели отпустить его из-за добродетельного его жития, ибо понимали, что он “истинный раб Божий”, в облике и делах его видели величайший для себя образец и потому большой для себя утратой считали уход праведного. А у него сердце разгоралось стремлением уйти в желаемое место — в Богом дарованный покой, чтобы сказать с Давидом вместе: “Вот покой мой, здесь поселюсь. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо благоволил тебе Бог”. И пребыл он (в монастыре) еще немного времени и размышлял про себя, как бы ему добраться до острова того.

Но поскольку не смог он умолить игумена и братию той обители, чтобы отпустили его с молитвой и благословением, то положился на волю Божию... И осенил себя крестным знамением, говоря: “Господи Иисусе Христе, Боже, Сыне и Слово Отчее, родившийся от предвечного Отца прежде всех век и от Пречистой Девы Богородицы непреложно вочеловечившийся, неизреченное рождество имеющий на небесах, горе, и несказанно на землю сошедший! Владыко, не пришел

спасти спасаемых, но призвать грешных на покаяние! Наставь меня, Господи, на путь, которым пойду, ибо к Тебе возношу душу мою, и спаси меня, уповающего на Тебя!» И, утаившись от всех, ушел ночью из монастыря, неся с собой молитвы отеческие и полагаясь на волю Божию. Вырвался, как птица из петли или как серна из сети, — и очень был этому рад».

Дерзновение, с которым Савватий без благословения игумена покидает Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, потому как не может более скрывать свою любовь к безмолвию и выносить томление от непонимания со стороны братии, можно трактовать поразному.

С одной стороны, это смелость, которую святой праведный Иоанн Кронштадтский называет «великим сокровищем души», — качество, без которого невозможно ведение духовной брани и, что немаловажно, невозможно побеждать в этой брани. Но с другой стороны, послушание и неподчинение старшему, более опытному и всеведущему собрату по иноческому обществу таит в себе многие опасности.

Итак, как мы видим, Савватий оказывается на нравственном и духовном перепутье, вновь подвергается испытанию свободой выбора.

Интересно заметить, что данный эпизод представляется во многом архетипическим для аскетической традиции Северной Фиваиды в целом. «Сердечное горение» и неукоснительное соблюдение монастырского устава, предощущение и предвидение собственного индивидуального пути — и в то же время осознанное вступление во взаимодействие со злокозненными, началозлобными и искусительными силами при полном уповании при этом на Божественное предстательство.

Спустя более чем два века эта история (история бегства) повторится. Однако местом действия на сей раз будет остров Анзер на Белом море, а действующими лицами — преподобный Елезар и иеромонах Никон, будущий патриарх Всероссийский.

Тогда отплытие Никона из Троицкого скита Соловецкого монастыря без благословения настоятеля (по сути бегство), страшная морская буря как закономерное воздаяние за содеянное, чудесное спасение на острове

Кий и установка на нем поклонного креста в знак полного раскаяния в содеянном, безусловно, станут примерами проявления крайнего дерзновения, граничащего даже с надменностью и самоволием, но при этом хранящего эсхатологическое напряжение отшельника в рамках пути «тесного и прискорбного» (Мф. 11, 30).

Впрочем, Савватию повезло больше.

Без драматических событий и приключений он добрался до берега и, как сказано в его Житии, «отправился в долгий путь; ибо было расстояние от Валаамского монастыря до берега морского (побережья Белого, или Дышащего, моря. — М. Г.) около семисот верст или более. И сопутствовала ему Божия помощь, и храним был действием Святого Духа, и до самого моря направляем благодатью Христовой».

К сожалению, мы не располагаем никакой информацией о том, каким образом подвижник добрался до Поморского берега Белого моря. Известно лишь, что Савватий остановился в устье реки Выг близ села Сорочка, которое располагалось на нескольких небольших островах, разбросанных в дельте Онежской губы.

Какое-то время старец (в Житии сообщается, что на Выге Савватий был уже в преклонных годах) жил в небольшой часовне, видимо, сооруженной ранее. Здесь он посвящал время сосредоточенной молитве, а также изучению местности, знакомству с населением, его обычаями и привычками, расспрашивал у рыбаков-поморов о некоем таинственном острове, расположенном в двух-трех днях пути от Большой земли. Остров этот назывался Соловецким.

Читаем в Житии подвижника: «И стал он расспрашивать живущих в Помории людей о местоположении Соловецкого острова и насколько удален он от берега. И рассказали ему местные жители, селившиеся напротив того острова, что лежит этот остров в море от берега недалеко, но что, плывя при попутном ветре, с трудом за два дня достигают его. А блаженный Савватий со многим усердием обо всем их подробно расспрашивал: о величине острова, о деревьях, о пресной воде и о всяких особенностях».

Поняв, что Савватий замыслил уединиться на Соловках, кто-то из местных в недоумении воскликнул: «О старче, остров тот велик и во всем пригоден для

обитания людей. Но издавна хотели там многие люди поселиться, а жить не смогли из-за страха перед морскими опасностями... к тому же видим тебя, о монах, в совершенном убожестве и нищете, чем же ты <там> будешь питаться и во что одеваться?»

Ответ отшельника, прозвучавший тогда (мы уже приводили его), поразил многих: «У меня такой Владыка, который и дряхлости дает силы свежей юности, и годоводных питает досыта».

Пожалуй, эти слова в полной мере передают истинное осмысление преподобным Савватием свободы, к которой он так долго шел сквозь дебри и болота Северной Фиваиды, сердечное приятие того, что «души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их» (Прем. 3, 1), и нет никакого страха, кроме страха Божьего, о котором святой Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) сказал: «Страх Божий собственно не боязнь Бога, а боязнь отпасть от Него и впасть в грехи страсти».

На берегу реки Выг Савватий встретил «некоего черноризца» по имени Герман, что родом «из карел».

Из Жития преподобного известно, что Герман пришел на Поморский берег Белого моря из Тотмы, здесь он подвизался некоторое время в уединении и, что интересно, уже ходил на Соловки вместе с местными рыбаками-поморами. Впечатления от посещения острова, которыми он поделился с Савватием, еще более укрепили старца в его желании удалиться в островную пустыню, о которой он мечтал всю жизнь...

...Итак, в один из дней конца лета 1429 года от поморского села Сорока, что располагалось близ устья реки Выг, отчалил карбас. С этих слов, как мы помним, началась наша глава, посвященная преподобному Савватию Соловецкому. Теперь, вернувшись к этому эпизоду из жизни одного из величайших подвижников Русской Фиваиды на Севере, мы начинаем понимать, что именно почувствовал старец, когда Летний и Поморский берега Онежской губы стали постепенно растворяться в мерцающей дымке, а каждый гребок весла, каждое усилие, вложенное в деревянную рукоять, приближало их к заветным Соловкам.

«По Божию смотрению, было их плавание благопо-

лучным, ибо сохранял Бог рабов своих», — сказано в Житии Савватия.

Деталь эта представляется нам немаловажной, потому что тихая, безветренная погода, а следовательно, безмятежное, умиротворенное море во второй половине августа явление здесь совсем нечастое. Однако если мореходам все-таки выпадает такая славная погода, то ощущение, что ты оказался между небом и землей, за гранью, за окоёмом, на своеобразном пересечении миров (особенно когда берега окончательно теряются из вида) накрывает полностью. Разве что обитатели морских глубин — тюлени, могут сопровождать идущий по морской глади карбас, да изредка всплывающие на горизонте гранитные безлесные острова — луды, чем-то напоминающие добрых морских чудовищ, что выходят на поверхность, а затем вновь погружаются на неведомую глубину, где, по верованиям древних саамов, живет Поддонный царь.

Путь на Соловки Савватия и Германа занял три дня. Все эти три дня погода благоволила отшельникам, а точнее сказать, пощадила их: не ввергла в яростную пучину в горловине Онежской губы рядом с Кузовыми островами, не разбила карбас на каменистых отмелях, не подвергла суровому испытанию «толчеей волн» и, наконец, позволила подойти к острову на высоком приливе и зайти в Сосновую губу, расположенную на севере острова.

И Савватий, и Герман, уповая на силу Креста Господня и крепость молитвы, видели в этом едино милость Божию, а также знак того, что путь их верен, а выбор безошибочен.

Далее Житие сообщает: «Вышли они на сушу и там устроили шалаш; и, сотворив молитву, водрузили крест на том месте, где достигли пристанища. И начали осматривать остров, ища место, где бы им хижину себе поставить... Обретя же удобное место, начали строить себе келии вблизи озера, недалеко от моря — на расстоянии одной версты. Была же над тем озером очень высокая гора».

До прибытия на остров Савватий, что и понятно, имел лишь опыт строительства жилища, полученный им на Сиверском озере под началом преподобного Кирилла Белозерского и его учеников. Речь

в данном случае шла о келье-землянке — деревянном срубе, врытом в грунт, а точнее сказать, в подножие холма или горы, что освобождало строителей от лишних земляных работ, а также защищало постройку от ветра, делая одну из стен естественным монолитом. Вспомним, что земляная келья преподобного Кирилла был устроена именно в подошве холма, на котором впоследствии возник Горне-Иоанновский монастырь, входящий в периметр Успенской Кирилло-Белозерской обители.

Вполне возможно, что осмотр места будущего обитания на берегу Сосновой губы проводился именно с таким прицелом. Герман, уже бывший на Соловках с рыбаками и знавший специфику местных каменистых почв и местного влажного климата, скорее всего, предложил Савватию вариант кельи-полуземлянки наподобие поморской *вежи*, вход и часть несущих стен которой выложены валунами, щели заткнуты мхом или просушенными водорослями, а потолок застелен дерюгой, лапником и плотно подогнанными друг к другу зачищенными от коры стволами деревьев. В такой полуземлянке, лишь незначительно углубленной, но более вписанной в местный рельеф, можно было только сидеть или лежать.

Впрочем, согласно учению святых Отцов и аскетов Древней Церкви, чем стесненнее будут условия, в которых спасается отшельник, чем более его келья будет напоминать гроб, тем вернее будет памятование смерти, «ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу и омерзение ко греху» — слова преподобного Исихии Иерусалимского (ум. 432).

Заметим, кстати, что кельи-полуземлянки, обложенные валунами, сохранялись на острове вплоть до 20—30-х годов XX столетия. Их обнаруживали заключенные Соловецкого Лагеря Особого Назначения в самых непроходимых и безлюдных местах Большого Соловецкого острова. В частности, сохранился рисунок «Келья отшельника на Зеленых озерах», выполненный членом Соловецкого общества краеведения, сотрудником Соловецкого музея Александром Афанасьевичем Евневичем (1881—1937).

Меж тем, следуя за более чем сдержанной информацией, содержащейся в жизнеописании Савватия, а также анализируя другие источники, можно предположить, что осмотр острова в поисках, «где бы им хижину себе поставить», уводит пустынников от места их непосредственной высадки на Соловки.

Сейчас на этом месте (пологий берег озера Долгого) находится Савватиевский во имя Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии скит 1858—1890 годов постройки, где до 20-х годов XX века хранились каменный келейный крест преподобного Савватия и образ Богородицы Одигитрии, с которым старец прибыл на остров в 1429 году.

Эта деталь нам представляется весьма важной.

Дело в том, что по традиции отшельники, уходившие в пустыню, всегда брали с собой в дорогу, которая порой обещала быть смертельно опасной, келейный образ как залог постоянного богообщения и непрестанной молитвы, совершаемой в любое время дня и ночи, при любом состоянии души и тела. Преподобный Никита Стифат (ок. 1005 — ок. 1090) писал в этой связи: «Твердо знай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем, ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтобы можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении и уразумевается только умеющими уразумевать сие».

Вне всякого сомнения, первое, что сделал Савватий, высадившись на берег (об этом сказано и в его Житии), — сотворил молитву перед образом Божией Матери. Таким образом, это место и стало своеобразной точкой отсчета иноческого служения на Соловках.

Затем, разместив икону в шалаше (о нем тоже идет речь в Житии), чтобы укрыть святыню от дождя, ветра и диких животных, отшельники отходят на поиски места, где можно устроить жилище. Упоминание об «очень высокой горе» наводит на мысль о том, что Савватий и Герман обретают это место если не у самого подножия горы Секирной (а речь идет именно об этой горе, впрочем, на тот момент еще не имевшей такого названия), то в самой непосредственной от нее близости.

Глава вторая

Одиночество, приносящее жизнь

Поморские тайны острова. — Остров ветров. — Соловецкая зима. — Распорядок дня отшельника. — Смоленская Одигитрия. — Абсолютный покой. — Пасха на Соловках. — 1430 год. — Легенда о Секирке. — Михайло-Архангельская часовня. — Один на острове. — Отбытие Германа на материк. — Молитвенное правило Савватия. — Нафанаил. — Служба мирским чином. — Евхаристия. — Подвиг сверхъестественного ожидания. — Предсказание Иоанну. — Кончина Савватия. — Герман на Суме. — Зосима. — 1436 год. — Святое озеро

Осень 1429 года выдалась мгlistой и холодной.

Теплые и тихие дни конца лета сразу после Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, буквально на следующий день, сменили проливные дожди и пронзительный северко. А потому почерневший и разбухший лес на склонах Секирной горы тут же и загудел, словно ожил, завыл страшно, стараясь перепеть, перекричать далекий и постоянно висящий в воздухе рев моря.

Нет, не перепеть и не перекричать ему Поддонного царя, в ярости швыряющего хлопья пузырящейся морской пены на прибрежные луды и огромные, напоминающие диковинных морских животных валуны. Только разрываемое порывами штормового ветра низкое небо может быть ему достойным соперником.

Еще на материке, в Сорочке, местные рассказывали Савватию о том, что, бывая на острове Соловецком, они слышали здесь человеческие голоса и детский плач, которые, однако, более напоминали собачий вой и уханье филина, но никогда при этом никого не видели, будучи совершенно уверены в том, что место это не обитаемо людьми, но населено мертвыми, пребывающими на острове испокон веку.

Более того, поморы утверждали, что еще в глубокой древности, по рассказам их прадедов, Соловки были местом «силы», обиталищем духов, которым по прибытии на остров следовало приносить жертву, чтобы задобрить их. Если же этого не происходило, то никто из

живых больше не возвращался на Большую землю, навсегда сгинув в морской пучине или заблудившись в дремучих Соловецких лесах.

Савватий слушал эти рассказы, прекрасно понимая, о чем и о ком ему повествуют его собеседники и с чем и с кем ему придется столкнуться на острове, издревле почитаемом языческим капищем.

В качестве своеобразной иллюстрации дум отшельника можно привести знаменитую миниатюру из лицевой соловецкой рукописи конца XVI века, на которой изображены на тот момент еще деревянный монастырь, монахи, занятые ловлей рыбы, а также лесная чаща, стволы деревьев в которой состоят из бесов, что склонились и пристально наблюдают за трудами иноков.

Стало быть, речь идет о сознательном выборе подвижника, который, безусловно, знал достаточное количество примеров, когда демоны подвергали монахов-отшельников самым лютым мучениям, доводили их до безумия, а порой даже и убивали. Но он не устранился, уповая лишь на Того, ради Которого и совершал свой аскетический подвиг.

И вот теперь целый хор этих воплей и стонов, карканья и рычания, голосов и нечленораздельных звуков навалился на обложенные мхом и лапником, засыпанные облетевшими листьями кельи-землянки соловецких отшельников.

Читаем в Житии преподобного Савватия: «И стал преподобный усердно к трудам труды прилагать, разгоревшись теплотой духа, оттого что исполнилось желание сердца его, и радуясь. К горнему своей ум устремляя и плоть повиную духу, предавался он всенощным стояниям и беспрестанным молитвам, поучаясь всегда в псалмах и пениях духовных, поя Господу в сердце своем».

Можно утверждать, что упомянутые «всенощные стояния» и «беспрестанные молитвы» не есть дань рутинной житийной топике, без которой описание трудов подвижника недопустимо. Тут дело в другом, а именно в том, что митрополит Спиридон (автор Жития) подобным, завуалированным образом обращает внимание читателя на то, что козни «началозлобных демонов» крепки и «невидимую брань» с ними Савватий ведет постоянно — денно и ночью.

От дня Усекновения главы Иоанна Предтечи до Кре-

стовоздвижения в ту осень дули нескончаемые северо-восточные ветры, разгонявшие рваные, напоминающие косматые бороды облака, ломавшие деревья, грохотавшие в ветвях и на море, приносившие заряды тяжелого мокрого снега... Ежедневные труды, о которых в Житии сказано: «И так трудились они с другом своим Германом, землю копая мотыгами, и этим питались... нелегким трудом пищу себе добывали и, как сказано, “в поте лица ели хлеб свой”... и питал их Бог со многим обилием», а также постоянная молитва стали для пустынножителей единственным условием выживания на острове.

Скорее всего, та первая зима, проведенная Савватием и Германом на Соловках, была самой тяжелой, когда каждый прожитый день мог стать последним и каждое приложенное усилие — будь то заготовка дров и хвороста, или расчистка снега, добыча пресной воды, или ремонт келий — могло превысить человеческую меру, лишив инока жизненных сил. Но, как сказал Евангелист, «Бог не посылает нам испытаний сверх меры, но долготерпит нас, чтобы никто не погиб, но все имели жизнь вечную» (Иоан. 3, 16).

Таким образом, упование на милость Божию, ежедневное настойчивое, напряженное получение единственно верного знания о том, что по силам, а что недоступно монаху, а также поиск ответа на вопрос — где та неуловимая грань между своеволием и смирением, дерзновением и тщеславием и явились теми спасительными «альфой» и «омегой» соловецких отшельников, когда «муж в трудах трудится собою и изнуждает погибель свою» (Притч. 16, 26).

Соловецкую зиму принято считать относительно мягкой (средняя температура самого холодного месяца — февраля — минус 10,1°). Трескучие морозы здесь явление редкое. Наибольшие же неудобства приносит постоянное морское дыхание, ощущаемое своей сыростью и ветрами, которые даже самый небольшой мороз могут превратить в лютую стужу, а самый незначительный снегопад — в непроходимый и непроглядный буран, после которого остаются гигантские заносы, впрочем, довольно быстро тем же самым ветром и раздуваемые.

Следует заметить, что в глубине острова, особенно тихими солнечными (но очень короткими) днями, су-

рового морского дыхания почти не ощущается, а огромные сугробы, порой в человеческий рост, спасают от резких перепадов температуры, вымерзания почвы и ветра, который, пройдя по верхушкам деревьев и вершинам островных круч, вновь уходит на побережье, превращая подтаявший на солнце снег в толстую ледяную корку.

И почти сразу наступает ночь...

Аскеты Древней Церкви, а вслед им и подвижники Северной Фиваиды рассматривали ночное время суток как период наиболее напряженный и одновременно призрачный, поскольку во сне «трезвение» мысли, «собрание воедино тела, души и ума» невозможны, и, следовательно, монах более всего оказывается подвержен осквернению разного рода нечистыми помыслами и лукавыми видениями.

«Сон есть как бы сжатие естества, образ смерти, бездействие чувств. Сон один, но много имеет начал...» — утверждает преподобный Иоанн Лествичник.

Следовательно, бегство этого «многоначалия» и праздности, строгое соблюдение дисциплины, сосредоточенность, исключение многословия и излишнего мудрования были заложены Савватием в распорядок островного жития, как это было заведено и в Кирилловом монастыре на Северском озере, и в Спасо-Преображенской обители на Валааме.

Предположительно, распорядок мог быть таким: подъем в пять часов утра, совершение молитвенного правила в келии или у поклонного креста, установленного Савватием и Германом на берегу Долгого озера, выполнение возложенных на себя послушаний, чтение Часов, в полдень — трапеза, вновь труды по хозяйству, повечерие с чтением Акафиста, вкушение пищи, молитвенное правило на сон грядущему. По воскресным и праздничным дням — в шесть часов утра чтение Часов, обедница, трапеза, выполнение послушаний, вечернее богослужение с Акафистом и молитва на сон грядущему.

Также обязательное ежедневное правило старцы совершали у образа Смоленской Божией Матери Одигитрии, с которой они прибыли на остров.

Известно, что до 1543 года эта икона считалась утраченной, но была чудесным образом обретаема будущим соловецким игуменом, а впоследствии и митрополи-

том Московским Филиппом (Колычёвым), и до 20-х годов XX века хранилась в Савватиевском скиту.

Итак, как мы видим, установленный внутренний распорядок был составлен таким образом, чтобы максимально спрессовать каждодневное бытование инока, оставляя лишь самые незначительные отрезки времени на отдых и самосозерцание. Время как таковое (время на сутки и времена года), а также природные явления и катаклизмы, по сути, не воспринимаются отшельником как нечто сверхъестественное и драматическое, но вписываются в единое уставное чинопоследование, для которого нет ни жары, ни холода, ни проливного дождя, ни лютого шторма, совершенно укрепляя «неподвижность души на худое» (авва Фаласий Ливийский (ум. 660)).

Святитель Григорий Палама сравнивает это состояние человека с абсолютным покоем, «исихией», когда внешние раздражители (явления природы, недуги физические и душевные) не властны над священнобесмолвствующим, который необорим в своем внутреннем постоянстве. И действительно, всё в скиту или в уединенной пещерной келии исполняется неизменно, согласно чину, ибо именно эта неизменность, цикличность и являются залогом монашеской преемственности, берущей свое начало еще от аскетов и отцов-пустынников Древней Церкви, чей пример был вдохновляющим и для Отцов Киево-Печерской лавры, и для преподобного Сергия Радонежского, и для преподобных Кирилла и Ферапонта Белозерских, и для многих других отшельников Русской Фиваиды на Севере.

Так, годовой праздничный цикл, строго соблюдаемый в любом иноческом общежитии, не только играет ритуальную и богослужебную роль, но и формирует быт, уклад жизни, подчиняя его церковному календарю, а посему наполняя его (быт) особым мистическим содержанием.

Мы можем лишь представить, какие испытания перенесли Савватий и Герман во время Великого поста 1430 года и чем для отшельников стала та ранняя, первая в их жизни соловецкая Пасха.

Без малого через пять столетий писатель, бывший узник СЛОНа Борис Николаевич Ширяев так опишет последнее празднование Пасхи на Соловках в 1928 го-

ду: «Эта заутреня неповторима... Из широко распахнутых врат ветхой церкви выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окруженных светильниками и факелами, более двухсот иереев и столько же монахов, а далее — нескончаемые волны тех, чьи сердца и помыслы неслись ко Христу Спасителю в эту дивную, незабываемую ночь... С победным, ликующим пением о поправленной, побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно... Пели все... Радость надежды вливалась в их истомленные сердца. Не вечны, а временны страдания и плен. Бесконечна жизнь светлого Духа Христова. Умрем мы, но возродимся! Восстанет из пепла великий монастырь...»

Известно, что в 1857 году на берегу Савватиевского (Долгого) озера, у подножия горы Секирной была воздвигнута Михайло-Архангельская часовня в память о событии, которое во многом определило иноческие труды Савватия и Германа на острове, событии мистическом, но в то же время совершенно обыденном, а потому позволяющем в той или иной мере понять повседневный обиход Соловецких подвижников.

Это событие произошло ранним утром одного воскресного дня 1430 года. В Житии преподобного Савватия о нем сообщается следующее: «...Святой пел заутреню; когда же он вышел покарить у Честного Креста, который водрузил вблизи своей келии для поклонов, услышал он возглас и громкий вопль, взывающий с мольбою. Удивился он и пришел в ужас от того вопля, и позвал Германа из келии, и сказал: “Что это? Как будто слышу вопль человеческий?” Тот же ответил: “Откуда бы мог слышаться этот голос, если здесь никто не живет, кроме нас?” И, осенив себя крестным знамением, пошли они в келию, удивляясь и говоря: “Что это было? Откуда мог быть этот крик?” И, помолившись, закончили утреню. И снова услышали возглас, еще более громкий. Тогда Герман получил от святого благословение и пошел на тот крик.

Придя, нашел он женщину, лежащую и плачущую навзрыд. И спросил ее Герман о причине ее плача: “Жена, что случилось с тобой? Отчего ты плачешь и кричишь?” Она же, с многими восклицаниями, стала рассказывать ему следующее: “Господине отче! Когда я шла на озеро

к своему мужу, встретили меня два грозных юноши со светлыми лицами и стали бить меня прутьями, говоря: 'Уходите скорее с этого острова, ибо не должно вам жить здесь! Но благоволил Бог устроить это место для жизни иноков! Вы же уходите скорее отсюда, да не погибнете здесь злою смертью! Отныне на этом месте будет обитель иноческая и да соберется здесь множество монахов, и имя Божие да прославляется ими на месте этом, и храм во имя Иисуса Христа воздвигнут будет!' И сказав так, невидимыми стали»».

Изгнание, взятое в основу сюжета, сослужило этому эпизоду из жизни началоположников Соловецкой обители, увы, дурную славу. О порке ни в чем не повинной женщины некими «грозными юношами со светлыми лицами», кажется, слышали даже те, кто ни разу не бывал на Соловках, а посему не вполне корректная с бытовой точки зрения ситуация вызывает кривотолки и ошибочные трактовки.

Самое главное, как нам видится, — восстановить в данном случае правильную последовательность (хронологию) событий и разобраться в мотивации поступков всех участников этой истории.

То обстоятельство, что Савватий и Герман пережили на острове зиму и не вернулись на материк, скорее всего, взбудоражило умы обитателей Поморского берега Белого моря: ведь такого в их практике еще не было.

В Житии сообщается, что «увидели же это люди, живущие на побережье, что поселились иноки на острове Соловецком; и те, что селились напротив того острова, начали им завидовать и захотели изгнать их с острова, говоря так: "Мы самые близкие в Карельской земле кровные наследники острова этого. Будем же владеть им как своим отцовским наследием — себе и детям нашим и в будущие лета родов наших, а этих пришельцев прогоним с места того". И, посоветовавшись, послали на остров одного из карельских жителей с женой и детьми. Он же пришел на остров по совету своих соседей; и начали они строить себе дома, чтобы было где жить, и стали по озерам рыбу ловить. Преподобный же Савватий не знал об их приходе на остров, так же, как и друг его Герман».

Последняя фраза представляется чрезвычайно важной, потому что в полной мере объясняет абсолютное

отсутствие какой бы то ни было агрессии отшельников по отношению к возможным переселенцам с материка. Они просто не знали, что на остров, площадь которого составляет 246 квадратных километров, прибыл кто-то еще.

Для Савватия и Германа Соловки были той пустыней, которую они обрели в результате многолетних духовных опытов, в результате самопринуждения и воздержания, местом, указанным свыше, а следовательно, не могущим быть воспринятым как некая собственность, за которую следует бороться.

Озеро Долгое, келья-землянка, поклонный крест у подножия Секирной горы были символами крайнего нищелюбия и бедности, которых по воле Создателя аскеты могли лишиться в любую минуту. Но в то же время они могли и возвеличиться, полностью пребывая в руках Божественной воли, стяжая ее ежедневными трудами, постом и молитвой. Очень точно описывает это состояние безбытности, нестяжания и невещественности святитель Иоанн Златоуст: «Бедность — великое стяжание для тех, которые мудро переносят ее; это сокровище некрадмое, жезл несокрушимый, приобретение неоскудеваемое, убежище безопасное».

Поморы же, прибывшие на остров летом 1430 года, не могли не знать, что это «урочище мертвых» не предназначено для той обыденной жизни, к которой они привыкли и которую вели на материке. Более того, ведь это именно они отговаривали Савватия от Соловецкого жития, ссылаясь на печальный опыт своих предков, так и не смогших в силу таинственных и непонятных им причин переселиться сюда.

Однако зависть и надменность, гордость и любопытство (вполне узнаваемые человеческие качества) сделали свое дело. Желание доказать, что в жизни отшельников нет ничего особенного, что так может каждый, берет верх не только над здравомыслием, но и над инстинктом самосохранения.

Таким образом, видение, которого удостаивается жена помора, становится закономерным воздаянием за попрание установившегося на протяжении веков порядка вещей на острове и за отпадение от знания о том, что это «Остров мертвых», на котором нет места живым. По сути, изгоняя поморов с Соловков, ангелы спа-

сают им жизнь, делая старцев-отшельников участниками уже лишь финала этой истории.

Совершая молитвенное правило у поклонного креста, Савватий слышит крики и женский плач. Это позволяет предположить, что кельи старцев находились в непосредственной близости от подножия Секирной горы, потому что именно здесь и произошел уже известный нам инцидент. Итак, Герман обнаруживает рядом со своей кельей плачущую женщину, которая и рассказывает ему о происшедшем с ней. Показательно, что старец выслушивает этот рассказ, не произнося при этом не единого слова, то есть как бы становясь безмолвным свидетелем свершившегося, ни в коей мере не осуждая несчастную, но лишь мысленно сочувствуя ей, понимая, от скольких бед и непосильных испытаний оградили семью рыбака «два грозных юноши со светлыми лицами».

Спустя 427 лет на этом месте и будет воздвигнута Михайло-Архангельская часовня, которая станет не только местом молитвенной памяти о чуде, свершенном Архистратигом Михаилом в Хонех, но и возможным указателем на то место, где могли находиться кельи преподобных Савватия и Германа.

Далее Житие сообщает: «Прошло несколько лет (всего на острове Савватий и Герман провели шесть лет. — *М. Г.*), и Герман испросил, по обычаю, у святого благословение, чтобы отправиться на побережье и на Онегу-реку ради некоторых надобностей. И, уйдя туда, задержался. Старец же Савватий один остался на острове и жил так долгое время. Сперва погрустил он в помыслах об уходе Германа, но потом стал еще усерднее подвизаться и, слезами каждый день ложе омывая, взывал стихами псалмов: “Господи, Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня! Ибо Тебе отдал душу мою от юности моею, и не отвергни меня, многие лета желавшего этого места святого!”

Увидели же нечистые духи, как теснит их подвижник, утвердившийся крепко оружием крестным, и стали чинить ему многие досаждения и устрашать его, и двинулись на него всею силою. Пришли, обратившись: одни — в змей, другие — в различных диких зверей, хотящих поглотить его. Святой же оградился крестным знаменем и стал петь: “Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!” И закончил весь псалом — и все козни бе-

совские исчезли. И так остался святой невредим, днем и ночью всегда пребывая непрестанно в молитвах».

И вот спустя годы Савватий, как мы видим, достиг полнейшего одиночества и совершенного безмолвия, так называемого «исихастириона» — «покоища», то есть того состояния, ради которого он и совершал свои даже по нынешним временам немыслимые по протяженности хождения — сначала из Кирилловой обители на Валаам, а затем с Ладоги на Белое море.

Оставшись на острове один на один с «прародителем зла» и его бесовским воинством, отшельник, можно утверждать, погрузился в своеобразное экзотическое состояние, называемое «хранением ума», в наивысшее молитвенное напряжение, когда любое расслабление, любой отвлекающий от «трезвения» помысел мог стать роковым. Такая молитва, что, по мысли святителя Григория Паламы, творится безмолвно и непрестанно, «хотя бы тело и было занято чем-то другим», исторгает из сердца теплоту, которая согревает аскета, делая его по сути неуязвимым для дьявольских козней. Когда, казалось бы, весь мир ополчается на священнобезмолвствующего в виде непогоды, природных катаклизмов или физических недугов, искушает или соблазняет его, единственным упованием и спасением для подвижника, а в нашем случае для Савватия Соловецкого, становится вера, о которой преподобный Симеон Новый Богослов (949—1022) говорит как о полнейшей готовности «умереть за Христа, за Его заповеди, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь».

Умирание для страстей «мира сего» и происходит на Большом Соловецком острове.

Грусть и уныние, которые, как явствует из Жития Савватия, посещают его после того, как Герман отбывает на материк, как раз становятся болью этого умирания. Мог ли тогда старец предположить, что он больше никогда не увидит своего сподвижника? Едва ли... Однако постепенно Савватий привыкает к своему полному одиночеству, все более и более находя его «приносящим жизнь». Проживая каждый день со словами святого Иоанна Златоуста — «слава Богу за все» и наполняя его трудами, святой пустынножитель не помышляет о дне завтрашнем, потому как фантазии, они же бесплод-

ные мечтания, порой приводят к раздражительности и гневливости: ведь придуманное и реальное редко совпадают, а порой могут и противостоять друг другу.

Меж тем Житие сообщает, что спустя некоторое время «Герман пришел осенью на побережье (на материке. – *М. Г.*), желая плыть на остров Соловецкий, но не смог, так как настала стужа, дул встречный ветер, шел снег и было сильное волнение на море. И возвратился он зимовать на Онегу. На следующее лето снова хотел он идти в путь, чтобы вернуться к старцу, но был тяжело болен долгое время и опять не смог идти к тому, к кому так желал».

Вот уж воистину, человек предполагает, а Бог располагает. Всем сердцем стремясь к Савватию на остров, Герман сталкивается с объективной невозможностью ухода на Соловки, а тяжелый физический недуг, постигший его весной—летом 1435 года, становится настоящим прещением, наложенным на инок.

И Герман смиряется, безусловно памятуя о словах преподобного Антония Великого: «Возлюби смирение, и оно покроет все грехи твои. Не завидуй тому, кто идет вверх, но лучше считай всех людей высшими себя, чтоб с тобою был Сам Бог». Он осознает, что не может нарушить полное уединение Савватия, а потому превозмогает печаль о своем великом сподвижнике, с которым они провели на острове почти шесть лет.

Как мы видим, Герман тоже переживает боль умирания человеческой привязанности и все более и более укрепляется в убеждении в том, что лишь горячая сердечная молитва за Соловецкого отшельника и рождает мистическую близость, преодолевающую расстояние, время и саму смерть.

«Преподобный же Савватий, стоя на обычном своем правиле и в молитвах наедине беседуя с Богом, получил весть от Бога, что надлежит ему освободиться от телесных уз и отойти к Господу, к которому от юности стремился. И стал он молиться, говоря так: “Господи Боже, Вседержителю, услыши меня, Человеколюбче, не презри молитву недостойного раба своего! Сподоби меня быть причастником Пречистых и Животворящих Тайн Пречистого Твоего Тела и Всечестной Твоей Крови, Господа моего Иисуса Христа, которую Ты ради нас пролил! Ибо долгое время лишен был я этого сладкого про-

свещения — с тех пор как ушел с Валаама и живу на этом острове”.

После молитвы пошел святой на берег к морю и нашел на берегу лодку с полным снаряжением, готовую к плаванию. И усмотрев в этом Божие попечение, не стал возвращаться в келию, но сел в лодку и отправился в путь по морю, куда его Бог направит, чтоб обрести желаемое.

И было легким плавание: на море стояла тишина и тихий ветер веял. Блаженный же молился, говоря: “О Владыко, Ты разделил силою Твоею море и мятеж его волн Ты укрощаешь!” И так, хранимый Божией благодатью, вскоре переплыл морскую пучину — всего за один день — и приплыл в Выг-наволок».

Житие Савватия сообщает, что, едва сойдя на берег, старец чудесным образом встретил некоего игумена Нафанаила, к которому он обратился с просьбой немедленно причастить его Святых Тайн Христовых, ибо чувствует, что близок его последний час: «Молю твою святость, разреши меня от грехов моих таинством исповеди! И, если благоволит Бог и изволит твое священство, сподоби меня быть причастником Святых и Животворящих Тайн Пречистого Тела и Честной Крови Владыки Христа и Бога моего, ибо много лет желаю напитаться сей душепитательной пищей! И ныне Человеколюбец Бог указал мне твое боголюбие — врача и чистителя душам, да очистишь меня от согрешений, которыми я от юности моей согрешил, словом и делом, и помышлением, от рождения даже и донныне».

Эти слова отшельника дают повод к весьма неожиданным размышлениям о повседневной жизни первых Соловецких пустынножителей.

Особенно вызывают вопросы фразы: «Много лет желаю напитаться сей душепитательной пищей», а также: «Ибо долгое время лишен был я этого сладкого просвещения — с тех пор как ушел с Валаама и живу на этом острове».

Следовательно, все это время, проведенное на Соловках, старец не причащался Святых Тайн Христовых? Возможно ли это?

Попробуем ответить на этот вопрос.

С точки зрения практикующего православного христианина, длительное непричастие являет собой труд-

нейшее духовное и нравственное испытание, которое может быть исключительно результатом отлучения от евхаристии, наложенного священником.

«Как смогут они угасить пламя страстей, если не причащаются Непорочных Таин, изгоняющих немощь, усмиряющих суровую брань плоти и умерщвляющих страсти. И так верно, что непостоянно причащающиеся упускают все небесные и Божественные блага. К тому же нарушают Заповеди Господни, как мы говорили раньше, и правила апостольские и Соборов, и всех святых, к которым мы обращались, и повинны, вплоть до отлучения от Церкви, которое установили Божественные Апостолы и Апостольский Собор. Они дали свободу и место дьяволу, откладывая Причастие, чтобы он ввергнул их в различные грехи и другие искушения... Удаляющие себя от Церкви и Причастия становятся врагами божьими, а демонам — друзьями», — восклицает святитель Кирилл Александрийский (376—444).

В эпоху Древней Церкви монахи-анахореты, уходившие в пустыню в поисках уединения и полного безмолвия, достаточно редко принимали священный сан, справедливо полагая, что священник — не только человек, предстоящий Богу на молитве за себя и за людей, а также принимающий исповедь этих людей, но и общественная фигура, проповедник, находящийся среди людей как пастырь, находящийся среди овец своего пасомого стада. Тогда как отшельник, напротив, бежит людей, общества, отрекается от житейских забот, чтобы полностью сосредоточиться на умной молитве, когда, по мысли святого Григория Синаита (ок. 1268—1346), следует понуждать ум «сойти из головы в сердце и держать его в нем, и непрестанно взывать умно и душевно: Господи Иисусе Христе! Помилуй мя!».

Следовательно, отшельник, не принявший таинства священства, не мог совершать Божественную литургию, а Святые Дары имел возможность принимать только из рук священника после исповеди. Соответственно, для той надобности он приходил в храм, а затем вновь удалялся в скит или в свою уединенную келью, где мог совершать лишь Богослужение по мирскому или «мирянскому» чину — чтение Евангелия, Часослова, Псалтири, Акафистов, каждение, в русской традиции (в частности, у старообрядцев) совершение обедницы — подобия

литургии (евхаристии — от греч. *благодарение*), но без освящения Даров и причастия.

Вероятнее всего (по крайней мере свидетельств обратного мы не имеем), Савватий и Герман не были рукоположены, то есть не были иеромонахами, или священноиноками. Значит, они не могли служить Божественную литургию, но лишь (это указано в Житии) служили в часовне (не в храме) мирским чином.

Также следует понимать, что для свершения евхаристии (литургии) необходим ряд священных предметов — антиминс — четырехугольный плат с частицей мощей прославленного Церковью мученика, сосуды для причастия. В Житии преподобного Савватия ни об одном из этих предметов нет упоминания, что наводит на мысль о том, что их не было вообще.

Антиминс на острове появился только во времена архиепископа Ионы Новгородского (ум. 1470) и преподобного Зосимы Соловецкого.

Опять же трудно допустить, что, подвизаясь на Соловках, старцы имели возможность регулярно получать с материка хлеб (просфоры) и вино, которые используются в таинстве пресуществления, превращения хлеба и вина в Плоть и Кровь Христову.

Таким образом, можно утверждать, что, находясь на Соловках, ни Савватий, ни Герман не приступали к причастию, взяв на себя тем самым самый сложный и притом дерзновеннейший подвиг покаянного и молитвенного ожидания принятия Святых Даров, ожидания, которое продлилось шесть лет.

Сейчас, размышляя об отшельнической жизни и подвигах соловецких старцев, нам трудно представить, сколь тяжело, а порой и невыносимо было это ожидание. Однако Евангелист возвещает: «Да будут чресла ваши перепоясаны и светильники горящи; И вы будете подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, пришед, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препоясается и посадит их, и подходя станет служить им» (Лк. 12, 35—37).

Преподобные Савватий и Герман полны этим сверхъестественным ожиданием, которое во многом расширяет слова святителя Кирилла Александрийско-

го об «отложении Причастия» в смысле непреложного бодрствования и сердечного предвкушения встречи с Господином.

Далее Житие сообщает, что, причастившись Святых Тайн Христовых, Савватий удаляется в часовню (по другой версии, в келью при сельском храме), где, по словам митрополита Спиридона, автора Жития, «воссылает хвалу Господу и Пречистой Его Матери» и готовится к отходу в вечность. Последним из мирян, удостоившимся встречи и общения с преподобным старцем, становится «некий купец из Новгорода, плывший в *насаде* (речное плоскодонное беспалубное судно. — М. Г.), по имени Иоанн».

Получив благословение от Савватия, купец собрался продолжить свой путь, но был остановлен прозорливым отшельником: «Передохни на берегу до утра — и увидишь Божию благодать. А утром безопасно отправись в путь свой». Не понимая смысла слов старца, но испытывая уважение к его духовному опыту, Иоанн согласился, ушел в свой шатер и там заночевал. А тем временем «началась сильная буря с громом и молнией, и страшный ураган бушевал на море и на реке всю ночь. Иоанн же, видя перемену погоды: бурю на море и ураган на реке, — бывшие по пророчеству старца, — пришел в ужас... Наутро же ветер утих и воссияло солнце».

Преподобный Савватий, как мы видим, не впадает в нравоучительное богословие и дидактику, он остается верен живой стихии духовной практики, в избытке полученной им на Соловках, когда, по словам святителя Григория Паламы, «тело совокупно с умом и душою проходит евангельское поприще». Иначе говоря, старец не пугает новгородского купца, не читает ему нотаций и нравоучений, но, смиренно обозревая мысленным взором этого неизвестного ему доселе человека, просто осеняет его Евангельской любовью, которая и есть Божья благодать.

Кажется, что в последние часы земной жизни именно перед этим мысленным взором великого отшельника проходит вся его многотрудная жизнь — новоначальное служение в монастыре преподобного Кирилла Белозерского, душевные мытарства и духовные поиски, уединение в Валаамской обители, обретение места на Соловках, испытания «Островом мертвых» и наконец последнее причастие в часовне на берегу реки Выг.

Причем все эти события, как и многие другие (более или менее значимые), воспринимаются Савватием как единое и неостановимое течение молитвы, которая и есть для отшельника жизнь.

«Высочайшее состояние молитвы есть, когда ум во время молитвы бывает вне плоти и мира совершенно, безвеществен и безвиден. Кто сохраняет такое состояние нерушимым, тот воистину непрестанно молится», — утверждает Максим Исповедник.

Описание именно этого состояния наполняет финальный эпизод жизнеописания преподобного старца какой-то особой, удивительно пронзительной интонацией: «Святой же всю ночь пел и молился не переставая, воссылая отходные молитвы ко Владыке Христу. И, взяв кадильницу, положил на уголья ладан и пошел в часовню. И помолившись там довольно, возвратился в келию. Покадил в ней честным иконам, помолился Господу и, почувствовав, что силы от него уходят, сел на обычном месте в келии, а кадильницу поставил рядом с собой. И воздев руки, молвил: “Господи, в руки Твои предаю дух мой”. И так предал блаженную свою душу в руки Божии — и в бесславии человеческой славы, но прославленный у Бога, преславно отошел... блаженный сидел в мантии и куколе, и рядом с ним стояла кадильница. Келия же была наполнена несказанным благоуханием».

Произошло это 27 сентября 1435 года, а ровно через 30 лет мощи преподобного Савватия были перенесены в Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь и положены сначала за алтарем Успенской церкви, а затем в специально сооруженном приделе Спасо-Преображенского собора.

К сожалению, никакой информации о том, где именно подвизался преподобный Герман, когда «отправился на побережье и на Онегу-реку ради некоторых надобностей», у нас нет. Мы можем лишь предполагать, что соловецкий инок посещал село Сорока в устье реки Выг, селение Усть-Янское (ныне город Онега) в устье реки Онеги, а также Сумской погост в устье реки Сума, где и произошла его встреча с молодым иноком Зосимой.

«И завели они между собой духовную беседу. Герман стал рассказывать ему о блаженном Савватии: как подвизался он на Соловецком острове и как, после ухо-

да Германа с острова, блаженный окончил свой путь на морском берегу.

Зосима же, слушая рассказ о святом, и о расположении острова, и о местах, пригодных для создания монастыря, и о земле для возделывания, и о деревьях для строительства, и о множестве рыбных озер и мест для лова морской рыбы — слушая обо всем этом Германа, Зосима радовался духом... и тогда просветились у него очи сердечные; и стал он советоваться с Германом о морском путешествии, как бы добраться до Соловецкого острова. И сказал он Герману: «Богоотец Давид изрек в песнях: 'Спроси отца твоего — и возвестит тебе, и вопроси старцев твоих — и рекут тебе', — и открыл Герману тайны сердца своего, ибо более не могло быть сокрыто сокровище веления Божия; ведь того, что благоизволил Бог, человек изменить не может. Потому что как будто огонь разгорелся в сердце блаженного Зосимы от такого великого желания. И так стал он с великим усердием готовиться к предстоящему морскому путешествию. Увлек же с собою и Германа и (начал собирать) все, что необходимо для устройства на том месте», — читаем в «Житии и подвигах и некоторых из чудес преподобного и Богоносного отца нашего игумена Зосимы».

Известно, что Зосима происходил из состоятельной и благочестивой семьи. Родители будущего подвижника — Гавриил и Варвара — перебрались из Новгорода Великого на Онежское озеро в село Шуньга. По версии «Летописца Соловецкого» начала XVIII века, местом рождения Зосимы является село Толвуй, также расположенное на Онежском берегу недалеко от Рождества-Богородицкого Корнилиева Палеостровского монастыря — одного из четырех древнейших островных монастырей Северной Фиваиды.

Место монашеского пострига Зосимы не уточняется в его Житии, однако можно предположить, что он принял постриг именно в Палеостровской обители, где и прошел монашеское новоначание.

Впрочем, существует и другая версия, согласно которой Зосима был пострижен неким священноиноком (иеромонахом), который служил в местном приходском храме, после чего юный отшельник покинул село и жил вдали от родительского дома в келье на берегу озера. В

поисках же места более уединенного и дикого Зосима добрался до Поморского берега Белого моря, вышел к устью реки Сума, где и встретил преподобного Германа.

Итак, спустя семь лет после отплытия карбаса на остров Соловецкий от села Сорока, что в устье реки Выг, история повторилась. С той лишь разницей, что теперь на веслах сидели Зосима и Герман, а за кормой судна остался берег в районе реки Сума; «и так, Божиим устроением, при попутном ветре, на второй день достигают они острова Соловецкого».

И было это в 1436 году.

Знания, жизненный опыт, ощущения, переживания отшельников, безусловно, были различными, но при этом, вне всякого сомнения, их лица озаряло тихое сияние бесстрастия и возвышенного волнения одновременно.

Святитель Василий Великий Каппадокийский (ок. 330—379), размышляя над подобным очевидным единством «умертвивших страсти» и нисколько при этом не отрицая человеческой индивидуальности священнобесмолвствующих, писал: «Человеческое знание достигается трудами и упражнением, а знание, идущее от Божией благодати, — праведностью и умилением; и первое знание могут приобрести даже люди, погруженные в страсти, тогда как второе доступно только бесстрастным, которые во время молитвы видят, как их озаряет собственное сияние их ума».

Ступив на Соловецкий берег и сотворив молитву, иноки стали осматривать остров, размышляя над тем, «в каком месте монастырь следовало бы устроить, если изволит Бог и Пречистая Богородица».

И такое место было найдено, как сказано в Житии преподобного Зосимы, «просторное для размещения обители, удобное и очень красивое; невдалеке над морем было озеро — на расстоянии полета стрелы — и морской залив был тихий и укрытый от ветра. Тут же была и заводь для лова морской рыбы. И на том месте устроили они себе шалаш и провели в нем ночь в бдении, молясь и поя псалмы, со мноюю верою ко Христу Богу и Пречистой Его Матери и имея друг ко другу любовь духовную».

Озеро, морской залив... пожалуй, каждый, побывавший хоть раз на Соловках, узнает в этом описании пресное Святое озеро и гавань Благополучия.

Глава третья

Когда невидимое становится явным

Будьте святы. — Видение Зосимы. — Первые кельи из бревен. — Отплытие Германа на материк. — Молитвенное правило Зосимы. — Восстание острова. — Герман, Марк и Феодосий. — Первое пострижение в монашество на острове. — Первая Божественная литургия на острове. — Антиминс из Великого Новгорода. — Священные сосуды. — Иноческий обиход при Зосиме. — Игнатий. — Архиепископ Иона. — Игумен Зосима. — Общежительный устав. — Уставное благочестие. — Умножение братии. — Дисциплина на острове. — Келейное правило. — Молитва и тайновидение. — Марфа Борецкая. — Возвращение Савватия на остров. — Сорока

Как утверждал известный русский религиозный мыслитель Н. О. Лосский, «мистическое единение с Богом часто сопутствуется или предшествуется видениями, слышаниями, вообще появлением в сознании конкретных определенных образов». Особенно эти слова применимы к тем, кто избрал «путь тесный и прискорбный», возложив на себя при этом, по словам Евангелиста, «иго благое и бремя легкое» (Мф. 7, 13. 14; 11, 30). Склонность к экстатическим, возвышенным в рамках молитвенной практики откровениям и состояниям следует воспринимать как абсолютно живое дыхание веры, как очевидное подтверждение идеи непосредственного общения человека с Богом, своего рода «сотрудничества», ведь, по словам святого Афанасия Великого (ок. 295—373), «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился». И в этом, на первый взгляд дерзновенном искательстве, которое порой может выглядеть наивно, беспомощно, нелепо, даже глупо, нет ничего богопротивного, тщеславного и претенциозного, потому что в Первом послании апостола Петра сказано: «Будьте святы, потому что Я свят» (1 Петр. 1, 16).

Стало быть, именно эта «будущность» и является залогом достижения тех нравственных вершин и свершения тех аскетических подвигов, о которых и не может помыслить холодный рассудок, так как не подвержен теплоте сердечного горения, то есть любви.

Поводом к размышлениям подобного рода послужило описанное в Житии Зосимы чудесное событие, точнее говоря, видение, которого удостоился отшельник сразу по прибытии на остров:

«Когда же настало утро, вышел блаженный Зосима из шалаша — и было ему явлено некое предивное видение: увидел он луч пресветлый, который всего его просветил, и Божественное сияние место то осияло. Объял его ужас от такого видения; и видит он на востоке церковь, стоящую на воздухе, большую и прекрасную, простершуюся над землей. От такого пречудного видения изменился в лице Зосима — и пришел к Герману, и стал рассказывать ему о видении».

Указующий луч, «луч пресветлый», мы встречаем и в Житии преподобного Кирилла Белозерского, когда старец, следуя указанию Богородицы, покидает Московский Симонов монастырь и, придя в Белозерские пределы, на берег Сиверского озера, восходит на гору Мауру. Отсюда он видит таинственный световой столп, указующий на то место, где должна быть устроена Успенская обитель. С одной стороны, это, безусловно, топоним, своего рода мистическая и одновременно метафорическая категория, подчеркивающая особое, избранное назначение отшельника, словно глас вопиющего в пустыне, восклицającego: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк. 1, 3).

Однако, с другой стороны, «пресветлый луч», световой столп — достаточно распространенное на Русском Севере природное явление, по большей части происходящее при взаимодействии лучей заходящего или восходящего солнца с перистыми облаками.

Таким образом, в сознании Зосимы, впервые оказавшегося на острове, происходит совмещение образов, рожденных его воображением, и живых впечатлений, картин, видений, а также исходящего из самой глубины сердца переживания теплоты «неизреченного света», ради которого он оставил родительский дом, материк и оказался на Большом Соловецком острове.

«Выйди из земли твоей и из дома отца твоего и поселись в земле, которую Я укажу тебе, — и там скажу тебе, что подобает творить». — Не уставая мысленно произносить эти слова Спасителя, Зосима вместе с Германом приступает к работе.

Равнинный рельеф местности, избранной отшельниками для устройства своего общежития, надо полагать, обусловил иной, по сравнению с 1429 годом, подход к строительству келий. На сей раз Зосима и Герман возводят кельи из бревен, а не копают кельи-землянки или полуземлянки, как это было у подножия Секирной горы во времена преподобного Савватия.

Также «землю копали мотыгами и от земли питались», а близость озера и морской заводи, укрытой от ветра, говорит нам о том, что, скорее всего, соловецкие подвижники наладили лов рыбы в непосредственной близости от своего жилья.

Однако видение церкви, «стоящей на воздухе, большой и прекрасной, простершейся над землей», никак не идет у Зосимы из головы, будоражит его воображение, словно наполняя слова Соломона: «Сердце правое... ищет чувства» (Притч. 27, 21) особым смыслом. Речь, разумеется, идет о чувстве как об источнике Божественного огня, как о ревностном сосредоточении ума в самом себе, как о бесконечном покаянии и глубочайшем сокрушении о грехах.

Скорее всего, именно размышления о необходимости возведения на острове храма, а не часовни (чего раньше здесь никогда не было), — именно храма, в котором можно было бы совершать Божественную литургию, подвигает отшельников принять следующее решение — Герман должен отправиться на материк «к христоробивым людям ради нужд монастырского строительства».

Таким образом, повторяя подвиг преподобного Савватия, Зосима остается на острове один. Но, как сообщается в его Житии, «пришли нечистые духи к преподобному, скрежеща зубами, обратившись: одни — в змей, другие — в различных зверей, и гадов, и ящериц, и скорпионов, и всяких пресмыкающихся по земле. И устремились все вместе на него: змеи — отверзая зев, желая поглотить его, звери же — рыча, как будто готовые его растерзать. Раб же Божий Зосима нисколько не испугался и не утрашился их наглости и притворства, но воскликнул: “О вражия грубая немощь, если получили на меня власть от Бога, то делайте, что хотите; если же нет, то напрасно себя утруждаете, ибо от любви Христовой ничем отлучить меня не сможете!” И осенил

себя непобедимым оружием Животворящего Креста Господня со словами: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут”, — и вся вражия сила внезапно исчезла... И с тех пор приобрел преподобный Зосима власть над нечистыми духами, и не могли они к нему никак приблизиться: ни в виде призраков, ни другими смутительными видениями своих соблазнов. И так пребывал святой безмятежно, молясь все дни и ночи, воссылая молитвы свои ко Господу».

По сути, мы читаем описание того, как «Остров мертвых» восстал против отшельника и устремился на него во всем многообразии проявлений зла и «вражьей грубой немощи», но во исполнение слов святителя Афанасия Великого (ок. 295 — 373) «естество человеческое само по себе недостаточно к тому, чтобы изгонять бесов, а может это делать только силою Духа...» Зосима побеждает лукавое воинство, получая над ним власть.

Эта деталь характеризует преподобного как человека решительного и непреклонного. Можно утверждать, что он идет дальше Савватия Соловецкого, более склонного к мистическому, умозрительному постижению загробной местности Сайво. Святой Савватий, разумеется, побеждает «началозлобного демона», который беснуется при виде неоторимого подвижника. Но эта победа становится в большей степени актом индивидуальным, то есть победой над естеством, а там, «где побеждено естество, там признается присутствие сверхъестественного» (святой Иоанн Лествичник).

Зосима же вознамеривается сделать победу над злом достоянием «христоролюбивых людей»; он хочет «напитать душепитательной пищей» жителей побережья, указать им единственный путь ко спасению, просветить блуждающих во тьме неведения, суеверий, сомнений и страхов.

В первую очередь данное желание (об этом говорится в Житии) проявляется в горячей молитве отшельника. Очень точное описание этого экзистенциального состояния мы находим у преподобного Антония Великого: «Я молил о вас, да сподобитесь и вы получить Того Великого и Огненного Духа, Которого получил я. Если хотите Его получить так, чтобы Он пребыл в вас, принесите прежде труды телесные и смирения сердца, и вос-

торгая помышления свои на небо день и ночь, възшците с правотою сердца Духа Сего огненного, и Он дастся вам».

В этом смысле одиночество, безусловно, укрепило и закалило пустыннолюбивого отшельника, окончательно расставив духовные и нравственные приоритеты, превратив по сути борьбу за выживание на необитаемом острове в послушание, в аскетический подвиг, в неумолчное стремление следовать за Христом, а также засвидетельствовать свою веру до самой смерти.

Весной 1437 года Герман вернулся на остров, и был с ним «человек по имени Марк, был он искусен в рыбной ловле, и привез с собой много рыбных запасов и иные припасы для нужд монастыря, ибо был он весьма опытен в этом деле».

Через небольшое время пристали к острову люди, и с ними был инок по имени Феодосий. «Пришел он к преподобному Зосиме и хотел жить вместе с ним на острове, имел же он священнический сан. Святой принял его с усердием — и прославил Бога в великой радости, что удостоил его жить вместе с братией. И, по повелению преподобного, постриг (Феодосий) вышеназванного Марка в иноческий образ и нарек имя ему — Макарий. Потом и многие иноки стали приходить к нему на остров, желая жить вместе с ним для Господа. Святой же принимал их с радостною душою и молился: “Владыко Господи, призри с неба, увидь и посети место это, которое создала десница Твоя!”».

Впервые за всю историю Соловков на острове появляется священноинок (иеромонах), то есть человек, могущий совершать Божественную литургию.

Безусловно, Зосима видит в этом особый мистический знак, абсолютное и бесспорное доказательство Божественной воли, чтобы на острове был воздвигнут храм, в котором бы совершалось Его воспоминание.

«Таинство Евхаристии установлено Спасителем на Его последней Вечери с учениками при произнесении Им слов “приимите, ядите... пиите от нея вси... сия творите в Мое воспоминание”», — читаем у архимандрита Киприана (Керна; 1899—1960). Это воспоминание носит глубоко символический и предвечный характер, над которым не властны ни время, ни расстояния. Именно в литургии совершается вся полнота Богообщения,

о которой преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно... пребывает бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизреченно, и нас обоготворяет, так как мы соделываемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его».

Итак, медленно, но верно иноческая жизнь на Соловках — острове, удаленном от материка более чем на 70 километров и еще до недавнего времени считавшемся необитаемым, — начинает обретать реальные очертания: «...и начали рубить деревья и строить келии... построил он (Зосима. — М. Г.) небольшую церковь и пристроил к ней малую трапезную, — на том месте, где видел лучи неизъяснимого света и церковь на воздухе... назвал церковь во имя святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа. Потом посоветовался с братией и послал одного из старцев в Великий Новгород к преосвященному архиепископу Ионе, чтобы получил у него благословение и испросил антиминс и святыни церковные для освящения храма, да попросил им игумена, чтобы освятил церковь и опекал братию».

Эти слова из Жития преподобного Зосимы представляются чрезвычайно важными и, как нам кажется, требуют определенного комментария.

В «Писаниях мужей апостольских» сказано, что «только та Евхаристия должна почитаться истинной, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это». В нашем случае таким епископом стал архиепископ Новгородский Иона (ум. 1470), который благословил на игуменское служение некоего иеромонаха Павла, а также дал соловецким посланцам антиминс. Хотя, как мы помним, на острове уже был священник, монах Феодосий, рукоположить которого во священство тоже мог только епископ.

Согласно чину Божественная литургия совершается в храме, на престоле, на особом освященном архиереем плат, называемом антиминсом, что в переводе с греческого означает *вместопресталие*. На антиминсе изображено положение Спасителя во гроб, а также четыре евангелиста (на ранних антиминсах изображался крест), в сам плат зашивается частица мощей почитаемого мученика в напоминание о том, что христиане

первых веков совершали евхаристию на гробах мучеников, пострадавших за Христа.

Литургия, как известно, состоит из трех частей: проскомидии (от греческого «принесение»: христиане первых веков приносили с собой в храм хлеб и вино для совершения таинства), литургии оглашенных (то есть тех, кто лишь оглашен учением Христа, но пока не принял Святого крещения) и литургии верных (принявших крещение и могущих причащаться Святых Тайн Христовых).

Данное триединство свидетельствует о проникновении евхаристической жизни на все уровни и во все слои человеческого общества, открывая каждому возможность пережить то, что пережил Спаситель на Голгофе. В своей монографии «Евхаристия» архимандрит Киприан (Керн) писал в этой связи: «Евхаристическая жизнь не есть слушание церковных песнопений. Мирянин не присутствует, а активно, молитвенно переживает совершающуюся литургическую, голгофскую драму и причащается».

Также за литургией используются священные сосуды (предметы) — чаша (или потир), из которой причащаются священники и миряне, дискос — блюдо, на которое полагается Агнец и частицы священного хлеба, звездица — покров над частицами священного хлеба, копие — специальный нож для изъятия частиц из просфор, он символизирует копье римского воина, которым был прободен (проткнут) распятый на Кресте Спаситель, и лжица — ложечка для причащения мирян во время евхаристии.

Появление всех этих священных предметов на Соловках по сути ознаменовало начало новой эпохи островной жизни, о которой было сообщено еще в пророчестве, изреченном двумя «грозными юношами со светлыми лицами» у подножия горы Секирной в 1430 году: «Отныне на этом месте будет обитель иноческая и да соберется здесь множество монахов, и имя Божие да прославляется ими на месте этом, и храм во имя Иисуса Христа воздвигнут будет!»

По прибытии на остров игумен Павел освятил церковь во имя Преображения Господня.

Что означало это событие для жизни к тому моменту уже более чем двадцати соловецких насельников?

В первую очередь, безусловно, то, что все собиравшиеся в храме за литургией со словами священника: «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мы приими...» становились участниками Тайной Вечери Господней, когда Царство Божие наступает в храме, а вечность упраздняет время. Мистический смысл евхаристии, заключенный в схождении Духа Святого, в переложении хлеба в Тело Христово, вина в Кровь Спасителя, а также соединении Неба и Земли с последующим возведением христиан на это Небо, постигался молящимися здесь и сейчас. Это было тем более удивительно, что происходило между Небом и Землей, за окоёмом, «за гранью», которую в прежние языческие времена охраняли, как мы помним, Олень-Сайво, Рыба-Сайво и Птица-Сайво. Но, как сказано у Евангелиста, «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рожденным от Духа» (Иоан. 3, 8).

А во-вторых, отныне ежедневный обиход островитян («ручное делание», заготовка деревьев для строительства, землеустройство, колка дров, вываривание соли из морской воды, рыбная ловля, работа на огороде) был подчинен богослужебному циклу. Как пишет в своей «Лестнице» преподобный Иоанн Синаит (Лествичник): «Там никогда нельзя было видеть ни дыма (в смысле, курения фимиама. — *М. Г.*), ни вина, ни елея (в смысле, убожания. — *М. Г.*) и никакой другой пищи кроме хлеба и небольшого количества огородных растений».

Суровый аскетический быт, строгая внутренняя дисциплина, нетерпение к праздности, а также климатические особенности — условия пребывания в островном монастыре, которые, что и понятно, выдерживают не все.

Житие Зосимы сообщает: «Игумен же Павел, посланный архиепископом, не смог вынести тягот пустынножителства: прожил там несколько лет и ушел назад. И после него избрали себе, по совету преподобного, другого игумена — по имени Феодосий (предположительно первый священноинок на острове. — *М. Г.*). Но и он немного лет подвизался пустынным подвигом и тоже оставил монастырь и ушел, куда захотел.

Преподобный же Зосима принял решение с бра-

тией, чтобы игумен у них был поставлен из числа живущей в обители братии. Был же там старец Игнатий, трудолюбиво служивший Господу и находившийся в зрелом возрасте, который принял постриг в той же обители и имел сан диакона. Его-то и хотел преподобный, чтобы был им игуменом, — или же тот из своих, кого пожелает братия. Но никто из них не посмел дерзнуть на этот сан, подражая смиренномудрию своего отца».

Для получения разъяснений в сложившейся ситуации «некоторые из братии» отправились в Великий Новгород к архиепископу Ионе — выдающемуся архипастырю и церковному интеллектуалу своего времени. Знаток Священного Писания и трудов святых Отцов Церкви, мистик, богослов, строитель первого в Новгороде храма во имя преподобного Сергия Радонежского со вниманием выслушал соловецких отцов и велел им передать на остров письмо следующего содержания: «Сыну нашего смирения старцу Зосиме. По получении нашего послания скоро и без промедления приходи к нам, по нашему благословению. Имеем к тебе дело».

Можно только предполагать, сколь велико было то переживание и внутреннее волнение, которые испытал преподобный старец, прочитав эти слова новгородского архиепископа.

Как известно, еще до поездки соловецких монахов в Великий Новгород Зосима категорически отказался принять на себя игуменство Спасо-Преображенской обители, смиренно почитая себя недостойным. Но теперь, когда сам высокопреосвященный владыка пожелал увидеть благочестивого отшельника, дабы узнать о его намерениях и сомнениях, Зосиме вспомнились слова одного из отцов-пустынников Древней Церкви: «Увы телу, когда ему не приносят извне пищу, и увy душе, когда она не приемлет свыше благодать». Не дерзновенно ли, не самонадеянно ли отвергать благодать священства, преподанную из рук новгородского архипастыря? Однако не станет ли Соловецкое игуменство усилием сверх меры, источником многих искушений и соблазнов? В надежде найти ответы на эти насущные вопросы преподобный старец отправляется в Новгород.

Читаем в Житии Зосимы:

«Был же путь святого благополучным — по морю, по

озерам и по рекам. И в скором времени оказался он в преславном Великом Новгороде.

И сообщили о нем архиепископу. И пришел преподобный Зосима к архиепископу. Святитель же благословил его и повелел сесть, и начал расспрашивать обстоятельно о Божественном Писании, и об исследованности острова, и об устроении монастыря. Блаженный же рассказал ему все о себе и о своем приходе на то место. Было же известно о нем архиепископу еще до прихода преподобного, и понял он по виду его и по уму, и по образу мыслей, что это воистину “человек Божий”. И рукоположил его, почтив саном священства, и совершил поставление игуменом Спасского Соловецкого монастыря.

И дал его пришедшей с ним братии и сказал им: “Отныне этот отец — ваш игумен. Имейте его во образ Христов — со всяческим послушанием и повиновением!” И дал игумену Зосиме на устроение монастыря золота и серебра, церковные сосуды и ризы, и все, что необходимо в дорогу, и, благословив, отпустил их с миром».

Возвращение на остров игумена Зосимы явилось началом нового этапа в жизни Соловецкой обители.

В монастыре был принят Иерусалимский общежительный устав, восходящий к уставу преподобного Феодора Студита, настоятеля Студийского монастыря (ум. 826). Согласно этому документу все насельники обители являются членами единого общежития, игумен, соборные старцы, священники, иноки вкушают вместе на трапезе, всем еда при этом полагается одинаковая, по кельям же, кроме немощных братьев, еду и питье никто содержать не может, необходимая одежда и обувь выдаются монахам из единой казны, священники и братия, кто может, покупают себе келью, а кто не может — живут в казенных, ни священникам, ни инокам оплата за труды и послушания не полагается, потому что их потребности в монастыре удовлетворяются из общей казны.

Известно, что в середине XVI века, при соловецком игумене Филиппе (Колычёве), будущем митрополите Московском, внутренняя дисциплина в островной обители была значительно ужесточена, а система наказаний за проступки и нарушение устава работала неотвратимо и безжалостно.

Таким образом, полная регламентация жизни на тот момент уже более чем сорока братьев Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря в полной мере засвидетельствовала строгое и ревностное бытование тех, кто, по словам святителя Григория Паламы, «достигли исступления из всякого умственного и чувственного восприятия, через полный отказ от видения приняли в себя подлинное видение, а через претерпение незнания вместили в себя чувствование сверхприродных вещей».

Уставное благочестие, а иначе говоря, строгая богослужебная и бытовая дисциплина превращает Соловецкую обитель, говоря современным языком, в административно-церковную единицу со своим статусом, который был засвидетельствован в 60-х годах XV века грамотой на вечное владение всеми Соловецкими островами.

В грамоте этой, в частности, говорилось: «По благословию господина преосвященного архиепископа Великого Новгорода и Пскова, владыки Ионы, господин посадник степенный Иван Лукинич и старые посадники, и господин тысяцкой Трифон Юрьевич, и старые тысяцкие и бояре, и жители и купцы, и весь господин Великий Новгород, все пять концов на вече, на Ярославском дворе, пожаловали игумена и всех старцев обители Святого Спаса и Святого Николы с островами Соловецкими, и Анзеры островом и Муксами островом, и Заяцким островом, и малыми островками... а кто придет на те острова на ловлю, или на добыток, на сало или на кожу, то всем тем давать в дом Св. Спаса и Св. Николы изо всего десятину. А теми островами, и землю, и водою, ловищами, и тонями, и пожнями владети игумену и всем старцам Св. Спаса и Св. Николы, по сей жалованной грамоте, в веки».

Следует заметить, что к тому времени (60-е годы XV столетия) о Соловецком монастыре уже хорошо знали не только на Поморском побережье, но и в Новгороде, на чьих землях он формально находился. «И из окрестных мест приходили к нему многие иноки, хотевшие следовать его добродетельной жизни и духовному деланию. Он же, как чадолюбивый отец, с радостью всех принимал, и с безмерной кротостью и смирением духовно поучал, и давал телесный покой: всем равную еду

и питье, одежду и обувь. И умножалось число братии — и все имели достаток, и было всего в изобилии, и жили по установленному порядку весьма благополучно... И учил братию сохранять все заповеди, содержащиеся в Божественном Писании святых апостолов и святых отцов семи Вселенских Соборов, непреложно соблюдать правила иноческой жизни», — сообщает Житие.

Наблюдая за тем, как растет соловецкая братия, Зосима принял решение приступить к строительству новой соборной церкви во имя Преображения Господня, новой трапезной с храмом Успения Богородицы, а также Никольской церкви, из-за которой в грамотах этого периода монастырь нередко называли «обителью святого Спаса и святого Николы».

Интересно заметить, что за почти тридцатилетнее пребывание на острове ни Зосима, ни Герман не вспоминают о Савватии, по крайней мере в Житии преподобного об этом нет упоминания. Следовательно, келья-полуземлянка первого Соловецкого отшельника у подножия Секирной горы за эти годы исчезла в лесных зарослях. Тогда же, можно предположить, был утрачен и образ Богородицы Одигитрии, с которым Савватий и Герман в 1429 году впервые пришли на остров.

Молитвенное памятование о великом отшельнике носило скорее умозрительный характер и не было привязано к месту его уединения. Вполне возможно, что именно по этой причине в воспоминаниях Германа о преподобном, легших в основу Жития старца-анахорета, информация о его пребывании на острове крайне размыта и неконкретна.

Однако мистическое присутствие Савватия на острове во времена становления монастыря при игумене Зосиме, вне всякого сомнения, ощущалось.

Так, следуя традиции постоянного аскетического делания, заложенной преподобным Савватием (о чем еще на материке неоднократно рассказывал Герман), Зосима «всё больше предавался духовному деланию, труды к трудам прилагая и устремляясь к лучшему, как сказано: “Стремился — и нашел путь”, радуясь и шествуя без преткновения по стопам Владыки Своего, “высшего ища” и ум к небесам устремляя, и предупреждением страстных помыслов сердце всегда очищая. И проводил он все ночи стоя в беспрестанных молитвенных бдениях».

Особенно эта практика была полезна и необходима в минуты противостояния «дьявольским козням», которые возводил против отшельника и Соловецкого игумена «прародитель зла». Причем теперь вооружал он против Зосимы неразумных и завистливых людей в той надежде, что преподобный, как сказано в его Житии, не выдержит человеческих оскорблений и «уйдет с места того... но сбылось с ними сказанное в псалмах: “Те повержены были и пали”, а крепкого столпа поколебать не смогли. Раб же Божий Зосима, как непобедимый воин, мужественно сражался с врагами благодатью Христовой, днем и ночью всегда пребывая в пении псалмов и песен духовных, поя Господу в сердце своем: “На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь во веки!”».

Бремя ответственности за братию, за монастырь, за мирян-трудников, приезжавших на остров, безусловно, тяготило Зосиму, изначально искавшего на острове уединения и молчания, но обретшего наряду с подвигом монашества послушание общественного служения.

Размышляя о повседневных трудах Соловецкого игумена, вновь вспоминаются знаковые эпизоды из жизнеописания преподобного Кирилла Белозерского, для которого уединенное и сосредоточенное совершенное келейное правило составляло основу основ монашеской жизни.

Известно, что келейное или молитвенное правило совершается ежедневно и включает в себя утреннее молитвенное правило, вечернее молитвенное правило, а также евхаристическое молитвенное правило: последование ко Святому причащению и благодарственные молитвы по Святом причастии.

Местом такого упражнения в монастыре, безусловно, является келья, где инок, вне зависимости от должности, занимаемой им в обители, и послушания, на него возложенного, имеет возможность предаться «собранию ума», отложению всех мирских забот, быть в отдельности, но в то же время, по мысли преподобного Максима Исповедника, жить в единстве со всеми людьми, соблюдать схимничество, «чтобы молиться за весь мир».

Примеров подобной запредельной дихотомии в аскетической практике Северной Фиваиды известно предостаточно: Кирилл Белозерский и Сергей Нуром-

ский, Дионисий Глушицкий и Павел Обнорский, Корнилий и Иннокентий Комельские, Александр Куштский и Евфимий Сянжемский, Зосима Ворбозомский и Нил Сорский.

Интуитивное и практическое постижение внутренней свободы как победы над внутренним врагом, над собственными страстями и собственным несовершенством составляет основной смысл сотрудничества, «сотрудничества» Божественного и человеческого. «У человека два крыла, чтобы взлетать к Богу, — свобода и благодать», — утверждает Максим Исповедник. Но сколь непросто бывает порой взмахнуть этими двумя крылами, чтобы полететь!

Зосима, мысленно беседуя с преподобным Савватием, с которым он никогда не был знаком лично, но которого почитал основоположником Соловецкого иноческого жития и великим аскетом, побуждает себя к еще большему самоограничению. «Преподобный же игумен Зосима пребывал во многих трудах и воздержании, стремясь всегда иметь память о смерти и о Суде Божиим и побуждая себя к плачу духовному. И сделал себе гроб, и поставил в келти при келии своей; и той же величины выкопал себе могилу в земле своими руками. И каждую ночь выходя из келии до того, как начинали бить к утрени, плакал о своей душе, словно над покойником, над гробом своим».

Речь в данном случае идет о бесконечной глубине сокрушения и самоумаления, которая открывает подвижнику «духовное зрение», когда невидимое становится явным и глубоко символическим.

Интересно вспомнить эпизод, связанный с тайновидением Зосимы в Великом Новгороде.

В Житии преподобного читаем:

«Он же, пребывая в обычном смирении и кротости, сев к столу, лишь немного к еде прикоснулся, потому что с юности любил безмолвие — не только за трапезой, но и всегда. И, взглянув на сидящих, удивился увиденному — и, опустив глаза долу, ничего не сказал. И снова взглянул, но увидел то же, что и ранее, и вновь поник взором. И в третий раз поднял глаза, но видит все то же — нет голов на некоторых из сидящих среди первых!

И ужаснулся блаженный от такого необычайного видения и, вздохнув из глубины сердца, прослезился и

более не прикоснулся ни к чему из предложенного за трапезой, пока не встали».

Впоследствии выяснилось, что участники той трапезы у жены новгородского посадника Исаака Борецкого Марфы действительно были обезглавлены.

Это видение старца до такой степени потрясло Марфу, что она, изначально пренебрежительно и заносчиво относившаяся к Зосиме, «возлюбила его», став одним из наиболее влиятельных благодетелей его обители. Также следует заметить, что в 1450 году Кемская волость, составлявшая значительную часть Поморского берега Белого моря, была подарена Марфой Борецкой Спасо-Преображенскому Соловецкому монастырю.

Завершая тему мистической близости двух величайших соловецких подвижников и устроителей иноческого жития на архипелаге — Савватия и Зосимы, необходимо рассказать о возвращении мощей преподобного Савватия на остров, возвращении, которое во многом стало актом символическим, промыслительным и в полной мере объясняющим слова Евангелистов — «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32; Мк. 12, 27; Лк. 20, 38).

Итак, через несколько лет своего пастырства преподобный Зосима вспомнил о блаженном Савватии, о том, «что он прежде всех подвизался в трудах, посте и терпении и во многих добродетелях, а ныне мощи его лежат в неустроенном месте. И позвал он на совет братию и говорил: “Братия, как же мы соблазнились по неразумию о таком деле!”».

К подобным размышлениям Соловецкого игумена во многом подвигли отцы Успенского Кирилло-Белозерского монастыря, отправившие на остров письмо следующего содержания:

«Слышали мы раньше от людей, приходивших к нам с вашей стороны, об острове Соловецком, что прежде был он недоступен для людей из-за морских бед и тягот пребывания на нем — с тех древних лет, как солнце светит в небе...

Ныне же слышим от многих очевидцев, что на острове том, Божиим изволением и молитвами Пречистой Богородицы и усердием вашего о Господе трудо-

любия, создана обитель и собралось множество братии, и построен честной монастырь

Но одного вы лишены дара — того, кто жил на острове прежде вашего о Господе трудолюбия и окончил свою жизнь в молитвах, трудах и посте, будучи совершенным в исполнении монашеских подвигов. Как и преподобные отцы в древности, так и этот блаженный Савватий, удалившись от мира и всей душой возлюбив Христа, принял блаженную кончину в радости, достигнув совершенства.

Да и сами мы свидетели добродетельного его жития, потому что жил этот блаженный Савватий в Доме Пречистой Богородицы Кириллова монастыря.

Ныне же даем вашей святости духовный совет: да не будете лишены такого дара, уготованного вам от Бога, но идя скоро, со рвением, перенесите мощи блаженного в свой монастырь, чтобы там, где он многие годы потрудился телесно, были положены и святые мощи его».

Очевидная духовная и молитвенная связь двух крупнейших монастырей Русской Фиваиды свидетельствует о том, что уже в 60-х годах XV столетия на Севере существовала своего рода иноческая ойкумена, монашеское сообщество, далеко выходящее за рамки исключительно территориальной принадлежности. Так, Белозерье объединяется с Ошевенским краем (Каргопольские земли), Комельский лес (ныне Горязовецкий район Вологодской области) взаимодействует с Онегой, а Соловки связаны Псковом и Новгородом.

Бесспорно, главным объединяющим началом Северной Фиваиды при очевидной климатической, экономической и ментальной близости живущих здесь людей становится, по мысли историка Г. П. Федотова, хранение в наибольшей чистоте заветов преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, а именно — смиренной кротости, любви к уединенному богomyслию и нестяжания. Причем нестяжания в самом строгом смысле, не личного, а именно монастырского отказа от собственности.

В монографии «Святые Древней Руси» читаем такие слова: «Эти святые легко прощают и оскорбителей своих, и разбойников, покушающихся на монастырское имущество... Мистическое самоуглубление, бегство в пустыню не мешает северным подвижникам прослав-

лять любовь как “главизну добродетелей” и излучать ее при всяком соприкосновении с людьми».

То обстоятельство, что все эти годы монахи Кириллова Белозерского монастыря не забывали о своем великом сподвижнике Савватии, говорит о многом. Например, о том, что информация из Валаамской обители, с Соловков и с Поморского берега Белого моря — мест, где подвизался отшельник, доходила до кирилловской братии. О том, каким образом, мы можем лишь предполагать — рассказы паломников и странствующих монахов, свидетельства купцов, рыбаков и иного «рабочего люда». Следовательно, весь этот гигантский, занимающий Ростово-Суздальские, Вологодские, Белозерские, Новгородские и Поморские земли организм жил, в него были включены монахи и миряне, представители разных народностей, разных духовных школ и традиций. И преподобный Савватий Соловецкий для многих из них являлся примером, если угодно, духовным абсолютom, идеалом, к которому должно стремиться. Важно заметить, что отшельник, как, впрочем, и подавляющее большинство анахоретов Северной Фиваиды, не звал за собой, был чужд дидактике и совсем не походил на миссионера. Напротив, Савватий бежал из этого мира во исполнение слов преподобного Максима Исповедника: «Блажен человек, не привязанный ни к какой вещи тленной или временной». Но в этом его бегстве, исходе, освобождении от страстей и соблазнов было много больше учительства и назидания остающимся в миру, была своего рода таинственная жертва, приносимая ежедневно, изо дня в день, из года в год безо всякой надежды, что она будет принята и понята современниками, близкими, друзьями. Был пример того, насколько далеко можно уйти в поиске и постижении свободы, «сороботничества» человеческого и Божественного естества.

«Блаженный же игумен Зосима, прочитав послание из Кириллова монастыря, возрадовался душою... и в тот же час стал он готовиться, вместе со множеством братии, к путешествию в судах по морю» — на побережье, в устье реки Выг, где в часовне и был погребен Савватий.

На тот момент с кончины первого соловецкого отшельника прошло ровно 30 лет.

Немаловажную роль в обретении мощей Савва-

тия сыграл уже известный нам новгородский купец Иоанн, которого прозорливый старец не благословил выходить в море, чем спас от неминуемой гибели в буре. Иоанн стал первым мирянином, увидевшим почившего Савватия: «И, приблизившись, сказал он святому: “Благослови, отче Савватий, раба своего в путь”. И, склонившись, увидел, что тот предал душу Господу. И стоял Иоанн размышляя, и молился про себя, возводя взор к образу Господа: “О Владыко Господи: как мне поступить? Какое принять решение? Боюсь оставить мощи преподобного сего без приготовления к погребению, Милостивый, но и не смею прикоснуться к святому его телу недостойными руками своими — да не навлеку на себя беду за свое достоинство!” И вспомнил слова Господа, сказавшего жене кровоточивой: “Вера твоя спасла тебя”. И, дерзнув с великою верою, приступил, взял его, возложил себе на плечи, словно “легкое бремя Христово”, отнес и положил посреди часовни — и, поцеловав со слезами, вышел».

Имя «некоего христоролюбивого мужа по имени Иван» также упоминается в письме иноков Кирилло-Белозерского монастыря преподобному Зосиме: “Некоторые же из братии нашего монастыря, бывавшие в Великом Новгороде, слышали от некоего христоролюбивого мужа по имени Иван следующий рассказ. Вот что он поведал: ‘Однажды, идя в море из реки Выг (в селе Сорока), встретил я старца-отшельника по имени Савватий, жившего на Соловецком острове. И удостоил меня Бог вместе с игуменом Нафанаилом похоронить святые мощи его у часовни близ Выга-реки. И молитвами его совершал Бог преславные чудеса’ ”. И рассказал о брате своем Федоре, который лишь поклонился гробу преподобного — и от какой страшной смерти был сохранен в море молитвами блаженного Савватия! — и о многих других чудесах и знамениях, которые совершались у гроба его святого».

Первое упоминание о селе Сорока, расположенном при впадении реки Нижний Выг в Белое море, относится к 1419 году.

Русский писатель, этнограф Петр Иванович Челищев так описывал эту местность в своей книге «Путешествие по северу России в 1791 году»: «Не доезжая деревни Сорокской верст двух, один выпавший из Выг-реки, по крестьянскому названию, падус (или пудос, то есть

рукав реки. — *М. Г.*), или разделение оной реки версты на две надвое, называется особою рекою Сорокою, которая, обойдя с левой стороны деревню того же названия, соединяется опять с рекою Выгом».

Таким образом, село Сорока представляло собой ряд тоней (мест ловли рыбы с обустроенным хозяйством — жилой избой, поварней, ледником, амбаром, баней, вешал для сетей), расположенных на небольших островах в дельте реки, между которыми существовало лодочное сообщение. На одном из таких островов, скорее всего, и находилась часовня (по другой версии, церковь), у стен которой был погребен Савватий Соловецкий.

Известно, что в 1551 году по указу царя Ивана Васильевича IV (Грозного) Сорока стала вотчиной Соловецкого монастыря, но, к сожалению, ни одной постройки того времени до нас не дошло. В 1931—1933 годах в ходе строительства Беломорско-Балтийского канала, а точнее, 19-го шлюза, открывавшего выход в Белое море, Сорока была объединена с лесопильным поселком имени Солунина, поселком водников и железнодорожной станцией Сорокская. Новый населенный пункт стал называться Беломорском.

В Житии преподобного Зосимы сказано: «...пошел он к лодке и отправился в путь. И было его плавание по морю благополучным — по молитвам того, кого он искал. И на второй день приплыли к тому месту, где находилась могила блаженного Савватия. Выбрав удобное время, когда им никто не препятствовал, они, раскопав землю, обрели гроб, в котором были положены честные мощи святого».

Для того чтобы оценить и прочувствовать всю глубину и торжественность этого момента, необходимо понять, какую роль в духовной и мистической жизни православного христианина играло и играет почитание мощей святых угодников Божиих.

На этот вопрос святые Отцы Церкви отвечают следующим образом.

Во-первых, останки святых оказывают огромное воздействие на душу человека, являясь своего рода живым и зримым напоминанием о личности святого, побуждая к подражанию его благочестивым подвигам. «Вид гробницы святого, проникая в душу, и поражает

ее, и возбуждает, и приводит в такое состояние, как будто сам лежащий во гробе молится вместе, стоит перед нами, и мы видим его, и таким образом человек, испытывающий это, исполняется великой ревности и сходит отсюда, сделавшись иным человеком», — утверждает святитель Иоанн Златоуст.

Во-вторых, почитание мощей угодников Божиих имеет литургическое значение. Один из Учителей Древней Церкви Ориген (185 — ок. 254) писал: «В молитвенных собраниях присутствует двойное общество: одно — состоящее из людей, другое — из небожителей». Мощи святых и являются залогом их (небожителей) участия в Божественной литургии. Именно по этой причине евхаристия совершается на гробах мучеников, которые служат престолом для таинства, а плат антиминос со шшитыми в него частицами мощей символизирует эти почитаемые захоронения.

И наконец, в-третьих, учение Православной церкви о почитании святых мощей стоит в одном ряду с догматами Воплощения и Искупления, что наполняет почитание особым торжественным и мистическим смыслом.

Обретение мощей преподобного Савватия, перенесение их на Соловецкий остров и захоронение за алтарем Успенского собора (с последующим перенесением в Спасо-Преображенский собор), безусловно, стало важнейшим событием не только в жизни Соловецкой обители, но и всей Русской Фиваиды в целом. Трудами и молитвенным трезвением младших современников и учеников преподобного Сергия Радонежского, а также нового поколения подвижников «Сергиевской плеяды» (учеников учеников святого Сергия) иноческая ойкумена на Севере, в частности в Поморье и на Соловецких островах, обрела своих прославленных подвигами и чудесами подвижников (Савватий, Зосима и Герман, Иоанн-свещеносец, Василий-келейник, Макарий-рыболовец, Онуфрий-пустынник, Герасим-отшельник, инок Ианнуарий, Стефан-трудник, Филипп-пустынник, Досифей-затворник, Елисей Сумский), давших наставления (*мистагогия*) тем, кто пришел продолжить их подвиг.

В этом, можно утверждать, в полной мере выразилась каноническая преемственность и верность традициям, из поколения в поколение передающимся еще от пустынников-анакхоретов Древней Церкви.

Глава четвертая

Род проходит, и род приходит

В. И. Немирович-Данченко. — Савватий, Зосима, Герман. — Поморы. — Мореходы, не знавшие крепостного права. — Быт поморов. — Поморский дом. — Судостроение. — Шнякя, коч, карбас. — Весновальный промысел. — Ожидание без страха. — Селение Устьянское. — Солеварни на Кие. — Лямецкий и Летний берега. — Рыбацкая изба. — Сумской посад. — Елисей. — Кончина Германа Соловецкого

Когда шнякя (парусно-гребное, плоскодонное, беспалубное судно у поморов) с мощами преподобного Савватия отошла от деревянного, наскоро сколоченного причала и в сопровождении карбасов, на веслах которых сидели соловецкие монахи, начала медленно удаляться от берега, лишь один человек из тех, кто сопровождал на Соловки гроб с телом великого подвижника, почувствовал в эту минуту само вещество времени, его суть, его смысл, заключенные в словах из Книги Екклесиаста:

«Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Прошло 36 лет с того дня, как этот человек вместе с преподобным Савватием под недоуменные взгляды рыбаков-поморов отправился на «Остров мертвых», по сути в небытие, туда, откуда не было возврата. И вот теперь, наблюдая за тем, как огромные поморские избы села Сорока постепенно растворялись в морской дымке, сначала превращались в едва различимые на береговой линии точки, а потом и вообще исчезали за горизонтом, Герман с изумлением и радостью ощущал, что времени нет, что сейчас, как и в 1429 году, они вместе

с многоопытным старцем Савватием, пришедшим на Дышащее море с Валаама, запоют из Акафиста Смоленской иконе Божией Матери: «Радуйся, Благодатная Одигитрие Марие, и радости духовныя исполни нас».

Мог ли тогда Герман помыслить о том, что спустя годы он вот так же будет идти на Соловки со своим любимым другом, сподвижником и спостником, будет так же мысленно беседовать и молиться с ним?

Едва ли, потому что заглядывать в будущее, предаваясь фантазиям, читай, соблазнам, было не в правилах монаха, для которого каждый прожитый день уже есть счастье, счастье молиться, счастье ощущать Божественное присутствие во всем. А завтрашний день будет таким, каким будет, и никому, кроме Бога, не известно, каким именно.

В 60-х годах XIX века путешественник и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко (старший брат известного режиссера) так опишет путешествие на Соловки по водам Белого моря: «Передо мною растянулась необозримая даль серовато-свинцового моря, усеянного оперенными гребнями медленно катившихся валов... да, море действительно храм. И рев бури, и свист ветра, и громовые раскаты над ним — это только отголоски, отрывочно доносящиеся к нам звуки некоторых труб его органа, дивно гремящего там, в недоступной, недосыгаемой высоте — великий, прекрасно охватывающий все небо и землю гимн. Вот сквозь клочья серых туч прорвался и заблестал на высоте широкий ослепительный луч солнца — и под ним озолотилась целая полоса медленно колыхающихся волн... Вот новые тучи закрыли его. Божество незримо, но присутствие его здесь чувствуется повсюду».

Герман молча смотрел на неподвижную, едва подверженную движению морскую гладь...

Личность этого инока является, пожалуй, самой загадочной из великой Соловецкой троицы (Савватий, Зосима, Герман). Рукописное Житие отшельника, составленное около 1627 года неким монахом Соловецкого монастыря с приложением к нему описания чудес, совершившихся у иконы преподобного в Тотье, немногословно, а посему информация о старце крайне скудна.

В частности, мы лишь знаем, что Герман был этни-

ческим карелом, происходил из Тотьмы (по другой версии, из Вологды), не был обучен грамоте, а до встречи с преподобным Савватием на реке Выг уже подвизался в этих местах (на Беломорье) и даже вместе с поморами-рыбаками ходил на Соловки.

Герман находится как бы в тени Савватия и Зосимы, он сослужит им, абсолютно не претендуя на первенство, хотя его опыт в поморской и островной жизни впечатляет, а частые поездки на материк по монастырским делам свидетельствуют о том, что инок был опытным мореходом и знатоком акватории как Онежской губы, так и береговой линии Белого моря.

Наверное, наиболее полно его личность для нас раскрывает это прощальное путешествие на остров с мощами Савватия. В этом сосредоточенном молчании Германа (в тех немногочисленных эпизодах житий Савватия и Зосимы, где он появляется, Герман почти не говорит) заключено трогательное и в то же время напряженное самоуглубление, о котором преподобный Исаак Сирийский говорит: «Облака закрывают солнце, а многоглаголанье затемняет душу, которая просвещается молитвенным созерцанием».

Аллегорическое противостояние солнца и облаков, штормового возмущения и безмятежности, света и тьмы является для Германа, сопровождающего гроб Савватия на остров, катарсисом его внутренней духовной работы, торжеством его индивидуальности, воплощенной в соборности. Он один перед Богом, но он не одинок в своем монашеском служении.

И это огромное, бескрайнее, немислимое пространство от Онеги до реки Выг, от Выга до Кузовых островов и Соловков наполняется для него жизнью, живыми людьми, мирянами, священниками, иноческой братией, свет от которых идет постоянно, вне зависимости от времени года, расстояний и погодных условий, днем и ночью, во время постов и праздников, в минуты горя и радости. Это и есть сообщество верных, соединенных тайной Божественной благодати, что, по мысли отца Сергия Булгакова, являет собой существо Церкви, которое открывается в насущном и ежедневном: в забрасывающих сети рыбаках, в возводящих тони работных людях, в идущих по морю иноках.

И вот теперь, когда суда подошли к острову, как со-

общает Житие Зосимы, «вышла вся братия встречать мощи святого со свечами и светильниками, и вынесли их с почетом из судна, и положили на одре. И торжественно внесли с псалмопениями в святую церковь Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. И поклонялись мощам святого до утра. Утром же совершили надгробное пение. И многие страдавшие различными недугами, приходя с верою, облобызав мощи святого, получали исцеление и возвращались домой здоровыми, радуясь и благодаря Христа Бога и Пречистую Его Матерь, одаривших угодника своего таким почитанием. Братия же, видя многие чудеса, совершающиеся от гроба преподобного, радовалась обретению такого «бесценного бисера», приносящего плод душевного спасения».

В жизнеописаниях соловецких подвижников нет упоминания о том, что Герман принимал участие в обретении мощей Савватия и их перенесении на остров, но, право, трудно предположить, чтобы Зосима осуществил это достойное деяние без участия человека, стоявшего у истоков иноческой жизни на острове и лично знавшего святого пустынножителя.

«Мудр и опытен благодаря многолетним монашеским трудам и праведной жизни» был сей старец. Эти слова о Германе из Жития преподобного Зосимы в полной мере отражают уважительное отношение Соловецкого игумена к подвижнику, благодаря ободряющим словам которого — «дерзай, любимый, ибо тебя Бог благоволил (избрать) для места этого!» — Зосима исполнился «дерзновения и устремился на подвиг телесный и духовный: телесный — в созидании монастыря непрерывном, духовный же — в вооружении на невидимых врагов постом и молитвой».

Следовательно, эпизод в нашей книге, рассказывающий об участии Германа в перезахоронении мощей преподобного Савватия, есть в большей части дань художественному вымыслу, изобразительному рисунку повествования, без которого образ немногословного соратника преподобных Савватия и Зосимы был бы, на наш взгляд, несколько формальным, лишенным той удивительной теплоты и открытости, которые характеризовали этого человека.

Можно утверждать, что Герман был тем связующим

звеном между соловецкими иноками и поморами, без которого взаимодействие, да и вообще нормальная соседская жизнь были бы просто невозможны. Пожалуй, преподобный старец как никто иной из соловецких началоположников знал поморский быт и менталитет местного населения, с которым ему, по долгу иноческих послушаний, приходилось общаться.

Дважды покинув остров (при Савватии и при Зосиме) на длительный срок, Герман полностью погрузился в быт и повседневность поморов; он сам отчасти стал помором, полюбив эти неуютные на первый взгляд и суровые земли.

Итак, кто же были эти люди, рядом с которыми трудами и молитвами преподобных Савватия, Зосимы и Германа был устроен Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь?

Традиционно к поморам было принято относить население так называемого Поморского берега Белого моря, иначе говоря, побережья Онежской губы от Онеги до Кеми (по большей части это были выходцы из Великого Новгорода). Однако впоследствии поморами себя стали также именовать обитатели приморских Архангелогородских земель и Кольского полуострова. Непростые климатические условия проживания, неразрывная связь с Белым (Дышащим) морем, вернее сказать, зависимость от него, и, наконец, отсутствие крепостного права сформировали особый, если угодно, социальный этнос, группу людей, которых, по словам известного русского этнографа и путешественника Сергея Васильевича Максимова (1831—1901), отличала «какая-то крепкая самоуверенность в личных достоинствах и развязность в движениях».

Эти люди, на протяжении многих поколений занимавшиеся смертельно опасным морским промыслом, знавшие о том, как выживать в суровых условиях Беломорья и Арктического Севера, неколебимо соблюдавшие традиционный уклад и ментально ощущавшие себя единственными хозяевами бескрайних просторов от Онеги до Кольского полуострова и Мезени, имели свое представление о том, как должно жить праведно, достойно и по чину.

Ярко и самобытно Поморский берег, то самое эк-

зистенциально бескрайнее пространство Беломорья, в своей книге «Год на Севере» описывает С. В. Максимов:

«Морем, суженным множеством луд, между которыми самые большие и метко названные — Медвежьи Головы, плыли мы от Сумы по направлению к следующему поморскому селению Колежме. Виделись нам на протяжении пути этого на берегу и наволоках две избы, на трехверстном расстоянии одна от другой, — соляные варницы... Место это, прозванное железными воротами, ежеминутно грозило опасностью из каждого острия огромных камней, замечательно обточенных морским волнением, и нам, и нашему карбасу, который теперь оказался окончательно утлым, ненадежным, ничтожным... После многих нечеловеческих усилий пробрались мы через узенький проход, или собственно ворота, сделанные более усилиями рук человеческих, чем течением моря... а вот, наконец, и вожделенное селение Колежма.

Село это разбросано в поразительном беспорядке и, вероятно, оттого, что первоначальные жители предпочитали близость моря удобству местоположения. Местность вплотную изрыта огромными скалами, неправильно раскиданными, отделяющими один дом от другого на заметно большие расстояния. Оба ряда домов идут по обеим сторонам речонки, на противоположной стороне которой видится церковь... слышится ужасный свист ветра».

Именно такую картину имел возможность наблюдать и преподобный Герман, когда в 30-х годах XV столетия он посещал поморские земли. Но следует заметить, что за этими грозными и величественными картинами природы Русского Севера всегда стояли люди — коренастого, жилистого сложения, невысокого роста, всегда аккуратно и крайне функционально одетые, немногословные, хорошо знающие себе цену, свято почитающие традиции предков. Пожалуй, северный традиционализм в первую очередь проявлялся в быту поморов, воспринимавших семью как основу основ, как малую церковь, где каждый несет свое послушание, а дисциплина и субординация цементировали воображаемые стены данного, построенного еще прадедами здания, дома.

Итак, поморский дом строился из специально отобранной ели или крупной смолистой сосны, которую

рубили топором в морозы. И даже в начале XVIII века, когда в столярный обиход вошла пила, строительный лес предпочитали именно рубить, а не пилить. Дело в том, что у спиленного дерева поры легко впитывают влагу, и бревно начинает гнить, тогда как у срубленной сосны поры залиты смолой, и проникновение влаги невозможно.

Затем срубленные стволы тесали, очищая от сучьев и коры, и просушивали.

На Севере традиционно дом рубили в «обло», то есть с выступающими концами связанных бревен по углам, что исключало расползание венцов со временем, а также наглухо стягивало швы между бревнами.

Выдающийся исследователь деревянной архитектуры Русского Севера, реставратор Александр Викторович Ополовников (1911—1994) писал: «Каждый венец требовал от плотника громадного терпения, мастерства, верного глаза и твердой руки. Ведь надо было сделать пазы, врубки, потайные зубья, притесать одно бревно к другому так плотно, чтобы между ними не вошло даже лезвие тонкого ножа. Гвозди были не нужны: без них сруб прочнее, устойчивее, долговечнее». К этому описанию следует добавить, что для уплотнения стыки бревен «мшили», то есть прокладывали мхом.

В итоге возводилась изба пяти- или даже шестистенка (по количеству капитальных бревенчатых стен, не перегородок), что традиционно укладывалась по углам (сплошной фундамент встречается редко) на гранитные валуны, до половины врытые в землю.

Отличительными конструктивными особенностями поморского дома были высокая рубленая *подклеть* — нижний нежилой этаж, как правило, используемый в качестве хлева, амбара, погреба, ледника, хранилища рыболовных снастей, а также *поветь* — хозяйственная неотопливаемая пристройка к жилой части дома на уровне второго этажа, куда вел деревянный взвоз.

Также для поднятия самого сруба над уровнем земли (в целях его защиты от затопления во время половодья или морских приливов) использовались так называемые *заплотины* — система бревенчатых срубов, порой заполненных камнями.

Наконец, все это грандиозное разноуровневое сооружение накрывалось единой кровлей, что требова-

ло от поморского мастера особого профессионального навыка.

Кровельный лес, а позже лемех (последний часто использовался в церковном деревянном зодчестве) тесался топором, который, по словам А. В. Ополовникова, «в руках северного плотника — универсальное и всемогущее орудие». Конечно, работа топором, в отличие от пилы, значительно более затратна и неспешна, но сила привычки и незыблемая власть традиций у поморов были велики, а посему все этапы строительства дома — от подклети до охлупня (конькового бревна на кровле) выполнялись именно таким образом.

Ключевым элементом крыши были так называемые «курицы» — молодые еловые стволы, естественным образом изогнутые под «прямым углом» на месте их перехода в корневище (это место называлось «кокоря»). Кстати, именно такие «кокоры» широко использовались поморами и при судостроении.

Итак, «курицы» выкладывались «кокорями» вниз поперек горизонтальных подкровельных бревен — *слег*, что, в свою очередь, крепились к фронтальной и торцевой стенам сруба на специальные бревна — *самцы*.

Венчали же кровельную конструкцию коньковое бревно и так называемые *потоки*, специальным образом выдолбленные бревна для отвода воды с крыши.

Внутреннее фундаментальное сооружение в полной мере символизировало основательность и степенную мудрость его обитателей. А обитателей в таких домах было много: под одной крышей тут жили деды и отцы, сыновья и внуки, одна большая семья, численность которой порой могла достигать до двадцати и более человек. В своем роде это было громадное семейное общежитие, где каждый обладал своим, отведенным ему старшими местом, а по мере вхождения во взрослую жизнь ставил перед собой цель построить такой же дом для своих детей и сродников.

Традиционно дом делился на теплую и холодную части, то есть предназначенную для жизни зимой и не предназначенную. Следует заметить, что подобное деление существовало и в церковной архитектуре — теплый (отапливаемый) и холодный, летний храм.

Следовательно, каждый поморский дом представлял собой самодостаточное и автономное хозяйство,

будь то рыбная ловля, охота, соляной промысел, сплав леса, а сообщество трех или четырех таких домов, то есть трех или четырех семей, уже составляло довольно крупное поселение.

Исследуя источники XVI—XVIII веков, этнограф и фольклорист Татьяна Александровна Бернштам (1937—2007) отмечала, что «внешний вид селений Поморья производил впечатление чистоты и зажиточности и тем самым резко отличался, по мнению многих путешественников, от сельских видов средней и центральной России. Эта черта вообще свойственна поселениям севернорусской зоны, особенно северной ее части: живописное расположение сел по берегам рек, большие избы, часто богато украшенные резьбой и даже росписью, деревянные мостовые на улицах, изумительные ансамбли церковной архитектуры, которые независимо от их местонахождения (на краю или в центре деревни) организовывали главное и наиболее яркое впечатление от облика северной деревни».

Говоря о природных дарованиях поморов, наряду с их умением возводить впечатляющие и по сей день хоромы (под этим словом на Севере понимался не только просторный жилой дом, но и хозяйственные постройки при нем — амбары, бани, ледники), нельзя не сказать особо о судостроительной деятельности этих людей. Впрочем, это и понятно: живя на море и живя морем, поморы задолго до Петровских нововведений начала XVIII века прекрасно освоили кораблестроительное и навигационное дело, о которых имели свое особенное и весьма оригинальное представление.

«Давно и положительно известно, что лодейные мастера не знают ни чертежей, ни планов и руководствуются при строении судов только навыком и каким-то архитектурным чутьем, которое, как кажется, надо считать прирожденною особенностью карельского народа. В то же время остальные приемы при деле установлены дедовскими и прадедовскими обычаями, преданием и наглядным наставлением... — читаем в книге С. В. Максимова «Год на Севере». — ...Бывало прежде, мастер намечал на полу мелом, на песке палкой чертеж судна и вымеривал тут же его размеры. Ширину клал вершками пятью или шестью шире трети длины; половина ширины будет высота трюма. На жерди намечал рубежки (за-

метки) и по этим рубежкам этою же жердью все время намечал шпангоуты, называя их по-своему боранами (носовым и кормовым). Отвесы или перпендикуляры и на чертеж клал по глазу, без циркуля, и точно так же своим именем скул называл боковые части перпендикуляра, его прямые углы. Кончивши чертеж, мастер обыкновенно сбивал лекалы, если строится лодья, и считал это дело лишним, дорогим и для хозяина, если строилась шняка или раныпина. Сбивши лекалы, мастер приступал прямо и не обинуясь к работе, делал поддон — основание судна, его скелет; обшивал его снаружи и внутри досками; ставил три мачты, если лодья назначалась для дальних морских плаваний, и две, если она приспособлялась для богомольцев, идущих в Соловецкий монастырь. В одну зиму, при не слишком усиленной и ускоренной работе, лодья бывала готова».

Известно, что строительство лодий, шняк, сойм, кочей и карбасов началось в Поморье на рубеже XII—XIII веков. На *плотьбищах* — кустарных верфях производились суда разного назначения: для хождения по рекам, для прибрежного сообщения, для дальних морских переходов.

Пожалуй, наиболее распространенным и ходовым в вышеозначенном списке был так называемый сшивной карбас, имевший, говоря современным языком, большое количество модификаций по месту производства и профилю использования. В частности, карбас поморский и холмогорский, важский и вычегодский (назывался — *облас*), а также карбаса — весновальные (для весеннего промысла морского зверя, имели на днище полозья для вытаскивания на лед), почтовые, грузовые, таможенные, извозные (для перевозки богомольцев в Соловецкий монастырь).

Строительство карбаса у поморов традиционно называлось «шитьем», то есть судно именно сшивалось согласно специальной технологии, существовавшей еще в Древней Руси. При сшивке карбаса использовались «топорные» доски, которые получали путем проколки вдоль ствола клиньями с последующей их обработкой, доведением топором. По ходу монтажа корпуса судна доски укладывали сердцевинной стороной наружу, по-старинному — «шерстью по ходу» карбаса.

Итак, работа начиналась с подбора двух еловых

стволов с мощными корневищами, «кокорами». Один такой ствол становился килем — *матицей* и носовой частью карбаса, другой же — кормовой частью. Матицу и заднюю «кокору» соединяли в замок, чем задавали длину и габариты карбаса. Затем при помощи специальных приспособлений — шаблонов и клещей, между носом и кормой начинали вставлять доски обшивки и стягивать их между собой. Это был самый трудоемкий и самый ответственный этап работы.

В качестве шовного материала (*вицы*) использовались распаренные ветки молодого можжевельника или его корни, а также еловые корни, предварительно вымоченные в горячей смоле. Отверстия для шитья просверливались ручным лучковым сверлом, после чего их или обжигали, или смолили, чтобы предохранить от гниения. После протягивания нитей в отверстия каждое из них забивалось клином: снаружи — сосновым, внутри — еловым. Шпангоуты же подгонялись после окончательной установки обшивки. Корпус тщательно конопатили мхом, а затем смолили карбас изнутри и снаружи.

Поморский карбас имел одну или две мачты, вырезанные из сосны, с прямым парусным вооружением.

Известны случаи, когда паруса и даже одежду мореходов просмаливали, потому что штормовой ветер, брызги воды, резкие перепады температур за один сезон превращали ткани в ветошь, а ежегодно запасаться новой экипировкой мог позволить себе не каждый рыбак или мореход.

Наконец, следует добавить, особенно касательно вехновальных карбасов, что они могли использоваться также и как временное жилище на льдине во время охоты на морского зверя (тюленей, бельков).

Столь подробное описание технологии сооружения поморского судна и его оснащения нами предпринято не случайно. Дело в том, что преподобный Герман еще до своей встречи с Савватием, как мы помним, обитал на Поморском берегу Белого моря и даже ходил с рыбаками на Соловки. Если он и не занимался сам шитьем карбасов или лодий, то, по крайней мере, хорошо знал процесс, видел, как работают местные мастера. Во время его походов на материк эти знания были просто необходимы: ведь суда (особенно после попадания в шторм или зимней стоянки) требовали ремонта, да и вообще хозяй-

ского к себе отношения. Умение видеть «правильный» (с точки зрения корабеля) лес, владеть топором и сверлом, ставить парус или работать на веслах, ориентироваться в море по солнцу, звездам и рукотворным знакам (к таким по большей части относились поклонные кресты), знать устные лоции для монаха Северной Фиваиды, оказавшегося на Беломорье, было первоочередным знанием, без которого он едва ли бы смог преодолеть столь огромные расстояния по воде.

«Кто в море не ходил, тот Бога не маливал» — эта поморская мудрость в случае с преподобным Германом обретает глубокий символический и мистический смысл. Подвижник ощущает себя среди тех, кто, по слову Спасителя, закинул сеть и поймал великое множество рыбы, так что сети их прорывались. И объял всех ужас, потому что никогда такого не было раньше, но, как говорит Евангелист Лука, ответил Спаситель: не бойтесь, отныне будете ловцами человеков (Лк. 5, 4—11).

Не раз и преподобного Германа обуревали страх и ужас, когда оказывался он на краю гибели, но в то же время приходила и радость от того, что в любую минуту он может отойти в «горние селения», и эта мысль еще более укрепляла его молитву. «Всегда ожидай, но не бойся смерти, то и другое — истинные черты мудрости», — утверждал святитель Иоанн Златоуст.

Стало быть, ожидание без страха, бодрость без смятения, опытность без надменности и есть опыт преодоления смерти не как физического изъяна, но как победа над грехом, опыт обретения истинной свободы, когда нет страха и сомнений в следовании за Спасителем.

Для подобного мироощущения ойкумена Северной Фиваиды уже не кажется чем-то бескрайним и безнадежным, но более обретает черты одухотворенные, наполненные особым дыханием и рассуждением о покаянии как об исходном и естественном состоянии человеческой души, исполненной покоя, благодати и умиротворения.

В книге С. В. Максимова «Год на Севере» читаем: «...С востока потянуло крепкой пронизающей сыростью. Показались густо-плотные ключки облаков, превратившихся вскоре в сплошную массу, затянувшую ту часть горизонта, откуда появилось впервые густое дымчатое облачко — первый предвестник тумана. Солн-

це, до этой поры яркое и жгучее, со всеми характерными признаками летнего июльского солнца, стало каким-то матово-фольговым крутом, на который даже смотреть было можно безнаказанно, а там и совсем его затянуло туманом: ни один луч, ни одна искра света не могли пронизать тумана, чтобы осветить и нашу серую шкуну, нахмурившееся море, начинавшее усиленно плескаться в борта ее. Заводился ветер, но противняк. Вся надежда полагалась на полую воду, которая, следуя законам отлива, пошла с берегов и понесла вслед за нами ключья изжелта-зеленой туры (морского горошка), мелкие щепки, где-то выхваченное бревно, еловые ветки, лениво колыхавшиеся в густой пене, смытой с берегов соседнего гранитного островка, а отчасти пущенной и нашим утлым судном. Шли медленно, сколько это можно было понять из того, что у бортов не визжала и не шумела вода, разрезаемая носом, а медленно, монотонно плескалась на судно, и след шкуны был так короток, что конец его легко можно было уследить глазом. Вот пробежал легонький ветерок и прорябил стихавшую поверхность хмурого моря: след судна стал заметно удлиняться и совсем пропадать из глаз, подхватываемый набегавшими волнами».

Среди поморских населенных пунктов, которые предположительно мог посетить преподобный Герман во время своего нахождения на материке (к сожалению, в Житиях Савватия и Зосимы об этом нет никакой информации), можно в первую очередь назвать селение Устьянское, или Погост на море (сейчас это город Онега).

Еще с XII века, а точнее, с 1137 года Погост на море, имевший впоследствии несколько названий — Устьянское, Усть-Онега, фигурирует в новгородских грамотах и картах, а с конца XV века это поселение отходит во владения Марфы Борецкой.

Также известно, что в это время здесь уже существовала единственная на всю округу (Унежма, Кянда — новгородские поселения) Успенская церковь, которая была перестроена в 1695 году, а в 1597 году в Усть-Онеге возвели теплый Никольский храм.

После длительного хождения по водам Онежского залива Герман, безусловно, посещал Успенскую церковь, молился, а может быть, даже причащался тут Святых Тайн Христовых.

То обстоятельство, что в Усть-Онеге существовал храм, говорит нам о том, что это было весьма зажиточное и многолюдное поселение. Из более поздних источников (XVI века) известно, что здесь был весьма развит морской промысел, а также солеваренное дело на острове Кий, расположенном в десяти километрах от Онежского устья.

Расположенное в устье реки Онеги селение Устьянское играло ключевую роль в формировании торговых путей и товарооборота на Беломорье, связывая воедино Карельский, Поморский, Лямецкий и Летний берега. Более того, расположенные в глубине материка Вологда, Каргополь, Кирилло-Белозерский монастырь были включены в эту, говоря современным языком, коммуникационную схему благодаря реке Онеге, служившей единственным выходом материковых северян на берег Белого моря.

Впрочем, хождение по Онеге, богатой семгой и миногами, было занятием опасным (особенно в нижнем течении), потому что «всю ее, словно нарочно, какие-то богатыри закидали бесчисленным множеством крупных камней, перебор которых иногда сплошным рядом чуть не доходит от одного берега до другого, противоположного. Четыре раза в сутки все эти уродливо-каменные переборы, производящие на глаз неприятное, тяжелое впечатление, высоко покрываются прибылою с моря водою и потом опять, почти те же двенадцать часов, мечутся на глаза обывателям обнаженные, серые камни, в иных местах сопровождаемые длинными, желтыми запесками. Вид на город с реки, и притом издали, недурен; но мрачно глядят из города берега реки, поросшие густым, черным лесом... На меня смотрит оттуда дальняя дорога на Поморье, со всеми ужасами неизвестности, которой, кажется, на этот раз и конца нет за всеми болотами, реками, морем и океаном, озерами и гранитными берегами, и лудами». Это эмоциональное и отчасти поэтическое описание Онежского устья, составленное Сергеем Васильевичем Максимовым в 50-х годах XIX столетия, как нельзя лучше передает атмосферу этих мест. Так было и при Германе Соловецком, и при Никоне (будущем патриархе), когда он оказался на Кий-острове, а затем в селении Устьянском, и в середине XIX века, и в наши дни.

В начале 90-х годов минувшего века мне приходилось бывать в этих местах. Впечатления, оставшиеся после тех поездок, и по сей день будоражат воображение, ведь здесь полное ощущение того, что время остановилось, но при этом во всем чувствуется какая-то глубинная и неспешная жизнь, когда ты почти не встречаешь людей, но они сами и результаты их трудов присутствуют во всем.

Например, избы-зимовья тянутся тут до самого моря: изба Котова, Ильина, изба Белоозеро, изба Вежма, изба Красные Мхи. В них останавливаются покосники из Пурнемы (Лямецкий берег Онежской губы), которых привозят на лошадях или тракторах. Однако на побережье зимовья сменяют целые рыболовные хозяйства или *тони* — дом, сарай, конюшня, ледник для рыбы, а если рядом есть топь, то рыбу хранят и во мхах. После влажного, парного, гудящего комарами и мошкой лесного духа прохлада кажется сумрачной и беззвучной.

В поморском доме темно, потому что окна затянуты мутным, запотевшим целлофаном. Как слюдой...

Рыбацкая изба — это длинный, рубленный в лапу послевоенный барак, стоящий по углам на дубовых пнях или ледникового происхождения валунах, маленькая, обитая рваным дерматином дверь, печь, давно не беленная и обтрескавшаяся, стол, прибитые к полу скамьи. На стене железные кружки висят в ряд на длинных загнутых гвоздях. В углу развороченная сыростью, как взрывом, лохань для умывания, над панцирными сетями-кроватями марлевые пологи от комаров. Еще здесь на полу свалены в кучу горчичного цвета матрасы, а провода, свисающие с низких притолок, приспособлены под бельевые веревки.

А вот раньше на тонях все было иначе: в просторных сараях, выстроенных еще в XIX столетии, а то и раньше, где на выскобленных скребками бревенчатых стенах висел разного рода рыболовный инструментарий — мережь-сеть, острога для ручного боя рыбы, изъеденная морской солью драга для сбора водорослей, берестяной пестерь, что не пропускал воды, а в брезентовом мешке — каменные грузила, — всё было по чину, всё на своем месте, и так из века в век.

Старики, оставшиеся в Пурнеме, Лямце, Тамице, Онеге и Ворзогорах, еще помнят, как раньше шили кар-

баса, чтобы они волну резали, не то, что сейчас «казанки» — как консервные банки с волны на волну переваливаются, как ходили на Кондостров и на Кий.

А во время прилива с фарватера, проставленного ржавыми бакенами, к острову ходят водометные катера «Онега-сплав», что ревут, плюются водой, поднимают волну. Мимо отмелей и выступающих из воды каменных глыб, облепленных жирными лиловыми водорослями, судно способно подойти и к местному причалу — огромному сварному поплаву из-под плавучего крана. С дебаркадера на берег к домам ведет сколоченная из горбыля мостовая. Раньше здесь, на мысу, находилась таможня Крестного монастыря, о которой свидетельствуют сохранившиеся до сих пор вбитые в прибрежные гранитные луды стальные кольца — так перегораживали островную бухту, привязывали корабли. Особо соблюдали вывоз и провоз соли, которую выпаривали на солеварнях Кия.

Дома островных рабочих тут стоят у самой воды, и если ночью не закрывать окно, то в дрожащую красными сполохами печного огня комнату будут доноситься неумолчный шум моря, веками точащего мертвые камни, и крики чаек.

На зиму в приморских поселках Лямецкого берега теперь мало кто остается. По большей части уезжают в Онегу, Мурманск, Архангельск или Северодвинск. И становится совсем тихо, наступает то самое внутреннее и внешнее безмолвие, которое было здесь и во времена Соловецких начальположников. Весной и летом на побережье всё оживает, появляются дачники, всё более слышны голоса, смех, детские крики, а еще из Онеги сюда два раза в неделю приходит «Шебалин», привозит почту. Его встречают на «моторах» как посланника Большой земли «всей компанией», приветствуют, просят капитана передать в город друзьям и родственникам «гостинчики».

Он хмурится, но соглашается: мол «а шаньгами-то угостите за это?» — «Конечно!» — смеются на подошедших к «Шебалину» «Казанках», тех самых, «которые как консервные банки с волны на волну переваливаются»...

Еще один населенный пункт Поморского берега Белого моря, который помнит преподобного Германа Соловецкого, — Сумской посад. Точнее сказать, подвижника помнит устье реки Сума, где он в 1435 году встретил

молодого монаха Зосиму, откуда они вместе ушли на Соловки и куда Герман, скорее всего, вновь вернулся в поисках «христолюбивых людей ради нужд монастырского строительства».

Первое же упоминание о Сумском посаде (Сумском остроге) относится к 1452 году, когда Марфа Борецкая отписала его в вечное пользование Соловецкому монастырю. Основанное новгородскими переселенцами село находилось на берегу реки Сумы, точнее сказать, было поделено рекой на две части и отстояло от Онежской губы Белого моря на несколько километров. Сделано это было не случайно — весенние половодья и морские приливы были серьезной угрозой посаду, и даже самые изощренные поморские инженерные сооружения (заплотины) не всегда спасали от затопления.

К моменту посещения этого поселения Германом оно уже было хорошо известно на побережье как место, где занимались солеварением, морскими промыслами, охотой, а также судостроением. На первый взгляд набор традиционный для северян, но не следует забывать, что лишь зажиточное, имеющее влияние поморское село могло адекватно откликнуться на нужды соловецких отшельников, найдя для себя со временем не только духовную, но и материальную выгоду в таком сотрудничестве.

Как мы помним, именно из той поездки на материк Герман привозит на остров некоего помора Марка (в монашестве Макария), коий «был искусен в рыбной ловле», а через некоторое время, как сказано в Житии Зосимы, «пристали к острову люди, и с ними был инок по имени Феодосий... имел же он священнический сан».

Постепенно интерес к обители стали проявлять не только жители Поморского, Карельского и Лямецкого берегов Белого моря, но и новгородские купцы.

Именно с Сумским посадом связано имя младшего современника преподобного Германа — соловецкого инока Елисея, который почитается в Соборе Новгородских, Карельских и Соловецких святых.

К сожалению, информация о жизни этого подвижника практически отсутствует. Исключение составляет лишь финальный эпизод его жизни из «Чуда о некоем чернцы Елесеи», когда соловецкие монахи Даниил, Елисей, Савватий и Филарет отправились по благословению игумена (соответственно Зосимы) ловить ры-

бу на реку Выг у порога Золотец. Здесь, на берегу реки, инок Даниил предсказал Елисею близкую смерть: «К тому убо не имаша рыб ловити, се бо ти смерть приближися». И объяла Елисея «великая скорбь», но не потому, что он испугался близкой кончины, а потому, что не успел принять «великого образа ангельского» — схимы. По совету братьий инок сам возложил на себя схиму, однако ночью был исхищен демонами, которые надругались на нем и сорвали с него схимнические ризы. Тогда было принято решение выдвинуться в село Сума (60 верст от Выга), где находилось Соловецкое подворье и жил священник.

В одной из поздних редакций Жития Елисея это событие описано следующим образом: «Когда они находились на середине Сумской губы, настала великая буря. Волны подобились горам, на судне разорвался парус, сломалась мачта, весла выбило волнами из рук гребцов; к тому же налегла такая тьма, что плователи едва видели друг друга. Все были в отчаянии, наемники роптали и укоряли иноков, но болящий Елисей не малодушествовал, ибо его успокаивало дивное видение из иного мира.

“Не бойтесь и не скорбите, братия, — говорил он соплавателям, едва дыша от изнеможения, — я вижу отца Зосиму с нами в судне, он помогает нам. Все это случилось с нами по действию диавола, желающего погубить мою душу, но Бог по молитвам преподобного Зосимы истребит супостата”. Вскоре затем ветер мало-помалу начал утихать, волны улеглись, на море водворилась тишина».

Однако, придя в Сумской посад, выяснилось, что Елисей, не выдержав тягот пути, скончался, так и не успев принять схиму. Как сообщает Житие подвижника, после общей молитвы и заступничества преподобного Зосимы Елисей ожил, был пострижен в великую схиму и причастился Святых Тайн Христовых, после чего с миром «отошел ко Господу». Тело его было погребено за алтарем Никольской церкви в Сумском посаде.

Произошло это на рубеже 70—80-х годов XV столетия.

В составленном между 1701 и 1710 годами «Сказании о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского, нового чудотворца» собрано большое количество описаний молитвенной помощи святого Елисея Сум-

ского как монахам Соловецкого монастыря, так и жителям Беломорского побережья. Интересно заметить, что большинство этих чудотворений связано с драматическими событиями Соловецкого восстания 1667—1676 годов, о котором в нашей книге еще пойдет речь.

Таким образом, можно утверждать, что Сумской посад эпохи преподобного Германа наряду с Усть-Онегой был во многом знаковым поселением на Поморском берегу Белого моря. Именно отсюда, а также из устья реки Выг в те годы осуществлялась связь материка с Соловецким островом. Связь, которая крепла день ото дня.

Свое последнее хождение по водам Белого моря преподобный Герман совершил в 1479 году, когда соловецкий игумен Арсений (преподобный игумен Зосима Соловецкий скончался в 1478 году) благословил старца отправиться в Новгород, где в Антониевом Рождества Богородицы монастыре великий соловецкий подвижник скончался.

Вскоре гроб с телом Германа был переправлен на реку Свирь в село Хевроньино (по другой версии, Хавроньино), откуда предполагалось его доставить в Спасо-Преображенский монастырь. Однако непогода и распутица пресекли эти намерения, и Герман был погребен у местной часовни, так и не достигнув своего острова.

Монах, умерший для прежней мирской жизни, но обретший возрождение в новое бытие, со смирением и бесстрастием принимает любую жизненную коллизию, любой поворот, любую неожиданность, пускай даже и смертельно опасную, совершенно при этом отрекаясь от своей воли, находя «узкий путь» единственным и очевидным, хотя он тесен и прискорбен.

Труды и дни преподобного Германа, как мы видим, явили нам яркий и удивительный пример того, как можно и должно, не возносясь, не главенствуя, не сокрушаясь попусту, вечностью упразднить время, как это всякий раз происходит во время Тайной вечери. И тогда обыденность станет тождественна не бытовой рутине, не однообразной смене дней и прожитых лет, но ободряющему и бесконечному постижению Божественного замысла, напряженному духовному, умственному и эмоциональному труду, своего рода собеседованию с собой и примирению с самим собой.

Глава пятая

Филипп

Кижэ. — Субота. — Федор Колычѣв. — Московские бояре. — Андрей Старицкий. — Бегство из Москвы. — Отречься от себя. — Деревянный монастырь. — Игумен Арсений. — Пожар 1538 года. — Послушник Федор. — Послушания инока Филиппа. — Традиции Кирилла Белозерского на острове. — Старец Иона. — Вкладное монашество. — Аскетические подвиги Филиппа. — Архиепископ Феодосий. — Иноческий обиход при Филиппе. — Филиппова пустынь. — Два крыла. — Йодпром. — Жесткая дисциплина при Филиппе. — Наказания. — Каменное строительство. — Конфликт в монастыре. — Спасо-Преображенский собор. — Никита Минов. — Иоанн Васильевич

20 июля 1537 года в деревню Кижэ (вариант — Хиже), что находилась на берегу Онежского озера, вошел странник. Сейчас, скорее всего, это поселок Возрицы, расположенный на северо-восточном берегу озера в 62 километрах от Медвежьегорска у подножия кручи Хиж. Исторический топоним, как и сам населенный пункт не сохранились.

Манеры и речь незнакомца выдавали в нем человека знатного происхождения. На вид ему было около тридцати — высок, строен, с коротко обстриженной черной бородой и усами.

На вопрос, у кого можно было бы тут остановиться до зимы, местные ответили, что на краю деревни живет пастух по имени Субота (распространенное в XV—XVII веках нехристианское имя: так часто называли мальчика, родившегося в субботний день).

В доме Суботы странник выполнял самую тяжелую работу — пас скот, обрабатывал поле и огород, плотничал, чинил рыболовные снасти.

Осенью, покидая деревню, незнакомец сообщил хозяину, что идет из Москвы на Белое море, и звали того незнакомца — Федор Колычѣв.

Известный русский церковный историк и публицист Георгий Петрович Федотов писал: «Путь на Соловки долог и труден. Федор направился не прямой дорогой из Москвы через Вологду, по Двине, а окольной,

через земли Новгородские... Дороги вели по озерам и болотам, недоступным для пешего в летнее время. Приходилось или плыть на лодке, или ждать зимы, когда мороз скует зыбкие трясины. Какие-то неведомые нам причины — быть может, бездорожье, быть может, отсутствие средств — заставили путника остановиться на берегу Онежского озера в деревне Кижэ (или Хиже)».

Даже тем, кто имеет представление о русской истории лишь из школьного курса, фамилия Колычѣв скажет о многом.

Родоначалником Колычѣвых принято считать московского боярина времен Ивана Калиты и Симеона Гордого, первого исторически достоверного предка Романовых Андрея Ивановича Кобылу (середина XIV века). При Иване III Колычѣвы уже принадлежали к верхушке московской аристократии, входили в придворную элиту.

В монографии Г. П. Федотова «Святой Филипп митрополит Московский» читаем: «Дед Федора Иван Андреевич Колычев-Лобанов при Иване III ездил послом в Крым, бывал наместником в Новгороде, нес ратную службу: ходил против шведов и даже был убит (в 1502 г.) при нападении ливонцев на Ивангород. Сын его, боярин Степан Иванович, по прозванию Стенстур, отец Федора, был назначен дядькой (воспитателем) великого князя Юрия Васильевича, брата Грозного, а дядя Федора Иван “ведал думу” князя Андрея Ивановича Старицкого, удельного князя из московского дома, — брата Василия III».

Таким образом, как мы видим, с раннего детства Федор Степанович оказывается погруженным в атмосферу придворной жизни; более того, его ближайшие родственники занимают ключевые посты при дворе, что не может не сказаться на воспитании и образовании молодого человека.

Однако информация о первых тридцати годах жизни будущего соловецкого игумена и московского первосвященника носит отрывочный характер. Известно, что Федор рано научился грамоте, а также, будучи боярским сыном, получил обязательное по статусу воинское воспитание: как сказано в его жизнеописании, «вразумлялся и воинской храбрости». Но чем конкретно занимался юноша, а впоследствии и молодой мужчина, мы не знаем. Скорее всего, он несет государеву службу при дворе. «До того он мог нести службу ратную, ходить в

походы, — предполагает Г. П. Федотов и с сожалением добавляет: — ...но об этом не сохранилось никаких свидетельств. Неизвестно также, действительно ли Федор попал во дворец лишь после смерти великого князя Василия (как утверждает его Житие). Его отец и дядя были близки к московскому двору, и вряд ли стоило бы ждать так долго (до 26-летия Федора), чтобы устроить молодого Колычова на одну из почетных и многообещающих придворных должностей».

Однако история учит, что жизнь и служба при дворе, при власть имущих — это особый вид и род человеческой деятельности, на которую способны далеко не все. И уж совсем немногие способны извлечь из этого для себя пользу, материальную выгоду, не утратив достоинства, чести, да и самой жизни.

В марте 1534 года между князем Андреем Ивановичем Старицким, дядей Федора Колычёва, с которым они, к слову сказать, были очень близки, и Еленой Глинской, регентшей при малолетнем Иване Васильевиче (будущем Грозном), разгорается конфликт. Андрей Иванович не получает значительных властных преференций после смерти великого князя Василия III, на которые рассчитывал, и демонстративно покидает Москву. Через три года при попытке бегства в Литву он будет схвачен, возвращен в столицу и заточен в тюрьму, где вскоре и умрет в возрасте сорока семи лет.

Понятно, что подобные драматические события не могли не сказаться на всех членах семьи Колычёвых.

В 1537 году Федор Степанович Колычёв тайно покидает Москву.

Об этом странном уходе до сих пор не утихают споры.

Житийная версия произошедшего связывает этот поступок Федора с его глубоким переосмыслением своей жизни, с тем экзистенциальным кризисом, который он пережил в эти годы, с внутренним несоответствием, которое он испытывал, ведя тот образ жизни при дворе, который он вел. Мучительная раздвоенность сознания, когда статус и обязанности входят в острое противоречие с внутренним мироустройством, наклонностями и помыслами, постоянно преследовала молодого царедворца. Впрочем, ровно до того момента, когда во время Божественной литургии он услышал слова: «Никто не может служить двум господам, ибо или одного будет

ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть» (Мф. 4, 24).

Решение оставить мир ради Одного Господина пришло само собой.

В пользу этой версии говорит и то немаловажное обстоятельство, что, дожив до тридцати лет, Федор Степанович был неженат.

В средневековой Руси, и особенно в том социальном кругу, к которому принадлежал Колычёв, это было возможно только в одном случае — если человек принял решение постричься в иночество, стать монахом. «Быть монахом, — пишет преподобный Никита Стифат (ок. 1005 — ок. 1090), — не то есть, чтобы быть вне людей и мира, но то, чтобы, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей, в полное бесстрашие».

«Отречься от себя ради спасения окружающих», — мысль, к которой пришел тридцатилетний отпрыск старинного Колычёвского рода.

Второй взгляд на бегство Федора Степановича из столицы не столько противоречит первому, сколько наполняет его контекстуальным и социально-политическим содержанием.

Как много сошлось в этом уходе на Соловки будущего великого архипастыря и подвижника Русской Церкви! Трагические события, связанные с арестом и гибелью дяди, Андрея Ивановича Старицкого, промыслительным образом лишь ускорили принятие решения.

Решения во многом, безусловно, очень непростого, ведь сказано у Евангелиста: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни, тот не может быть Моим учеником; И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 26, 27).

Едва ли Федор Колычёв смог бы найти слова объяснения и оправдания перед родственниками, родителями в первую очередь, для которых подобный поступок их сына стал потрясением. Известно, например, что поиски ушедшего молодого мужчины продолжались еще долго, и лишь когда имя Федора, принявшего в монашестве имя Филиппа, связалось с Соловецким Спасо-Преображенским монастырем и стало ясно, что он жив и что сделал осознанный выбор, уйдя из мира,

поиски прекратились. Будучи великолепно образованным интеллектуалом своего времени, Федор Степанович Колычѳв, вне всякого сомнения, читал и хорошо знал сочинения Отцов Церкви, особенно те их труды, где шла речь об отшельничестве и «бегании мира». «Отречение от мира и совершенно из него удаление, если восприимем при сем и совершенно отрицание от всех житейских вещей, нравов, воззрений и лиц с отвержением тела и воли своей, в короткое время великую принесет пользу тому, кто с таким жаром ревности отрется от мира». Эти слова преподобного Симеона Нового Богослова как нельзя лучше передают умонастроение будущего инока Филиппа, безусловно, напуганного и опечаленного событиями в Москве (гибелью любимого дяди), но, с другой стороны, видящего в этом вопиющий пример того, куда «князей мира сего» ведут искушения и страсти, тщеславие и соблазны власти. Разве мог Федор сказать отцу своему Степану Ивановичу словами из Евангелия: «Больший из вас да будет вам слуга, ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:11, 12)?

Думается, что нет, не мог...

Но и молчать в столь драматической ситуации молодому тридцатилетнему мужчине было невыносимо. Его уход на Север стал своеобразным обращением, но не вызовом к оставшимся при дворе бороться за «место под солнцем».

«Религиозное “обращение” очень часто совершается не без влияния внешних, мирских мотивов. Разнообразны средства и испытания, которыми ведет Бог душу по пути очищения от страстей, — пишет Г. П. Федотов. — Земные угрозы — это вызов, обращенный Богом к душе — падет ли она или возродится? Вся последующая жизнь инока и митрополита дает ответ на вопрос об истинных основаниях его ухода из мира... не озлобленным человеком вышел он (Федор Степанович. — М. Г.) из этого кризиса, но зрелым мужем, который зорко видит и по ту, и по другую сторону рубежа, знает цену вещей и умеет различать Божественное от человеческого».

Первый деревянный ансамбль Соловецкого монастыря сложился к 50-м годам XV века и занимал территорию нынешнего Спасо-Преображенского собора с

приделами (квадрат со стороны приблизительно в 50 метров).

После кончины преподобного Зосимы (ум. 1478), при игумене Арсении, которого поставил сам святой незадолго до своей смерти со словами: «Итак, брат Арсений, оставляю тебя о Господе управителем и наставником этой святой обители и всей собранной во Христе братии», активное строительство в обители продолжилось. Однако страшный пожар 1538 года уничтожил все постройки монастыря — «от молнии погорел Соловецкий монастырь весь до основания» («Соловецкий летописец» XVIII века).

Именно эти чудовищные руины и увидел Федор Степанович Колычѐв, когда карбас, на котором он вместе с торговым людом и богомольцами шел от Поморского берега, обогнул прибрежные луды и пришвартовался к монастырскому причалу.

Таким образом, новоначалие послушника Федора мало чем отличалось от трудов первых насельников Соловков: те же земляные кельи, те же временные на летний период постройки, то же строительство «с нуля».

После смерти преподобного Зосимы 18 настоятелей сменили друг друга до игумена Алексия (Юренева) (с 1534 по 1546 год), при котором Федор Колычѐв прибыл на остров.

«Более полутора лет проходил он нелегкие послушания: трудился на огородах, расчищал и удобрял бедную каменистую Соловецкую почву. Ради смирения он не пожелал открыть кому-либо своего мирского звания (называл себя каргопольским крестьянином, хотя, как мы знаем, Федор шел со стороны В. Новгорода) и прошел суровый путь обычного монастырского трудничества, бывал множество раз унижаем и даже бит некоторыми неразумными насельниками монастыря. Но он не гневался, с терпением и кротостью переносил все выпадавшие испытания. Федор приводил иноков в удивление своей решительностью, с какой старался им подражать, отсекая от себя мирские страсти. Настоятель и братия, видя его благое произволение к подвижничеству, сочли его достойным иноческого чина. Федор был пострижен и наречен Филиппом», — читаем в одном из поздних списков Жития святителя Филиппа.

Однако причисление к монашескому чину не ос-

вободило инока от тяжелых повседневных трудов. Известно, что сначала Филипп много и охотно трудился в кузне, где общение с огнем постоянно напоминало ему о неугасимом гееннском огне, потом в поварне, потом в хлебной пекарне, где он колот дрова, носил воду, топил печи.

Этот эпизод из соловецкой жизни монаха Филиппа необычайно схож с подобным же из иноческой практики преподобного Кирилла Белозерского, о котором мы много говорили в главе, посвященной преподобному Савватию.

В Московском Симоновом монастыре Кирилл имел послушание в хлебопекарне, где он носил воду для закваски, рубил дрова и приносил хлеба из пекарни в трапезную. Постоянно находясь среди дыма и жара, глядя на пылающий огонь, старец любил повторять: «Терпи, Кирилл, этот огонь, чтобы сим огнем мог избежать тамошнего огня».

Мистический символизм как неотъемлемая часть восприятия жизни в целом, когда в обыденном и повседневном видится запредельное, становится отличительной чертой отшельников «Сергиевской плеяды», а также их последователей. Библейские и евангельские символы незримо присутствуют во всем и проявляются не только в результате умственного усилия, но и интуитивно, в силу напряженного сердечного движения.

Действительно, вера есть «не только теоретическое убеждение и не только волевое усилие. В первом случае она не могла бы никем рассматриваться как заслуга; во втором — не существовало бы “суеверия”. Вера сразу является и теоретическим постижением истины, и свободным практическим ее принятием», — пишет философ, поэт, историк Лев Платонович Карсавин (1882—1952).

Об этой смыслообразующей двойственности христианского сознания мы уже вспоминали, говоря об изначальном и неизбежном «соратничестве» человеческого и Божественного, заложенном в самой Богочеловеческой сущности того, кто волен выбирать свой путь — следовать за Христом или, как говорит святой Макарий Египетский, «делаться сыном погибели».

Впрочем, в самой идее *выбора* уже таятся несвобода и смятение, порой доводящие до полного умоисступления и неистовства.

Почему Федор Степанович Колычёв, избрав путь монашества, приходит именно на Соловки, в поморскую, «мужицкую» обитель, где он, горожанин, человек определенного социального и ментального склада, априори не найдет себе достойных собеседников для «душеполезной беседы»? Ведь в то время в ростовских, новгородских, белозерских землях было достаточно монастырей (в том числе и весьма уединенных), где братия состояла из людей определенного интеллектуального уровня, где были свои богатые библиотеки.

Ответы на эти вопросы заключены в гениальной способности Филиппа решительно, без колебаний отсечь все лишнее (мудрования, воспоминания о былом, жалость к самому себе) и сделать единственно правильный выбор — следовать за Тем, Кто указал путь ко спасению. И тогда несвобода превращается в истинную свободу, а смятения, скорби и страхи уходят.

Большую помощь в укреплении и духовном наставлении инока Филиппа оказал соловецкий старец иеромонах Иона (Шамин), ученик преподобного Александра Свирского.

Известно, что после пострижения Федора Колычёва в монашество никто из монастырских старцев не пожелал стать наставником новонаначального инока. О том, почему это произошло, у нас нет достоверной информации. Впрочем, анализируя последующие события в Соловецкой обители, связанные с Филиппом, можно предположить, что чрезмерные «решительность и усердие» послушника Федора, о которых говорится в его Житии, вызвали настороженность части братии.

Настороженность и недоумение, приведшие впоследствии, увы, к драматическим последствиям.

Меж тем игумен Алексей возложил послушание наставничества на опытного иеромонаха Иону (Шамина), о котором в «Слове на перенесение мощей Филиппа Московского» сказано: «Обычаем прост и разумом строг... прежде бе спостник преподобному и богоносному отцу нашему Александру Свирскому».

В лице Ионы Филипп получил строгого и ревностного учителя, запретившего, например, иноку всякое общение с мирянами в неукоснительное исполнение слов преподобного Иоанна Лествичника: «Устранив-

шись от мира, не прикасайся к нему, ибо страсти удобно опять возвращаются».

Полное изгнание праздности как «матери» пустословия и уныния было возведено старцем в абсолют. Г. П. Федотов так писал об Ионе (Шамине): «Иона учил Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, пока ученик его, превзойдя литургическую науку, не был поставлен еклисиархом — наблюдающим за чином богослужения. Рассказывают, что старец предрекал о своем ученике: “Сей будет настоятелем во святой обители нашей”».

Пожалуй, одна любопытная деталь из прошлого Ионы позволяет нам понять, почему именно он стал наставником Филиппа и почему между учеником и суровым учителем установились доверительные отношения.

Вступая в состав братии Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря, в соответствии с уставом он (Иона) внес весьма значительный по тем временам вклад в размере 110 рублей, на что были способны далеко не многие. Вероятно, что Иона, как и Филипп, происходил из состоятельной родовитой семьи, а посему душевные движения «решительного и усердного» монаха из рода Кольчѣвых были ему понятнее, нежели иным старцам, порой видевшим в Филиппе лишь «заносчивого москвича».

Будучи же, в свою очередь, учеником преподобного Александра Свирского, основателя Троицкого Свирского монастыря и единственного среди русских святых подвижника, удостоившегося видения Святой Троицы, Иона, безусловно, обладал не только большим опытом устройства монашеской жизни, но и глубоким мистическим опытом, которым он не мог не поделиться с Филиппом.

За строгостью и требовательностью старца скрывался искренний и живой интерес к личности необычного для этих мест молодого монаха, в котором тяжелые соловецкие послушания не заглушили вкуса к настоящей духовной жизни, а усердное рвение новоначального не прошло с годами, но лишь усилилось и расцвело новыми красками.

Подражая Отцам Древней Церкви, Филипп по благословению Ионы удаляется из монастыря в лесную пустыню: «тамо к Богу ум возвысив, в молитвах точию

упражняешься», пребывая в посте и лишениях. Здесь отшельник поселился в тесной деревянной келье-часовне, спал на земле, подложив под голову камень. Впоследствии эта реликвия будет принесена в монастырь, а на камне будет изваян облик святителя.

В Житии сказано, что «не мала лета» провел Филипп в уединении, но потом вернулся к ежедневным трудам, приобретя бесценный опыт предельного внутреннего сосредоточения и «умной молитвы», то есть молитвы, непрестанно звучащей в уме и сердце и приносящей великие откровения. Так, в скиту на берегу Игуменского озера он удостоился видения Иисуса Христа в терновом венце и оковах, а «на месте этого явления брызнули из земли струи чистой ключевой воды».

Аскетические подвиги Филиппа (к тому моменту его происхождение уже перестало быть в Соловецкой обители тайной) не могли не обратить на себя внимание братии и старцев монастыря. Духовное водительство Ионы и покровительственное отношение игумена Алексия сформировали к нему особое отношение насельников обители, замешанное на противоречивых чувствах — уважении и непонимании, любви и зависти, боязни и почитании.

Читаем у Г. П. Федотова: «Через десять лет Соловецкой жизни Филипп был у всех на виду, среди первых по дарованиям и подвигам иноков. Игумен Алексей любил его и уже видел в нем своего возможного заместителя... Удручаемый старостью и болезнями, он (Алексий) задумал еще при жизни сложить с себя бремя управления на молодые плечи. Несмотря на отказы Филиппа, игумен предложил братии, ссылаясь на свою немощь, выбрать нового настоятеля, и выбор единодушно пал на Филиппа. Филипп не прекословил».

Будучи сильной, разносторонней личностью, молодой избранник на пост соловецкого настоятеля, сознательно уйдя из мира, сознательно изнуряя себя пустынными трудами, смиренно принимая внешние стрелы зависти и непонимания, утвердил на острове представления о важности и суверенности всякой человеческой индивидуальности, абсолютной ответственности за свой выбор, за который отвечать перед Богом будешь только ты.

Такое миропонимание, мироощущение было, можно утверждать, очень близко менталитету северного че-

ловека, не знавшего крепостного рабства, на равных говорившего не только с высокомерной новгородской или московской элитой, но и самой природой сурового Поморского края.

Именно осознанное аскетическое трезвение Филиппа (не вынужденное, не натужное, не жалостливое), во многом основанное на непростом личном жизненном опыте, абсолютно лишено мифологичности и, если угодно, духовного аутизма. Филипп (Колычѣв) — абсолютный реалист, он не питает никаких иллюзий по поводу своего служения, он абсолютно точно знает, чего хочет и какими немислимыми трудами это дается, а посему он требователен и взыскателен. Он прекрасно понимает, что без дисциплины, безусловного послушания и ответственности за свои поступки выжить на Соловецком острове просто невозможно.

Скорее всего, эта внутренняя решимость Филиппа, и в первую очередь по отношению к себе, ошибочно почитаемая близкими за излишнюю суровость и гордость, и стала причиной непростых отношений будущего игумена с братией.

Известно, что окончательное решение о судьбе новопоставленного игумена принял архиепископ Феодосий Новгородский, который рукоположил Филиппа во священника и вручил ему игуменский посох. Обращаясь к прибывшим с ним в Новгород соловецким инокам, он сказал: «Вот отец вам, имейте его во образ Христов и покоряйтесь ему со всяким послушанием».

В августе 1548 года Филипп отслужил свою первую Божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе монастыря в качестве его настоятеля.

Однако вскоре Филипп, совершенно неожиданно для многих, и для Алексия (Юренева) в первую очередь, слагает с себя игуменские полномочия и вновь удаляется в скит на берег Игуменского озера.

Об этом эпизоде соловецкого служения будущего святителя и мученика читаем в его Житии: «Преподобный, хотя и принимает старейшинство, но не изменяет своего прежнего нрава. Больше прежнего простираясь на подвиг и предаваясь еще больше телесным трудам, он видел себя хвалимым и почитаемым, и вменил сие в тщету, будучи от юности украшаем смирением; сего ради оставил игуменство и

отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причащения пречистого тела и крови Христа Бога нашего. В это время начальствовал старый игумен, который и постриг святого, в течение полутора лет, пока не преставился».

Что явилось тому причиной, сказать трудно. Конфликт с частью братии? Острое осознание собственной немощи, в которой, по словам апостола Павла, «сила Божия совершается» (2 Кор. 12, 9)? А может быть, последняя попытка уклониться от власти или знание меры своих сил и ответственности? Вопросы, ответы на которые мы никогда не узнаем, но сможем лишь предположить, исходя из достоверной информации о личности Филиппа. В частности, решительное бесстрашие, с которым годы спустя святитель выступит против бесчинств московского царя, говорит о том, что исповедание правды было для него столь же обязательно, что и исповедание веры. Подвижник восклицал: «Иначе тщетна будет для нас вера наша, тщетно и исповедание апостольское».

Уход из монастыря в пустыню стал своего рода уклонением от лжи, кривотолков и вражды, нежеланием внести раскол в иноческую жизнь соловецкой братии, попыткой показать недругам, что он «не держится за должность», что игуменство — это не карьерный ход, но логическое продолжение молитвенного подвига, исхода к священнобесмолвию. Именно теперь, после возвращения из Великого Новгорода, где Филипп, безусловно, был вынужден возобновить свои родственные и дружеские связи и Колычёвский клан с радостью и надеждой встретил соловецкого игумена, искушения и соблазны усилились, и бегство в скит стало единственным способом борьбы с ними.

Филиппова пустынь стала своеобразным продолжением, духовно-историческим аналогом кельи-землянки преподобного Савватия у подножия Секирной горы — то же нищелюбие, те же лишения и скудость жития, при том что в двух верстах отсюда, на берегу Святого озера, с размахом шло строительство и благоуукрашение Спасо-Преображенского монастыря.

Филипп не был нестяжателем и анахоретом в практике ведения монастырского хозяйства, но сохранял

верность заветам отшельников Древней Церкви и Северной Фиваиды в обыденной жизни.

Безусловно, двойность Соловков — северный аскетизм и столичный размах, нарочитая суровость и новгородское хлебосольство — не всем была по нраву. Не все находили в себе силы и желание понять этот островной парадокс, в котором сошлись свобода и благодать, те самые «два крыла» — Божественное и человеческое, о которых писал святой Максим Исповедник.

Целая гамма чувств — от любви к Соловкам до ненависти и проклятий в адрес «Острова мертвых» — вот уже почти шесть столетий является для приезжающих сюда драматическим испытанием.

«Кроме своих монастырских пароходов приходили с паломниками и частные пароходы, и тут привозили таких свирепых больных и как раз во время богослужения. Крики больных и шум ведущих нарушали богослужение. Каких только больных тогда не привозили: и безногих, безруких, трясущихся, слепых. У одной женщины был рот не на месте, не тут, где должен быть, а около уха на щеке, — всех не перечислишь... Видимо, никакая медицинская наука не могла оказать им никакой помощи, и вот по вере их и по вере путеводителей привезли их сюда».

Из воспоминаний певчего Соловецкого монастыря Ивана Степановича Карпова (1888—1986).

«Кельи, отведенные нам, были чисты и уютны. На беленых стенах висели иконы и теплились лампы. Зато пища оказалась негодной. Все две недели пребывания сидели мы на хлебе и чае... Великая Княгиня ходила на все службы. Поначалу с ней ходил и я, два дня спустя был съят по горло и просил уволить меня от сей обязанности, сказав, что монахом не стану наверняка. Об одной из служб сохранились у меня особенно мрачные воспоминания. Пришли на нее четверо черноризцев-отшельников. Клобуки они скинули, виднелись изможденные лица. Босые ноги и голые черепа были словно черной их ризе белая оторочка. Одного из них мы посетили в лесу, в землянке, где жил он. В узкий проход в земле в нее ходили, верней вползали, на четвереньках... Отшельник наш лежал на полу. Всего убран-

ства в его кельи была икона Иисуса с лампадкой. Он благословил нас, не сказав ни слова».

Из воспоминаний князя Феликса Юсупова (1887—1967).

«Мимо Иисусов, мимо огромных красных крестов, поставленных монахами по всем Соловкам, лежит дорога на Секирную гору. Иной перекрестится, иной матюкнет вслед мистике придорожной — мертвой голове, что на кресте вырезана среди титл таинственных. У подножья горы Секирной куполок часовенки сквозь кусты просвечивает. На этом самом месте двое праотцев соловецких, двое чудотворцев знаменитых, церковь православной канонизированных, даму карельскую высекли...»

Н. К. Литвин, журналист газеты «Новые Соловки», 1925.

«Соловки — страна чудовищно жутких контрастов... Я живу в Филипповой пустыни, где некогда спасался митрополит Филипп. Сейчас там находится зоопитомник, а для его обслуживания туда выделены самые подонки соловецкого населения; и то, что сейчас там творится, превосходит позор всякого публичного дома, всякого воровского притона. Контраст между тем, чем было в течение веков это место, освященное молитвами спасавшихся там праведников и многих тысяч паломников, и тем, что теперь там происходит, — чудовищен, оскорбителен... мне этот контраст представляется порой не случайным, а преисполненным какого-то глубокого значения».

О. В. Яфа, педагог, мемуарист, 1929.

«Не знаю почему, с детства я не выносил Соловецкого монастыря, не хотел читать о нем, он не казался мне ни глубоким, ни содержательным, несмотря на большое значение в истории. Умом я понимал несправедливость такого отношения, но все же оно остается и даже растет. Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения к себе».

Из письма П. Флоренского от 14 декабря 1934 года (написано еще до появления отца Павла Флоренского в СЛОНе).

Уединяясь в скиту на берегу Игуменского озера, Филипп оказался как бы на пересечении, на острие мнений и отношений к своему игуменскому служению и к монастырской островной жизни в целом со стороны братии. Он принимает для себя решение, которое впоследствии, уже во времена митрополичьего служения в Москве, сформулирует в короткой и предельно четкой фразе: «...Когда наступит время подвига, не должно мне ослабевать».

Под словосочетанием «время подвига» в первую очередь следует понимать время выбора, когда уже нельзя отступать и каждый шаг назад будет предательством не только правды Божией, но и предательством веры, «исповедания апостольского».

«Время подвига» святителя Филиппа в Иисусовой пустыни — это своего рода уподобление Гефсиманскому молению Спасителя, когда немощь и страх переплавляются в готовность принести жертву безоглядно, без сомнений и колебаний.

В монастырь из уединенного заточения на сей раз возвращается строгий и требовательный ревнитель уставного благочестия (достаточно вспомнить монашескую школу, которую под руководством старца Ионы (Шамина) прошел в ту пору еще новоначальный инок), хозяин и администратор, который решительно оставил все свои внутренние переживания, метания и смиренные немощи.

«В эти годы Филипп поворачивается к нам новой стороной, — пишет Г. П. Федотов, — не самой важной, конечно, в экономии его духовных сил, но весьма характерной для древнерусского иночества и, в частности, для северного монастыря. Знакомясь с ней, мы переворачиваем одну из замечательных страниц русской церковной культуры». Как тут не вспомнить преподобных Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого или Нила Сорского, бывших любящими отцами для своих братий, но при этом непреклонными поборниками дисциплины, порядка и послушания.

В уставной грамоте, данной Филиппом крестьянам монастырских вотчин, определялось приказчику, келарю и судебному приставу «в суде беречи крестьян накрепко»; также запрещались азартные игры и употребление спиртного: «крестьяном и казаком (пришлым

работным людям. — М. Г.) вина купити не велети же и своего курити не велети же... а кои крестьяне или казаки во всех наших волостях станут зернью играти, да на нем взяти велети на монастырь полтину, да его выбити из волости вон».

Регламентации в Соловецкой обители теперь подлежало всё или почти всё. Филипп наставлял иноков (в 50-х годах XVI века на острове их было более двухсот человек) даже в том, какова должна быть их одежда, как и когда им следует вкушать пищу, не нарушая строгого *киновийного* (общежительного) устава.

При этом следует заметить, что Филипп не был сторонником неумеренной аскезы применительно ко всем (на своем опыте он знал, сколь это тяжело и не всем доступно), находя анахоретство делом сугубо индивидуальным и ни в коем случае не коллективным. Известно, что он улучшил трапезу и условия проживания на острове, был избирателен и рассудителен в назначении инокам послушаний, но категорически не терпел праздности, требуя от насельников неустанного и продуктивного труда. Особенно строг был соловецкий игумен по отношению к монахам, уличенным в «винопитии». «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его», — сказано в Притчах Соломона (Притч. 13, 25). О телесных наказаниях иноков за проступки на острове нам ничего не известно, но изгнание с Соловков провинившихся (пьяниц, воров, тунеядцев) было при святителе не редкостью.

Теперь игумен Филипп — не только воспитатель братии и ревнитель благочестия, но прежде всего строитель, «китор» монастыря, организатор и вдохновитель огромной, невиданной доселе на Соловках стройки.

В 1552 году приглашенные на остров новгородские мастера под руководством Игнатия Салки и Столыпы приступили к возведению каменного (зимнего) Успенского собора, о котором «Летописец Соловецкий» сообщает: церковь «с трапезою и келарскою в одной стопе, единостолпна, со своды, на погребях; на трапезе колокольня каменная с часами, под трапезою погребы — хлебный да квасной, под олтарем и под церковию просвиренная служба, вверху над церковию Успенского придел Усекновения честных главы Иоанна Предтечи».

Однако этот гигантский по тем временам архитектур-

турный комплекс становится лишь начальным этапом в эпических замыслах игумена Филиппа.

В 1558 году по проекту соловецкого настоятеля «зачат на Соловках делати большой храм Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, каменный». Украшать собор приглашены новгородские иконописцы — Гавриила Старой, Илья и Крас.

Но внутренний конфликт на острове никуда не делся; он, разумеется, отошел на второй план, многие затаились. В монографии Г. П. Федотова «Святой Филипп митрополит Московский» есть такие слова на этот счет: «Братия, которая с радостью взирала на начало строительства, теперь пришла в смущение от смелости игумена. “Отче, говорили ему, недостаток в киновии и оскудение великое, ибо нет прилежащих городов. Откуда возьмешь злата на сооружение великой церкви?”».

Одним из тех, кто более всего не принимал Филиппа, находя игумена слишком заносчивым и гордым, но по должности находился у него в подчинении, был келарь и казначей Соловецкого монастыря Паисий. То обстоятельство, что большую часть финансовых вопросов Филипп решал в обход Паисия, ставя его лишь перед фактом, не могло не задевать старца — кстати, ровесника и спостника старца Ионы (Шамина). Более того, имея возможность напрямую решать вопросы строительства с новгородской посадской элитой и московским двором, соловецкий игумен оперативно, без известной бюрократической волокиты, по большей части приводящей к воровству, единолично решал хозяйственные и административные вопросы, являясь в одном лице и келарем, и казначеем, и архитектором, и заказчиком строительства.

По замыслу Филиппа, Спасо-Преображенский собор должен был стать самым большим каменным храмом на Русском Севере, зримым символом того «луча пресветлого» и той «церкви, стоящей в воздухе, большой и прекрасной, простершейся над землей», которые наблюдал в своем видении преподобный Зосима.

И вновь мы можем говорить об уникальном даре мистического символизма, которым обладал святитель, о запредельном умении видеть невидимое в повседневном, подчинять обыденное таинственному монашескому обиходу.

Преподобный Максим Исповедник в VIII—XXIII главах своей «Мистагогии» обратил внимание на то, что евангельский символизм есть проявление насущности и обыденности Священного Предания, то есть опыта Церкви, канонической и ментальной преемственности.

Не случайно, что именно Филипп (Колычёв), видя себя продолжателем и наследником преподобных соловецких началоположников Савватия и Германа, в 1599 году установил у подножия Секирной горы, в Савватиевской пустыни, поклонный крест в память о старцах. Более того, игумен Филипп разыскал образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, который был привезен святым Савватием на остров в 1429 году, келейный каменный крест отшельника, Псалтирь преподобного Зосимы, а также его ризы, в которых любил сам совершать богослужение.

В этой связи интересно вспомнить еще одного соловецкого, точнее анзерского, постриженника — Никиту Минова, будущего патриарха Всероссийского, одного из величайших мистиков и символистов Русской Церкви уже XVII века.

Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь, Крестный Кий-островский и Валдайский Иверский монастыри, возведенные Никоном, стали гигантскими (и по сей день) знаками русского религиозного сознания во всей его парадигме — от непостижимого (Воскресение Христово) до осязаемого и зримого (Кийский крест «в меру» Креста, на котором был распят Спаситель).

Параллельно с возведением Спасо-Преображенского собора при игумене Филиппе начинается активное строительство разного рода хозяйственных и гидротехнических сооружений. Устройство налаженного монастырского быта и одного из крупнейших в Поморье хозяйства, по мысли святителя, ни в коей мере не должно противоречить заветам отцов-пустынников.

Было бы лукавой ошибкой умолчать о том немало важном факте, что в Москве с пристальным интересом наблюдали за тем, что происходит на Соловках. Точнее сказать, за деятельностью игумена Филиппа (Колычёва) следил лично государь Иван Васильевич IV, причем наблюдение его носило вполне осязаемый характер.

Так, начиная с 1539 года московский царь не только делает обители богатые пожертвования в виде риз, бо-

гослужебных предметов, колоколов, украшений и «кормовых денег», но и отписывает Соловецкому монастырю прибрежные земли с поселениями и посадками.

Перечислим лишь некоторые из этих царственных благодеяний, отмеченных в «Летописце Соловецком» XVIII века:

1539 год: «Да еще великий государь пожаловал обители деревню Шижню, а в ней церковь Николая Чудотворца, да деревню Сухой Наволок, да деревню Остров... с варницами, и со всеми оброками и угодьями».

1541 год: «А судам соловецким в Вологде разрешается стоять у своего подворья монастырского. А если старцы не продадут всю соль в Вологде, везти им ту соль в Москву и по иным городам на ста возах, также без всяких пошлин. А хлеб провозить и всякий запас в монастырь дозволяется беспошлинно».

1550 год: царь Иван Васильевич пожаловал Соловецкому монастырю деревни Усть-Колежму и Колежму Выгозерского погоста, да восемь варниц со всеми угодьями и оброками, да остров на реке Суме с тремя дворами.

1553 год: пожалована государем Соловецкой обители Сумская волость с церквями Успенской и Никольской с землями, солеварнями, оброками и угодьями.

1555 год: по велению государя и по благословению преосвященного Макария, митрополита Московского, отошло к обители Соловецкой село Пузырево «в Бежецком верху, в Мещерском стане», а в нем церковь во имя Николая Чудотворца да двадцать деревень с лесами и угодьями.

Более того, Иван Васильевич охотно принимает у себя соловецких посланцев, осыпая их богатыми дарами, а соловецкому иноку Феодориту, игумену Спасо-Евфимиевского Суздальского монастыря (впоследствии прославленному в сонме Кольских, Соловецких, Вологодских и Новгородских святых), доверяет проведение переговоров в Царьграде о признании константинопольским патриархом его венчания на царство.

Вне всякого сомнения, Филипп не может не чувствовать на себе этого пристального, но вместе с тем и подозрительного взгляда, не может не принимать царские подарки, не может не отвечать на письма государя. Например, на такое:

«Игумену с братией на мои именины пети молебн

собором, и обедни служить о нашем здравии, а по родителям моим преставившимся в память петь панихиды и обедни служить собором».

Если учесть, что дядя Филиппа, князь Андрей Иванович Старицкий, поплатился жизнью за противостояние с Еленой Васильевной Глинской, матерью царя Московского, то последний указ следовало расценивать как прозрачный намек на то, кто именно является всероссийским «пастырем» и «отцом».

Но, как мы помним, Соловецкий игумен уже сделал свой выбор.

Филипп продолжает строительство. Он сам «украшал новый храм, не щадя собственных денег, иконами, сосудами, ризами, подсвечниками и лампадами, — пишет Г. П. Федотов. — В этой церкви, с северной стороны, он избрал место своего погребения. Он хотел, чтобы память его в монастыре навсегда соединилась с поминовением его родителей». В «Соловецком летописце» сказано: «Филипп Степанович Колычов, игумен Соловецкого монастыря, просил всего братства, чтобы записать вечный поминак в литию: отца Стефана (Степана Ивановича), да мать его инокиню Варсонофию (в миру Варвара), да брата Бориса, а как он игумен преставится, то написать и его в литию, а поминовение отправлять месяца ноября в 7-й день, а дача его, что он дал в монастырь, на 171 рублей, да сверх того иные дачи».

Памятование смерти, которое, по словам преподобного Иоанна Лествичника, есть «отложение забот, непрестанная молитва и хранение ума», воспринимается Соловецким игуменом как единственная возможность сохранить внутренний покой и не утратить сосредоточенности в том бурном и кипящем, как Белое море, страстями мире, который пришел и на Соловки в середине XVI века.

С другой стороны, можно предположить, что это пожелание о «вечном помине» стало завуалированным ответом Соловецкого игумена Московскому царю, погубившему к тому моменту в опричнине многих родственников Филиппа (Колычёва).

Изоощренный знаток придворных интриг, прирожденный игрок и виртуозный манипулятор, Иван Васильевич IV не мог не обратить на это внимания.

Глава шестая

Обитель уставного благочестия

Соловецкая келья. — Деревянные и каменные кельи. — Келейные корпуса. — Отопительная система в монастыре. — Келейный интерьер. — Соловецкое чинопоследование. — Трапеза. — Трудники. — Техническое обеспечение. — Монастырские промыслы. — Традиции игумена Филиппа. — Стратегический объект. — Игумен Артемий. — Первый соловецкий заключенный. — Иосифляне и нестяжатели. — Нил Сорский. — Иосиф Волоцкий. — Видение Филиппа. — Сильван Грек. — Сильвестр. — Островной острог. — 1566 год. — Обвинения в колдовстве. — Паисий. — Игумен Варлаам. — «Сергиевская плеяда». — Крепость и тюрьма. — Игумен Иаков. — Покаяние. — Анзер

Из воспоминаний путешественника, журналиста и общественного деятеля Василия Ивановича Немировича-Данченко от 1872 года:

«Мы вошли в келью. Бедная выбеленная комната. Прямо между двумя окнами — аналой. Два табурета, стул, комод и кровать. Кстати, вспомнил я, как соблюдают обеты бедности иеромонахи других монастырей, и сравнение было не в пользу последних.

— Что, у вас все так живут?

— Нет, — самодовольно ответил старик. — У меня попросторней, да и посветлее. А, впрочем, житье пустынное, настоящее монашеское житье... ведь мы не от мира сего!»

Правила и условия келейного жития, а также организация быта в монастыре, существующие в Соловецкой обители и по сей день, были установлены святителем Филиппом незадолго до его отбытия в Москву на митрополичью кафедру Великим постом 1566 года.

Итак, каковы же были эти условия? Где и как жили соловецкие монахи?

До конца XVI века все кельи в монастыре были деревянными. Однако с началом на острове каменного строительства (в первую очередь храмового) монашеские кельи тоже стали претерпевать известные конструктивные изменения.

В частности, каменные кельи рубежа XVI—XVII ве-

ков состояли из двух помещений: теплых сеней и собственно самой кельи, в которой жили три или четыре монаха. Спали и сидели здесь на укрепленных вдоль стен лавках, посреди же комнаты стояли стол и аналой, а в углу находилось так называемое «рукомойное» место — деревянная лохань и большой кувшин, именуемый «курганом».

Топились такие кельи «по-черному». Дым из печи, которая была одновременно одной из стен между теплыми сенями и жилым помещением, заполнял келью, а затем уходил в тягу под потолком.

Холодные сени были связаны с дровяником, туалетом и сараем. Все подсобные помещения выходили в сторону крепостных стен, а порой и были встроены в них.

Традиционно келейные корпуса в северных монастырях XIV—XVI веков строились по периметру вокруг храма, чтобы зимой укрыть идущих на службу иноков от ветра и снега и сделать путь коротким.

На рубеже XVII—XVIII веков все жилые здания Соловецкого монастыря были перестроены: они получили многоэтажную (в два-три этажа) коридорную систему, что позволило расселить монахов по одиночным кельям, а также централизованное отопление. На каждом этаже была устроена печь, которая при помощи сложной системы дымоходов отапливала сразу несколько помещений. Отдельные печи в кельях не приветствовались и находились по большей части лишь в жилых помещениях настоятеля, келаря, а также в комнате для почетных гостей. Эта система сохранилась и действует до наших дней в святительском корпусе монастыря, который примыкает к Филипповской церкви.

Но были и другие варианты.

Об одном из них в своей книге «Описание Белого моря» пишет почетный гражданин города Архангельска, корреспондент Императорской Академии наук Александр Николаевич Фомин, посетивший Соловецкую обитель в 80-х годах XVIII века: «Средний и верхний ярусы келий нагревают истопники печами, в нижних этажах складенными; излишнее снизу тепло пускают вверх сами хозяева посредством душников или отверстий, в полах проделанных. Сказывают, для сей причины жгут в оных печах толстые дрова два или три

дня беспрестанно и запасают таким образом тепло на неделю. Естественно вообразить можно, что при окончании топления и в первые дни после оногo в нижнем жилье должно быть великому жару, для непривычных несносному».

Вообще следует заметить, что тема сохранения тепла в братских корпусах, зимних храмах и трапезных, а также борьбы с сыростью была по понятным причинам особенно актуальна на острове. Так, посетивший монастырь в 80-х годах XIX века исследователь и бытописатель Русского Севера П. Ф. Федоров замечал, что «монахи ужасно любят тепло, берегут его, а потому не выставляют зимних рам... келейный воздух настолько сух, особенно зимой, что губы у монахов сохнут и даже лопаются».

Внутренняя обстановка келий, что и понятно, была различна в зависимости от положения, занимаемого ее обитателем в монастыре.

Типовые кельи представляли собой однооконные, вытянутые в плане (пеналoобразные) комнаты с кроватью, платяным шкафом, письменным столом, непременно аналоем и молельным углом.

Также П. Ф. Федоров обращает внимание на следующие весьма интересные детали келейного интерьера: «В одной из боковых стен каждой кельи сделано четырехугольное углубление, имеющее одну или две полки и плотно, в уровень со стеной снаружи затворяющееся дверцами, это углубление представляет маленький шкафчик... Дверцы шкафчика снаружи побелены одинаково со стеной, так что присутствие его не сразу заметно... Стены кельи у каждого монаха обязательно украшены теми или другими картинками, чаще всего видами Соловецкого монастыря... лубочными изображениями Страшного суда Господня и тому подобными духовно-нравственными картинками».

Интересное описание келейного интерьера, но уже на рубеже 20—30-х годов XX века (к тому моменту на Соловках размещался СЛОН) оставил бывший заключенный, писатель Олег Васильевич Волков:

«Жили мы втроем. Келья наша была на втором этаже здания, выстроенного еще в XVIII веке. Двойная, отгораживающая от всякого шума дверь в коридор. В двухаршинной толще стены — крохотное окошко. Обращено

оно в узкий проход между Преображенским собором и нашим приземистым корпусом — бывшим Отрочьим... Тут настолько обособлено, что и нам, нынешним келейникам, можно забыть про гудящие соборные своды, отражающие тысячи голосов, про кучки, вереницы и толпы снующих всюду, спешащих и отправляемых людей».

На рубеже XIX—XX веков почти каждую монашескую келью на Соловках непременно украшали настенные боевые часы с кукушкой. По воспоминаниям очевидцев, некоторые из монахов имели в келье даже по двое настенных часов, хотя утром всех в братском корпусе будил звонок так называемого «будильника» (монаха, послушанием которого была побудка братии), а удары соборного колокола и часы на монастырской колокольне постоянно поддерживали ощущение времени, оповещали о последовании служб и послушаний, строго разграничивая день соловецкого насельника.

Так, в три часа утра в Троицком соборе у мощей преподобных начиналась утренняя, которая продолжалась три часа. До нее каждый инок должен был выполнить свое келейное правило, которое каждому назначалось духовником индивидуально.

После завершения утрени келарь монастыря от огня лампы у храмового образа возжигал свечу, от которой уже на кухне зажигали печи. Начиналось время послушаний. Болящие и престарелые насельники были освобождены от физической работы, но по благословению настоятеля могли трудиться в монастырской библиотеке над переписыванием или редактированием богослужебной литературы, рукописной монастырской хроники и актов.

Известно, что после утрени в Троицком соборе служили до пяти литургий, после чего следовали чин о панагии и обед.

Во время вкушения пищи в трапезной, на котором присутствовали все: от игумена до послушников и трудников, обязательно происходило чтение житий святых.

Из воспоминаний паломников П. Свиньина, В. Душина и А. Ильина, а также этнографа и путешественника С. Максимова о посещении Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря:

«В трапезной храмине, воздвигнутой святителем Филиппом, похожей на Грановитую палату, сидело за

одним столом 80 человек монашествующей братии, а противу их по другую сторону и вокруг среднего столба были угощаемы посетители. Стол был вкусный, здоровый и состоял из четырех рыбных блюд» (1828 год).

«Пищу в Соловецкой трапезе составляет преимущественно рыба всех сортов, соответствующая тому краю, которую добывают сами монахи: семга свежая и малосольная, сельди тоже свежие и соленые... в Соловецкой обители их готовят с особенным искусством, нежели в прочих местах. Из свежих сельдей уха бывает самая вкусная, которую не везде встретишь» (1867 год).

«После были на трапезе, на которой обыкновенно подается селедка с уксусом, треска с квасом, горячий суп или похлебка, другой раз уха из монастырской рыбы, каша гречневая или пшенная. В воскресенье дается небольшой ситник, разрезанный на четверых» (1873 год).

«Вся посуда была оловянная... На этот раз вся трапеза состояла из четырех блюд: холодное — соленые сельди с луком, перцем и уксусом; треска со сметаной и квасом; уха, удивительно вкусная, из сегодня выловленных сельдей; и каша гречневая с коровьим маслом и кислым молоком. В конце трапезы разносились кусочки просфоры, или богородичного хлеба, освященного в конце пения и разрезанного при том же пении и тогда же. Певчие пели потом молитвы и отпуск, и затем все расходились» (конец 80-х годов XIX века).

В шесть часов вечера в монастыре начиналась вечерня, она длилась два часа. Затем следовал ужин, который завершался чтением вечерних молитв, после чего монахи расходились по кельям, где обязательно исполнялось правило на сон грядущему.

Следует сказать, что на протяжении столетий традиции игумена Филиппа, его дух и его заповеди соблюдались в Соловецком монастыре свято.

Аскетическое здравомыслие, естественным образом совмещенное с поморской изобретательностью и рачительной строгостью, не могло не отразиться на иноческой жизни в Спасо-Преображенской Соловецкой обители.

«От времен игуменства Филиппа до нас дошли три «уставных грамоты», данные им вотчинному соловецкому населению и представляющие кодификацию действующего вотчинного права», — пишет Г. П. Федотов. Речь

идет о документах 1548, 1561 и 1564 годов, в которых Соловецкий игумен регламентирует жизнь не только обители, но и принадлежащих ей территорий (подробно об этом мы уже говорили в предыдущей главе).

Особое внимание на острове уделялось именно трудовой дисциплине. Трудники и монахи, среди которых было немало профессиональных плотников, каменщиков, рыболовов и мореходов, представляли собой мощное трудовое сообщество, результаты деятельности которого впечатляют и по сей день.

Например, при игумене Филиппе на острове была создана огромная гидротехническая сеть, обеспечивающая монастырь питьевой водой, а также выполнявшая транспортные функции. Многочисленные озера Большого Соловецкого острова (более 97) были связаны системой каналов, на которых были установлены мельницы для помола хлеба.

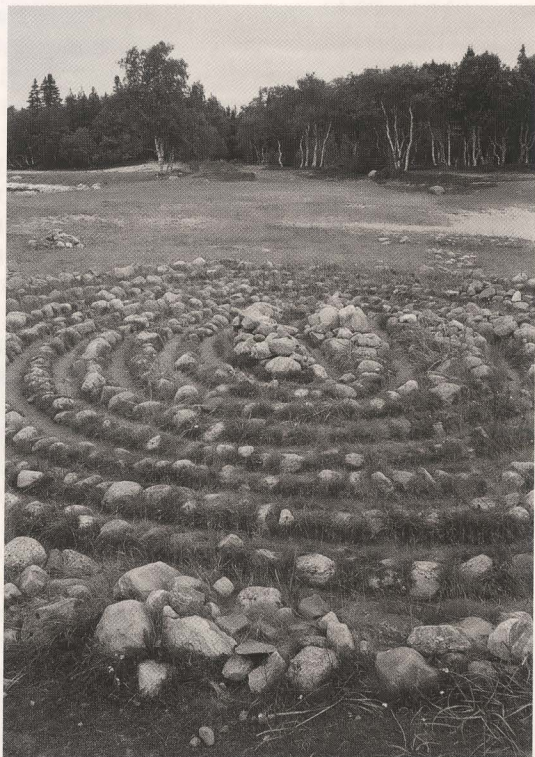
«Летописец Соловецкий» приписывает святому Филиппу даже изобретение каких-то машин или орудий, — читаем в книге Г. П. Федотова «Святой Филипп митрополит Московский». — Кроме мельницы Филипп завел мастерские для выделки меха и сапожных товаров из кожи собственных оленей. Искусные резчики работали предметы церковного обихода из «рыбьего зуба», т. е. моржовой кости. Это искусство всегда процветало на Соловках, распространяясь оттуда по всему поморскому Северу».

Работа с камнем, которого на острове было предостаточно, позволила создать ряд уникальных сооружений, мастерски вписанных в естественный рельеф побережья. Речь в первую очередь идет о знаменитых Филипповских садках, по сути рукотворном морском заливе, отгороженном от моря искусственной дамбой из валунов. Живые сельдь и треска, пойманные в море, сохранялись и накапливались здесь, что было удобно, когда лов рыбы был невозможен, например, в штормовую погоду. Известно, что садки были спроектированы лично игуменом Филиппом и воплощены в жизнь трудами соловецких насельников.

На рубеже 80—90-х годов XVI века начинается возведение циклопических каменных стен, превративших обитель в неприступную крепость, самую северную на рубежах Московского царства.

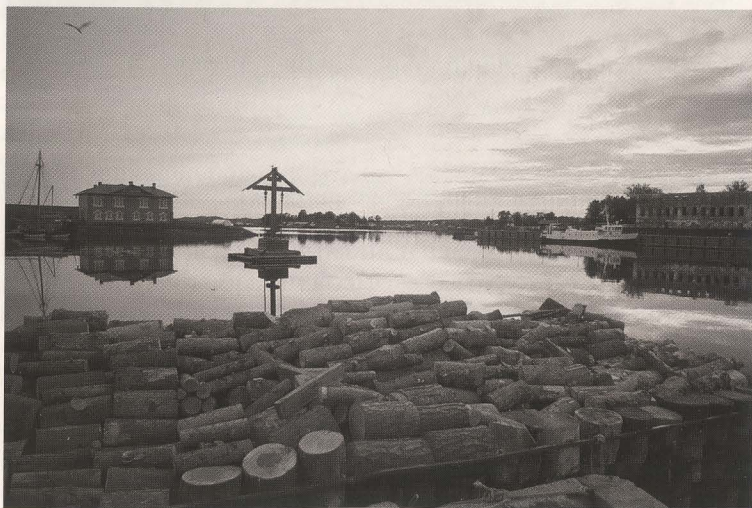


Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие



Соловецкие
лабиринты

Гавань
Благополучия





Отцы-основатели Соловецкого монастыря: преподобные Савватий, Зосима и Герман



Филипп, митрополит
Московский

Монастырь зимой

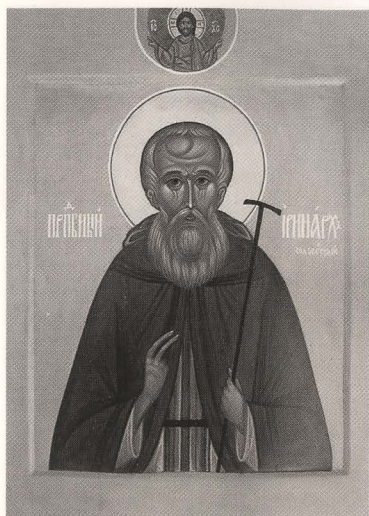




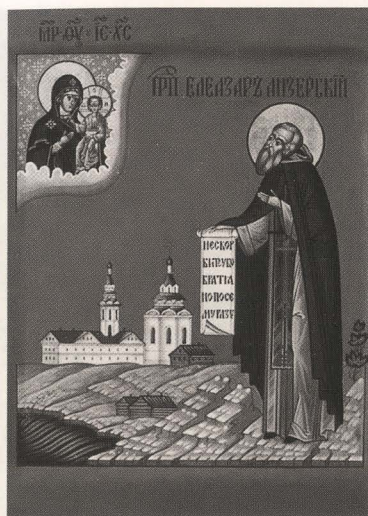
Часовня на месте кельи митрополита Филиппа.
Фото начала XX в.

Каналы на Большом Соловецком острове.
Фото начала XX в.





Преподобный Иринарх,
игумен Соловецкий



Преподобный Елеазар
Анзерский

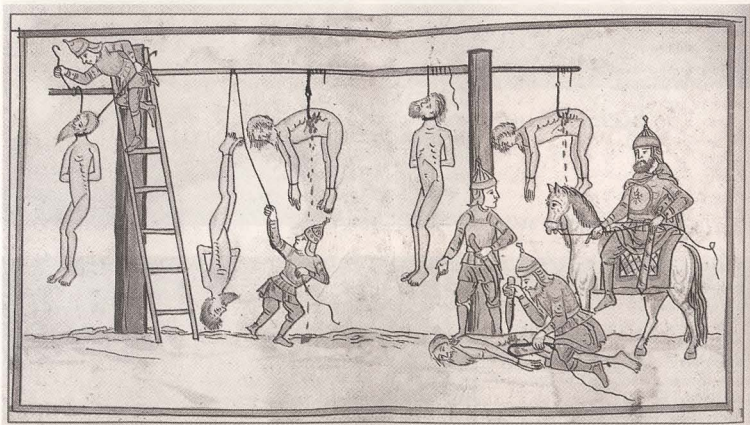
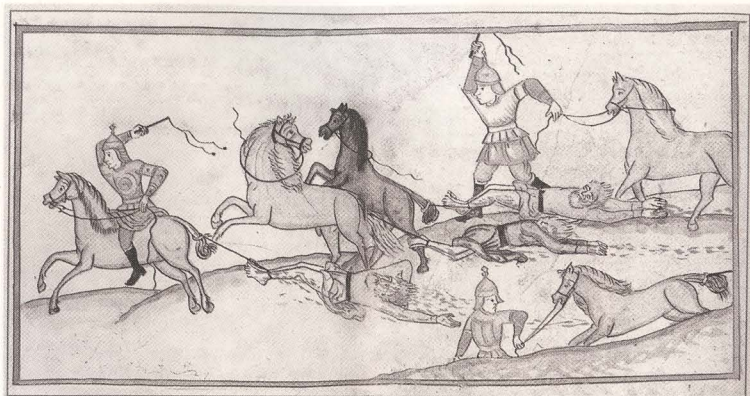
Крестный монастырь на Кий-острове. *Современный вид*



Крест патриарха
Никона. *Ныне
хранится в храме
Сергия Радонежского
в Крапивниках
в Москве*

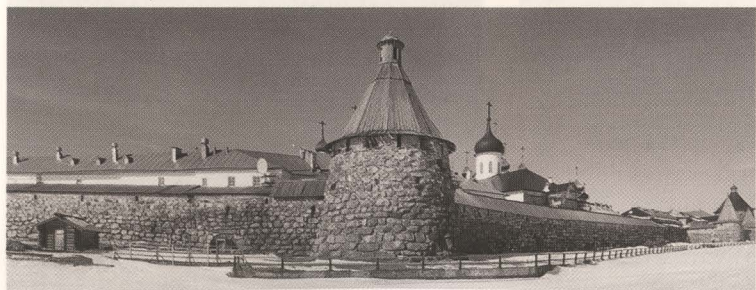


Патриарх Никон.
*С картины
Д. Вухтерса.
Около 1660 г.*



Соловецкое восстание: казни иноков. Миниатюры из «Истории об отцах и страдальцах Соловецких». XIX в.

Соловки зимой





Бабыя луда.
Место
захоронения
участников
Соловецкого
восстания
XVII века



Преподобный
Иов (Иисус)
Анзерский

Троицкий
Анзерский скит



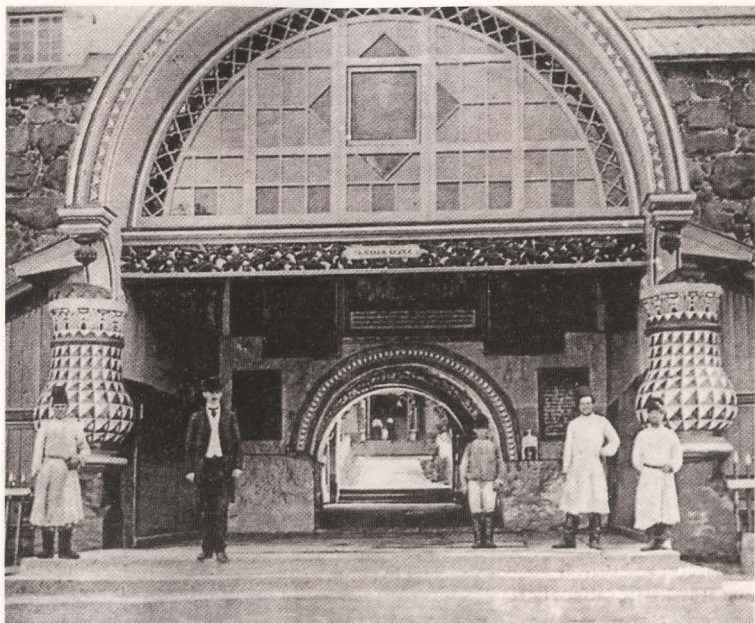


Распятский скит на Голгофе. *Современный вид*

Вид горы Голгофа с западной стороны.

Литография из альбома В. А. Черепанова «Виды местностей Соловецкого монастыря». 1884 г.





Святые ворота. Вид с востока. *Почтовая открытка начала XX в.*

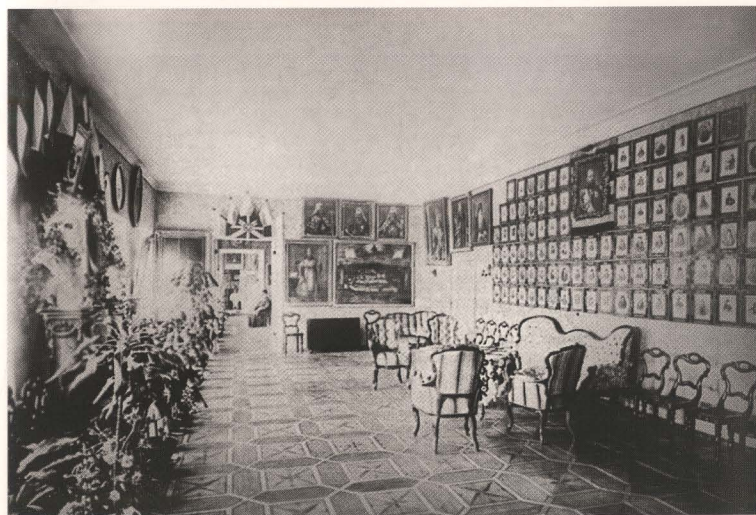
Трапезная палата. *Фото конца XIX в.*





В монашеской келье. Фото конца XIX в.

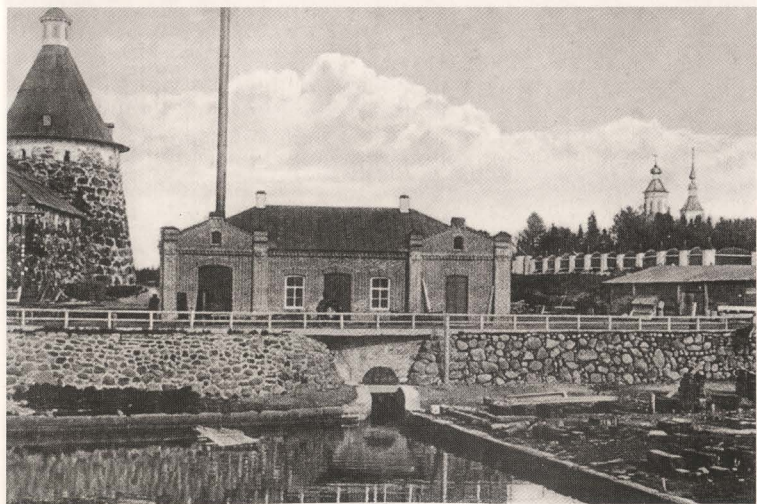
Портретная галерея Соловецкого монастыря
в настоятельских покоях. 1896 г.





На Соловках. Фрагмент стереофотографии. XIX в.

Монастырская гидроэлектростанция.
Почтовая открытка. 1910-е гг.





Схимники в Филипповой пустыни. Фото конца XIX в.

В столярной мастерской Соловецкого монастыря. 1912—1916 гг.





На палубе монастырского парохода. Фото начала XX в.

В Савватиевском скиту. Фото начала XX в.



Превращение Соловецкого монастыря в глобальный военно-стратегический форпост связано с именем воеводы Михаила Озерова, прибывшего на остров в 1578 году в сопровождении четырех пушкарей и десяти стрельцов, а также доставившего на Соловки значительный арсенал пушек, ручных пицалей и пороха. В задачи воеводы входило комплектование островного гарнизона, обучение военному делу набранных в стрельцы монастырских крестьян, а также возведение деревянного острога.

Известно, что через год все монастырское войско вместе с Михаилом Озеровым погибло, вступив в неравный бой с превосходящими и по численности, и по боевой выучке шведами, чьи походы на Поморский берег Белого моря были, увы, явлением нередким.

Слава о Соловецком монастыре как об обители строгого уставного благочестия и жесткой внутренней дисциплины дошла до Москвы, а точнее сказать, до царя Ивана Васильевича. Может быть, это и натолкнуло самодержца на мысль воспользоваться островным монастырем на Дышащем море как местом заточения неудобных политических оппонентов, а надзор за ними возложить на местных монахов и игумена.

Одним из первых заключенных островного монастыря стал прибывший сюда в 1554 году бывший настоятель Троице-Сергиева монастыря игумен Артемий Постриженник преподобного Корнилия Комельского, человек нестяжательских убеждений, интеллектуал, книжник, великолепный знаток святоотеческого наследия, Артемий оказался на Соловках по обвинению в ереси и соучастии в небогоугодных делах Ивана Висковатого и Матвея Башкина.

Известно, что в 1551 году по совету царского духовника Сильвестра Артемий был приглашен в Московский Чудов монастырь, где обратил на себя высочайшее внимание даром проповедника и богослова, за что впоследствии назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря. Однако вскоре Артемий был вынужден покинуть обитель святого Сергия. О причинах этого поступка мы можем только гадать, будучи противником монастырских богатств и «любостяжания», Артемий, скорее всего, вступил в спор с троицкой братией, которая категорически не приняла нового игумена-нестяжателя.

А дальше, как известно, больше — в 1553 году Артемий стал свидетелем по делу Матвея Башкина, обвиненного в ереси. Однако по ходу процесса из свидетеля Артемий на основании показаний самого Башкина и старцев Ферапонтова монастыря превратился в обвиняемого. В вину ему вменялось, что «еретиков Новгородских не проклиняет, а латынь хвалит и поста не хранит».

«За все эти грехи Артемий был лишен сана и сослан в Соловки под надзор “духовного настоятеля игумена Филиппа”. Его велено держать в строгом заключении, “в некоей келье молчальне”, ни с кем не сообщается, кроме духовника и игумена, который должен его “наказывать и поучать от божественного писания”», — пишет Г. П. Федотов.

Как именно сложились взаимоотношения между первым соловецким узником и игуменом Филиппом, мы не знаем. Скорее всего, настоятель не слишком притеснял Артемия, видя в нем человека оригинально мыслящего и просвещенного, павшего жертвой придворной интриги, не вписавшегося в большие политические игры, с которыми он, Филипп, был знаком не понаслышке.

Спустя год при невыясненных обстоятельствах Артемию удалось бежать с острова и перебраться в Литву.

Факт любопытный и говорящий о многом. В первую очередь о том, что к возложенной на него царем роли надсмотрщика игумен Филипп отнесся прохладно; более того, общаясь с соловецким узником, он, скорее всего, разделял его нестяжательские и аскетические устремления. Не так часто на острове Филиппу приходилось общаться с человеком, богословски одаренным и начитанным, а, вникнув в суть его дела, он понял, что Артемий не пришелся ко двору именно по причине своей начитанности и решительной непримиримости ко всякого рода кривде, лукавству и приспособленчеству ряда государевых мужей и архиереев.

Находясь на первый взгляд на периферии политической и духовно-религиозной жизни Московского царства, Соловецкий монастырь меж тем в силу объективных причин — тесной связи с Великим Новгородом и крупными монастырями Северной Фиваиды — ни в коей мере не оказался в стороне от масштабной поле-

мики, развернувшейся в Русской Церкви в начале XVI столетия.

Речь в данном случае идет о противостоянии двух духовных течений в монашестве, а как следствие, и в общественно-политическом устройстве русского общества в целом — «иосифлян» (сторонников государственного доминирования в церковной жизни, последователей преподобного Иосифа Волоцкого) и «нестяжателей» (сторонников аскетического нищелюбия, последователей преподобного Нила Сорского).

Дискуссия, изначально носившая исключительно мирный духовно-богословский характер, постепенно и неизбежно переросла в спор политический, и тогда, как говорится, в ход пошла «тяжелая артиллерия» — доносы, оскорбления, угрозы, обвинения в ереси и антигосударственной деятельности.

Нил Сорский, будучи постриженником Кирилло-Белозерского монастыря и духовным питомцем игумена Кассиана, в свою очередь постриженника Спасо-Каменной обители, безусловно, великолепно знал киновийную (общежительную) иноческую жизнь на Севере во всех ее подробностях, причем порой и в не самых приглядных.

Посетив со своим учеником Иннокентием обители Палестины, Константинополя и Афона, преподобный задумал обновить русскую монашескую традицию, насытив ее греческими опытом аскетического делания, а по сути, вернувшись к классическим примерам анахоретства Древней Церкви. Первым и непреложным условием такого скитского бытования стали полный отказ от церковного имущества и вкладов, приношений и дорогих пожертвований, невхождение на государственное поприще, бегство славы и почитания, иначе говоря, совершенное нестяжание, как материальное, так и духовное. Само же стяжание богатств земных Нил именовал «ядом смертоносным», а сребролюбие, вслед за преподобным Фалассием Ливийским (ум. 660), называл «пищей страстей, потому как оно поддерживает и растит всеобъемлющую самоугодливую похоть».

Во исполнение этого эпического и благородного замысла на берегу лесного потока Сора, что в белозерских землях, Нил основал пустынь по Скитскому уставу, то есть особножительную обитель, где каждый инок

имел свою келью и свое хозяйство, то есть исключительно трудом рук своих добывал себе пропитание, и лишь по воскресным дням братия собиралась в храме для общей молитвы.

«Преподобный Нил наиболее показал на соборе 1503 года о монастырских имуществях, до какой степени отложил он все мирские пристрастия и как стремилась душа его к одному горнему, — пишет в своей книге «Русская Фиваида на Севере» А. Н. Муравьев, — ...предложил на соборе Нил, чтобы не было сел у монастырей и чернецы жили бы в пустыне и кормились рукоделием. Все пустынники Белозерские, следуя в этом заповеди отца своего св. Кирилла, поддержали мнение великого скитона начальника».

Уже после своей кончины в 1508 году преподобный старец явился во сне царю Ивану Грозному и запретил ему вести каменное строительство в Сорской пустыни, а также делать обители дорогие подарки. Этот пример показывает, насколько непреклонен был отшельник в своем стремлении очистить русское иночество от многих пагубных искушений и соблазнов, приносимых князьями «мира сего» и разрушающих молитвенное священнобезмолвие.

Понятно, что столь радикальный взгляд на предмет не мог не вызвать острых споров, категорического неприятия и даже конфликта.

Преподобный Иосиф Волоцкий, игумен Успенского Волоколамского монастыря, выступил с противоположной тезой. По его мысли, церковные богатства есть свидетельство мощи и величия Церкви. В одном из своих посланий преподобный восклицал: «Надобно церковные вещи строити, святые иконы и священные сосуды, и книги, и ризы, и братство кормити... и нищим, и странным, и мимоходящим давати и кормити».

Мнение Иосифа Волоцкого, что и понятно, получило высочайшую поддержку, но непримиримая позиция Нила и белозерских (также их принято называть — заволжские) старцев обострила противостояние, что привело к драматическим последствиям.

Г. П. Федотов так комментировал сложившуюся ситуацию: «Противоположность между заволжскими “нестяжателями” и осифлянами поистине огромна как в самом направлении духовной жизни, так и в социаль-

ных выводах... В организации иноческой жизни на одной стороне — почти безвластье, на другой — суровая дисциплина. Духовная жизнь “заволжцев” протекает в отрешенном созерцании и “умной” молитве, — осифляне любят обрядовое благочестие и уставную молитву... первые дорожат независимостью от светской власти, последние работают над укреплением самодержавия и добровольно отдают под его попечение и свои монастыри, и всю Русскую церковь».

Удивительным образом возникшая в начала XVI столетия оппозиция на уровне русского социума в целом и Русской Церкви в частности в полной мере стала проекцией душевной и духовной раздвоенности игумена Филиппа — сына своего времени и своего народа.

Едва ли Соловецкий настоятель, отдававший монастырю все свои силы, желавший создать на острове обитель молитвы, поста и монашеского трезвения, хотел видеть его превращенным в тюрьму.

Принимая от Грозного царя богатые приношения и дары, Филипп не мог не понимать, что «время подвига» (время выбора) наступит непременно, однако известные его дипломатичность и опытность подсказывали, что по-другому сейчас устроить и наладить жизнь в островном монастыре не получится. Слишком много людей зависели от Филиппа, и за всех за них он был в ответе — за поморских рыбаков и новгородских трудников, за онежских купцов и послушников, за соловецких иноков и монастырских старцев, за своего постриженника и ближайшего ученика Иакова, который спустя годы станет настоятелем Спасо-Преображенского монастыря.

Да, тот путь, который избрал Федор Степанович Колычёв, изначально предполагал выбор, причем осмысленный и взвешенный, выбор, который неизбежно должен был привести к трагической развязке, потому что, как любил повторять святитель, «никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24).

В один из дней 1565 года, удалившись в скит на берегу Игуменского озера для молитвенного сосредоточения и размышлений, Филипп удостоился великого и

страшного видения. Ему, как сообщает «Летописец Соловецкий», «явился в пустыни Господь в терновом венце, в оковах, обагранный кровью, с ранами на теле, в том виде, в каком Он после поруганий и биений перед судилищем Пилата веден был в темницу».

Пожалуй, в этом откровении Соловецкому настоятелю была явлена очевидная и закономерная истина — мир человеческих страстей пришел на «Остров мертвых», и всякий, кто пожелает противостоять ему, сделав свой выбор в следовании за Христом, будет подвержен поруганию, унижению и страданиям.

Спустя год, в память «чудного и преславного явления, бывшего на сем месте», игумен Филипп поставил часовню, «устроил из дерева изображение Господа нашего Иисуса Христа в подобии, им виденном, а где вода брызнула из земли (как слезы Спасителя), там ископал, оставил здесь и камень, служивший ему возглавием, и заповедал хранить его».

Камень, подкладываемый под голову, — как символ признания своих слабостей и несовершенства, но и осознания при этом собственной силы перед лицом бытийных драм.

Итак, прецедент «Соловецкого иосифлянства» был создан.

Вернее сказать, он был создан раньше, когда еще в 20-х годах XVI века сюда из Троице-Сергиева монастыря был доставлен «некий мних» Сильван Грек, ученик и сподвижник Максима Грека, при котором он служил писцом. «Сей монах был муж внешнего и духовного любомудрия искусен», — писал о нем князь Андрей Михайлович Курбский. Известно, что Сильван принимал участие в переводе бесед святого Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, однако после обвинения Максима Грека в поддержке нестяжателей (к тому моменту спор между «иосифлянами» и «нестяжателями» перешел в фазу разгрома последних), а также в проповеди «некоей» ереси митрополит Даниил, питавший особую неприязнь к «зело хитрым» греческим мудрецам, сослал Сильвана в Соловецкий монастырь, где страдалец и скончался в «заточении темничном».

Через шесть лет после Артемия в Соловки был отправлен царев духовник, человек, приведший Артемия

в Кремль, а впоследствии его обвинитель и гонитель протоиерей Сильвестр.

В «Лицевом летописном своде» (60—70-е годы XVI века) о старце было сказано: «Всем он владел, обеими властями, и святительской, и царской, точно царь и святитель, только имени и престола не имел царских, но поповские».

На Соловки Сильвестр был переведен из Кирилло-Белозерского монастыря, где содержался в заточении с 1560 года. Возглавляя «Избранную раду», Сильвестр имел огромное влияние на молодого Ивана Васильевича. Известно, что именно он призвал царя быть не только крепким во власти и вере, но и жестоким по отношению к своим врагам, видеть в них «крамольников», угрожающих Святому Православию.

Спустя годы в число врагов Грозного царя попал и он сам.

В Соловецком монастыре опальный протоиерей находился под «строжайшим присмотром», здесь же он был насильно пострижен в монахи с именем Спиридон.

Характерно, что в последние годы своей жизни Сильвестр (Спиридон) занимал крайне анти-иосифлянскую позицию, притом что сам до определенного времени имел при государевом дворе значительный вес и влияние, а также по сути возглавлял «Избранную раду», будучи при этом лицом духовного звания.

До конца XVIII столетия в монастыре не было специальных тюремных построек, а посему местом заточения колодников служили так называемые каменные «мешки», казематы, своего рода полости, образовавшиеся во время строительства стен и башен Соловецкой крепости. По большей части камеры здесь располагались ниже уровня земли, имели размер два на два метра или около того, а под самым потолком тут зияло крохотное зарешеченное окно. Впрочем, ряд камер имел лишь отдушину, так как они находились во внутреннем периметре башни и, следовательно, не имели контакта с внешним миром.

В 1798 году под острог на острове был приспособлен подвальный этаж иконописной палаты, возведенной еще в 1615 году рядом с Корожной башней. Здесь специальным образом было оборудовано 11 тюремных

казематов, которые на Соловках называли «арестантскими чуланам».

В своей книге «Год на Севере», в главе, посвященной Соловецкому монастырю, С. В. Максимов писал: «В одном из промежутков между циклопическими стенами Соловецкого монастыря, складенными из громадных диких камней, и стенами жилых монастырских строений, в северо-западном углу, приютилась отдельная палата каменная и двухэтажная... 16 новых “чуланов” (похожих более на собачьи конуры) прилажены были и в верхнем этаже в 1828 году, а в 1842 году тюрьма увеличилась надстройкою третьего этажа, который и делает ее видною богомольцам из-за стен. До того времени мест заключения было несколько: у Никольских ворот, у Святых ворот, под крыльцом Успенского собора и в башнях: западной и на восточной стороне. Иных узников не помещали в тюрьмы: так, один священник Симеон жил в хлебне, прикованным на цепь, и в таком виде месил братские хлебы...»

Изначально обязанности надзора за арестантами были возложены на монахов обители, но уже к концу XVI века из числа стрельцов Соловецкого гарнизона был сформирован отряд надзирателей. С этого момента островное население поделилось на тех, кто находился в затворе, и на тех, кто их охранял.

Великим постом 1566 года игумен Филипп (Колычёв) покинул Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь и отправился в Москву для поставления на митрополичью кафедру.

Как писал Г. П. Федотов, «игумен простился с плачущей братией. Впрочем, слезы не у всех были искренними. Кое-кто без сожаления расставался со святым игуменом».

Конфликт, давно тлевший между настоятелем и частью братии, не был урегулирован, и именно он стал питательной средой для клеветы и ложных показаний о якобы несправедливой жизни Филиппа в бытность его настоятелем в Спасо-Преображенском монастыре, а также тех наветов, сбором которых активно занялись при дворе царя Ивана Васильевича.

В комиссию по «обыску о жизни» Филиппа вошли архиепископ Суздальский и Тарусский Пафнутий, ар-

химандрит Андроникова монастыря Феодосий, князь Василий Темкин и дьяк Дмитрий Пивов. Как это бывает в таких случаях, не имея никаких личных претензий к Соловецкому игумену, «дознаватели» не рискнули пренебречь царевым указом и с энтузиазмом принялись за дело.

Ключевыми фигурами со стороны обвинения стали Паисий, келарь монастыря при Филиппе, а ныне соловецкий игумен (которому даже был предложен епископский сан в обмен на сговорчивость), и архиепископ Новгородский Пимен, постриженник Кирилло-Белозерского монастыря.

Осенью 1568 года в Успенском соборе Московского Кремля Паисий зачитал «свитки» своих показаний, а также показаний ряда соловецких старцев перед Освященным собором. В свою очередь Пимен, на тот момент один из наиболее приближенных к царю архиереев, обвинил святителя в «неистовствах» и колдовстве.

Выслушав потоки клеветы и оскорблений в свой адрес, обвиняемый сказал: «Благодать Божия да будет на устах твоих, чадо, ибо льстивые уста против меня отверзлись. Не слышал ли Божие слово: “Аще кто речет брату своему ‘юродиве’, повинен геенне огненной”? Вспомни и другое изречение Священного Писания: “Что сеет человек, тот и пожнет”, — это слово не мое, а Господне».

Затем, повернувшись к Грозному царю, добавил: «Потщися и ты подражать благим нравам, ибо светлостию сана не умоляется смерть, во все вонзающая несокрушимыя свои зубы. Итак, прежде ея немилостиваго пришествия, принеси плоды добродетели и собери себе сокровища на небесах, ибо все собранное в мире сем остается на земле, и каждый воздаст слово о житии своем».

Через год игумен Паисий будет извержен из сана и отправлен «для вразумления» в Валаамский монастырь, а соловецкие старцы, свидетельствовавшие против Филиппа, будут арестованы, обвинены в клевете и сосланы под надзор в отдаленные северные обители.

Архиепископ Новгородский Пимен по обвинению в сговоре с литовским королем тоже будет извержен из сана, но уже в 1570 году, подвергнут публичному надругательству на глазах у всего Новгорода и сослан в один

из Тульских монастырей. По другой версии, Пимена утопили в Волхове.

Царь же Иван Васильевич IV Грозный примет мучительную смерть, наступившую от многих недугов, вызванных нездоровым образом жизни, в 1584 году в Москве в возрасте пятидесяти четырех лет...

На время судебного разбирательства монастырская казна и соловецкая ризница были опечатаны, а в 1570 году временным управляющим обители был назначен соборный старец Кирилло-Белозерского монастыря Меркурий. Согласно государевой описи монастырское хозяйство на острове на тот момент составляли 60 волов, 71 лошадь, семь морских лодей, 15 больших карбасов, три солеварни, три мельницы и «толчея» для круп.

В 1571 году, согласно указу Ивана Васильевича, игуменом Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря был назначен постриженник Кирилло-Белозерского монастыря Варлаам.

О том, как отнеслась братия к аресту и впоследствии убийству своего настоятеля, никакой информации не сохранилось. С учетом того, что с острова в Москву были увезены все, кто согласился лжесвидетельствовать против Филиппа (Колычёва) на Соборе, можно предположить, что соловчане (как братия, так и миряне) восприняли эти события как личную трагедию. Слишком для многих на острове святитель был добрым и справедливым настоятелем, отцом, которому, по словам поставлявшего его на игуменство архиепископа Феодосия Новгородского, все «покорялись со всяким послушанием».

По сути убийство московского святителя и соловецкого игумена стало последним ударом, нанесенным властью по «нестяжателям». Конечно, отнести Филиппа и его обитель к прямым продолжателям дела преподобного Нила Сорского невозможно. Хотя бы потому, что, как писал Г. П. Федотов, «монастырское хозяйство не благотворительное учреждение... оно зорко блюдет свои интересы». А соблюдение этих интересов, как мы помним, было сопряжено у Филиппа с неизбежной коллаборацией с властью, с царем Иваном Грозным в первую очередь. Но при этом внутреннее, духовное нестяжание Соловецкого игумена, а впоследствии и митрополита Московского, незапятнанность его репутации, великодушие и благородная простота ставят

святителя в число выдающихся русских аскетов, пастырей «не от мира сего».

Вместе с Филиппом ушло целое поколение архиереев — Герман Казанский, Елевферий Суздальский, для которых архипастырские ризы не были символом надменной неприступности и властной вседозволенности, но тяжелым ярмом, приносящим многие скорби и страдания, сравнимым с веригами, с параманом, на котором написано: «Аз язвы Господа моего Иисуса Христа на теле моем ношу».

Являясь *сотрудниками* (совершающими совместные труды) царя и боярской элиты, они были при этом неподкупны и непоколебимы в своем служении Спасителю, только Его видя смыслом и причиной всех своих поступков.

Традиции «Сергиевской плеяды», о которой мы говорили в предыдущих главах в связи с трудами и подвигами преподобных Савватия, Германа и Зосимы, постепенно угасают. Святитель Филипп становится той, если угодно, рубежной личностью, после которой исихастские традиции (традиции священнобезмолвия и «умной» молитвы), идущие еще от Отцов Древней Церкви, уступают место обрядоверию, порой обретающему черты агрессивного неистовства и, увы, подменяющему истинную сердечную теплоту веры нарочитым благочестием.

Исследуя этот переломный период, Г. П. Федотов в своей книге «Святые Древней Руси» пишет: «В религиозной жизни Руси устанавливается надолго тот тип уставного благочестия, “обрядового исповедничества”, который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам, при всем их восхищении. Наряду с этим жизнь, как семейная, так и общественная, всё более тяжелеет. Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью... то и вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью».

Вполне естественно, что обиходное соловецкое бытование рубежа XVI—XVII веков в полной мере проецирует на себя глобальные социально-политические и духовно-религиозные процессы, происходившие в стране.

Показательно, что начиная с 1570 года Соловецкий монастырь все более и более начинает ассоциировать-

ся в народном сознании с военным форпостом, необоримой крепостью и тюрмой.

В 1579 году «царь Иоанн Васильевич пожаловал 4 пищали затинных, да пороху 10 пудов и 10 фунтов. В сем же году каянские немцы (финны и шведы из города Каяны. — *М. Г.*) учинили нападение на Кемскую волость и произвели великое опустошение. Воевода Озеров и многие стрельцы побиты. На место его прислан на Соловки воевода Андрей Загряжский, который, набрав стрельцов из вотчин монастырских и умножив оных до 100 человек, по царскому повелению учил их исправной стрельбе» («Соловецкий летописец»).

В 1582 году по приказу государя на острове начинается строительство каменной крепости вместо деревянной, возведенной при воеводе Михаиле Озере. Возглавляют работы уроженец поморского села Нёнокса, постриженник Соловецкого монастыря старец Трифон (Кологривов) и вологодский мастер Иван Михайлов.

В 1584 году Иван Грозный в вечное поминовение безвинно убиенных в опричнину новгородцев пожаловал в Спасо-Преображенскую обитель 1100 рублей.

Кажется, что в этой круговерти государевых неистовств, словно направленных на тотальное переиначивание стиля и традиций соловецкой жизни, заложенных еще преподобными Савватием, Зосимой и Германом, а также укрепленных и приумноженных святителем Филиппом, уже не осталось места истинному аскетическому трезвению и благочестию, которое преподобный Нил Синайский (ум. 450) видел не в том, чтобы многим оказывать милость, но в том, чтобы никого не обижать.

Последним же из Филипповской плеяды на Соловках стал игумен Иаков, постриженник и ученик святителя. Он был приглашен в островную обитель в 1581 году из Онежского Палеостровского монастыря.

Стараниями нового настоятеля в Спасо-Преображенский монастырь из Тверского Отроча монастыря были перенесены мощи святителя Филиппа. «Страдальческое нетленное тело его погребено было под папертью церкви во имя чудотворцев Зосимы и Савватия на месте, им самим при жизни его в обители сей предуготованном», рядом с могилой его духовника и учителя старца Ионы (Шамина).

Глава седьмая

Елеазар и Никон

Игумен Иринарх. — Аскетические подвиги Иринарха. — Елеазар Анзерский. — Скитское житие на Анзере. — Скитский обиход. — Виды иноческой жизни. — Традиции Древней Церкви на острове. — Троицкий Анзерский скит. — Умная молитва. — Хозяйство Анзерского скита. — Киновийный устав. — Состав соловецких насельников и трудников. — Священник Никита Минов. — Никита во иночестве Никон — конфликт с Елеазаром. — Змий чёрен и зело велик. — Бегство с Анзера. — Кий-остров. — Поклонные кресты на Севере. — Воздвижение креста на Кие. — Гроб Филиппа. — Крест Никона. — Чешьюгский крест. — Храм Сергия, что в Кративниках

«Известно нам стало, что в Соловецком монастыре некоторые из братии дерзают жить не по священному уставу, не по правилам святых Апостолов и Богоносных отцов, не по преданию преподобных отцов Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, хотят ходить по своим волям. Мы, слыша это, дивимся, что в такой знаменитой лавре начинают жить так слабо, ни во что считая отеческие предания. Как только придет к вам наша грамота, вы, богомольцы наши, введите строгий надзор и не допускайте исполнять свою волю тем, которые захотят жить слабо, уклоняться к мирским делам или держать (хмельное) питье, выходить из монастыря и творить молвы; строго надзирайте, чтобы братия и послушники жили по правилам святых отцов, а не по своим похотям, и усердно ходили бы в церковь... Тех, которые из братии не будут слушать, вы смиряйте по монастырскому преданию и не попускайте самовольничать».

Эта грамота братии Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря была написана царем Михаилом Федоровичем Романовым в 1621 году по просьбе игумена Иринарха, о котором сказано в его Житии: «Будучи сам примером подвижничества, он ревновал о подержании в подчиненных ему иноках духа истинного монашества».

Тот факт, что соловецкий настоятель обратился за

помощью к царю Московскому, дабы он вразумил «забывчивых иноков», в полной мере обрисовывает нам обстановку, которая сложилась в монастыре в 20-х годах XVII столетия. Кроткий, смиренный, всегда погруженный в богомыслие, любящий отшельничество и молитву, но совершенно обремененный делами хозяйственными, Иринарх с великим трудом справлялся с обязанностями настоятеля огромного к тому времени монастыря-крепости, одних стрельцов на содержании которого было более тысячи человек. Опять же постоянная угроза со стороны датчан и шведов, заботы о Кемском и Сумском острогах на материке требовали от старца решительности, а порой и жесткости по отношению к братии и подчиненным обители ратным людям.

Как мы видим, Иринарху это удавалось не всегда. По складу характера он не был администратором и главнокомандующим, более имея склонность — что для монаха естественно — к молчанию и смиреномудрию.

Кроме мощных фортификационных сооружений при Иринархе (разумеется, на средства государевой казны) возводятся казармы для монастырского гарнизона, что принципиально меняет контингент островитян. Происходит то, от чего предостерегал святитель Филипп (Колычѣв) в своих «уставных грамотах», когда пришлый люд (казаки), крестьяне, трудники и стрельцы, ведущие весьма своеобразный образ жизни, неизбежно начнут размывать иноческую дисциплину, непреложное соблюдение которой требовал еще преподобный Зосима.

Думается, что Иринарх понимал это. В 1626 году старец добровольно оставил управление обителью и два года, вплоть до своей кончины, пребывал в молчании.

Не являясь прямым наследником игумена Филиппа (их разделяют пять настоятелей), Иринарх каким-то немислимым образом повторил духовный путь своего великого предшественника. Так, находясь в вечном борении с самим собой, старец почитал послушание за смиренную необходимость, а молитву и аскетическое делание — за «сверхъестественное состояние, возбуждающее к созерцанию пресущественного Божества» (слова преподобного Исаака Сирина).

В полной мере эту вторую сторону своего иноческого и пастырского дарования Иринарх раскрыл, когда стал духовным отцом некоего молодого послушника, сына купца Афанасия Севрюкова из города Козельска, а впоследствии постриг его в монашество с именем Елеазар.

Видя многие дарования этого юноши, Иринарх благословил его работать резчиком по дереву при благоуукрашении иконостаса Спасо-Преображенского собора.

Житие молодого подвижника сообщает о том, что своей подвижнической жизнью преподобный Елеазар скоро приобрел уважение всей братии и любовь игумена Иринарха, но «не того желала смиренная душа его, она стремилась к новым подвигам уединения и безмолвия».

В 1612 году Иринарх благословил Елеазара удалиться в пустыню на остров Анзер. Видимо, в те годы, когда на Большом Соловецком острове шло активное строительство, а число братии, трудников и стрельцов уже значительно превышало тысячу человек, уединенный Анзер, входящий в состав Соловецкого архипелага и расположенный в 20 километрах к северо-востоку от монастыря, был единственным местом, где можно было ревностно подражать великим соловецким начальположникам — Савватию, Зосиме и Герману.

На Анзере, куда Елеазар уходит «тайно», он строит келью на берегу озера Круглое, где в безмолвии и трудах проживет четыре года.

Здесь, во исполнение нестяжательских обетов Древней Церкви, а также слов преподобного Нила Сорского: «Очисти келью свою, и скудость вещей научит тя воздержанию, возлюби нищету и нестяжание, и смирение», — пропитание инок добывал трудом рук своих. Аскет изготавливал деревянную посуду и оставлял ее на пристани, а взамен от рыбаков-поморов и проходивших мимо острова купцов получал хлеб и прочие припасы.

По истечении четырех лет Елеазар покинул свою келью на озере Долгом (ныне Большое Елеазарово) и перешел ближе к побережью, к ветхой церкви Николая-угодника, перенесенной на Анзер с Большого Соловецкого острова в 1583 году. Молва об отшельнике до-

стигла не только Большого Соловецкого острова, но и материка. Со временем к нему стали притекать любители безмолвного и пустынного жития.

Среди собравшихся братьий Елеазар установил древний чин скитского жития по примеру святых Отцов. Кельи иноков были поставлены на значительном удалении одна от другой. Лишь в субботу вечером и накануне праздников отшельники собирались в храме для общей молитвы, в которой проводили всю ночь и следующий день. Молитва, песнопение, пост, чтение Божественного Писания и сочинений Отцов Церкви, работа на огороде и рукоделие составляли их ежедневные занятия.

Патриарший клирик Иоанн Шушерин в 80-х годах XVII века так описывал жизнь анзерских отшельников: «В те времена отцы на острове держали такой обычай, что келья от кельи отстояла на два поприща (около полутора километров. — *М. Г.*) и на столько же от церкви, и во всякой келье жило по одному брату. Всего на том острове братии было двенадцать человек, правилу же они следовали такому: в вечер субботу собирались в церкви и служили вечерню с повечерием, а затем, не расходясь, и утреню. Прочитывали все двадцать кафизм (*кафизма* — раздел Псалтири, всего 20 разделов. — *М. Г.*), после десяти кафизм — воскресное Евангелие толковое (Псалтирь же когда читали, вся братия сидела). И, так проведя всю ночь за Божественной службой, с наступлением дня совершали Священную Литургию, после чего давали друг другу целование и, испросив друг у друга святых молитв, расходились по кельям до следующей субботы».

Историк В. О. Ключевский писал: «В Древней Руси различали три вида иноческой жизни: общежитие, житие особое и отходное. Общежительный монастырь — это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, пощении и молчании; оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал иноческого совершенства в школе общего жития. Особое житие вообще предшествовало монастырскому общежитию и было подготовительной к нему ступенью. Оно было очень распространено в Древней Руси как простейший вид иночества и принимало

различные формы. Иногда люди, отрекавшиеся или помышлявшие отречься от мира, строили себе кельи у приходского храма, заводили даже игумена как духовного руководителя, но жили отдельными хозяйствами и без определенного устава. Такой монастырь — «особняк» составлял не братство, а товарищество, объединявшееся соседством, общим храмом, иногда и общим духовником».

Наиболее известным примером «особного» жития в Русской Церкви была пустынь преподобного Нила Сорского, духовного вдохновителя нестяжательского движения «заволжских старцев». «В основах своих Заволжское движение есть новый опыт, аскеза и искуса духа,— замечает историк Церкви и богослов протоиерей Георгий Флоровский. — Заволжское движение в начале было, больше всего, исканием безмолвия и тишины. Это был решительный выход и уход из мира, бдительное преодоление всякого «миролюбия». Потому и образ жизни избирается скитский, уединенный, — «общежитие» кажется слишком шумным и слишком организованным. Нестяжание и есть именно этот путь из мира,— не иметь ничего в миру... Правда Заволжского движения именно в этом уходе, — правда созерцания, правда умного делания».

Интересно, что именно на Соловках на фоне гигантского общежительного Спасо-Преображенского монастыря возникает скит Елеазара как своеобразная духовная антитеза, как дань аскетическим заветам преподобных Савватия, Зосимы и Германа, а также святителя Филиппа, для которых анахоретские традиции Древней Церкви были тем неизменным фундаментом, на котором стоит монашество вообще.

Подражая своим великим предшественникам, преподобный скитоначальник идет дальше, духовно и творчески переосмысливая опыт старцев. С одной стороны, Елеазар верен классическим топосам аскетического бытования, он «налагает на себя усиленные труды» — колет дрова, копает землю, перетаскивает огромные валуны для строительства, носит на теле тяжелые железные вериги. Но с другой стороны, являет примеры известного интеллектуализма и умственного напряжения для «пользы душевной»: он переписывает духовные книги, штудировал сочинения святых Отцов

Церкви, пишет «истолкование» чина монашеского келейного правила и, наконец, составляет скитскую библиотеку, куда вошли «от Божественных Писаний различные повести, и три книги Цветника написал своей рукой уставом». Впоследствии эта библиотека станет одной из богатейших на острове, а книги из ее собрания станут настольными для многих поколений анзерских монахов.

18 марта 1620 года соловецкий игумен Иринарх доложил патриарху Филарету о том, что на Анзерском острове живут старцы с преподобным Елеазаром «пустынным обычаем немалое время, а храму у них в той пустыни нет». Филарет благословил построить для анзерских отшельников «деревянную церковь о двух престолах: в честь Живоначальной Троицы и во имя преподобного Михаила Малеина». Также святейший постановил: «Пустынникам иметь содержание от Соловецкого монастыря, не вмешиваясь в управление монастырскими угодьями, быть в послушании у соловецкого настоятеля и соборных старцев, самоволия и бесчиния не делать, мирских людей к себе не принимать, всячески удаляясь молвы и смятения».

«Питание их (анзерских отшельников) было большей частью от государевой милостыни, — пишет Иоанн Шушерин, — каждому брату в год по три четверти положенной меры муки, да приношения от рыбаков, да плоды, какие обретались на том острове».

Из государевой грамоты Соловецкому Спасо-Преображенскому монастырю: «Повеле у них в пустынном месте окянском от отца соловецкия обители начальником своим, монастырскими плотники воздвигнути церковь во имя Живоначальной Троицы и к ней придел преподобного Михаила Малеинского своего государева тезоименитого ангела. И по их царскому и святительскому указу церковь поставить по размеру тех местных и деисусных икон».

Через год в скиту был возведен и освящен храм, по которому скит и получил название Троицкого Анзерского.

Традиция особого почитания Святой Троицы в Русской Церкви восходит к возвышенному сердечному горению преподобных Сергия Радонежского, Стефана Махрищского, Григория и Кассиана Авнежских. Не бу-

дучи искушенными богословами и книжниками, святые старцы второй половины XIV столетия удивительным образом прозрели и постигли, пожалуй, самый непостижимый и таинственный догмат, сделав его предметом постоянной молитвы и богомыслия.

«Никто не может ясно и полно постичь умом и выразить словом догмат о Пресвятой Троице, сколько ни читай Божественное Писание. Истинно верующий и не берется за это, но, приемля с верою написанное, в том одном пребывает, ничего более не исследуя, и, кроме написанного и того, чему научен, совершенно ничего другого не может он сказать пытливым и самонадеянно дерзающим исследовать Божественное Писание» (преподобный Симеон Новый Богослов).

Именно непостижимость умом, но стяжание Духа Святого сердцем, всем естеством становится основополагающей максимой иноческой практики Северной Фиваиды.

Преподобный Елеазар словно как бы отматывает время назад и с высоты XVII столетия вновь припадает к мистическому опыту подвижников «Сергиевской плеяды». Будучи автором «Грамоты о видениях и откровениях», иконописцем, резчиком и переплетчиком, анзерский скитоначальник много времени уделяет внутренней умной молитве, которую он совершает всегда, особенно во время «усиленных трудов» физических, когда ум освобождается от мудрования и соблазнов и не остается ни сил, ни времени на «самонадеянное дерзание».

В 1633 году Анзерский Троицкий скит был отписан от Соловецкого монастыря и обрел самостоятельность. Скорее всего, таким образом была отмечена заслуга Елеазара, предсказавшего царю Михаилу Федоровичу рождение наследника. Для этой надобности преподобный в 1628 году был специально вызван в Москву, где в Чудовом монастыре молился о даровании государю наследника мужского пола.

В 1638 году государь передает Троицкому скиту 900 рублей денег на строительство каменной церкви, «а уставщиком каменщиком от него великого государя в Анзерский скит послан с Москвы Трефил Шарутин», незадолго до того строивший Теремный дворец в Кремле. Однако лишь в 1647 году в значительно удешевленном варианте стройка была начата. По понятным финансо-

вым причинам от услуг Трефила Шарутина пришлось отказаться, призвав соловецких каменщиков, которые и возвели каменную Троицкую церковь к 1650 году.

Вспоминая непримиримую решительность преподобного Нила Сорского к принятию разного рода богатств и даров от власть имущих, нельзя не согласиться с тем, что на Соловецком острове, который воспринимался Москвой в первую очередь как военно-стратегический форпост на северных рубежах царства, а впоследствии Российской империи, противостояние «иосифлян» и «нестяжателей», вернее сказать, их потомков, складывалось не в пользу вторых.

Таким образом, преподобный Елеазар становится активным сподвижником соловецкого игумена Иринарха, проявляя в устройстве Анзерского скита незаурядный талант администратора и организатора стройки. Согласно монастырским описям конца XVII века, к зданию Троицкой церкви были пристроены трапезная и притвор, а венчали ее три главы, обитые лемехом. На некотором отдалении от храма высилась шестигранная деревянная колокольня с шатром, завершавшаяся не крестом, а «прапорцем» (флажком-флюгером), чтобы «знать ветров дыхание». Деревянные кельи по периметру окружали храм, а в стороне от основных построек скита располагались хлебный амбар «на осьми столбовых ногах» с сушилом наверху и амбар для ржаной муки. На берегу Троицкой губы были устроены валунная пристань и якорный амбар, рядом с которыми были сложены для просушки бревна, приготовленные для строительства келий, и тесницы (тесаные доски) для монастырских карбасов.

Из книги С. В. Максимова «Год на Севере» (1890):

«Ехали мы лесом часа два. За лесом началось поле, на конце которого стоит избушка и в ней живут два монаха-перевозчика. У избушки этой надо было оставить лошадей и садиться в карбас, на котором предстоял путь через салму (пролив) в 4 версты 300 сажен. Ветру никакого не заводилось: привелось ехать на гребле, между тем как быстрина течения здесь поразительна; к тому же на то время вода на том берегу распалась, как выразился наш перевозчик, т. е. пошла на прибыль, начался прилив и обещал нам навстречу сувой (беспорядочное морское волнение при встречных течениях), но сувой

оказался несильным, и мы, хотя и медленно, но прошли его при помощи только двух весел. По пути нам морем играла белуха у самого карбаса и так близко, что можно было рассмотреть, как опрокидывала она свое огромное сальное тело в воду, выгибая над водой спину и выкидывая на шею фонтаном воду.

Через полтора часа езды были уже на берегу Анзерского острова, подле часовни, на месте которой, говорят, основатель скита Елеазарий работал в избушке деревянную посуду и потом продавал ее приходившим на Мурман поморам. Приготовленную посуду он, по преданию, выставлял на пристани, а сам удалялся в леса от людей. Приплывавшие поморы брали посуду, а в оплату оставляли хлеб и другие съестные припасы, по силе возможности. От часовни этой мы шли 2 версты пешком до Анзерского скита, раскинутого в ложбине, с каменными кельями (в них живет 14 монахов) и таковою же небольшою церковью. Вблизи скита этого ловятся лучшие соловецкие сельди и семга, и производятся по осени промыслы тюленей и морских зайцев... На обратном пути в Анзерском скиту нам предложили варенцу и сливок, которых здесь, по словам монахов, в изобилии».

Очевидно, что к середине XVII века «особное» иноческое житие на Анзере уступило место киновии, общежитию, что полностью вписывалось в общий соловецкий уклад. Нельзя утверждать, что оно полностью угасло под натиском объективных социально-экономических условий существования островного монастыря, а также военно-политических и стратегических вызовов времени. Например, известно, что соловецкие анахореты спасались в самых уединенных местах архипелага вплоть до 20-х годов XX века, но монашеская структура обители в целом, вне всякого сомнения, претерпела кардинальные изменения — заповеданная преподобными Савватием и Зосимой молитвенная дисциплина свободного, а потому вдохновенного отшельничества уступила место дисциплине более гарнизонной, во многом завязанной на решение хозяйственно-административных и военных задач.

Если раньше на Соловках почти не было случайных людей, то теперь ряды островитян по большей части пополняли наемные рабочие, торговый люд, стрельцы.

С одной стороны, вычленив из этого огромного людского потока настоящих подвижников, готовых безоглядно следовать путем древних пустынников, было делом более чем непростым. А с другой — оказаться на острове с самыми благими намерениями и не стать при этом жертвой многих искушений — тоже требовало великого напряжения духовных сил и настоящего послушания.

Именно в это время, которое историк Г. П. Федотов назвал трагическим для русской святости, на Соловецкий остров прибывает тридцатилетний священник Никита Минов.

После семейной трагедии — смерти трех малолетних чад — Никита принимает решение покинуть Москву, где, как пишет патриарший ставрофор Иоанн Шушерин, увидел он «суету мира сего и непостоянство», и «обрести удобный путь ко спасению». Однако десять лет, проведенные в столице, не стоит списывать со счетов, потому как они, безусловно, оказали на молодого иерея должное влияние. Можно утверждать, что именно здесь он почувствовал свою силу как пастыря, проповедника, осознал себя опытным психологом, священнослужителем, умеющим найти путь к сердцу каждого богомольца.

На острове Никита Минов оказался около 1635 года. В это время игуменом Спасо-Преображенского монастыря был Рафаил, временно перемещенный на остров из Астраханского Троицкого монастыря, будущий архиепископ Астраханский.

В монастырских источниках не сохранилось никакой информации о Рафаиле, кроме той, что соловецким настоятелем старец пробыл всего лишь четыре года. То обстоятельство, что Никита Минов, приехав на Большой Соловецкий остров, почти сразу удалился на Анзер к преподобному Елеазару, говорит нам о том, что он изначально стремился именно к анзерскому скитона начальнику, духовный авторитет которого, видимо, значительно превышал авторитет игумена Рафаила.

Елеазар, что и понятно, не мог не обратить внимания на молодого энергичного священника, избравшего иноческую стезю сознательно и потому исполнявшего все послушания «по-старинному» — с молитвой и сердечным горением.

В 1635 году произошло пострижение Никиты Минова в монашество с именем Никон. «Никон, живя там (в Троицком скиту. — *М. Г.*), по благословению отца своего, начальствующего старца Елеазара, предался сугубому посту и воздержанию, — пишет Иоанн Шустерин. — ...Правило его было зело велико, ибо на каждые сутки при церковном правиле и при кафизмах и канонах он прочитывал целую Псалтирь, совершая по тысяче поклонов, сна же весьма мало употреблял».

В лице новоначального Никона мы получаем в 30-х годах XVII века инока, пришедшего, кажется, из времен старцев великой «Сергиевской плеяды». Подвижник истово отдается монашеской стезе, подражая подвигам Отцов Древней Церкви, чьи жития и труды он имел возможность изучать в анзерской библиотеке преподобного Елеазара, выводя таким образом своеобразную мистическую парадигму собственного служения. Речь в данном случае идет об эсхатологическом напряжении как об основе индивидуальной духовной активности, жизненности, витальности умершего для «мира сего» монаха, но при этом молящегося за этот мир, одухотворенно переживающего евангельскую образность в реальной и повседневной жизни. В жизнеописании Никона читаем такие строки: «Независтник добра диавол, видя, что сей монах неленостно служит Господу, начал воздвигать на него великую брань в келье: едва Никон располагался немного отдохнуть от трудов, к нему являлись нечистые духи и принимались его душить и творить иные пакости, и страхования, и наваждения, так что и отдыхать ему не давали. Видя такую бесовскую брань, Никон приложил к своему правилу молитвы от обуревания злых духов, да каждый день святил воду и оной святой водой кропил всю келью, избавляясь от злых наветников и их пакостей, успокаивался от трудов своих».

На фоне происходивших в это же время на Соловках в целом и на Анзере в частности событий молитвенные труды и «невидимая брань» Никона, безусловно, обращали на себя внимание. Повторялась ситуация, имевшая место на острове с новоначальным иноком Филиппом, когда его аскетическое рвение вызывало у насельников монастыря и соборных старцев непонимание, а порой и раздражение. Скорее всего, многие

видели в Никоне слишком активного и заносчивого молодого московского иерея, принявшего иноческий образ и дерзко перенесшего свои столичные замашки в островной скит.

Вот как описывает начало драматического конфликта между Елеазаром и Никоном в своем «Известии» Иоанн Корнильевич Шушерин: «Однажды боголюбезный старец Елеазар пожелал идти в царствующий град Москву собирать милостыню на построение каменной церкви и взял с собою и сего иеромонаха Никона. Придя в царствующий град Москву, где многим благородным и благочестивым людям было известно их добродетельное житие... они получили на оное церковное строение с пять сотен рублей и, возвратясь на Анзер, положили те деньги в церковную ризницу, где они и лежали два или три года». Согласно источнику, Никон с недоумением отнесся к таким действиям скитона начальника и предложил преподобному как можно скорее вложить их в строительство храма или отдать в Соловецкую обитель, «однако этот совет старцу не пришелся, и с тех пор он невзлюбил Никона, о чем последний много скорбел».

Сейчас нам трудно удостовериться в том, что ситуация сложилась именно так, но бесспорно одно — конфликт между учителем и учеником возник на административно-хозяйственной почве, что в истории Соловецкой обители и ее скитов было уже не ново. Достаточно вспомнить противостояние Филиппа (Кольчѣва) и монастырского келаря Паисия, когда каждая из сторон конфликта имела свое представление о том, как целесообразнее тратить богатые пожертвования и денежные вклады.

Следует заметить, что в аскетической практике подобная интрига была, что называется, предусмотрена, ведь «началозлобный демон» неустанно ищет возможность поселить в сердце праведника гнев и тщеславие, гордость и гневливость, а проблема дележа «богатств земных» всегда оказывается той гранью, переступая которую, даже самый опытный монах и духовидец мог впасть в искушение, влекущее за собой печальные последствия.

«Многие скорби» Никона, о которых пишет И. К. Шушерин, становятся причиной смятения иеромонаха, который прибыл на остров в поисках уединения и без-

молвия, но нашел те же страсти, от которых бежал из Москвы. К этому периоду анзерской жизни Никона относится видение «сосуда, полного семян». «Мера твоих трудов исполнена», — говорит ему некий старец, намекая на то, что невозможно наполнить сосуд сверх меры. Никон же, пребывая в волнении, рассыпает зерна, затем пытается вновь наполнить сосуд, но не может сделать его таким, каким он был прежде.

Трансформация взаимоотношений Елеазара и его постриженника нашла свое отражение и в видении преподобного скитоначальника, а точнее сказать, в разных трактовках этого видения. Еще до поездки в Москву, всячески поощряя труды и иноческое рвение Никона, Елеазар увидел своего ученика с возложенным ему на плечи *амофором* (часть епископского облачения), чем предсказал будущее его патриаршество. Однако в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Симеона Мышецкого, настоятеля Поморского Выговского монастыря (рубеж XVII—XVIII веков), этот же эпизод наполнен совсем иным содержанием:

«Виде бо святыи единоу служащу литургию Никону, яко достовернии анзерожителие рекоша, змия черна и зело велика около выи его оплетшася, и вельми ужасеся».

Дьявольские козни «черного змия» распространяются, увы, не только на Никона, о чем неустанно твердили старообрядцы, но и на Елеазара Анзерского, чей «гнев не умаялся, но день ото дня на него (на Никона. — М. Г.) возрастал и унять его было невозможно».

Три года, проведенные будущим патриархом Всероссийским на острове, стали для него суровой школой послушания, смирения и терпения, потому что, по мысли святых Отцов Церкви, «всякий должен с благодарением терпеть то, что по необходимости постигает его, сострадать всяким находящимся в общежитии, ибо исполняет через сие заповедь Апостола, то есть если кто скорбит, поскорби с ним, увещай его, утешь его».

Важно понимать, что в данном случае никого из участников этого драматического противостояния нельзя обвинить в корыстолюбии и сребролюбии. Просто у преподобного Елеазара и у Никона были разные взгляды на строительство скитской жизни; каждый из них был уверен в том, что именно он прав, а зависть

и недомыслие некоторых из братий лишь поддвигали масла в огонь.

В подтверждение этой мысли небезынтересно вспомнить, что, оказавшись впоследствии настоятелем уединенного Кожеезерского Онежского монастыря (туда и сейчас добраться можно с большим трудом), Никон установил в обители именно Анзерский устав, вступив тем самым в своеобразную умозрительную полемику с преподобным Елеазаром и воплощая в жизнь свое понимание того, как должно подвизаться в пустыне, уповая лишь на Божественное произволение, молитву и дело рук своих.

Но это будет лишь спустя четыре года, а пока он, Никон, «дал... место старцеву гневу: сел в лодку и поплыл с неким крестьянином к берегу, — пишет Иоанн Шуперин, — море сделалось бурное, так что они едва не потонули и, потеряв путь, приплыли к острову, называемому Кий».

С точки зрения церковной этики, этот поступок иеромонаха Никона (Минова) следует признать абсолютно недопустимым. Он, как мы видим, покинул скит без благословения старца, с тяжелым сердцем, так и не урacheвав ссоры, кипя, как и Белое море, от возмущения и обиды. Интересно вспомнить, что в 1612 году, как сказано в Житии преподобного скитоначальника, Елеазар тоже «тайно» покинул Спасо-Преображенский монастырь и перебрался на Анзерский остров в поисках уединения. Вот только «тайно» для кого? Для братии или для игумена Иринарха? Житие подвижника не уточняет это.

В данном случае мы, безусловно, имеем дело с крайним проявлением ответственности за свой путь и за свою судьбу, ибо, по словам святого Макария Египетского, «как Бог свободен, так свободен и ты». Пребывание на грани своеволия и осознания абсолютной ценности личного духовного опыта наполняет обычный на первый взгляд обыденный конфликт (бытовой спор Елеазара и Никона) особым глубинным содержанием, когда несхождение в мелочах лишь проецирует человеческую слабость и страстность перед лицом единства в главном. Известно, что уже став предстоятелем Русской Церкви, Никон направлял в Троицкий Анзерский скит значительные пожертвования и до конца своих дней

раскаивался в своем бегстве с острова и сокрушался о том, что так и не увидел больше преподобного Елеазара.

Кий-остров, расположенный в 150 километрах на юго-восток от Соловков, стал местом молитвенного воспоминания Никона о спасении из морского «возмущения». «Там (на острове), воздав благодарение Богу, избавившему их от морского потопления, Никон поставил деревянный крест и обещался на этом месте, если Бог захочет и подаст Свою святую помощь, устроить Крестный монастырь...» («Известие о рождении и воспитании, и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России», 1681—1686).

Установка обетных, или поклонных, крестов на Русском Севере была явлением чрезвычайно распространенным и имела не только духовно-мемориальный, но и очевидный бытовой смысл.

Массивные, высотой в пять или шесть метров восьмиконечные кресты, собранные из хорошо вытесанных сосновых брусьев, ставили на видном месте — на перекрестке дорог, на въезде в деревню, на круче, на высоком берегу реки или моря. Кресты или зарывали в землю, или, если такой возможности не было, например, на гранитных лудах-островах, ставили в рукотворную «голгофу», сложенную из валунов (известны также случаи установки крестов в заполненные камнями бревенчатые срубы).

Кресты, расположенные по берегам Белого моря, на островах и отмелях, играли навигационную роль, когда маршрут прокладывался вдоль береговой линии от креста к кресту. Практически все они были сориентированы по компасу, когда верхний конец нижней наклонной перекладки указывает строго на север.

В поморских лоциях такие обетные, или поклонные, кресты обозначались особо, причем каждый крест имел свое имя, например, по названию поселения, рыболовной тони или географического объекта, топонима, рядом с которым он был установлен.

Итак, вернемся в ту августовскую ночь 1639 года.

Благополучно миновав остров Большая Муксалма и Кондостров в районе мыса Вей-Наволок, Никон попал в жестокую бурю и «от великого волнения морского едва не потопихомся».

Страшные многометровые волны грозили поглотить углый карбас, возносили к черному, извергающему потоки воды небу, бросали в незримые пенящиеся глубины, грохочущие гранитными внутренностями дна-ада. Вероятно, безумное неистовство стихии Никон расценил как наказание за непростительную вольность по отношению к своему духовному отцу — святому старцу Елеазару, воспитавшему и умудрившему его. Потрясенный свершающимся на его глазах возмездием — но не убийством, Никон погрузился в глубокую покаянную молитву.

Вот как впоследствии сам святейший патриарх описал это событие: «В мимошедшем 1639 лете, будучи иеромонахом, творил шествие по морю из скита Анзерского... уповая на силу Божественного и Животворящего Креста, спасение получил перед Онежским устьем к пристанищу, к Кию острову... будучи же тогда на том острове, на воспоминание того своего спасения водрузил на том месте Святый и Животворящий крест».

Укрывшись в бухте на южной стороне острова — между длинным, узким мысом Рожок и островом Крестовым, Никон здесь «пробыл до наступления благоприятной погоды». Именно тут он и воздвиг традиционный для Севера восмиконечный обетный крест, на первый взгляд ничем не отличавшийся от себе подобных...

7 июня 1652 года по окончании Божественной литургии на Духов день гроб с нетленными мощами святителя Филиппа (Колычёва) вынесли из Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря и через Святые ворота обители доставили на пристань к пришвартованному карбасу новгородского владыки Никона.

Некоторые из тогдашних насельников и старцев братии, что вышли на берег проститься с великим соловецким игуменом и московским святителем, хорошо помнили высокорослого мордовского крестьянина Никиту Минова, ныне новгородского архипастыря, как он пришел на остров 17 лет назад, как принял монашеский постриг в скиту преподобного Елеазара на Анзере под именем Никон, как бежал с острова.

И Никон тоже помнил многих из них.

Взгляды их встретились, но, как и свойственно владыке, Никон не растерялся, не отвел глаз, прочитав в не-

которых из них затаенную зависть, а также обиду на него, ныне прибывшего на остров, чтобы забрать самое святое, что у них было.

И уже потом, стоя на корме лодьи, в которой на специальном одре стоял гроб с мощами святителя Филиппа (Колычёва), Никон благословил собравшихся на берегу и причале братий, поклонился им, затем повернулся в сторону моря и дал приказ на отплытие.

Путь на материк лежал мимо Кузовых островов и Кондострова к устью Онеги.

В районе мыса Вей-Наволоок Никон вспомнил то великое «морское возмущение», в которое он попал 13 лет назад, как чуть не погиб, как нашел спасение на острове Кий, как установил на острове обетный крест.

В «Сказании о святом кресте, что в заливе Белого моря, на Кий-острове, в Крестном монастыре» читаем такие слова: «...С чудотворными мощами возвращался, и благоволи Бог ему... к Кий-острову пристать, и тот Честный Крест, который прежде он на том месте водрузил, силою Распятого, на нем стоит в целости... а силою того Животворящего Креста мнози, веру держа к нему, от морского потопления спасаются. А как с мощами Чудотворца Филиппа стоял, и обещался на том месте поставить церковь и монастырек соградить».

К тому следует прибавить запись из царской грамоты каргопольскому воеводе Федору Малыгину: «...А тут де остров пуст и ничьих никаких угодий на нем нет, и быть тут жилецким людем нельзя, потому что на том месте все камень голый». Хотя, как мы помним, уже во времена преподобного Германа Соловецкого на Кие находились солеварни Вей-Наволока (Усть-Онеги).

Особого внимания заслуживает история этого первого креста, сделанного руками на тот момент еще иеромонаха Никона.

Согласно описям Крестного Кий-островского монастыря, а также «Сказанию о святом кресте...», данная реликвия 1639 года сохранялась на острове вплоть до середины XIX века, а точнее, до 1854 года, когда во время Крымской войны англичане высадились на остров и подвергли святыню осквернению (порубили холодным оружием). В это время крест стоял в юго-восточной части Кия, на пристани возле моря в специально сооруженной для него часовне. Также известно, что

крест украшали изображение Спасителя, выполненное самим Никоном в 1643 году в бытность его настоятелем Кожеезерского Онежского монастыря, и образы предстоящих Богородицы и Иоанна Богослова.

К сожалению, дальнейшая судьба этой уникальной кийской реликвии неизвестна.

Впрочем, в 1656 году на острове появился еще один крест, созданный по заказу уже патриарха Всероссийского Никона в Палестине «из древа кипарисного, высоту и в ширину во всем подобен мерою Кресту Христову... сам Святейший Патриарх обложил его серебром и золотом и драгоценным камением и бисером украсил. И положил в нем святых мощей даже до трию ста (трехсот. — М. Г.); понеже иныя мощи сокровенны в том Честном Кресте и утверждены без надписания под честными резными кипарисными кресты и под звездами, и под плащаницами кругловидными. Такожде и святыя иконы чудным художеством написав, при том Честном Кресте, отпустив купно в Крестный монастырь с подобающей честью и с благолепным соборным сопровождением».

В «Сказании о святом кресте...» сообщается, что реликвия отправилась на Белое море под охраной роты драгун с артиллерийскими орудиями (до 108 больших и малых «пушек чугунных с бердышами и баранами»). Эти меры предосторожности не следует считать излишними, если учесть, что «лихие люди» и станичники, а также шведские отряды представляли значительную опасность как в глубине материка, так и на Беломорском побережье.

Движение на Кий-остров, где под руководством старцев Исаии и Нифонта, а также стольника Василия Поскочина в то время уже началось строительство Крестного монастыря, осуществлялось по реке Онеге. Когда кортеж останавливался на ночлег, то «на благословение» в этих населенных пунктах изготавливались копии кипарисового креста.

В «Кратком историческом описании приходов и церковей Архангельской епархии» 1896 года есть такая запись: «В деревне Чешьюга в 1883 году поставлен Св. Крест, подобный находящемуся в Крестном монастыре на острове Кий в память пребывания в этой деревне Патриарха Никона».

Вкравшаяся в данную хронику ошибка (Никон не принимал участия в той поездке на Кий-остров с крестом) не лишает ее полезной информативности. Упомянутый так называемый Чешьюгский крест является единственной дошедшей до наших дней копией Палестинского, он хранится в Троицком соборе города Онеги.

Возведенный в 1660 году каменный Крестовоздвиженский собор стал своего рода гигантским футляром для Никоновского креста-мощевика (энколпиона). Здесь крест был поставлен на месте храмового образа, «подле образа Спасителя», слева от Царских врат.

Первоначально реликвия стояла на каменном основании в деревянном кивоте. В монастырской описи сообщается, что «около Креста и образов Киотъ столлярная, а столбцы и корона резные позолоченные. В короне образ Спасителя, а над столбцами по обеим сторонам два образа Богоматери с предвечным Младенцем... пред Крестом завеса белого ситца с разноцветными травами, разделяющаяся на две половины».

В 1843 году тщанием архиепископа Игнатия Олонецкого в Крестовоздвиженском соборе Кий-островского монастыря был сооружен кивот из розового мрамора с аркою, а «вверху полукружия изображение Евангелия».

В соборе Палестинский кипарисовый крест хранился до 1923 года. Лишь однажды, в 1854 году, реликвия была вывезена с острова ввиду нашествия англичан, хотя рукотворный крест иеромонаха Никона остался в монастыре и был поврежден.

Столь подробный экскурс в историю обетного Кийского креста в рамках рассказа о повседневной соловецкой жизни не случаен.

Как уже было замечено в предисловии к этой книге, все островные монастыри и скиты Онежского Беломорья так или иначе были связаны со Спасо-Преображенской обителью. Порой эта связь носила весьма причудливый и непредсказуемый характер.

После закрытия Кий-островского Крестного Онежского монастыря кипарисовый крест был перевезен на Соловки, точнее сказать, в антирелигиозный музей Соловецкого Лагеря Особого Назначения, который располагался в Благовещенской надвратной церкви. Здесь он и находился с 1923 по 1930 год. Об этом уникальном

экспонате даже сохранилась заметка в газете «Карело-Мурманский край» (1927. №7. С. 9), в которой сообщалось, что крест был украшен листовым позолоченным окладом, впоследствии утраченным.

Из воспоминаний писателя, бывшего соловецкого заключенного Бориса Ширяева (1887—1959): «Еще много можно написать о богатствах Соловецкого антирелигиозного музея. Что из того, что над экспонатами на картонках вывешены пошлые и глупые надписи? Эти куски картона сгниют, а спасенные сокровища, Бог даст, останутся. Мы прошли в алтарь. Здесь были собраны древнейшие иконы... на престоле были разложены складни и кресты, а на жертвеннике лежали громадные книги длиною около метра и немного меньше в ширину. С большим сожалением я оставил книги: в этих записях собрана вся история монастыря и монашеских подвигов за пять веков существования обители. Вне алтаря, в углу, справа от входа, стоял большой белый крест, вышиною не менее сажени — крест Патриарха Никона со ста пятнадцатью святынями. В числе их имеются даже частицы Креста Господня. Весь крест испещрен врезанными в него частицами святынь, под прозрачным слюдяным покровом. При каждой частице надпись — какой святыне она принадлежит».

В 1930 году Палестинский крест патриарха Никона таинственным образом исчез с Соловков.

Лишь спустя 60 лет он был обнаружен в разобранном виде в запасниках Государственного исторического музея в Москве и в 1991 году явлен православным христианам в храме преподобного Сергия Радонежского, что в Крапивниках, близ Высокопетровского монастыря.

Глава восьмая

Мятеж

Книги новой печати. — Попрание «кумиров». — Соловецкий бунт. — Осада монастыря. — Иван Мещеринов. — Верность «древлему благочестию». — Персонализм и самовластность. — Крах аскетических заветов. — Отказ от соборной молитвы за царя и патриарха. — Восставший гарнизон. — Осадные мероприятия. — Штурм монастыря. — Феоктист. — Две версии Соловецкого погрома. — Арест Мещеринова. — Предвидение СЛОНа. — Переукомплектация островного гарнизона. — Последствия Соловецкого восстания. — 2000 год. — Максим Горький. — Голгофа на Анзере

7 марта 1669 года, на вторую неделю Великого поста, в воскресный день, келарь Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря Азарий, некий мирянин Фаддей Петров Бородин, а также многие иноки и бельцы (священники, белое духовенство) вынесли на монастырский причал 172 правленные книги новой печати, что были привезены из Москвы на остров по благословению Никона еще в его бытность патриархом.

«А у прежних христиан зело о том велико попечение было, чтоб ни у какова слова, ни у каковы речи не убавить, не прибавить ни единого слова не давали. От того велик раскол в церкви входит от малого небрежения». Эти слова иеромонаха и книжника Арсения Суханова, кажется, на Соловках знали все и почитали их за мудрость, заповеданную еще Отцами Древней Церкви и преподанную подвижниками «древлего благочестия» Русской Фиваиды.

А посему книги «вражьи» были разодраны: страницы рвали и бросали в воду под лед, а из досок переплета сложили огромный костер, в который плевали и который попирали копьями, а также возводили хулу на изображения Спасителя и Богородицы, содержащиеся в этих книгах, называя их «кумирами».

Усердствовали тут не только чернецы, испытывавшие к Никону особую неприязнь как к человеку, нарушившему, по их мнению, «предание Зосимы и Савва-

тия», а также забравшему из обители мощи святителя Филиппа, но и миряне, о которых участник будущей осады монастыря стрелец Петр Иванов оставил следующие воспоминания: «А трудники все собрались воры, чаю тово, что ис тюрем утеклецы и от смертной казни беглецы. И чаю тово, что из московских бунтовщиков в монастыре есть».

Те же старцы обители, что роптали и не благословили погромщиков на уничтожение книг, хотя сами и не поддерживали реформ Никона, были биты; их «за бороду драли» и заперли в их кельях.

Таким образом, обстановка внутри монастыря накалилась до предела. Звучали призывы гнать предателей «старой веры» из обители, а по стрельцам палить из пушек, благо соловецкий арсенал позволял держать многомесячную, если не многолетнюю оборону (согласно актам монастыря, хлебных запасов на острове должно было хватить на семь лет).

Монастырская хроника этого времени сообщает, что соловецкий архимандрит Никанор «по башням ходит беспрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: матушки де мои галаночки, надежда де у нас на вас, вы де нас обороните».

Известно, что пушки на стены и в башни поднимались «на векшах», то есть при помощи специальных подъемных блоков, а для противодействия вероятному штурму по периметру монастырской стены были установлены рогатки и доски с крупными гвоздями в четыре—шесть рядов. Также в башнях были установлены караулы (не более тридцати человек мирян), а отряд из двадцати человек базировался в Святых воротах монастыря. Каждым отрядом и караулом руководили старцы, которые также следили и за гарнизонной дисциплиной. Бежавший из монастыря крестьянин Борис Якимов свидетельствовал, что многих в обители содержали под особым присмотром, а на ночь запирали в Квасоваренной башне или сажали на цепь. Нередки были случаи, когда наиболее радикально настроенные насельники монастыря устраивали потасовки с теми, кто не разделял их крайних взглядов на Никона, стрельцов и царя Алексея Михайловича. Порой все это напоминало массовый психоз, когда за частными дрязгами и сведением счетов забывалась главная причина противосто-

яния Москве; вернее сказать, она отходила на второй, если не на третий план.

Государев указ о начале осады мятежного монастыря датируется 3 мая 1668 года, когда на Соловки прибыла стрелецкая сотня под командованием стряпчего Игнатия Андреевича Волохова. Однако не добившись сколько-нибудь заметных успехов в деле усмирения соловчан, Волохов убыл на материк, в Сумской острог. Отсюда он со стрельцами периодически наезжал на Большой Заяцкий остров и предпринимал попытки увещевать насельников и вести с ними переговоры. Однако практически все попытки подобного рода завершались категорическим отказом мятежников подчиняться государевым людям; нередко были случаи, когда их (государевых людей) обстреливали из ружей, затинных пищалей и пушек, вынуждая к отступлению с острова.

Единственной легкой добычей стрельцов были беглецы с острова и «предатели», которых изгоняли из монастыря старцы. Все они подлежали заточению в Сумском остроге, а также допросу приставами (по большей части с пристрастием).

Ключевым в истории осады Соловецкого монастыря стал 1674 год, когда на Беломорье прибыл воевода Иван Алексеевич Мещеринов — человек нрава решительного и крутого (порой чрезмерно). Перед ним стояла задача — «воровство и мятеж искоренить вскоре», и не имея вышеозначенных качеств, справиться с этой задачей было невозможно.

И он справился с ней...

Однако в первую очередь все-таки попытаемся понять, что же стало причиной того легендарного Соловецкого восстания (известного также как Соловецкое сидение) 1667—1676 годов.

Формально начало событиям было положено в 1657 году, когда прибывшие из Москвы на остров «новоисправленные» по благословению святейшего патриарха Никона богослужебные книги были отвергнуты советом соборных старцев Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря, и службы были продолжены по старым чинам.

Последний обер-прокурор Святейшего синода, историк церкви Антон Владимирович Карташёв

(1875—1960) утверждал, что «нетактично проводимая Никоном правка книг по темпу, широте охвата, по чуждости своего источника (греческого) и по обидности ее для серьезного усвоенного, не только национально-го, но и подлинно православного самосознания русских людей, не могла не вызвать протеста. Протест был по глубине всеобщий: и епископата, и белого, и черного духовенства, и мирян, и простых людей».

С одной стороны, эти слова в полной мере отражают тот здоровый консерватизм, который, как известно, всегда отличал именно русское монашество, и в том, что соловецкие иноки восприняли в штыки нововведения «нетактичного» Никона, не было ничего удивительного.

Но с другой стороны, следует понимать, что протестные настроения были лишены сколько-нибудь внятной богословской платформы, которой и быть не могло в принципе, потому как никаких догматических нарушений в реформаторской деятельности патриарха не было. Тут удивило другое: что иноки, наиболее дисциплинированная часть «воинства Христова», столь дерзко нарушили внутрицерковную дисциплину, отказавшись подчиняться указам своего предстоятеля.

Таким образом, как можно предположить, неприятие реформ Никона и желание сохранить верность «древнему благочестию» лежат на поверхности этого трагического для Русской Церкви противостояния, приведшего, увы, к расколу, который не уврачеван и по сей день.

В данном случае, если угодно, мы имеем дело с многослойной проблемой, когда все сошлось воедино — старые обиды и политическая ситуация, обстановка в монастыре и внешние угрозы, раскол внутри соловецкой братии и пришедшее со времен Ивана Грозного социальное расслоение островитян, канонические споры и особое понимание каждой из конфликтующих сторон словосочетания «иноческое благочестие», и в урочный час всё это и дало о себе знать.

Корни этой драмы были пущены еще в 30-х годах XVII столетия, когда иеромонах Никон (Минов) вступил в экзистенциальный конфликт не только с преподобным Елеазаром, но и с Соловецким монастырем как сложным, разноуровневым организмом, живущим по своим, сложившимся на протяжении веков законам.

Данный конфликт носил глубинный характер в смысле предельной разности понимания персонализма и самовластности, когда полное осознание ответственности за свой духовный выбор пришло в соприкосновение и столкновение с бытовым и примитивным пониманием послушания как своего рода проекции гарнизонной дисциплины, категорически отрицающей те самые персонализм и индивидуальность. Безусловно, не следует отмечать весьма и весьма своеобразные черты характера иеромонаха Никона, но в чем ему не мог отказать никто, в том числе и его враги, так это в его горячей, ревностной и сердечной вере, которая переполняла всю его кипучую натуру. Не наблюдая подобного же горения, подобного же проявления служения Богу в других, окружавших его монахах, будущий патриарх приходил в искреннее негодование и недоумение. Однако его противники склонны были усматривать в этом дерзость, заносчивость и надменность бывшего анзерского подвижника.

Известный исследователь Соловецкого восстания Ольга Валерьевна Чумичева пишет, что «особую остроту ситуации придал тот факт, что в самый напряженный период после принятия Соборного уложения (1649 год) у Соловецкого монастыря появился новый сосед. С 1649 года Новгородскую митрополию возглавил Никон. Властный и энергичный митрополит скоро оказался в конфликте с соловецкой братией... Получив в 1651 году по царской грамоте право суда в Соловецком монастыре, Никон разрушил традиционную привилегию обители, ранее неподсудной новгородским митрополитам... Серьезный экономический ущерб принесла Соловецкой обители организация в Поморье личного монастыря Никона — Крестного (на Кий-острове), в пользу которого Никон (уже патриарх) отписал две богатые соловецкие вотчины: Кушерецкую волость и Пияльское усолье».

Однако было бы ошибкой думать, что конфликт Никона и Соловков лежит исключительно в плоскости нестыковки административных, «вождистских» амбиций первого и экономических утрат второго.

Причины, как мы уже заметили, были гораздо более глубокими. Аскетические заветы преподобных Савватия, Зосимы и Германа в монастыре первой трети

XVII века были уже скорее частью Соловецкого предания, нежели живой практикой. Насельники Спасо-Преображенской обители, смешавшись с многочисленными мирянами, прибывшими на остров для решения своих личных проблем (экономических, хозяйственных, торговых, служебных, военных), в силу объективных причин ушли от изначальной скитской строгости отцов-основателей, превратив Соловки в своего рода агломерацию, вмещающую в себя и монастырь, и хозяйственный комплекс, и фортификационные сооружения, и стрелецкие казармы, и тюрьму.

Никон же, прошедший суровую школу анзерского послушания, изначалью относился к этому островному «колдовращению» резко отрицательно. Мы уже обращали внимание на то, что молодой священник, прибывший на Соловки в 1635 году, пожелал постричься во иночество именно в скиту преподобного Елеазара, а не в самом Спасо-Преображенском монастыре. Известно, что в те годы между Анзером и Большим Соловецким островом наблюдалось своеобразное противостояние, причем исключительно духовное, и Никон, спустя годы, наполнил эту оппозицию политическим, экономическим и богословским содержанием.

Можно утверждать, что перенесение мощей святителя Филиппа из Соловков в Москву летом 1652 года стало одним из этапов по усмирению гордой и богатой обители, нарочито презрительно и высокомерно относившейся к «беглецу» и «выскочке» Никону, взошедшему так высоко и теперь в силу церковной субординации требующему неукоснительного себе подчинения. Причем все, и соловчане в первую очередь, понимали абсолютную законность этих требований.

В то время личность Филиппа (Колычёва) стала своего рода водоразделом, где каждый имел свою правду, свое понимание подвига Московского святителя и свое толкование знаменитых слов святого, сказанных им царю: «Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть. Если один из служителей корабля впадает в искушение, небольшую делает он беду плавающим, но если сам кормчий, то всему кораблю наносит он погибель... Не Сам ли Господь заповедал в Евангелии: больше сия любви никто же имать, да кто

душу свою положит за други своя, и аще в любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете; так мы мудрствуем и держим сие крепко».

В сложившейся на острове и вокруг него ситуации принципиальным было осмысление того, кто является «служителем корабля», а кто «кормчим».

У соловецких сидельцев ответ на этот вопрос созрел к весне 1669 года, когда келарь Азарий, казначей Симон, а также иные старцы приняли решение отказаться от соборной молитвы за царя и патриарха, что дало повод властям расценить бунт островитян не только как духовный, но и как политический.

Более того чернецы стали позиционировать себя как продолжатели дела святителя Филиппа, который выступил против бесноватого царя, тогда как они высказали свой голос против патриарха-антихриста, предавшего «древнее благочестие» и заветы святых подвижников соловецких.

С другой стороны, мятежники не могли не понимать, что подобный поворот дела чреват для них самыми суровыми последствиями.

В книге «Соловецкое восстание 1667—1676 годов» О. В. Чумичевой читаем: «Общий настрой в монастыре в мартовские дни 1669 года был очень решительным. Все высланные утверждали, что повстанцы царю “во всем противны”. На Соловках шла энергичная подготовка к вооруженной борьбе. Устанавливался порядок караула, расписывались сотни и десятки. Готовилось к бою оружие. На городских стенах появились запасы “каменья дробного”. Были приготовлены котлы для вара. Миряне упражнялись в стрельбе. Двести “летучих” людей было выделено, чтобы захватывать на море запасы продовольствия. Для них стояли наготове шесть карбасов с пушками».

Говоря об активности мятежников, мы, однако, не должны забывать о том, что тот, против кого по сути и было поднято это восстание, еще в 1666 году, то есть за год до начала активной фазы Соловецкого бунта, был извержен из патриаршества, священства, лишен епископского сана и сослан сначала в Ферапонтов, а затем в Кирилло-Белозерский монастырь.

Следовательно, решительные эпистолы так называемых «черных соборов» соловецкого духовенства, в ко-

торых имя Никона поминалось далеко не самыми лестными словами, были адресованы на тот момент уже рядовому монаху, заточенному и опальному, не имевшему ни власти, ни влияния как в церковной, так и в государственной сферах. В Кремле это понимали, как, впрочем, и то, что с каждым годом негодование соловецких сидельцев все более и более оборачивалось на царя, в котором мятежники видели прямого продолжателя «бесовского» дела Никона. Более того, поддержка монастыря местным населением, поморами (что объяснимо — Соловецкая обитель, говоря современным языком, была крупнейшим и богатейшим поставщиком рабочих мест на Беломорье) полностью вывела бунт за рамки спора о «древнем благочестии», о котором миряне, откровенно говоря, имели весьма отдаленное представление.

Соловецкое восстание стало объективным противостоянием московскому давлению, в первую очередь экономическому.

Скорее всего, именно осознание того, что на острове зреет или уже созрел антигосударственный протест, подвигло власть принять решительные меры по усмирению бунтовщиков. Лимит «большой осторожности» правительства по отношению к Соловкам, о котором пишет историк и славист С. А. Зеньковский (1907—1990) в своей книге «Русское старообрядчество», был исчерпан.

Итак, 31 мая 1674 года воевода Иван Алексеевич Мещеринов прибыл на Соловки и сразу перешел к делу. По его приказу была спущена часть воды из пресного Святого озера, в результате чего в монастыре обмелели колодцы и остановилась мельница (впоследствии это привело к распространению массовых болезней и цинги). Также, по сообщению «Соловецкого летописца», Мещериновым было «выстроено вблизи монастыря 13 батарей и брустверов и начата работа шанцов, проведенных им почти под самые стены», откуда из пушек, пищалей и ружей был начат обстрел монастыря, неожиданно приведший к значительным потерям среди мятежников. Мощные каменные сооружения сослужили в данном случае защитникам обители плохую службу. Залетая во внутренние дворы и периметры монастыря, картечь и ядра рико-

шетили от стен, неся за собой тучи каменных смертоносных осколков. Иван Мещеринов сообщал в записке: «И они, воры, в туманные дни и в то время, как шанец в тех ближних местах не было, из монастыря тех побитых и рваных воров выносили в убогой дом к Анофрею и, завертя в парусину, без гробов в анбар метали».

Позже в Ануфриевской кладбищенской церкви (ныне не существующей) было найдено около двадцати трупов монахов и мирян, убитых при артобстрелах монастыря, а к осени 1674 года стрельцами Мещеринова было взято и достаточное количество пленных, которых в кандалах немедленно переправили на материк в Сумской острог для дознания.

В мае 1675 года осада Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря была возобновлена с новой силой и энергией. Стрельцы полностью блокировали обитель со стороны гавани Благополучия и губы Долгой, а ежедневные гранатные обстрелы периметра с применением зажигательных ядер стали делом обычным и почти рутинным.

Первое оцепенение от столь внезапно и активно начавшихся военных действий прошло в монастыре к середине июля, и мятежники стали не только отвечать огнем из башенных орудий, но и наладили систему жизнеобеспечения при непрекращающемся бомбометании со стороны государевых войск.

Некий псаломщик Сергей рассказывал: «И как де граната на кровлю падет, и кровли ломало, а проходов не пробивали... а зажигальные де ядра наметывали мокрыми войлоками и тем гасили».

Истовая готовность «умереть за крест и за молитву», ожидание мученической смерти, которая теперь, как казалось многим, была уже неизбежна, придавали защитникам монастыря особое экстатическое возбуждение, не предполагавшее никаких компромиссов и переговоров с людьми воеводы Мещеринова.

Впрочем, к поздней осени 1675 года время переговоров и уговоров прошло. Войска попытались организовать подкоп под Белую, Никольскую и Квасоваренную башни, но осажденные, узнав об этом, перешли в контрнаступление и, «укрываючись от гранатных ядер досками», остановили нападавших. Число погибших с

каждой стороны росло день ото дня, но ни та ни другая сторона остановиться уже не могла. Черта здравого смысла была перейдена, а пролитая кровь застила глаза как солдовчанам, так и воинам Мещеринова.

Штурм Соловецкого монастыря стал неизбежен. Он состоялся 23 декабря 1675 года. Отряду ротмистра Степана Потапова удалось подняться на стену в районе Сельдяной башни, но, наткнувшись на яростное сопротивление осажденных, атака захлебнулась, и со значительными потерями стрельцы были вынуждены отступить.

Второй штурм 22 января 1676 года стал последним и привел к падению Соловецкой крепости.

После длительного артобстрела, носившего скорее деморализующий для осажденных характер, 50 стрельцов через секретный ход в Белой башне, указанный монахом-перебежчиком Феоктистом, вошли в сушильную палату, затем добрались до монастырских ворот и открыли их. Защитники заметили свершившееся слишком поздно, когда регулярные части Мещеринова стали вливаться в монастырский периметр. Те 30 человек, которые бросились на них с оружием, были почти сразу перебиты.

Финальный же этап трагедии развернулся на подступах к Трапезной палате.

О. В. Чумичева так описала это событие: «Последние защитники монастыря заперлись в “розных палатах” и — главное — в Трапезной. Высокое здание, на втором этаже которого располагалась Трапезная, опирается на прочный валунный фундамент. Дикий камень чередуется с кирпичом и в стенах здания. Перед входами — с северной и западной сторон — расположены два высоких крыльца с узкими лестницами. Подняться в Трапезную большому количеству людей одновременно нельзя. В XVII веке окна Трапезной были узкими, похожими на бойницы, поэтому штурм ее потребовал немалых усилий. Здание обстреливали, в окна метали гранатные ядра. Часть защитников погибли, многие были ранены».

В результате штурма монастыря было пленено 63 человека. Из них 35 были посажены в тюрьму, а 28 казнены.

На то, что произошло в Соловецкой обители потом, существуют две точки зрения — официальная, государ-

ственная, и защитников монастыря, старообрядческая. Каждая из них, что и понятно, не может трактоваться нами как истина в последней инстанции. Впрочем, рассматривая каждую из них, сопоставляя факты и цифры, можно прийти к более или менее объективной картине произошедшего.

Согласно первой версии, после взятия монастырь подвергся безудержному разграблению. Вскоре прибывший на остров князь В. А. Волконский учинил расследование, в ходе которого большая часть награбленного была возвращена монастырю, а сам Иван Алексеевич Мещеринов и его сын взяты под стражу по обвинению в хищении государственного имущества и жестоком отношении к арестованным насельникам монастыря. Никакой конкретной официальной информации об этом «жестоком отношении» не сохранилось, а также и о том, как именно были казнены 28 приговоренных к смерти соловчан.

Известно лишь, что 63 пленных мятежника были или сосланы в отдаленные северные монастыри и остроги, или посажены на цепь в соловецких подземельях.

Вполне естественно, что годы осады монастыря и десятки погибших под стенами обители стрельцов не могли не наложить отпечаток на поведение победителей, ворвавшихся в монастырь в кромешной темноте зимней ночи с 22 на 23 января 1676 года, и мы можем только догадываться, что происходило на «острове мертвых» в те дни.

Скорее всего, появление на Соловках князя Волконского говорит о том, что информация о зверствах стрельцов дошла до Москвы, и было принято решение остановить начавшийся на острове беспредел.

Второй взгляд на трагедию, старообрядческий, напротив, не жалеет красок в описании чудовищного Соловецкого погрома, устроенного захватчиками древней обители.

Основным источником в данном случае является составленная Семеном Денисовым в XVIII веке «История об отцах и страдальцах Соловецких иже за благочестие и святые церковные законы и предания в настоящее времена великодушно пострадаша».

Читаем в «Истории...»: «...Зельною яростию вскипев

(стрельцы), смерти и казни различны уготовав: повесити сия завеща, овья за выю, овья же и множайшия междеребрия острым железом прорезавше, и крюком продевшим на нем обесити, каждого на своем крюке. Блаженнии же страдальцы с радостию выю в вервь вдеваху, с радостию ноги к небесным тещи уготовляше, с радостию ребра на прорезание дающе».

На известном лубке XIX века «Воевода Мещеринов подавляет Соловецкое восстание» в подробностях изображены лютые зверства стрельцов, которые избивают иноков, подвешивают их за ребра на крючьях, расстреливают из пушек. Также старообрядческие источники сообщают, что много соловецких страсотерпцев было утоплено в прорубях, затравлено собаками, заморожено на льду и заживо сожжено.

Чудовищные кровавые картины, словно пришедшие из времен опричного разгула грозного царя Иоанна Васильевича, стали частью повседневной соловецкой жизни зимой 1676 года. Непогребенные, со следами ужасных истязаний тела «соловецких сидельцев» можно было встретить не только на территории монастыря (в местах столкновения со стрельцами), но и на берегах моря и Святого озера. Лишь к весне трупы защитников монастыря были собраны и захоронены на острове Бабыя Луда при входе в бухту Благополучия, а над братской могилой стрельцов возвели деревянную Таборскую часовню в полуверсте от монастыря.

Тягостное состояние от посещения острова в то время не могло не передаться с богомольцами и стрельцами на материк. Вероятно, так и сложилась знаменитая песня об «Осаде Соловецкого монастыря»:

Потянули-то ветры буйны
С полуденную сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко монастырю святому,
Ко игумену честному,
Как ко светам-то преподобным,
Соловецким же чудотворцам,
Как стрелял, стрелял воевода
Во соборну-то Божью церковь...
Говорил-то все игумен монахам:

«Вы не бойтесь-ко, мои дети,
Не страшитесь-ко этой страсти!
Мы по-старому ведь отслужим —
С Христом в Царстве с им пребудем».

Восстановление мирной монашеской жизни в монастыре на Большом Соловецком острове требовало, разумеется, значительных усилий — как моральных, так и материальных.

Как сообщает «Соловецкий летописец», «для приведения Соловецкой обители в прежнее состояние и для восстановления порядка по указу царя Феодора Алексеевича и по благословению патриарха Иоакима прислан был из Тихвинского монастыря в Соловецкий настоятелем архимандрит Макарий, из Сийского монастыря келарь Иларион и казначей Феодосий».

...Удивительным образом состояние разорения и пустоты, царившее в Соловецкой обители после подавления мятежа, уже при других обстоятельствах и в другие годы описал бывший заключенный Соловецкого Лагеря Особого Назначения Борис Солоневич: «В громадном Преображенском соборе царила полутьма. Несколько тусклых электрических лампочек едва освещали длинные ряды сплошных нар, заваленных спящими человеческими телами. За грязными абажурами ламп вверх к куполу тянулась жуткая тьма, казавшаяся небом безлунной ночи. В соборе было холодно. Несколько железных печурок с длинными жестяными трубами нагревали только небольшое пространство около себя. Около каждой такой печурки группировались оборванные люди, старавшиеся высушить свои лохмотья и согреть окоченевшие тела. Изредка гудевшая извне вьюга проникала в собор через какие-то разбитые окна или щели, и тогда сверкающие серебром струйки снежинок проносились около лампочек и шипели на трубах печей. В роте №13 было тихо. Только кое-где заглушенный гул разговоров нарушал эту тишину. Большинство уже спало мертвым сном усталости. На крайних нарах, на возвышении бывшего алтаря лежала небольшая человеческая фигура, прикрытая пальто. Иногда лежащий медленно поворачивался, и тогда из-под края пальто показывалось изму-

ченное лицо седого старика. В полумраке собора это лицо часто казалось мертвым, и только порывистые движения да изредка тихие стоны показывали, что старик еще жив».

После разгрома соловецких бунтовщиков моральный и психологический удары, нанесенные по традициям и стилю жизни обители в целом, были столь ужасны и очевидны, что должны были пройти десятилетия, дабы Спасо-Преображенский монастырь оправился от свершившегося.

К началу 80-х годов XVII века в обители произошла полная ротация насельников и соборных старцев, островной гарнизон был укомплектован дополнительными силами стрельцов, а согласно указу царя Федора Алексеевича монастырь начал строительство в Сумском остроге деревянной крепости для защиты от немецких и шведских войск.

Преодоление последствий Соловецкого мятежа велось по всем направлениям. В частности, архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов) строго наставлял архимандрита Илариона: «В обители пребывая немалое время, рассмотрев чин монастырский, видел некие дела, требующие исправления... заповедаю вам: да не один монах от братии вашей — и постриженники Соловецкия лавры, и пришедшие, и терпевшие многие лета во общем житии своего спасения ради — таковых на вселенную по своей воле с острова хотящих отходить да не отпустите, и за таковыми повелеваю погони крепкия посылать... Приказываю накрепко лодейщикам, и карбасникам, и богомольцам всем, чтоб без нашей общей воли никого утайкою с острова на вселенную не свозити... Завещаю не держать всякого отреченного пития, сиречь вина горячего и треклятой табаки...у всяких богомольцев то вино запечатывать... и таковых присланных людей держать под крепким началом и воли им никакой ни в чем не давать».

Впрочем, введение новых жестких правил въезда и выезда на остров происходило не без издержек. Так, в царской грамоте от 9 апреля 1684 года уже было указано богомольцев в Соловецкий монастырь «пропускать безо всякого задержания и поголовных денег». Хотя мздоимство и произвол стрельцких голов и сотников

продолжали процветать, явившись закономерным итогом ужесточения государственного режима в Поморье в целом — как на материке, так и на Соловецком острове.

Год 2000-й.

Непонятное время суток какое-то...

Вроде бы над Секирной даже солнце выбирается из клокастых, несущихся бог знает куда облаков, а у подножия горы почти ночь, непроглядная темень из-за сгрудившихся, повалившихся друг на друга деревьев, столь напоминающих приговоренных к расстрелу арестантов. Вот они лежат со связанными за спиной колючей проволокой руками, ждут своей участи, что-то бормочут, притом что большинство из них не знают ни одной молитвы.

На какое-то мгновение солнце все же пробивается через летящие куски серой ваты, словно выдранной из больничных тюфяков, и освещает склон горы, из которого торчат сапоги.

— Вот с этих сапог-то все и началось. — Малышев снимает резиновые сапоги, аккуратно ставит их у самой двери, проходит на кухню, приглашает к столу. — Нет, не с этих, не с резиновых, а с яловых, тех, что прошлой весной на Секирке нашел.

— То есть как? — спрашиваю.

— А вот так..

Малышев приехал на Соловки в середине 70-х и где только не работал за это время: в музее экскурсоводом, лесником, в охотохозяйстве, в охране островного аэродрома, на огаровом заводе или на «водорослях» в Реболде — так тут называли артель по добыче водорослей и морепродуктов. Тогда же начал собирать материал по Соловецкому Лагерю Особого Назначения, сокращенно — СЛОН. Ходил по острову с фотоаппаратом и снимал следы лагеря, понимая, что пройдут годы и все забудется.

— Вот, — Малышев достает из шкафа свой фотоаппарат — немецкий Contax 30-х годов, — надежная машина, а ведь он ровесник здешних событий.

И сразу же представляется некий молодой немецкий инженер, приехавший на остров по приглашению руководства ОГПУ—НКВД помогать строить зда-

ние Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения, СТОН, сменившей в начале 30-х годов СЛОН. Разумеется, член НСДАП, разумеется, атлетического сложения, делает по утрам на берегу Святого озера физзарядку, разумеется, увлечен фотографией, и этим самым фотоаппаратом *Contax* снимающий прекрасные северные пейзажи и зэков — естественно, по договоренности с лагерным начальством.

— Мы так и называем ее — «немецкая тюрьма», это рядом с кирпичаводом. — Малышев бережно кладет фотокамеру на подоконник. — Так вот о тех самых яловых сапогах. Прошлой весной, как только сошел снег, выдвинулся я на Секирку, но не по главной дороге, а со стороны моря, по охотничьим тропам. Тут редко кто ходит, местность заболоченная, к прогулкам не располагающая, но мне по работе в зверосовхозе знакомая. К подножию горы вышел где-то к часу дня, посмотрел на небо — развиднелось, развел костер, сверился с картой, перекурил и начал восхождение туда, где стоял Алексей Максимович Горький, в 1929 году посетивший СЛОН.

Здесь, на вершине горы Секирной, где тогда находился лагерный штрафной изолятор, писатель курил трубку, находил себя весьма и весьма походившим на Фридриха Ницше, размышлял вслух, как если бы записывал свои наблюдения в блокнот с маркировкой «Литературный фонд СССР»: «Особенно хорошо видишь весь остров с горы Секирной, — огромный пласт густой зелени, и в нее вставлены синеватые зеркала маленьких озер; таких зеркал несколько сот, в их спокойно застывшей, прозрачной воде отражены деревья вершинами вниз, а вокруг распростерлось и дышит серое море. В безрадостной его пустыне земля отвоевала себе место и непрерывно творит свое великое дело — производит “живое”. Чайки летают над морем, садятся на крыши башен кремля, скрипуче покрикивают».

Тут же, на Секирке, Горький проинспектировал штрафной изолятор СЛОНа ОГПУ. В контрольном журнале к словам какого-то лагерного начальника: «При посещении Секирной нашел надлежащий порядок» Алексей Максимович приписал: «Сказал бы — отлично» и расписался: «М. Горький».

Сейчас об этой полузабытой поездке «буревестника пролетарской революции» на остров по приглашению

руководства ОГПУ много говорят. Одни обвиняют писателя в конформизме, в том, что воспел каторжный труд и палачей, а также вспоминают слова бывшего заключенного, врача Николая Жилова: «Не могу не отметить гнусную роль, которую сыграл в истории лагерей смерти Максим Горький, посетивший в 1929 г. Соловки. Он, осмотревшись, увидел идиллическую картину райского жития заключенных и пришел в умиление, морально оправдав истребление миллионов людей в лагерях. Общественное мнение мира было обмануто им самым беззастенчивым образом. Политзаключенные остались вне поля писателя. Он вполне удовлетворился сусальным пряником, предложенным ему. Горький оказался самым заурядным обывателем и не стал ни Вольтером, ни Золя, ни Чеховым, ни даже Федором Петровичем Гаазом...»

Другие же напоминают, что, поняв весь ужас происходящего, Горький не отвернулся от страждущих и многим из них протянул руку помощи (например, вывез с острова публициста и католического теолога Юлию Николаевну Данзас), пользуясь своими высокими связями в руководстве страны.

Так вот, когда Малышев уже почти достиг вершины Секирной, боковым зрением заметил торчавший из земли предмет. Хотел продолжить восхождение, но вдруг понял, *что* именно он увидел. Остановился, послушал наполненную дыханием моря тишину — нет, здесь никого нет! Повернулся: из земли торчал яловый офицерский сапог...

И это уже потом, когда приехали милиция и археологи из музея, выяснилось, что здесь — на вершине Секирной горы, проходили массовые расстрелы заключенных СЛОНа, а потом и тех, кто их расстреливал. У всех руки были связаны за спиной колочей проволокой, всем стреляли в затылок. Трупы лежали друг на друге в несколько слоев, их просто накрывали драным промасленным брезентом, засыпали лапником и мхом, забрасывали камнями и валежником. А потом приводили новых заключенных, и так продолжалось и продолжалось.

С тех пор Малышев редко бывал на Секирке, хотя прекрасно понимал, что таких мест на Соловках очень много и достаточно сойти с раскатанных тракторами островных дорог, углубиться в лес, чтобы услышать гул,

идуший откуда-то из-под земли. Конечно, так могла гудеть дизельная электростанция в поселке или по старинке намотанные на керамические пробки изоляции провода, могла завывать пузырящаяся заболоченная местность, наконец, могли издавать странные звуки и перекошенные узловатые деревья, внутри которых прятались птицы, но Малышев был уверен, что дело здесь совсем в другом. Он так и говорил, что это не гул никакой, а шепот, шелест сухих ладоней и растрескавшихся губ, причем не только времен СЛОНа, но и Соловецкого восстания, когда не принявших Никоновские реформы монахов стрельцы Мещеринова ловили по всему острову и казнили изобретательно...

Малышев доставал фотоаппарат, чтобы снять вырезанный на коре крест — верный знак того, что под этим деревом кто-то лежит.

На Секирке много таких резных крестов, словно выжженных стальным клеймом внутри коры кособоких, словно извивающихся от боли деревьев.

В ту свою поездку на остров я жил в монастырской гостинице рядом с Филипповской церковью. Ночи были холодные, и вечером приходилось топить печь, расположенную в коридоре. Такую систему отопления я видел во многих северных монастырях: в Спасо-Прилуцком под Вологдой, в Кирилло-Белозерском, в Спасо-Суморинном в Тотьме. Протапливались сразу две кельи при достаточно невысоком расходе дров. Для той надобности на этаж назначался дежурный-истопник, который запускал сразу все печи и следил за прогаром. Эта же схема сохранилась в монастыре и тогда, когда в кельях были устроены тюремные камеры. Истопник из числа блатных всегда пользовался особым уважением, потому как по своему усмотрению мог кому-то добавить тепла, а кого-то и «подморозить», всегда был на связи с лагерным начальством, а посему пользовался особыми правами, ну и «стучал», разумеется.

С утра сквозь запотевшее окно не разглядеть ни монастырского двора, ни Спасо-Преображенского собора. Лишь очертания его угадываются, нависают, как Голгофа, и потому страшно протереть стекло.

Впрочем, как известно, на Соловках есть своя Голгофа на острове Анзер, где 18 июня 1712 года в «тон-

ком сне» преподобному Иову (в схиме Иисусу) явилась Пресвятая Богородица с Елеазаром Анзерским и сказала, что «сия гора нарекается Голгофою, на ней же имать быти великая церковь Распятия Господня на верху горы и скитом Распятским назовется», где многие мученики пострадают за Христа.

Смысл этого пророчества раскрылся лишь через 211 лет, когда на Анзере было устроено лагерное отделение (командировка) СЛОНа, куда по большей части ссылались представители духовенства.

Именно здесь в феврале 1929 года от тифа скончался священномученик архиепископ Воронежский и Задонский Петр (Зверев).

Идти по воде на Анзер можно или от известной на Соловках рыболовной тони Реболда, или через кипящую, исходящую пенистыми бурунами каменную горловину Железные ворота мимо острова Муксалма.

Реболда — это зимний вариант. В конце февраля, когда ледяной припай соединяет два острова, до Анзера по прямой можно дойти на снегоходе минут за двадцать. Но это опасно: подводные течения могут взломать некрепкий лед на глазах, и утопленный снегоход будет не самой значительной потерей.

Летом же все идет через Железные ворота — путь оказывается длиннее, но надежнее, да и до Реболды добраться почти невозможно: оживающие в мае болота проглатывают и без того кривую, разбитую дорогу.

У Малышева о Реболде сохранились отдельные воспоминания.

По правилам огаровой артели, куда он устроился разнорабочим на все лето, уходить с тони в поселок было нельзя. Любое нарушение установленного распорядка и особенно выпивка карались увольнением. Начальник артели с говорящей фамилией Косолапов говорил, что и в прежние времена за выпивку с острова изгоняли или сажали «для вразумления» в монастырское подземелье, хотя было видно, что сам он страдает от этого установления и по возвращении осенью в поселок беспробудно пьет до Нового года.

Когда Малышев нанимался в артель, он, разумеется, знал об этом, но завербовался на все лето специально — захотел почувствовать себя предельно несвободным. Потом усмехался: «Почувствовал — в первый же день

отобрали фотоаппарат и вернули, только когда отбыл срок, день в день». Жалел, конечно, что не удалось запечатлеть эту странную полулагерную жизнь на пленку, но ничего не поделаешь.

Остались воспоминания.

На заработанные деньги в Москве Малышев купил дорогую фотокамеру, но, приехав на остров, утопил ее во время съемок на каналах. Перевернулся в лодке.

Как-то глупо все тогда получилось...

Возвращение с Анзера на Большой Соловецкий остров — это как возвращение с другой планеты. В поселке уже включили фонари, которые проваливаются в слоистом тумане, что тянется со Святого озера.

Это туманность.

Это мгла.

Малышев выходит на крыльцо покурить. Он все никак не может забыть те офицерские яловые сапоги, хотя с их возникновением в его жизни и прошло уже три года.

— Ведь их кто-то носил, чистил по утрам, гордился ими, а еще бил ими в лицо и в живот, — бормочет себе под нос, — а вот теперь они лежат в лагерьном музее, под стеклом.

Всякий раз Малышев с внутренним содроганием вспоминал те несколько случаев, когда его приглашали принять участие в проведении экскурсий, чтобы он рассказал гостям острова о том, как сделал свою страшную находку. Он мялся, тер лоб и бубнил что-то про гору Секирную, про какое-то непонятное время суток, про то, как над Секирной солнце выбиралось из клокастых, несущихся бог знает куда облаков, а у подножия горы была почти ночь, непроглядная темень из-за сгрудившихся, повалившихся друг на друга деревьев, столь напоминавших приговоренных к расстрелу арестантов. Там и нашел сапог.

Запихивает окурок в прибитую к поручню лестницы консервную банку.

Входит в дом и закрывает за собой дверь.

Завтра Малышев собирается в Кемь.

С проходящим скорым Москва—Мурманск ему должны передать из столицы несколько коробок черно-белой фотопленки. Здесь ее не купить, а в цвете Соловки видел только Алексей Максимович Горький.

С горы Секирной, разумеется...

Глава девятая

Посещение Голгофы

Св. Петр. — Антон Тимофеев или Антипа Панов. — Пертоминский монастырь. — Петр I на острове. — Митрополит Игнатий. — Вознесенская церковь на Секирке. — Храм-маяк. — Второе посещение Петром I Соловков. — Никогда так сытно не кушивал... — Церковь Андрея Первозванного на Заяцком острове. — Инок Иоанн. — Иов Анзерский. — Великая схима. — Иисус Анзерский. — Видение схимника. — Иноческое правило Распятского Анзерского скита. — Сопригвождение. — Строгое житие анахоретов. — Зосима и Феофан. — Командировка Голгофа. — Архиепископ Петр (Зверев). — У подножия Соловецкой Голгофы. — Олег Волков. — Донат Новицкий. — Тьма Сайво. — Последствия Петровских реформ в Поморье. — Архимандрит Варсанофий

В начале июня 1694 года в городе Архангельске отшвартовалась яхта «Св. Петр» и взяла курс на Соловки. Однако при выходе в море погода резко испортилась: небо стало черным, а шквальный ветер поднимал многометровые волны и бросал их друг на друга. Каждый такой удар грозил превратить яхту в груды деревянных обломков, а бывших на ее борту людей — архиепископа Важского и Холмогорского Афанасия, царя Петра Алексеевича и сопровождавших его лиц — навсегда упрятать в недрах Дышащего моря.

Вот как позже опишет это событие историк Сергей Соловьев: «Потом царь отправился на яхте “Св. Петр” в Соловки; на дороге поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо. Петр приобщился уже Св. Тайн из рук сопровождавшего его архиепископа Афанасия: к счастью, нашелся искусный кормчий, Антон Тимофеев, который успел ввести яхту в Унскую губу, и они стали на якорь близ Пертоминского монастыря. Собственными руками Петр сделал крест в полторы сажени вышиною и поставил на том месте, где вышел на берег; на кресте виднелась голландская надпись: “Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694”».

Эта история, впрочем, имеет и несколько иную ин-

терпретацию, как представляется, значительно более приближенную к поморским реалиям.

Находившиеся на борту «Св. Петра» иностранные друзья Петра Алексеевича так описали это приключенное, едва не стоившее отважным мореходам жизни:

«Когда Царь от пристани Архангельской выехал в море, то поднялась такая страшная буря, что все с ним бывшие пришли в чрезвычайный ужас и стали молиться, приготавливаясь к смерти. Один только молодой государь казался нечувствительным к ярости свирепствующего моря. Дав обещание, если представится случай и не воспрепятствуют государственные нужды, побывать в Риме и поклониться мощам святого Апостола Петра, своего патрона, он равнодушно пошел к кормщику и с веселым видом ободрял всех».

Кормщиком в этой истории обозначен некий нюхчемский крестьянин Антипа Панов. Царь подошел к Антипе и стал давать ему советы, как правильно вести судно, но Панов резко оборвал Петра I: «Поди прочь! Я лучше тебя знаю, куда правлю!» После опасных и продолжительных маневров «Св. Петр» был умело заведен кормщиком в Унскую губу и пришвартовался у стен Пертоминского монастыря.

Когда же страшное испытание было уже позади, император подошел к Антипе и с улыбкой спросил: «Помнишь ли, брат, какими словами ты меня отпощевал на судне?» Панов в ужасе упал в ноги царю, но Петр Алексеевич поднял его, троекратно поцеловал и произнес: «Ты не виноват ни в чем, друг мой, и я обязан благодарностью тебе за твой ответ и за твое искусство».

Известно, что в знак благодарности государь определил Антипе пожизненную пенсию.

Спасо-Преображенский Пертоминский монастырь, у стен которого нашел спасение царственный путешественник, возник около 1617 года стараниями инока Александро-Свирского монастыря Иоасафа вокруг часовни, установленной в 1599 году на месте погребения монахов Соловецкого монастыря Ионы и Вассиана Пертоминских.

Житие Пертоминских чудотворцев сообщает, что в 1561 году ученики соловецкого игумена Филиппа (Колычёва) Вассиан и Иона были отправлены на материк за известью для строительства соборного храма. Попав

в шторм, иноки утонули, но вскоре их тела были обнаружены на берегу нетленными и похоронены местными рыбаками в Унской губе. Спустя 38 лет над могилой Вассиана и Ионы неким старцем из Троице-Сергиева монастыря была поставлена деревянная часовня, ставшая местом паломничества.

Оказавшись летом 1694 года не по своей воле в Пертоминском монастыре, царь Петр I кроме того, что установил здесь поклонный крест (ныне хранится в Архангельском краеведческом музее), присутствовал также при обретении мощей преподобных Вассиана и Ионы и погребении их в Преображенском соборе обители.

Затем плавание на Соловки было продолжено.

7 июня «Св. Петр» благополучно подошел к Филипповской пристани у Заяцких островов.

Через восемь лет император Петр I прибудет сюда уже в составе военной флотилии из тринадцати судов. Тогда же царя посетит мысль построить на острове (Большом Заяцком) храм во имя святого Андрея Первозванного как небесного покровителя русского военно-морского флота.

А пока самодержец и его свита на монастырских карбасах были переправлены на Большой Соловецкий остров, где его встретила братия «при большом звоне, в преднесении крестов и хоругвей».

Соловецкий книжник старец Досифей так описал нахождение Петра Алексеевича в монастыре: «В течение трехсуточного пребывания в монастыре младый Самодержец, с нежной юности воспитанный в страхе Божием и благочестии, упражнялся в молитве и благомыслии».

Слова эти, вне всякого сомнения, являются фигурой речи, лишь отчасти отражающей реальное положение дел, однако в полной мере соответствующей житийной специфике подобного рода текстов. В данном случае интересно обратить внимание на тот факт, что в монастыре, еще совсем недавно бывшем центром старообрядческого сопротивления, царя встречают сообразно с протоколом — «по высшему разряду»: умильно и хлебосольно. Хотя в это время гонения на староверов усилились и император Петр I воспринимался ими как оголтелый продолжатель «бесовского» дела патриарха Никона.

Ротация, проведенная в Соловецком Спасо-Преображенском монастыре, о которой мы говорили выше, видимо, имела тотальный характер. Здесь уже не осталось ни одного не то что последователя «древлего благочестия», но и симпатизирующего соловецким мятежникам, а значительный административный ресурс окончательно решил хозяйственные и бытовые проблемы островной обители, полностью стерев внешние следы былого погрома, учиненного воеводой Мещериновым в древней обители.

«Соловецкий летописец» сообщает: «По отбытии его величества из монастыря в Архангельск вскоре по высочайшему указу выдано в сем городе для монастыря ржи 3000 четвертей за выданный хлеб из монастырских житниц двинским стрельцам в помесячный корм, стоявшим на Соловецком острове и Сумском остроге во время мятежа раскольствующих монахов». И спустя год в том же источнике сообщается: «По указу великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича выдано в Соловецкий монастырь на иконописное в соборной Преображенской церкви строение денег в Москве 200 рублей, да на Двине из таможенных доходов 400 рублей».

Резной иконостас, о котором идет речь в этой записи, был установлен в 1697 году, но, к сожалению, разобран и уничтожен питомцами школы юнг Северного флота в начале 40-х годов XX века.

Значительные усилия по укреплению мощи Соловецкого монастыря на рубеже XVII—XVIII веков принадлежат митрополиту Тобольскому и Сибирскому Игнатию (Римскому-Корсакову), личность которого заслуживает особого упоминания.

Стольник царя Алексея Михайловича Иван Степанович Римский-Корсаков происходил из древнего польско-литовского рода Корсаков.

Время пострижения Ивана Степановича во иночество точно не установлено. По одной версии, это произошло в 1667 году в Нижегородском Крестовоздвиженском Маровском монастыре, по другой — в 1678 году в Соловецкой Спасо-Преображенской обители.

С 1676 по 1680 год он выполнял послушание уставщика Соловецкого монастыря, а затем управлял по дворьем обители в Москве.

Эта деталь биографии Игнатия свидетельствует о том, что будущий архимандрит, а впоследствии митрополит Сибирский и Тобольский, был направлен на остров для контроля за соблюдением верного чинопоследования после окончательного ввода в монастырский обиход исправленных богослужебных книг, а также для увещевания раскольников и сомневающихся. То обстоятельство, что в 1693 году владыка оказался именно на Тобольской кафедре (влияние протопопа Аввакума здесь было очень велико), подтверждает наше предположение.

Более того, в 1696 году митрополит Игнатий обратился к настоятелю Соловецкой обители архимандриту Фирсу (Шарапову) с грамотой следующего содержания: «На горе Святого Савватия, еже просторечием, на Секирной вараке, построити церковь в честь Вознесения Господня, а вверху, в подглавии, — церковь во имя святых апостолов Петра и Павла по образцу церкви творения Святейшего Никона Патриарха, что на Истре, на лугу у Воскресенского монастыря, его же нарицают царие Новый Иерусалим; в сей же пустыньке и Святейший Никон патриарх живяше, а тот образец ведает каменщик ваш Трофим».

Возвращение имени патриарха Никона на острове (особенно в привязке к началоположнику Соловецкого иночества преподобному Савватию, в предательстве заветов которого мятежники обвиняли патриарха) стало своего рода идеологическим ответом «антиниконовской» старообрядческой доктрине. Также можно говорить и о своеобразном примирении Соловецкого (старообрядческого) и Крестного Кий-островского (Никоновского) монастырей, противостояние которых в годы Соловецкого восстания носило не столько богословский, сколько политический и хозяйственный характер.

К сожалению, дальше этой грамоты дело не пошло, и лишь спустя 161 год на горе Секирной началось строительство трехъярусного храма в честь Вознесения Господня, которое было закончено к 1862 году.

Во внешнем облике сооружения, возведенного по проекту архитектора А. П. Шахларева, угадываются конструктивные элементы скита Никона на Истре, а также Крестовоздвиженского собора на Кий-острове — мас-

сивный, кубоватой формы двухъярусный объем венчается глава на мощном барабане.

Особенностью данного храма стал устроенный в верхней части главы маяк, находящийся на высоте 98 метров над уровнем моря (изначально установленные здесь керосиновые лампы были заменены в 1904 году на французские приборы, которые прослужили на маяке до 60-х годов XX века).

Сейчас трудно понять, почему замысел митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) не был реализован при его жизни. Может быть, причиной тому стали драматические события в судьбе владыки — в 1700 году Игнатий неожиданно заболел душевным расстройством, «неистовыми словесы в лице и злословил без всякия правды» патриарха Адриана, а также многих архиереев «поносил», за что был помещен сначала в Чудов, а затем в Симонов монастырь, где и скончался в 1701 году.

В начале августа 1702 года царь Петр Алексеевич посетил Спасо-Преображенский монастырь во второй раз.

На сей раз Соловецкая программа самодержца носила более развернутый характер.

Эскадра из тринадцати военных судов (более четырех тысяч человек сопровождения), а также императорская яхта «Транспорт-Рояль» изначально встали на рейде между Большим Соловецким, Анзерским и островом Муксалма в ожидании благоприятной для швартовки погоды.

На упомянутых островах были сооружены «три горodka, или большие кучи насыпей земли с камнями», каждый из которых был увенчан поклонным крестом.

Ожидание погоды затянулось до 10 августа, когда флот наконец подошел к Большому Заяцкому острову, после чего Петр I со свитой (в нее входили Меншиков, Прозоровский, Нарышкин, Головин, Шафиров, Хованский, Корчмин и многие другие персонажи) пересел в бот и на веслах вошел в гавань Благополучия под салютные залпы из всех монастырских орудий.

Государь «с ближними своими людьми изволил прибыть в монастырь за полтора часа до вечера. И вышел его царское величество на брег, помолился против монастыря и принял у архимандрита благословение...

келарь не со мноюю братиею подошли с подносом, с образом, хлебом и рыбою, и великий государь благодарил и изволил сказать: “Будем у вас”, — а прочая братия все стояли по чину, вышед мало из Святых ворот. Благочестивый же государь не пошел ко вратам, но изволил идти кругом ограды монастырской на правую сторону и, обшедши, вошел Святыми вратами в монастырь. Изволил идти в соборную церковь без благовесту, и звону не было, а в соборной церкви помолился; и изволил его царское величество идти в церковь к преподобным чудотворцам и там у гробов преподобных прикладывался».

В это посещение царь пробыл на острове пять дней — он принимал участие в богослужениях, пел на клиросе, а «все пение было греческого напева» (для Соловков это было своего рода показательным мероприятием), инспектировал ризницу, крепость, гарнизон, оружейную палату, вкушал в трапезной со всей братией.

— Никогда так сытно и приятно не кушивал! — в восхищении воскликнул царь после очередного подобного застолья.

— Наша пища и питье приготавливаются с благословением и окроплением святою водою, — смиренно ответил соловецкий настоятель архимандрит Фирс (Шарапов).

Также «Соловецкий летописец» сообщает, что в продолжение сих дней великий государь нередко выезжал на Заяцкий остров, где приказал соорудить деревянную церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного. Возведением храма руководил верховный уставщик Иоанн Степанович Торжнев. Предположительно, деревянный храм в разобранном виде был привезен императором и здесь собран в течение нескольких дней.

В ходе посещения Соловецкой обители Петр Алексеевич ознакомился с грамотами, данными монастырю еще его отцом, царем Алексеем Михайловичем, а также посетил некоего старца Лаврентия Александровича, который подвизался в своей келье безысходно, лишь покидая ее, чтобы причаститься в храме Святых Тайн Христовых.

16 августа 1702 года государь, как сказано в монастырской летописи, «благоволил идти рано, за полчася до дни подняв парусы; даде Господь благополучен

ветер, и к вечеру приидоша к пристани к Соловецкому усолью Нюхче. Архимандрит же, приехав в монастырь, не входя в келью, пел молебен со всею братиею в церкви у Преображения Господня с благовестом и звоном за его, великого государя, и за благоверного царевича, и за путешествующих с ними».

Однако был в Соловецком монастыре в те дни человек, который хорошо знал царя еще по Москве, но вспоминал о нем, увы, с тяжелым сердцем.

Осенью 1700 года по приговору боярского суда книжник и «изувер-раскольник» Григорий Талицкий был подвергнут казни через копчение, в ходе чего он признался, что называл царя Петра I «антихристом» и «поносил его», а также распространял «непристойные тетрадки», коими смущал православных. Впоследствии он был сослан в один из сибирских острогов.

В ходе разбирательства по делу в качестве свидетелей были привлечены князь Иван Иванович Хованский, епископ Игнатий Тамбовский, некий поп Андрей и инок Матфей, а также духовник царской семьи, священник домово́й государевой Голгофской церкви Иоанн Иоаннович.

Князь Иван Хованский, сочувственно относившийся к крамольным речам Григория, скончался до завершения дела. Епископ Игнатий, присылавший «изуверу-раскольнику» деньги и читавший его «непристойные тетрадки», был расстрижен и сослан на Соловки «до кончины живота его неисходно».

В список сосланных на остров пожизненно попал и царский духовник иерей Иоанн, как впоследствии выяснилось, оклеветанный недоброжелателями. Он якобы знал о злоумышлении Талицкого, но «яко духовник не открыл начальству».

Выписка из «Соловецкого летописца» от 4 апреля 1701 года (доклад архимандрита Фирса (Шарапова) владыке Афанасию Холмогорскому):

«В нынешнем году по указу государя Петра Алексеевича и по вашей архиепископской грамоте прислан к нам в монастырь распяцкий поп Иван Иванов, который привезен с Москвы по сыскному делу вора Гришки Талицкого, и велено его, приняв у нас в монастырь, постричь в монашеской чин и отдать под начало старцу

доброму, и быть ему у нас в монастыре до кончины живота его неисходно в монастырских трудах. И по указу вышеупомянутый поп Иван к нам привезен. И приняли его в монастырь, и постригли, и под начальство старцу-монаху, бывшему казначею Ионе, отдать велели, а монашеское имя ему Иов».

Иноческий постриг Иоанн Иоаннович принял в Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря в возрасте шестидесяти шести лет.

Житие подвижника сообщает: «Постом, ночным бдением, покорностью и смиренным послушанием он изумлял всю братию. Так что вскоре окружавшие его стали подражать новому необычайному послушнику... Всех вообще, а особенно новоначальных иноков, о. Иов поучал смиренному послушанию Богу и начальству. Без чего, говорил, нет спасения, послушание — первая из всех добродетелей».

Во время нахождения на Соловках государю было, разумеется, доложено, что в монастыре находится его бывший духовник, ныне монах Иов. Согласно «Соловецкому летописцу», произошла встреча царя и несправедливо осужденного пастыря. Петр I якобы признал свою ошибку, так как именно он потребовал наказать Иоанна Иоанновича, не открывшего тайну исповеди Григория Талицкого, и попросил старца вернуться в Москву.

Иов ответил отказом.

Вскоре после этой встречи по благословению архимандрита Фирса Иов переселился на Анзер в Троицкий Елеазаров скит, а в 1706 году уже по благословению архиепископа Холмогорского Сильвестра был назначен строителем (настоятелем) скита.

Памятуя о подвигах преподобного Елеазара, Иов переиздал Житие великого Анзерского отшельника, а также при участии инока Макария начал составление вкладной книги Троицкого скита. Своей задачей как настоятеля Иов видел возвращение в первую очередь книг из библиотеки преподобного Елеазара, большинство которых было утрачено во время Соловецкого восстания, а также богослужебного имущества, разворованного в те же годы.

К началу 1700-х годов количество иноков на Анзере достигло тридцати человек.

Можно предположить, что с именем Иова на Соловках (и на Анзере в частности) связано возрождение глубокого, заповеданного еще преподобными Савватием, Зосимой, Германом и Елеазаром, а также святителем Филиппом молитвенного делания, когда иночество вновь стало бдительным «хранением духа», «вечноподвижной», по словам святителя Григория Паламы, духовной практикой, полностью связанной вовсе не с начетничеством, но с искренним сердечным горением.

Будучи человеком тонкой душевной организации, склонным к разного рода физическим недугам (в Москве старец страдал малокровием и обмороками), Иов имел особое искательство к запредельному, вероятно, даже экстатическому уединению и молитве. Скорее всего, именно по этой причине летом 1710 года он был пострижен в великую схиму с именем Иисус в честь Иисуса Навина.

Согласно учению святых Отцов Церкви, принятие великой схимы есть высшее обещание Креста и смерти, есть образ полнейшего отчуждения от земли во имя горнего существования, образ предвкушения иной жизни и смерти для искушений и страстей.

Преподобный Антоний Великий утверждал: «Смерть для людей, кои понимают ее, есть бессмертие; а для простецов, не понимающих ее, есть смерть. И этой смерти не следует бояться, а бояться надобно погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души! Жизнь есть соединение и сочетание ума (духа), души и тела; а смерть есть не погибель этих сочетанных частей, а расторжение их союза; все это Бог хранит и по расторжении. Как из матерняго чрева выходит человек, так из тела душа выходит голою, и бывает иная чиста и светла, иная запятнана падениями, а иная черная от многих прегрешений».

Таким образом, великая схима, принятая Иовом, стала своего рода важным мистическим переосмыслением анзерского иночества за последние (для подвижника) столетия. На болезненное и мучительное бытование на «Острове мертвых», где смерть стала уделом «простецов», боящихся ее более, нежели погибели душевной, Иисус ответил знаменитыми словами из Послания к коринфянам: «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?»

Удивительно, что именно в Петровскую эпоху, которая, как известно, для Русской Церкви стала временем весьма непростым (отмена патриаршества, упразднение монастырей, закрытие храмов), а в чем-то даже и разрушительным, Анзерский отшельник дает соловецкому монашеству новый духоподъемный импульс.

Особенно показательно в этом смысле видение Пресвятой Богородицы, которого удостоивается Иисус Анзерский в июне 1712 года.

Житие старца сообщает, что, подвизаясь у анзерского пустынножителя и аскета иеродиакона Паисия, после вечерней молитвы Иисус задремал. В сонном видении ему явились Богородица и преподобный Елеазар.

Приснодева повелела отшельнику, а также двум его ученикам — Матфею и Макарию основать Голгофо-Распятский скит в память Крестных страданий Спасителя: «Эта гора отныне назовется второю Голгофою; на ней будет устроена великая каменная церковь Распятия Сына Моего и Господа и учредится скит... Скит назовется Распятским, соберется к тебе множество монахов, и прославится имя Божие. Я Сама буду посещать гору и пребуду с вами вовеки».

Также Богородица открыла Иисусу, что место это — гора Голгофа на острове Анзер — станет юдолью скорби и гибели многих мучеников и исповедников.

В память об этом чудесном и одновременно страшном видении на вершине горы Иисусом был поставлен крест, на котором иеродиакон Паисий вырезал рассказ о явлении Пресвятой Богородицы и святого Елеазара Анзерского.

Мистический символизм преподобного Иисуса близок к эмоциональному богомыслию патриарха Никона, который (притом что не удостоивался Божественных видений) трудами и служением делал умозрительное видимым и осязаемым — Палестинский крест на Кий-острове, Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря.

В 1713 году архиепископ Холмогорский и Важский Варнава благословил основать на острове Анзер Голгофо-Распятский скит в честь Страстей Господних: «И мы благословляем вас... отойти жить на указанную гору... и построить на ней церковь в честь Распятия Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Успения Пресвятой

Богородицы каменные, и зватися ради оной Распятской церкви той горе Голгофой и скитом Распятским».

Известно, что для Анзерского Распятского скита Иисус составил строгий общежительный устав, согласно которому насельникам запрещалось вкушать скоромную пищу, рыбу и вино, а также не разрешалось иметь личное имущество.

Помимо общего иноческого правила полагалось ежедневно в кельях читать пять кафизм Псалтири, 500 молитв Иисусовых и делать 300 поклонов.

Женщины и отроки в скит не допускались.

К 1718 году в скиту жили 13 иноков помимо пустыльников, подвизавшихся в уединенных кельях и приходивших в скит каждое воскресенье на богослужение.

В первой трети XIX века соловецкий архимандрит Досифей, комментируя Анзерский устав, писал: «Служба Божия должна отправляема быть не леностно, не скоро, но чинно, читать не торопясь, единогласно службу Божию исполнять, яко пред Самим Лицем Божиим».

Интересно обратить внимание на достаточно редкое посвящение скита и соборного храма Святым Страстям Господним, Распятию Спасителя на Кресте на горе Голгофе (известны Распятская церковь-колокольня в Александрове, середины XVI века, и Распятский монастырь в Серпухове, 1665 года).

Можно утверждать, что исполнение завета Богородицы было для преподобного Иисуса дерзанием глубоко личностным. Мы помним, что еще в Москве иерей Иоанн Иоаннович (духовник царской семьи) служил в Распятском храме (вероятно, домовом), имея особое душевное стремление к почитанию Спасительных Страстей, к состраданию и сопереживанию Им.

В святоотеческом наследии существует такой термин — «сопригвождение», то есть физическое ощущение боли и страданий, которые испытывал Спаситель на Кресте, ревностная готовность следовать за Христом, которую следует воспринимать как особый дар, гениальную способность отсекал волю, искушение и страсть, но в то же время трепетать от собственного несовершенства перед Тем, кто Совершенен. Так, пророчество Пресвятой Богородицы, вне всякого сомнения, было воспринято Иисусом Анзерским со страхом и сердечным горением одновременно, потому что в этих

словах — «скит назовется Распятским» — аскет услышал то, к чему стремился душой всю свою жизнь.

Путь, уготованный Иоанну Иоанновичу (Иову, Иисусу), был весьма и весьма тернист, в достатке предоставляя возможность впасть в отчаяние, в уныние ли, отказаться от задуманного, вернуться в Москву, купившись на посулы изменчивого самодержца.

Но этого не произошло.

Преподобный сделал свой выбор, найдя в неволе (ссылке на остров и насильном пострижении) проявление воли Божией, явленной именно таким образом, а посему требующей смирения и предельного самоотречения.

По сути, на Анзере сложилось уникальное иноческое сообщество, совместившее «особный» тип жития преподобного Елеазара в Троицком скиту (по крайней мере на его начальной стадии) и строгого общежития Иова (в схиме Иисуса) в Голгофо-Распятском скиту. Подвизались на острове и отшельники-анакореты, совершенно прообразуя таким образом всю полноту монашеского служения времен Древней Церкви. Однако, по мысли Иисуса, в этом не было ничего выдающегося, ибо только полностью умерев для мира (в частности, преподобный старец запретил присутствовать на его похоронах светским лицам), возможно достичь того уровня бесстрастия и самовластия, который позволит иноку хоть на шаг приблизиться к Тому, подражание Которому и составляет смысл истинной аскетической жизни.

«Нет ничего великого в том, если мы сделаемся праведными, ибо в таком случае мы станем такими, какими мы созданы от Бога в начале», — утверждает преподобный Нил Синайский (ум. 450). Эти на первый взгляд парадоксальные слова в полной мере объясняют причину той труднодоступной, но в то же время очевидной Божественной простоты, когда «возвращение к себе», по мысли святых Отцов Церкви, становится первосмыслом, а праведная кончина — закономерным результатом победы над грехом, страхом и тлением.

6 марта 1720 года преподобный Иов (в схиме Иисус) Анзерский умер в возрасте восьмидесяти пяти лет.

Через три года после ухода преподобного Святей-

ший синод определил: «Распятский скит приписать к Анзерскому Троицкому скиту, а имение, деньги и все вещи, даже и келейное имущество строителя Иисуса прислать в Московскую канцелярию Синода».

«Таким образом, прежняя независимость Распятского скита и средства к многолюдному в оном обитанию иночествующих кончились», — с сожалением резюмирует «Соловецкий летописец».

В 1826 году соловецкий архимандрит Досифей направил в Святейший синод прошение о восстановлении к тому времени полностью пришедшего в упадок Голгофо-Распятского скита. Прошение было удовлетворено, и через два года на вершине горы Голгофы была возведена пятиглавая каменная церковь в честь Распятия Господня.

В это же время в скиту подвизались, пожалуй, последние продолжатели молитвенных трудов и скитской дисциплины преподобного Иисуса — схимонах Зосима и пустынник Феофан.

В 80-х годах XIX века в скиту находилось 18 человек братии: три иеромонаха, иеродиакон, монахи и послушники.

Едва ли они могли помыслить о том, что произойдет здесь, на месте, указанном Богородицей, в ближайшем будущем.

Из материалов следственного дела № 885 «О контрреволюционной деятельности надзорсостава в лагерьном пункте Анзер и на командировке Голгофа», июнь 1930 года:

«Картина, которую я застал по прибытии своем на командировку Голгофа, была ужасна, название Голгофы вполне оправдывалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем продолжительное время казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета, голые, в полном смысле этого слова. На остальных — жалкие лохмотья. Источенные люди, лишенные подкожного жирового слоя, скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали, шатаясь, из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали...

Я видел в окно, как из четвертого барака голых людей в двадцатиградусный мороз гнали с горы вниз, к озеру, где находилась баня, и после бани обратно в гору. После этого часть из них попадала в лазареты. В день умирало до двадцати человек. Также я помню ужасную картину, когда из командировки Капорская, находящейся в трех километрах от Голгофы, в морозный день, в феврале, гнали голых людей на Голгофу, в четвертый барак. В бараке № 4 жителей его, не имевших одежды, другие заключенные называли “песцами”. На двор они выбежали опряться совершенно голые. Часто этих “песцов” в виде наказания выставляли на мороз голых, где они на пронизывающем ветру плакали, кричали и просили пустить их обратно в барак... За октябрь месяц 1929 года, по сведениям стационара, умерших было 22 человека, за декабрь — 80, за январь 1930 года — 135 человек, за февраль — 246 человек, за март — 245, за апрель — 145, за май — 82. Итого: за восемь месяцев — 979 человек. По диагнозу и отчетности большинство случаев смерти относится к истощению, поносу от недоедания и туберкулезу. Из 360 человек, болевших сыпным тифом, умерли 64 человека, которые входят в число 979...

Насколько мне известно, порядок зарывания тел был установлен еще до моего приезда на Анзер и существовал в том же положении до последнего времени. Заполнялись они трупносами по указанию стационара. Могилы в течение зимы не зарывались, а были прикрыты лишь слоем веток. Зарыты они были с наступлением тепла, когда стаял снег...

Кладбище на командировке Голгофа состоит из семи больших и девяти малых могил. При вскрытии одной большой могилы было обнаружено, что она наполнена трупами до одной четверти аршина от верхнего основания и трупы прикрыты еловыми ветками, а сверху присыпаны землей. Толщина слоя, покрывающего трупы, не более одной четверти аршина. Следствием установлено, что на протяжении зимы 1929/30 года большие могилы, в которых помещалось до восьмисот трупов, были доверху наполнены таковыми и оставались открытыми. Эти могилы расположены на видном месте, на противоположной горе, через овраг от основных корпусов размещения заключенных».

В 1923 году в Голгофо-Распятском скиту были устро-

ены женское отделение и больничный стационар Соловецкого Лагеря Особого Назначения, куда из монастыря (кремля) и лагерных командировок Большого Соловецкого острова свозили больных и немощных заключенных (здесь их было принято называть «доходягами»).

Из воспоминаний бывшего соловецкого заключенного Михаила Никонова: «Поверок на Голгофе никаких... Бесплезное дело — не выстроить. Большинство на ногах не стоят от цинги. Ротный каждый день приходит и заставляет всех лечь. Потом считает по ногам. Сколько пар ног, столько и пайков хлеба, супа и каши. Иной день ротный придет и начнет нюхать воздух. “Опять, — говорит, — вы мертвцов тут держите!” Начнет искать по запаху трупному и найдет штук пять-шесть мертвцов... Живые спят с мертвыми и получают их паек. Начнут санитары стаскивать мертвцов с нар, некоторых просто за ноги волокут — только башка по полу стучит. Братские могилы там полны телами погибших. Подвозят мертвцов в ямы каждый день, и, конечно, всю зиму эти полные трупами ямы не закапываются. Вот представьте себе такие ямы, наполненные голыми, застывшими трупами. Кругом бегают песцы. Что им искать мышей и всякую мелкую живность, коли тут столько человеческого мяса?»

Также на остров в «командировку» Троицкая, что находилась в бывшем на тот момент Троицком Елеазаровом скиту, ссылались штрафники.

В октябре 1928 года здесь оказался архиепископ Петр (Зверев), отправленный на Анзер за то, что крестил в водах Святого озера заключенную эстонку (по другой версии, в келье преосвященного собиралось лагерное духовенство и вело контрреволюционные разговоры; также есть сведения, что причиной отправки владыки на Анзер стало проведенное им отпевание некоей заключенной Валентины Карловны, прислуги императрицы Александры Феодоровны).

Преосвященный так описывал свое пребывание у подножия Соловецкой Голгофы: «Слава Богу за все, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники — ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но все это решительно надо терпеть. Ну, что делать. Не так

живи, как хочется, а как Бог велит. У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног. Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем».

На Соловки владыка Петр был этапирован весной 1927 года. Здесь его определили в шестую рабочую роту четвертого отделения, которая находилась в кремле, а затем он был переведен в четвертую роту первого отделения, где архиепископ Петр работал сторожем на продовольственном складе, где, следует заметить, трудилось одно духовенство (это было сделано лагерным руководством специально во избежание воровства и спекуляции продуктами).

Интересные воспоминания о Петре (Звереве) в СЛОНе оставил писатель, бывший соловецкий заключенный Олег Васильевич Волков: «Он и с метлой в руках, в роли дворника или сторожа, внушал благоговейное уважение. Перед ним тушевались сами вохровцы, натасканные на грубую наглость и издевку над заключенными. При встрече они не только уступали ему дорогу, но и не удерживались от приветствия. На что он отвечал, как всегда: поднимал руку и осенял еле очерченным крестным знаменем. Если ему случалось проходить мимо большого начальства, оно, завидев его издали, отворачивалось, будто не замечая православного епископа — ничтожного “зека”... Начальники в зеркально начищенных сапогах и ловко сидящих френчах принимали независимые позы: они пасовали перед достойным спокойствием архиепископа. Оно их приносило. И брала досада на собственное малодушие, заставлявшее отводить глаза... Преосвященный Петр медленно шествовал мимо, легко опираясь на посох и не склоняя головы. И на фоне древних монастырских стен это выглядело пророческим видением: уходящая фигура пастыря, словно покидающего землю, на которой утвердилось торжествующее насилие».

Свою пересылку на Анзер владыка воспринял с радостью, прекрасно помня о том, что это место было благословлено Богородицей: «Я Сама буду посещать гору (Анзерскую Голгофу) и пребуду с вами вовеки».

Хотя, конечно, преосвященный не мог не знать о

том, что творится на острове, превращенном лагерным начальством в огромный морг, из которого никто не возвращается живым.

Из воспоминаний бывшего соловецкого заключенного, католического священника восточного обряда отца Доната Новицкого: «В двенадцать часов ночи мы прибыли в главный лагпункт острова Анзер и оттуда сразу отправлены дальше. Я был крайне утомлен, так как с семи утра находился в постоянном нервном напряжении, за это время ничего не ел и уже прошел семнадцать километров, но пришлось вновь взять в каждую руку по чемодану весом десять-пятнадцать килограммов и идти с этой ношей еще пять километров. Каково же было мое удивление и внутреннее волнение, когда оказалось, что командировка, куда меня пригнали, носит прекрасное название Голгофа! Сердце тяжелым молотом билось в груди, казалось, уже нет сил для подъема на вершину, а в душе царило невыразимое состояние, и я чувствовал близость распятого Спасителя».

Разрушение многовекового иноческого уклада, который создавался многими поколениями соловецких насельников и мирян, привело к тому, что в 20—30-х годах XX столетия архипелаг вновь погрузился в кромешную тьму Сайво, непригодную для жизни человека, в полной мере напомнив миру живых, что это «Остров мертвых».

История повторялась.

Сотни заключенных переправлялись на архипелаг:

1923 год — 3049 заключенных.

1925 год — 7727 заключенных.

1926 год — 6735 заключенных.

1927 год — 7445 заключенных.

1929 год — 15 000 заключенных.

1931 год — 13 282 заключенных.

И лишь единицам удалось вернуться на материк.

В 1429 году сюда, вопреки уговорам и сомнениям поморов, сопротивлению суровой северной природы и свирепого Дышащего моря, пришли на вечное поселение преподобные Савватий и Герман — ведь до них еще никому не удавалось остаться жить на «Острове мертвых».

И вот теперь, спустя пять столетий, старцы, вернее сказать, их духовные потомки и последователи были изгнаны отсюда.

По сути, пятивековая борьба с «началозлобным демоном» увенчалась его временной победой.

Анзерский заключенный Петр (Зверев) стал одним из тех немногих, кто своим присутствием в лагере сохранил для Соловков дух подвижников Северной Фиваиды, молитвенную память о преподобных Савватии, Зосиме, Германе, о святителе Филиппе (Колычёве) и многих других соловецких подвижниках, наполнивших этот дикий архипелаг, расположенный за «окоёмом», жизнью.

В январе 1929 года владыка заболел тифом и был перевезен из Троицкого на Голгофу, где в Распятском скиту был устроен лагерный стационар.

Две недели страдалец провел в тифозном бараке.

По воспоминаниям очевидцев, 7 февраля 1929 года, в четыре часа утра, владыка ощутил великое волнение от внезапного шума, словно произведенного стаей влетевших в барак птиц. Преосвященный открыл глаза — перед его кроватью была великомученица Варвара с предстоящими. Святая подошла к постели Петра и причастила его Святых Тайн Христовых, и таинственное видение тут же исчезло.

«Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает» — эта фраза стала последним обращением страдальца к людям, после чего преосвященный скончался.

Духовная дочь архиепископа Петра (Зверева), игуменья Иулиания, впоследствии писала: «Владыка умер от тифа последним, после него никто не умирал. Тиф кончился, и настало тепло».

После ухода с Соловков государь Петр Алексеевич с войском «предпринял путешествие до Повенецкой пристани лесами, мхами и болотами, расстоянием от Нюхчи 160 верст, где деланы были мосты Соловецкого монастыря крестьянами из Сумского острога и Кемского городка, которые и с лошадьми продолжали ту работу до зимы. По сей сделанной ими дороге протянуты людьми две яхты до Повенецкой пристани, от которой его величество озером Онегою и рекою Свирью на судах поплыл в область Новгородскую». Поплыл, чтобы осадить шведскую крепость Нотебург (Шлиссельбург); крепость была взята 11 сентября 1702 года.

Посещение царем Соловецкого Спасо-Преобра-

женского монастыря летом 1702 года, что и понятно, не прошло для Поморья бесследно.

Будучи поклонником европейского судостроения, царь с негодованием замечал, что основу русского северного торгового флота составляют поморские кочи, лодьи, карбасы и шняки.

28 декабря 1715 года император направил архангельскому вице-губернатору указ, в котором выдвинул следующее требование: «По получении сего указа объявите всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов на своих лодьях и кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суды галиоты, гукары, каты, флейты, кто из них какие хочет, и для того (пока они новыми морскими судами исправятся) дается им сроку на старых ходить только два года».

Понятно, что указ был встречен беломорскими мореходами «в штыки», потому что во исполнение августейшего постановления разрушению подлежала веками отлаженная система поморского судостроения, проверенная и абсолютно отвечающая требованиям местного климата и условиям навигации.

В ответ на высочайшее имя была направлена жалоба, что «для мореплавания им (поморам) велят строить речные лодки». Петр ответил разрешением оставить уже имевшиеся карбасы и кочи, но новые строить запретил под угрозой отправки на каторгу — «дать на тех заорленных (специально отмеченных. — М. Г.) доходить, а вновь отнюдь не делали б, а буде кто станет делать после сего указу новые, тех, с наказанием сослать на каторгу, и суда их изрубить».

Также царь запретил отправлять из Архангельска грузы на судах «прежнего дела».

Однако, как это часто бывает в России, за пределами Архангельска, на Карельском, Поморском и Лямецком берегах Белого моря судостроительные указы Петра I практически не выполнялись, потому что предписанные конструкции и размеры «правильного» голландского судна совершенно не соответствовали условиям Беломорского мореходства. И лишь в 1730 году по ходатайству соловецкого настоятеля архимандрита Архангелогородского и Холмогорского Варсанофия (1694—1759) был издан указ, разрешающий строить «староманерные суда».

Харизматичный епископ Варсанофий, прибывший

на Соловки в 1720 году из Александро-Невской лавры, в полной мере воплотил в себе черты священнослужителя и монаха Петровской поры: участник морских сражений со шведами на фрегатах «Арендаль» и «Ингерманланд» в сане обер-иеромонаха, строгий ревнитель благочестия, вплоть до рукоприкладства и пыток, поборник духовного образования, активный противник южнорусских и малороссийских влияний в российском просвещении, впоследствии (с 1734 года) член Святейшего синода в сане архиепископа.

На острове Варсанофий в первую очередь занялся упорядочением хозяйственной и торговой деятельности обители. Всегда и везде (в Москве, Петербурге, Архангельске) он со свойственными ему резкостью и нетерпимостью к возражениям отстаивал интересы Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Так, «Соловецкий летописец» сообщает: «От Санкт-Петербургской конторы Соляного правления требованы были подробные ведомости о всех поморских монастырских варницах, с тем чтобы обязать настоятелей соловецких увеличить соляные промыслы и поставлять в казну соль по назначаемой от оной конторы цене. Архимандрит Варсанофий на это объявил, что по возвысившейся цене на жизненные потребности и по недостатку дров заводить вновь варницы монастырь не в состоянии».

Частые посещения столицы Империи сблизили соловецкого настоятеля со многими придворными вельможами (в частности, из Верховного тайного совета), а в 1730 году Варсанофий был лично представлен императрице Анне Иоанновне. Скорее всего, именно это обстоятельство позволило начать в Соловецкой обители строительные и реставрационные работы, а также открыть свое канатное производство.

Однако высокие знакомства (особенно в эпоху дворцовых переворотов) оказались делом опасным. О жестоких действиях архиерея по отношению к духовенству *вдруг* стало известно в Святейшем синоде, и на Варсанофия было заведено дело. Припомнили ему и связи с нежелательными на тот момент политическими персонами. В результате владыка Варсанофий был вынужден уйти на покой и вскоре скончался в возрасте шестидесяти пяти лет.

Глава десятая

Заметки путешественников, или Накануне

Иван Корейша. — Соловецкие богомольцы. — Соловецкий транспорт. — Яков Мордвинов. — Ладожская сойма. — Петр Челищев. — Монастырский быт. — Трудники, обетники, годовики. — Быт соловецких трудников. — Молитва «по обещанию». — «Обетное» мироощущение. — Михаил Пришвин. — Купальни на Святом озере. — Люди искусства на острове. — Елизавета Феодоровна. — Открытие судоходной канальной системы. — Монастырская радиостанция. — Феликс Юсупов. — Упразднение Соловецкой тюрьмы. — Смута 1913 года. — Архимандрит Иоанникий. — Массовые пострижения в монашество. — Архимандрит Вениамин

7 мая 1806 года выпускник Смоленской духовной семинарии и академии 23-летний преподаватель Закона Божия в Поречском духовном училище Иван Яковлевич Корейша совершенно неожиданно прервал урок. Какое-то время он просто молчал, потом закрыл книгу и, не говоря изумленным питомцам ни единого слова, вышел из класса.

Так, ни с кем не попрощавшись, не заходя домой, без денег и вещей Иван Яковлевич отправился паломником в Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь.

На остров Корейша прибыл в сентябре.

Будучи совершенно восхищен монашеской жизнью в одной из величайших обителей Русского Севера, Иван Яковлевич пробыл здесь год в качестве послушника и уже было собрался принять иноческий постриг на острове, но неожиданно вспомнил о своем намерении непременно посетить Киево-Печерскую лавру и столь же неожиданно, как это было в Поречье, отбыл на материк.

Впоследствии имя этого человека, который 44 года из 77 лет своей жизни провел в стенах Преображенской психиатрической больницы в Черкизове, станет хорошо известно в Москве и Петербурге. А такие классики русской литературы, как Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой, сделают его героем своих произведений.

В историю Русской Церкви Иван Яковлевич Корейша, придумавший себе странное прозвище «студент хладных вод», вошел как юродивый Христа ради. Его подвиг был высоко оценен митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), хотя ни местного, ни общецерковного прославления он так и не получил.

Нашу главу о повседневной жизни Соловков рубежа XVIII—XIX веков мы не случайно начали с короткой заметки о легендарном московском юродивом. Тот факт, что Иван Яковлевич посещал остров и даже жил на нем в течение года, во многом позволяет добавить известные краски к такой теме, как соловецкие паломники.

Следует заметить, что со второй половины XVIII века приток богомольцев на остров заметно возрос.

Причин тому было две.

Во-первых, решительным образом изменилась транспортная инфраструктура.

Соловецкий монастырь стал значительно более доступен для обитателей материка. Сюда можно было добираться через Онегу, Сумской посад, Кемь и Архангельск. Более того, в Архангельске, Кеми и Сумпосаде были построены монастырские подворья (в Архангельске два), решавшие среди прочего задачи по централизованной отправке паломников на остров.

Филолог, фольклорист Наталья Михайловна Ведерникова пишет в своей статье «Соловецкие паломники»: «Заметное увеличение числа богомольцев после 1861 г. заставило монастырь приобрести собственные суда для грузовых перевозок и перевозки паломников. Во второй половине XIX в. из Архангельска на Соловки ходили соловецкие суда “Вера”, “Надежда”, купленные монастырем в 1860-е гг., и пароходы “Соловецкий” и “Михаил Архангел”, приобретенные монастырем в 1880-х гг. Самые бедные богомольцы нанимали на Летнем берегу кормщиков и переправлялись на лодках до Голгофы, а оттуда далее в монастырь... Наибольшее число паломников добиралось в монастырь через Архангельск. Этот путь, казалось бы, наиболее простой, был самым тяжелым. Пароход “Михаил Архангел”, осуществлявший перевозку пассажиров и груза от Архангельска, не справлялся с потоком богомольцев. О тяжелых условиях, в которых оказывались паломники из числа простого люда, вспоминают многие. “Трюмы

и палубы вмещают только 60 человек, но туда сажают еще сверх комплекта, и получается цифра 850 человек, что для такого парохода, как 'М. Архангел', является колоссальной. Людей грузят в трюм, как каменный уголь или мучные мешки. О сидении не может быть и речи. Стоят, плотно прижавшись друг к другу плечами. Смесь человеческого пота, овчинных и валеных одежд, специфический запах больных, которых масса среди богомольцев... Тем не менее даже такой скотской переправы добиваются тысячи..." (из книги К. Дерюгина «Путешествие на Соловки по Мурманскому берегу и из Колы в Кандалакшу через Лапландию», 1899)».

В конце XIX века ежегодный приток паломников доходил до пятнадцати тысяч человек.

Также известно, что на острове были разработаны местные маршруты: посещение Филипповской пустыни, Вознесенского скита на Секирке, Савватиевского скита, где поклонялись главной святыне скита — иконе Богоматери Одигитрии, принесенной на остров преподобными Савватием и Германом, а также острова Анзер (через Реболду) в Троицкий Елеазаров и Голгофо-Распятский скиты.

Интересную информацию о паломнической логистике мы обнаруживаем и в статье Сергея Яковлева, помещенной в 11-м выпуске «Соловецкого сборника» (Архангельск, 2015):

«В XVIII — начале XIX в. каждый паломник должен был иметь специальный билет-разрешение, выданный властями по месту жительства, на совершение путешествия в Соловецкий монастырь...

Билеты на соловецкие пароходы продавал монах; в июне, июле, августе на суда стремилось попасть множество людей, выстраивались очереди, создавалась давка. С середины XIX в. перевозкой богомольцев стал заниматься в основном Соловецкий монастырь, но в более ранние времена это было не так. В XVI—XVIII вв. их (наряду и с монастырскими парусными судами) перевозили архангелогородские мещане, купцы и крестьяне окрестных деревень. На борт пассажиров брали ладьи, гукоры и карбасы... Поморские суда были заполнены до отказа, так как кормщики получали деньги за каждого перевезенного богомольца».

Поездка на острова часто была сопряжена с опасно-

стями, порой приводившими к трагическим последствиям.

Так, 25 июля 1873 года произошло крушение парохода «Вера». Он сел на коргу (каменный отвал с высокой береговой линии, входящий в воды) рядом с тоней «Овсянка» на берегу Большого Соловецкого острова.

Очевидцы того крушения писали: «Помощь ему могла быть подана не скоро, так как монастырь отстоял водяным путем за 40, а сухим не ближе 25 верст... Между тем, настала ночь, и, к несчастью, бурная; волны бушевали со всею силою; пароход в течение нескольких часов ежеминутно поднимался вверх и, опускаясь, ударялся о каменистый грунт. Наконец, железный корпус парохода, прослуживший уже больше 25 лет (с 1847 года) и немало, в течение своего существования, претерпевший различных приключений, не выдержал борьбы: кормовая часть его в одном или двух местах проломилась и пустила воду».

Понятно, что доставка паломников на остров и обратно на материк была важной статьей монастырского дохода. В середине XIX века трудами соловецких архимандритов на острове была создана достаточно развитая по тем временам техническая база по строительству, ремонту и обслуживанию судов, а также обширная инфраструктура по обслуживанию богомольцев.

Второй причиной роста посещений Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря на рубеже XVIII—XIX веков следует назвать появление разного рода светских путевых записок (заметок), посвященных острову.

По праву начало соловецкому, если угодно, трэвел-жанру положил капитан Яков Яковлевич Мордвинов (1729—1799), написавший «Журнал о походах на Соловки и Валаам».

Мордвинов посетил остров четыре раза, причем между первым и последним путешествием капитана прошло ровно 40 лет.

На Соловки Мордвинов ходил на двух видах судов: на карбасе по морю и на ладожской сойме по рекам (материковая часть путешествия).

О втором виде судов стоит сказать несколько слов отдельно.

Сойма — двухмачтовая парусно-гребная лодка; ско-

рее всего, она восходит к древнефинскому судну, впоследствии освоенному карелами и новгородцами.

Исследователь Валаамского и Соловецкого монастырей, историк Андрей Епатько, пишет: «Быстрые на ходу, легкие под парусами и хорошо лавировавшие соймы были незаменимы в коварных водах Приладожья и Прионежья».

Поморские и ладожские хождения Якова Яковлевича также были сопряжены с многочисленными трудностями и опасностями. Так, последний поход 1784 года чуть не закончился для Мордвинова и его людей трагедией, когда их карбасы были затерты льдами и у них кончились запасы хлеба.

Но что представляется совершенно удивительным — так это то, что, невзирая на все эти перипетии, капитан настойчиво продолжал вести свой журнал.

Журнал Якова Яковлевича выглядит предельно скупо: лишь сухая информация о количестве храмов, приделов, святынь, а также о качестве крепостных сооружений, что, впрочем, можно понять — военный человек, начавший свою службу в Ингерманландском пехотном полку солдатом, участник многих батальей и походов, Мордвинов, видимо, не был склонен к романтическим восторгам по поводу древней обители или же почитал сдержанность и немногословность за изрядную добродетель.

Вот записи от 1784 года:

«Июня 15-го утренью слушали в соборной Преображенской церкви, а раннюю обедню в больничной церкви у Филиппа митрополита, позднюю обедню в соборе, и после обедни был у наместника монастырского по его приглашению и подчиван водкою, обедал в гостинном дворе присланные из монастыря кушанья, как и в вечеру, только прибавлена штука семги, а по обеде был у казначея и отдал ему посланные от подполковницы Натальи Михайловны Вындомской деньги на поминание умершей тетки ея госпожи Скобельщиной 100 р., да записал в литию имя свое и жены своей Варвары Степановны, и отдал ему с имени по 10 р., и подчиван от него монастырским пивом, а после ходил с ним в ружерную палату и видел тут разныя вещи, как и прежде, дачи Бориса Петровича Шереметьева и весьма длинныя винтовки подаяния Царя Ивана Васильевича, а по-

том были в ризничей и видели все то же, как описано под № 2-м; прежняя колокольня изломана, а построенная вновь над Успенскою церковною трапезою, не малой высоты, на которую и колокола подняты, а совершена 1777-го в сентябре месяце, также и часы перенесены; 1-й большой колокол, называемый Преображенский, 1100 пуд, лит в Соловках на монастырском коште из старого, Борисовича (имеется в виду большой колокол, подаренный Борисом Годуновым. — *Прим. изд.*), да к тому прибавлено покупной меди и олова; мастер был Санкт-Петербургский купец Петр Дмитриев сын Евдокимов; 2-й литейный, весом 527 пуд; 3-й полиелейный, весом 284 пуда, а лил вышеписанный мастер Евдокимов, и множество других малых колоколов, а прочее все описано под № 2-м. И пред вечернею служили соборные молебны, и слушали в соборе вечерню, и возвратились в гостиный двор, где и ужинали присланное с трапезы кушанье.

Июня 16-го раннюю обедню слушали на кладбище в церкви Преподобнаго Онуфрия Великаго, а позднюю в соборе, обедали на гостином дворе и, по обеде, взяли благословенные монастырские хлебы и, помолясь у Преподобных в церкви и простясь с казначеем, ибо архимандрита Иеронима в то время еще не было, и находился в Суме, под вечер поехали из монастыря в море между льдами ж к помянутым островам Кузовы, и ехали мимо луды Топы, на оной деревянная часовня и монастырские кельи, от монастыря 15 верст; ко оной не приставали, и до Кузовов от оной луды 15 верст, а как проехав луду, стали выезжать изо льдов, то лед весьма был стеснившись, так что принуждены были, вышед на лед, стягами и шестами очищать проезд, и едва из онаго выбрались, и ехали к Суме тем же трактом, коим и в Соловки ехали, а Кузова остались вправо, верстах в осьми».

Доскональное описание соловецкого быта таит в себе любопытную информацию, в частности, о том, что в монастырской звоннице хранились колокол, подаренный обители Борисом Годуновым, а также уникальные «два маленьких глиняных колокольчика, которые употребляемы были при жизни преподобных Зосимы и Савватия».

В 1791 году Соловецкий монастырь посетил секунд-майор, однокашник по Пажескому корпусу и Лейпциг-

скому университету А. Н. Радищева Петр Иванович Челищев.

Оставленные им путевые заметки — «Путешествие по Северу России в 1791 году Белым морем от приморской деревни Сорокиной до Соловецкого монастыря» — по стилю чем-то напоминают радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву».

Читаем такие строки:

«Того же 22 числа июня в воскресенье после обеда одного ж крестьянина Петра Лукьянова нанял, чтобы он довел меня с людьми и экипажем в большой своей лодке до города Кеми, 50 верст за два рубли пятьдесят копеек, а если доставит в Соловецкий монастырь, до которого от деревни Сорокиной 90, а от города Кеми 60 верст, то за пять рублей; и сделавши на той лодке простую, на скорую руку для защиты от дождя и морского холодного ветра каюту и склавши в нее экипаж, не могли в двое суток дожидаться благополучного попутного ветра, а при небольшом противном ветре дождавшей идущей обратно в море нам попутной прибылой воды, в восемь часов по полудни поехали с четырьмя гребцами греблю...»

Подъезжая к Соловецкому монастырю и острову, проезжали мимо небольших островов Бабья, Воротня, Песья Корги, три Сенные да две Парусинные лудицы; из них на Бабьей Корге, когда князь Мещерин покорял живших в Соловецком монастыре монахов и бельцов, тогда их на ней наказывал и многих казнил смертью, кои там и погребены; а против Воротней Корги, во означение для приезда к монастырю фарватера двумя поставленными в воду большими крестами, между которыми ездят, сделаны ворота. Проехавши от Немецких островов или Кузовов 30, от города Кеми 60, а всего от деревни Сорокиной морем 134 версты, того ж 25 числа июня в среду в восемь часов по полудни, приехав к Соловецкому монастырю, стали квартирою во отведенных за монастырской стеною в деревянных гостиных кельях».

Воображение тут же рисует картину, вполне узнаваемую по известным описаниям Александра Николаевича Радищева из его «Путешествия...» и при этом самым удивительным образом совпадающую с приключениями Петра Ивановича Челищева: «Не успел я войти в поч-

товую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика и чрез несколько минут вошел в избу приятель мой Ч. (Петр Иванович Челищев. — М. Г.). Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел оттуда выехать так скоро. Особливое происшествие побудило человека нраву крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал: Версты с четыре плыли мы благополучно. Шум весел единосличностию своею возбудил во мне дремоту, и томное зрение едва ли воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел. Внезапу острый свист возникающего вдали ветра разгнал мой сон, и отягченным взорам моим представлялися сгущенные облака, коих черная тяжесть, казалось, стремилась к нам на главу и падением устрасала... Но ветер усиливался постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты непрозрачных облаков совсем померкло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимал у гребущих силу шестивенного движения. Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу»

Описание Соловков у Челищева, с одной стороны, исполнено пунктуальной педантичности и в этом схоже с заметками Якова Мордвинова. Но с другой стороны, мы встречаем в тексте оригинальные описания и самобытные сравнения. В частности, на себя обратили внимание такие строки Петра Ивановича: «Во оный монастырь каждый год в марте месяце большие чайки прилетают, и живут внутри и около монастыря до августа месяца, и выводят в монастыре и около на крышах и возле дорог своих детей, и во все оное с марта до августа месяца время так смелы и не боязливы, что их можно ловить руками. А в августе месяце прилетают вороны и, выгнав из монастыря чаек, живут всю зиму до марта месяца, а в марте опять прилетают чайки и выгоняют воронов».

В течение восемнадцатидневного пребывания на острове (с 25 июня по 13 июля) Челищев посетил все соловецкие достопамятности и весьма подробно описал их. Особенно интересны заметки путешественника, касающиеся удаленных и уединенных островных

тоней и скитов, которые посещают далеко не все богомольцы (как, впрочем, и сейчас).

«Отъехавши от монастыря Соловецким островом пятнадцать верст, остановились в сделанной возле моря на берегу того же острова монастырской пристани, называемой Ребалды, — читаем в «Путешествии по Северу России». — В ней живут монастырские промышленники, которые ловят морских разных зверей, рыбу и перетапливают морских зверей сало. Строения в одной пристани деревянного — для приезда архимандрита кельи и часовня; салотопня; для жительства промышленников и работников, — во одной связи, две черных избы, и для прибора звериных и рыболовных снастей и кож три амбара... Едучи же (в простой монастырской лодке) салмою или плесом, видны были вдали в правой стороне два Муксалмских острова (на которых прежде был довольно для монастыря достаточный коровий двор); они расстоянием один от другого не более полуверсты, оба во окружности до тридцати верст, а в левой, вблизи два небольших низких и ровных острова, Замошня и Золотуха; они по тамошнему обыкновению, по низкости и ровности называются коргами; на них промышленники бьют морских зверей: белух, нерп и зайцев».

Кроме Анзерских скитов в ту поездку Челищев посетил Филиппову и Савватиеву пустыни, а также Исаково, Сосновку и Секирную гору

На материк Петр Иванович вернулся через Онегу, оставив о городе следующие характерные воспоминания: «Купечество и мещанство сего города главный торг и собственный свой промысел имеют морскими рыбами... Самый онога города богатый первой гильдии купец Иван Михайлович Дьяков каждый год собственных своих для звериного и рыбного промысла на Мурманский берег и прочие помянутые места и к Шпицбергену отправляет от четырех больших лодий и кочмаров. Один год отведал он ловить китов присланными ему от графа Александра Романовича Воронцова голландскими инструментами, которыми он по голландской методе онога и поймал; но поелику изготовление снаряду поручил он простым своим работникам, которые из простого корыстолюбия испортили всю ловлю, ибо вместо хорошей пеньки положили пакалья, отчего сна-

ряд не стал держать, то они порастеряли инструменты, упустили зверя и потеряли к ловле китов охоту».

Вполне естественно, что подобного рода путевые заметки, а также живые воспоминания и рассказы очевидцев о Соловецком монастыре сыграли значительную роль в привлечении на остров паломников.

Причем были это люди разных возрастов, представители разных сословий и разного уровня образования: крестьяне и столичное дворянство, духовенство и рабочий люд, военные и городские сумасшедшие, калеки и беглые арестанты.

Церковь понимает паломничество по святым местам как один из видов проявления благочестия, вызванного желанием увидеть великие святыни, помолиться в местах, особо значимых для христианина, воздать таким образом Господу, Божией Матери, святым угодникам Божиим видимое поклонение. С древности паломники отправлялись в странствие, чтобы увидеть места, связанные с земной жизнью Спасителя, помолиться у Гроба Господня. Позже к местам массового богомолья прибавились известные монастыри, лавры, места погребения подвижников, а также чудотворные иконы.

Изначально паломничество воспринималось как своего рода духовный и аскетический подвиг, не являющийся обычным путешествием, но видом послушания, налагаемого на богомольца его духовником. В паломничестве обычному мирянину предоставлялась возможность, отринув мир, следовать за Христом в прямом смысле этого слова — пешком, преодолевая трудности, невзгоды, многие километры, отлагая всякое попечение о себе, совершенно при этом полагаясь на волю Божию и на помощь «добрых самаритян», которые могут встретиться (а могут и не встретиться) на его долгом пути к святыне.

Кроме паломничества во Святую землю (что позволить себе могли немногие) русский богомалец считал своим долгом посетить Киево-Печерскую лавру, Троице-Сергиев монастырь, древние соборы Московского Кремля, а также Валаамскую и Соловецкую обители.

Анализируя паломнический поток на остров, известный исследователь Соловков писатель А. А. Сошина выделила две основные категории богомольцев, приехавших в Спасо-Преображенский монастырь: «трудни-

ки», «обетники» или «годовики», которые подвизались в обители длительное время (год и более), и паломники, приезжавшие в монастырь на несколько дней в летний период.

В своей статье «Соловецкое богомолье» (Соловецкий вестник, 1993) А. А. Сошина пишет:

«Первые богомольцы-трудники появились в монастыре едва ли не с его основания. Это были жители беломорских селений, зачастую входивших во владения монастыря.

В XIX в. число «обетников» достигало 5—6 сотен, а иногда достигая 1000 человек. Богомольцы-трудники работали в монастыре бесплатно, получая за труд только питание, одежду и койку в общежитии».

Из воспоминаний историка Архангельских земель А. И. Фомина от 1789 года: «Безденежные трудники, коих бывает в год от 20 до 50 человек, по вступлении их в монастырскую службу получают всю полную одежду монастырскую, отдав свое платье в сохранение чиновнику, дабы при выходе, окончив обет, опять его получить. Больше они уже не имеют попечения, как одеться в сие платье по годности, переменять изодравшееся, изветшалое и замаренное: им нет нужды ни в игле с нитками, ни в шиле с вервами. Всегда магазины отворены для перемены, и никогда нет в том затруднения. С топорами и другими орудиями то же делается, а испорченные особенные люди поправляют. И так всякий трудник ни о чем не заботится. Назначенное ему без отягощения дело составляет прогулку от праздности; жилище дают ему пространное и топленое; к столу садится, набранному яствами, с нарезанным обилием хлеба; постелю имеет покойную; одной недостает роскоши, коя в здешних мало щекочет, кроме опийства, но в прочем какое отдохновение от всех попечений и какое блаженство для склонных к флегматической жизни».

Морской врач, основоположник отечественной военной стоматологии Петр Федорович Федоров, посетивший Соловки в 1889 году, на жизнь монастырских трудников взглянул несколько иначе: «Стол, на стене образ, на койках разбросанное платье, под койками грязное белье, а ночью на печке потные портянки и мокрая одежда — вот и вся обстановка училищного и конного корпусов, обстановка грязная, бедная, непри-

глядная, запущенно-казарменная. В любой крестьянской бедной избушке больше уютности, чистоты, порядка, чем здесь. Посещая эти комнаты, я всегда выносил такое впечатление, как будто я входил в какой-нибудь ночлежный приют столичного отребья и бедноты. Зимой комнаты эти освещаются керосиновыми ночниками без стекол, отчего воздух переполняется массой копоти и вредных газов. Проспавший ночь в такой комнате встает с головной болью, а выделения рта и носа принимают черный, сажеобразный цвет».

Особую группу соловецких трудников составляли мальчишки-подростки, или, как их называли на острове, «безбрадные трудники».

Изначально юные паломники жили в монастыре только летом, но в 1860 году по благословению архимандрита Порфирия (Карабиневича) (1813—1865) на острове было учреждено двухклассное училище. С этого момента пребывание «безбрадных» в монастыре увеличилось до двух лет. Мальчишки не только работали (в летние месяцы), но и учились — осваивали какое-либо ремесло, обучались грамоте, а также постигали богослужение и церковное пение.

Как правило, отправка ребенка мужского пола на Соловки совершалась родителями «по обещанию» или «по обету».

«В русской традиции, особенно в народной культуре Русского Севера, “обещаться”, давать “оветы” (“обеты”) — составляет неотъемлемую часть духовной жизни, — пишет Н. М. Ведерникова. — “Обет” — это то, что должно быть неукоснительно соблюдено. Понятие “обета” (завета) включает в себя принесение своего рода жертвы в знак благодарности за ожидаемое или дарованное Богом исцеление, спасение (на войне, от бури, пожара, наводнения, засухи и пр.). В литературе и устных рассказах одним из наиболее непреложных обетов было обещать ребенка, т. е. послать в монастырь на послушание.

Помолиться “по обещанию” являлось серьезным доводом для совершения паломничества. Брат “обещание” становилось добровольным наложением на себя определенных обязательств: этических или физических запретов или же приношение даров Богу как вещественных (узорного полотенца, платка, одежды, денег и

др.), так и связанных с понятием “потрудиться” во славу Божию. Паломничество на Соловки — это главным образом паломничество по обету. Преодоление моря, сопряженное с опасностями, тоже заставляло помнить о святых покровителях этих мест — Зосиме и Савватии. “Преподобные Зосима и Савватии, несите нас на святые острова”, — с такой молитвой обращались кормщики, выходя в море. В Поморье повсеместно бытует поговорка: “Кто на море не бывал, тот Богу не молился”. Немало существует устных рассказов, как молитва утишает бурю. Таким образом, море также представляло как испытание на пути к святости и принесения “обета”.

Вообще следует заметить, что «обетное» мироощущение было (и остается) своего рода реализацией мистического сотрудничества человеческого и Божественного, того, что преподобный Максим Исповедник называет «синергийностью», соучастием, посильным опытом стяжания Божественной благодати.

Достаточно вспомнить о весьма распространенной практике установки обетных крестов с последующим воплощением обета, обещания в жизнь. Подробно изложенная выше история Кийского креста патриарха Никона на острове Кий во спасение от морской бури становится еще одним подтверждением того, что обет является важным связующим морально-этическим элементом, когда верность данному слову сохраняется сквозь годы и дает возможность ощутить неспешное и величественное течение времени, совершенно увериться в правильности поставленной перед собой цели, в ее Богоугодности.

Путешествуя в 1907 году по Русскому Северу, фотограф и писатель М. М. Пришвин (впоследствии его путь — творческий, разумеется, — повторяют Б. Шергин и Ю. Казаков) выделил две группы богомольцев, совершавших паломничество в Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь: «обетники» и «по усердию».

Именно «по усердию» на острове оказался Иван Яковлевич Корейша, о котором мы упоминали в начале этой главы. Усердие в данном случае следует понимать как стремление посетить святое место, о котором много слышал, поклониться чудотворным иконам, святым мощам, ощутить и напитаться той неповторимой атмосферой, которую вобрали в себя тот или иной храм,

монастырь, местность. Причем уже сам факт посещения (неблизкий путь, проделанный пешком или на перекладных) становится частью молитвенного трудничества.

Непременным условием всякого богомолья становится обязательное посещение храмов и монастырей, которые встречаются на пути паломника. В данном случае речь идет о храмах Архангельска, Кеми, Онеги.

Интересные воспоминания о соловецких паломниках оставил писатель С. Д. Протопопов, посетивший монастырь в 1903 году:

«Большинство паломников принадлежат к людям очень невзыскательным, имеющим о комфорте и чистоте самое провинциально-русское понятие. Братия Соловецкая, состоящая по преимуществу из крестьян, тоже к удобствам жизни предъявляет минимальные требования... Часов в пять утра по коридорам монастырской гостиницы идет будильщик и неистово звонит. Это сигнал к заутрени. Богомольцы встают и со всех сторон длинными вереницами тянутся к монастырю, внутри стен которого паломникам ночевать не полагается. Большинство богомольцев отстаивают заутреню, раннюю обедню, затем и позднюю. Многие говеют. В полдень все идут в трапезную обедать. Главный паломник — простонародие. Многие из них часть пути делают пешком, безропотно претерпевают все неудобства путешествий в III и IV классах и по “артельным билетам”. В Архангельске они не стесняются зачастую просить милостыню на путь, просить администрацию о даровых билетах... К простонародным паломникам... следует причислить и монахов с монахинями разных других монастырей, а также и чужих послушников, стекающихся в Соловецкий в значительном числе... Эти монахи, монахини, послушники и послушницы, по большей части крестьяне и крестьянки по происхождению, не только крайне невзыскательны, но еще и принципиально считают за грех на что-либо роптать во время паломничества. Привычка к бедной и грязной обстановке, к лишениям, к отсутствию элементарнейших удобств усугубляется идеей аскетизма, глубокими корнями засевшей в русском православном монастырском подвиге. По прибытии в Соловецкий эти люди, не смотря ни на какую погоду, часто пронзительно-холод-

ную, сырую, туманную и ветреную, немедленно спешат искупаться в расстилающемся близ монастыря “Святом” озере».

Для той надобности на берегу озера были устроены купальни — мужская, женская и детская. Здесь же искупавшимся выдавали специальные ярлычки для прохода на территорию монастыря.

В начале XX века на острове появилась еще одна группа посетителей — туристы.

Читаем в книге К. Труша «Соловки в августе 1905 года»:

«Соловецкий монастырь посещается главным образом богомольцами, которых в год перебывает до 24 000 за навигационное время. Помещение и пища предоставляются от монастыря, пароходный тариф невысок, да, кроме того, практикуется и бесплатный провоз совсем безденежных пассажиров; репутация монастыря давнишняя и прочно установившаяся; отношение монахов к посетителям доброжелательное. Все это из году в год поддерживает приливную волну богомольного люда на обычной высоте, а приношения, которые в том или другом размере, но каждый посетитель обязательно сделает, являются для монастыря солидной доходной статьей. Затем посещают монастырь экскурсанты — воспитанники гимназий, семинарий и других учебных заведений, преимущественно северяне. Собственно, турист, т. е. человек, который ничем не занят и всем интересуется, здесь редок. Его доставят, правда, с некоторым комфортом на мурманском пароходе, но на островах он попадет в общую массу “трудовиков” и не получит от монастыря никаких особых удобств. Мы говорим, конечно, о рядовом туристе; в единичных случаях есть и исключения.

В июне 1903 г. приезжал в Соловецкий монастырь французский посланник Бомпар. Стояла чудная погода, море было покойно. Бомпар останавливался в покоях настоятеля, имел у него стол из лучших даров Белого моря, его возили по островам в экипаже архимандрита и всё показывали. Перед отъездом Бомпар высказал, что нигде во время своих путешествий он не чувствовал себя так хорошо, как на Соловках, и подарил архимандриту свой портрет с подписью...

В партии 8—9 августа был один турист, который прошел пешком по Кольскому берегу и потом на мур-

манском пароходе приехал на Соловки. Серые дни, монахи да богомольцы, травы да квас за трапезой, а главное чайки, эти неугомонные, бессонные, прожорливые чайки произвели на него впечатление даже более гнетущее, чем качка обратного пути. Он искренно радовался, когда от этих неприятностей мог отдохнуть в вагоне, и говорил, что за все свои путешествия он не видел более скучного и утомительного места, чем Соловецкие острова».

Может быть, тогда впервые на остров стали приезжать люди, лишь отчасти связывающие свой визит на архипелаг с духовно-религиозными мотивами. Их более влекла экзотическая природа Соловков, а также возможность погрузиться в живую атмосферу русского Средневековья, но при этом отдавая себе отчет в том, что на дворе XX век — время электричества, аэропланов, паровозов и синематографа.

Так в начале века архипелаг стал местом паломничества людей искусства.

С 1901 по 1917 год тут побывали художник В. М. Нестеров, писатель Е. И. Замятин, поэт С. А. Есенин, фотограф С. М. Прокудин-Горский.

В июле 1913 года древнюю обитель изволила посетить великая княгиня Елизавета Феодоровна.

Об этом посещении Высочайшей особой Соловецкого монастыря следует рассказать особо.

На остров Елизавета Феодоровна прибыла утром 26 июля 1913 года на пароходе «Вера» в сопровождении князя Феликса Феликсовича Юсупова (младшего), казначея Марфо-Мариинской обители В. С. Гордеева, егермейстера Высочайшего двора А. А. Зурова, епископа Нафанаила, архимандрита Трифонова Печенгского монастыря Иоасафа, а также статского советника Н. Д. Козьмина.

После Божественной литургии было принято решение посетить островные скиты и пустыни.

Из письма Елизаветы Феодоровны Государю Николаю Александровичу:

«После завтрака выглянуло солнце, и мы отправились в чудесный маленький скит св. Филиппа (митрополита Московского), с чистым родником у церковки, с фигурой сидящего Христа, сделанной руками святителя, с его маленькой кельей... Такие великолепные виды

открываются со стороны скита, такие восхитительные луга, отвоеванные у болот... Затем мы исповедовались и стояли вечернюю службу. Одной из особенностей Соловков являются чайки (по-немецки *moven*; не помню, как это по-английски; я пишу на английском; может, другим ты позволишь заглянуть в письмо и правильно перевести), которые кричат сутками напролет и в самом монастыре, и за его стенами. Они напоминают ручных цыплят. Милые птицы, сейчас у них уже выводок, коричневатого цвета, который учится летать. Улетают они в сентябре, а возвращаются в марте. В Соловецке и Архангельске никогда не бывает диких холодов, поскольку море в какой-то мере согревает их».

По воспоминаниям современников и свидетелей, визит великой княгини в Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь был приурочен к открытию на острове судоходной канальной системы, которая была разработана еще при святителе Филиппе (Колычёве), но лишь в начале XX века трудами архимандрита Иоанникия (Юсова) расширена, оснащена по последнему слову техники того времени и введена в эксплуатацию. Также при преосвященном на острове были построены электростанция, телеграф и открыта монастырская радиостанция, которой был присвоен свой позывной сигнал — «RSL».

Итак, «Ее высочество после совершения молебного чина изволила перерезать ленточку, тем самым обозначая открытие канала, названного по сему случаю Елисаветинским» («Архангельские епархиальные ведомости»). Архимандрит Иоанникий, присутствовавший на мероприятии, имел с великой княгиней душеполезный разговор и, по словам Феликса Юсупова, объяснил Елизавете Феодоровне, почему Соловецкий монастырь называется ставропигиальным (*ставропигия* — статус, который присваивается монастырям или лаврам и обозначает их подчинение непосредственно патриарху или Святейшему синоду).

Из письма Великой княгини Елизаветы Феодоровны Государю: «Мы совершили чудесную поездку в скит Секирная гора... вид прелестный, напоминает Байдарские ворота (сооружение близ Фороса в Крыму, 1848 года постройки. — М. Г.), только здесь уйма леса, гладь озер, настоящее дивное море. Трудно сказать, что из них пре-

краснее! В церкви есть две часовни, одна над другой, есть и маяк, который светит на 60 верст. Я поднималась на самый его верх. Затем мы отправились на вечернюю службу в скит св. преп. Савватия (он первым прибыл на остров). Преп. Зосима прибыл туда позже и основал монастырь. Святитель Филипп начал его обустройство. Эти трое и множество других принесли на этот дивный остров Божие благословение. Их миссионерские труды суть бесконечное добро, которое они оставили в наследство годовикам, постигающим глубины веры, ученикам, жаждущим благочестивой жизни».

Сопровождавший Елизавету Феодоровну в этой поездке князь Феликс Юсупов тоже оставил весьма любопытные заметки о Соловках, которые, впрочем, отличала столь свойственная автору язвительная надменность:

«Монастырь особенно примечателен был зубчатыми стенами из серого и красного круглого камня. Там и сям над стенами — башни. Места вокруг сказочные. Бесчисленные озера с ясной водой сообщаются меж собой канальцами, и остров сам похож на архипелаг — множество поросших ельником островков... Кельи, отведенные нам, были чисты и уютны. На белых стенах висели иконы и теплились лампадки. Зато пища оказалась негодной... Великая Княгиня ходила на все службы. Поначалу с ней ходил и я, два дня спустя был сыт по горло и просил уволить меня от сей обязанности, сказав, что монахом не стану наверняка. Об одной из служб сохранились у меня особенно мрачные воспоминания. Пришли на нее четверо черноризцев-отшельников. Клобуки они скинули, виднелись изможденные лица. Босые ноги и голые черепа были словно черной их ризе белая оторочка. Одного из них мы посетили в лесу, в землянке, где жил он. В узкий проход в земле в нее ходили, верней вползали, на четвереньках. В такой вот позе и в монашеской рясе Великую Княгиню я сфотографировал, и после она много смеялась, глядя на карточку. Отшельник наш лежал на полу. Всего убранства в его кельи была икона Иисуса с лампадкой. Он благословил нас, не сказав ни слова».

Уже на обратном пути, в Архангельске, Феликс Феликсович, желая развеять тоску, приобрел для Елизаветы Феодоровны огромного белого медведя. Вот как он

сам описал этот свой более чем спонтанный поступок, мало сочетающийся с паломничеством:

«Затем я отыскал Великую Княгиню. Она уже сидела в своем вагоне-салоне за чаем вместе с церковными сановниками, пришедшими проводить ее. Вдруг снаружи донесся до нас свирепый рык. На перроне стали собираться зеваки. Попы тревожно переглядывались. Великая Княгиня была спокойна, однако, узнав, в чем дело, смеялась до слез. “Ты, сумасшедший, — сказала она мне по-английски. — Что подумают священнослужители?” Уж не знаю, что они подумали... Поезд тронулся под крики толпы. Кого приветствовала она (толпа) — Великую Княгиню, медведя ли, мы так и не поняли...»

Появление на острове новых людей и новых веяний удивительным образом совместило на Соловках на первый взгляд несовместимое — аскетические традиции святых соловецких подвижников и европейский стиль туристов-путешественников; простонародные некрасовские типы здесь на Белом море лицом к лицу столкнулись со столичными интеллектуалами, художниками, фотографами (как уже было замечено, Феликс Юсупов тоже делал на острове фотографические карточки). Монахи и монашки из отдаленных обителей с ужасом и удивлением наблюдали за совершенно немыслимыми техническими чудесами XX века — телефоном, телеграфом, радиостанцией, электрическими устройствами.

Вполне закономерно, что именно в это время на остров пришли и новые идеи. Русско-японская война 1904—1905 годов, первая русская революция 1905 года, близость большой войны потрясли многие умы на материке. В 10-х годах XX века это потрясение, или «брожение умов» — так было принято говорить тогда, доказалось и до Соловецкого архипелага.

О монастырской смуте 1913 года на Соловках мало говорят, что, впрочем, и понятно: через несколько лет обитель закроют и превратят в Соловецкий Лагерь Особого Назначения, и о недавних драматических событиях на острове уже никто не вспомнит.

Дело в том, что после Русско-японской войны в православные монастыри (мужские), и в Соловецкий Спасо-Преображенский в том числе, поступило большое количество солдат и матросов, участников трагических событий при Порт-Артуре, Мукдене и Цусиме. Отчасти

это было политическое решение — изолировать социально опасный элемент от общества, и без того находящегося во взрывоопасном состоянии.

Интересно заметить, что именно военный министр А. Н. Куропаткин (которого принято обвинять в поражении России в войне с Японией), посетивший Соловки в 1902 году, принял решение об упразднении тюрьмы в Спасо-Преображенском монастыре.

Однако спустя два года на остров начнут прибывать люди, уверенные в том, что Соловки не только место молитвы, но и место их заточения, и в этом смысле здесь ничего не изменилось.

Инвалиды, ветераны с надломленной психикой, страдавшие от многих пороков армейской жизни, не вполне психически здоровые, принимали постриг по обету, что остались живыми, целыми отрядами, а также по специальному указу Святейшего синода быстро рукополагались во священство на особых условиях.

История повторялась. Как и во времена грозного царя Иоанна Васильевича, а затем при Алексее Михайловиче Тишайшем монастырь наводнился людьми, имевшими об иноческой жизни весьма отдаленное представление или вообще его не имевшими. Видя это, архимандрит Иоанникий (Юсов) (1849—1921) был вынужден ужесточить дисциплину в монастыре, что у части братии вызвало негодование. Впрочем, понять этих несчастных, полубезумных и по большей части не вполне здоровых людей было можно: ведь они были уверены, что после того, как они героически пролили кровь за Россию на Дальнем Востоке, теперь никто не может указывать им, что делать и как жить. Ни царь, ни архимандрит. Методы же борьбы с неудобным «буржуазным» владыкой были избраны обычные — прямое неповиновение и доносы в Петербург в Святейший синод.

Иоанникия обвиняли в растратах, мздоимстве, безрассудстве, жестокости к монахам и даже в убийстве. Начатые по этим фактам проверки затянулись вплоть до Февральской революции 1917 года, и все это время Соловецкая смута продолжалась, расшатывая моральные и нравственные устои в древней обители, что, увы, не могло не «выстрелить» в 1923 году, когда на острове был учрежден СЛОН, а бывшие монахи — «борцы за

справедливость», заняли должности надзирателей при новом соловецком начальстве.

4 августа 1917 года Святейший синод постановил уволить архимандрита Иоанникия на покой.

Занявший место соловецкого настоятеля архимандрит Вениамин (Кононов), соловецкий воспитанник, до того настоятель Антониева Сийского монастыря, обращаясь к братии, сказал: «Все ли мы хороши сами? Отца Иоанникия не считали ли первым человеком — и его же загрязняли, и заплевали, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что скоро придет, и скоро, время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным, и против меня также начнут вести козни и смуты».

Эти слова архимандрита Вениамина оказались пророческими.

Он был убит 17 апреля 1928 года в лесной келии близ реки Лодьмы в районе Волкозера, что в Архангельской области, куда его выслали после закрытия Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря.

СЛОН

Глава первая

По плану

Кемь. — Попов остров. — 1918 год. — Обращение к епископу Кентерберийскому. — Кемьперпункт. — Созерко Мальсагов. — Комплекс зданий УСЛОН. — Успенский собор. — Рабочеостровск. — Этапирование в Кемь. — Дмитрий Лихачев. — Глеб Божий. — Горький на Соловках. — Юлия Данзас. — Сатаниада

Свою историю населенный пункт, расположенный в устье реки Кемь на западном берегу Онежской губы Белого моря, ведет с XV века, когда здесь была волость Марфы Борецкой, жены новгородского посадника Исаака Борецкого.

В 1450 году Марфа Семеновна (по-другому Ивановна) подарила Кемь Соловецкому Спасо-Преображенскому монастырю, и с этого момента город оказался связан с островной обителью преподобных Савватия, Зосимы и Германа.

В XVI веке Кемь подвергалась частым набегам (весьма разорительным и варварским) со стороны «каянских немцев» (финнов) и шведов. С 1657 года она стала именоваться Кемским острогом; острог, впрочем, не достоял до середины XVIII века, когда город вошел в состав Онежского уезда.

В своей книге «Год на Севере», о которой мы уже не раз упоминали на этих страницах, путешественник, этнограф, писатель Сергей Васильевич Максимов так описывал Кемь середины — второй половины XIX века:

«Кемь, по всей справедливости, почитается центром промышленной деятельности всего Поморского края. Капиталисты этого города строят лучше и в большем, против других, количестве морские суда, отправляя их

и на дальние промыслы за треской на Мурманский берег, и за морским зверем на Новую Землю и Колгуев, они же первыми ездили и на дальний Шпицберген; они же ведут деятельную, с годами усиливающуюся торговлю с Норвегией...

Построенный исключительно для защиты от набегов “немецких людей”, Кемский острог, однако, не успел исполнить своего назначения: немцы не приходили. Городок спокойно догнивал свой век до указа Екатерины II, когда Кемь отведена была от монастыря. Боевые снаряды остались, однако, за ним. До того времени в Кемии, на особом подворье, до сих пор еще сохранившем всю оригинальность своей архитектуры, жили соловецкие старцы, собирая на монастырь волостные доходы с рыбных ловищ и кречатых садбищ...

В 1749 и 1763 гг. бывшими великими вешними наводнениями в проходе Кемии-реки вешнего льда у городка, с летней и с западной стороны, стены льдом и водою сломало и унесло в море, также и обывательских домов и анбаров, по низким местам состоящим, много сломало и унесло...

В порожистой, быстрой и местами чрезвычайно мелкой реке Кемии попадаются жемчужные раковины, хотя лов их и не составляет исключительного занятия всех жителей, но даже и одного какого-нибудь семейства...

Кемляне, как и все остальные поморы, не дают этой отрасли промыслов особенной доли участия и внимания, кладя всю жизнь, находя всю цель существования исключительно в рыбных и звериных промыслах, в судостроении и торговле».

В 1802 году Кемь была переведена из Олонецкой губернии в состав Архангелогородской, что во многом способствовало ее бурному экономическому развитию. Так, к 1856 году в уездном городе числилось три церкви, 267 домов, шесть торговых лавок, а в 1888 году в 12 километрах от Кемии, на Поповом острове, был возведен один из крупнейших на Беломорье лесопильных заводов.

Относительно спокойное течение местной истории было нарушено в марте 1918 года, когда в Кемии установили советскую власть. А уже в июле того же года город был оккупирован войсками Антанты.

Объединенный отряд финнов, сербов и англичан численностью около 2,5 тысячи человек разоружил железнодорожную охрану. Сопротивление 150 красноармейцев было довольно быстро сломлено, а руководители Кемского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов А. А. Каменев, Р. С. Вицуп и П. Н. Малышев расстреляны.

Сумевшие бежать из Кеми активисты уездсовета И. Д. Спиридонов, В. П. Солунин и Л. Н. Алексеевский сформировали несколько партизанских отрядов. Однако слабая армейская выучка и устаревшее вооружение не позволяли противостоять превосходящим силам интервентов. Отступая вглубь материка, партизаны взрывали железнодорожные мосты, выводили из строя подвижной состав, вывозили или сжигали продовольствие.

Следует признать, что местное население в подавляющем большинстве заняло сторону войск Антанты. Столкновения (вооруженные в том числе) между поморами и красными партизанами (красноармейцами) вспыхивали по всему побережью Онежской губы.

Сохранилось интересное описание обстановки на побережье (Онега, Кий-остров, Ворзогоры, Подпорожье, Сорока, Сумской посад, Кемь) как раз накануне высадки союзного десанта. Выписка из дневника чиновника Онежского казначейства:

«Настроение жителей летом 1918 года было весьма подавленное, чувствовался большой недостаток в хлебе и в съестных припасах. Большевиками производились обыски, отбирался хлеб, кое у кого из буржуазии отобрали серебро... Буржуев заставляли платить большие контрибуции... Некоторым из купцов пришлось порядком посидеть в заключении, а один из них, некто Василий Толубенский, поплатился даже жизнью. У Толубенского была приличная торговля хлебом... Толубенский, еще молодой человек 23 лет, не более, полгода только этим и жил с молодой женой. Перед самой смертью Толубенский прекратил уже, вследствие притеснений, торговлю. Все было ликвидировано, и он хотел уехать к себе на родину, кажется, в Вологодскую губернию, а вместо того получилось отправиться к праотцам. Убит он был среди бела дня в собственной лавке выстрелом из револьвера. Убил его один из членов Исполкома —

Оксов. Говорят, Оксов требовал от Толубенского взятку, а последний не давал.

По деревням пролетариат тоже щупал кулаков, некоторых обирали до нитки. Грозили отбирать коров у всех, у кого имелось больше одной. В Крестном монастыре обчистили монахов, а также и церковные ценности. Само собой, не обошлось и без некоторых некрасивых выходов. Та же участь (в большем размере) постигла и находящийся вверх по Онеге Кожеозерской монастырь. Молодецким налетом шайка большевиков очистила монастырь на славу. Часть монахов была перебита, остальные разбежались. Все эти странные дела и вести, часто и лживые, ужасно нервировали население... Дело дошло до того, что боялись сидеть вечером с огнем, чтобы не привлечь каких-нибудь подозрений».

Понятно, что появление интервентов, прогнавших большевиков, здесь встретили с радостью.

В августе 1919 года Учрежденный собор Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря обратился к епископу Кентерберийскому с просьбой не выводить английские войска с Русского Севера и защитить обитель от большевиков, уже разоривших многие древние материковые монастыри.

Известно, что к этому времени Соловецкий монастырь имел шесть скитов, три пустыни, 19 храмов, 30 часовен, богатейшую ризницу-музей, типографию, училище-семинарию, ремесленные классы-мастерские, гидроэлектростанцию, радиостанцию, ботанический сад, молочную ферму, ремонтные мастерские, флотилию пассажирских и грузовых морских судов, сухой док, сеть паломнических гостиниц. Всё это огромное хозяйство оказалось под угрозой уничтожения и разграбления.

Впрочем, ответ из Англии так и не пришел...

Зато пришли вести из Кеми — 3 февраля 1920 года город был занят частями РККА.

Прокатилась первая волна арестов и расстрелов тех, кто сотрудничал с интервентами. В этом же году Кемь получила статус уездного города Карельской трудовой коммуны.

Восстановление советской власти в Кеми происходило в карательно-репрессивном формате. Местное население с нежеланием сдавало оружие, всячески

уклонялось от новых повинностей, что во многом объяснило концентрацию значительных сил НКВД в регионе.

В 1923 году в Кемпи, вернее сказать, на Поповом острове, был создан Кемский пересыльно-распределительный пункт (Кемьперпункт) ОГПУ СССР в системе Соловецких Лагерьей Особого Назначения.

Под нужды лагпункта были приспособлены деревянные бараки, возведенные на Поповом острове (с 1923 года остров Революции) при Кемском лесозаводе еще до интервенции, а затем и англичанами в 1918—1919 годах. Впоследствии здесь были построены так называемые «холодные бараки» для штрафников (не бревенчатые, а дощатые с засыпкой из опилок между досками), а во второй половине 20-х годов в Кемьперпункт провели железнодорожную ветку для переброски этапов сразу к месту дислокации и отправки на Соловки (до этого этапы прибывали в лагерь пешком с железнодорожной станции Кемь).

Бывший соловецкий заключенный Созерко Артаганович Мальсагов (1895—1976) так описал Кемьперпункт в 1924 году:

«Большая часть лагерных барачков сооружена британцами, действовавшими совместно с русской Северной армией под предводительством генерала Миллера... До 1925 года в лагере не имелось ни уборной, ни больницы, ни электростанции, ни мастерских; не было дорог — ни деревянных, ни грунтовых. Совсем еще недавно случалось, что арестанты тонули в липкой болотной жиже, а бараки заливались потоками жидкой грязи. Деревянные дороги из досок и планок поддерживаются утопленными в болоте сваями. Таких дорог и тропинок всего пять. Самая большая из них идет от главного входа до восточной стороны проволочного забора и называется Невский проспект. Другие дороги проходят от запасных ворот к Невскому проспекту и от него к уборной, к барачку № 1, где живут политические. И от крайнего складского помещения — к больничному барачку..

Комендантская — здание № 2. Это помещение поделено на несколько отсеков, предназначенных для различных отделов управления лагерей — административного, хозяйственного и т. д. Специализированная рота,

расквартированная в бараке № 4, состоит из портных, сапожников, столяров и других специалистов, которые удовлетворяют нужды администрации и красногвардейцев... Высокое лагерное начальство проживает в небольшой рыбацкой деревушке, недалеко от проволочного забора. Во время дежурства старшее должностное лицо квартирует в лагере».

И еще одно описание Кемьперпункта на острове Революции, оставленное бывшим соловецким заключенным Валентином Казимировичем Вороновичем: «Внешний периметр двойной ограды представляет собой глухой высокий забор из досок с путаной колючей проволокой сверху. Внутреннее ограждение — частая решетка из колючей проволоки, приколоченной к высоким деревянным столбам. Полоса между заборами охраняется собаками, цепи которых пристегнуты к проволокам, растянутым между вышками так, чтобы эти звери могли бегать вдоль ограждения туда и обратно, контролируя всё пространство. В темное время суток на вышках включаются прожектора».

Во второй половине 20-х годов Кемь по сути стала ключевым пересыльным пунктом ГУЛАГа на Русском Севере, а также наряду с Медвежьегорском, Каргополом, Беломорском и системой лагерей Кольлаг и Онегалаг заняла одно из ведущих мест в лагерной экономике СССР.

В конце 20-х годов в городе был построен комплекс каменных зданий Управления Соловецких Лагерей Особого Назначения (УСЛОН). Кроме разного рода административных служб тут находились магазин, парикмахерская и ресторан «Прибой». В соседних зданиях располагались гостиница для сотрудников НКВД, баня и КЭС — Кемская электростанция, возведенная специально для обеспечения жизнедеятельности УСЛОНа. На тот момент в Кемии было также каменное здание бывшего казначейства Соловецкого монастыря 1763 года (ныне Кемский краеведческий музей) и Благовещенский собор 1903 года постройки. В остальном город был деревянным.

Расположенный в самой непосредственной близости от Кемского УСЛОНа храм действовал вплоть до 1934 года, после чего был закрыт и превращен в склад.

Особое место среди кемских достопримечательно-

стей занимает деревянный Успенский собор, который каким-то чудом сохранился до наших дней.

Известно, что храм был заложен в 1711 году в честь победы над шведами в Северной войне. Освящение произошло, впрочем, лишь пять лет спустя. На протяжении всей своей истории вплоть до закрытия в конце 20-х годов XX века Успенский собор являлся подворьем Соловецкого монастыря, что, видимо, обусловило его прекрасную сохранность.

То обстоятельство, что Кемьперпункт находился в 12 километрах от города на Поповом острове в Рабоче-островске, безусловно, наложило определенную печать на жизнь Кеми 20—30-х годов.

В городе не было заключенных, но близость лагпункта и пересыльной тюрьмы ощущалась во всем. В первую очередь в том, что подавляющее большинство жителей Кеми так или иначе было задействовано в системе УСЛОН ОГПУ – лагерные хозслужбы, конвой, лагерная ж/д. Также в Кеми проживала вся командная верхушка УСЛОНа, что до определенного момента превратило город в престижное место с соответствующим материальным и продовольственным обеспечением.

Разумеется, кемляне знали о том, что творится на острове Революции, но говорить вслух об этом было не принято, да и опасно.

Из показаний бывшего командира Пятой пересыльной роты Кемьперпункта Майсурадзе А. Н. от 7 мая 1930 года:

«Помещение Пятой роты, где принимались прибывающие этапы, было рассчитано на 220 человек, а приходилось вмещать до 2000—2500... Этапы прибывали ежедневно громадными партиями. Приблизительно в таком количестве происходила и отправка по командировкам. Сбор партий к отправке никогда не был нормальным. По одному списку в ротах нужно было выкликнуть иногда до 2000 человек... часто возникала путаница со списками, появлялись “мертвые души”. А на дворе вьюга или мороз с ветром. В лагере всё и всегда делалось на открытом воздухе, независимо от погоды, так как помещений не было. Пятая рота в период приемов и отправок партий представляла из себя беспрерывно кипевший котел, перемешивающий в себе людей и вшей, больных и здоровых... Заключенные, на

долю которых выпадало недельное пребывание в пересыльной роте, из-за отсутствия места по 5—6 суток проводили без сна, и были случаи, когда они валялись без сознания на несколько часов».

Воспоминания о каторжных работах в Кемьперпункте оставил также бывший соловецкий заключенный Борис Солоневич:

«Изо дня в день не по 8, а по 14, по 16 часов в сутки, голодными и замерзающими мы работали поздней осенью в ледяной воде Белого моря. В ботинках и легких брюках, по колено в воде я часами вытаскивал багром из воды мокрые бревна и, уходя в нетопленный барак, на себе самом сушил мокрую обувь и одежду... И за эту работу мы получали фунт хлеба, тарелку каши утром и миску рыбного супа днем. Мне страшно вспомнить этот период... Я выжил благодаря своему крепкому организму, закаленному спортом, но потерял почти все свое зрение».

Особенно ситуация в лагпункте на Поповом острове осложнялась, когда закрывалась навигация, а этапы продолжали безостановочно прибывать. Места катастрофически не хватало, под размещение заключенных приспособлялись самые немыслимые помещения и площади. Для тех, кому удавалось пережить страшную кемскую зиму, отправка на остров становилась своего рода избавлением, а подобие жизни или даже смерть на Соловках казались не такими чудовищными, как здесь, посреди черных гранитных луд, на этих плоских, заросших кривым редколесьем берегах в самой горловине Белого моря.

Из журнала СЛОН № 4 за 1924 год:

«В Кемском пересыльном лагере в ожидании отправки на “таинственный” остров все мы, конечно, интересовались, что нас ждет там, где предстоит жить годы. Слухов, разумеется, ходило много. Одни уверяли, что на Соловках невероятные строгости: расстрелы, каменные мешки, где волосы заключенных примерзают к стене зимой, выставление голыми “на комаров” летом и тому подобные страсти. Другие, напротив, говорили, что в Соловках вежливое обращение с заключенными, хорошая пища в достаточном количестве, прекрасные теплые помещения, неутомительный труд. Причем все в один голос хвалили нынешнее началь-

ство, награждая его эпитетами “строгое”, но, добавляя, справедливое, относя всякие ужасы к безвозвратному прошлому».

20 июня 1929 года на причале в Рабочеостровске происходило активное движение. Ждали высокое начальство из Москвы, а посему все работы по погрузке и выгрузке производились в авральном порядке. Заключение в нижнем белье (никакой иной казенной одежды, кроме нижнего белья, в лагпункте того времени не выдавалось) бегали подгоняемые истошными воплями надзирателей. Когда же стало ясно, что работа не будет выполнена в срок, а избавиться от полуголых, едва живых заключенных быстро не получится, притом что высокие гости уже въехали на автомобилях на территорию Рабочеостровска и направляются на причал, было принято следующее решение.

Этот эпизод впоследствии описал бывший соловецкий заключенный Дмитрий Сергеевич Лихачев:

«Командовал группой (партией) заключенных уголовник, хитрый и находчивый, и он “догадался”, как скрыть на голом острове голых заключенных. Он командовал: “Стройся”, “Сомкни ряды”, “Плотнее, плотнее” (здесь шли рулады матерной брани), “Еще плотнее! Такие-сякие!!!”, “Садись на корточки”, “Садись, говорю, друг на друга, такие-сякие!!!” Образовалась плотная масса человеческих тел, дрожавших от холода. Затем он велел матросам принести брезент и паруса (на “Боком” (лагерный пароход «Глеб Бокий», бывший монастырский «Святой Савватий». — М. Г.) были еще мачты). Всех накрыли».

Именно в этот момент к причалу подъехали автомобили, из которых вышли член Коллегии ОГПУ СССР Глеб Иванович Бокий (в честь которого и был назван пароход СЛОНа), начальник УСЛОНа Александр Петрович Ногтев, заместитель начальника Арвид Яковлевич Мартинелли, а также пролетарский писатель Алексей Максимович Горький с сыном Максимом и его супругой Надеждой Алексеевной Пешковой, имевшей прозвище «Тимоша».

Оживленно общаясь с руководством лагеря, Горький, разумеется, не обратил внимания на расстеленные рядом с причалом огромные куски брезента, и лишь

когда пароход отвалил от пирса и встал на курс, брезент сбросили и заключенным разрешили встать.

Вернувшись из той поездки, Алексей Максимович опубликовал в «Известиях», а также на страницах журнала «Наши достижения» очерк «Соловки», в котором описал (соответствующим образом) быт заключенных Соловецкого Лагеря Особого Назначения.

Прочитаем некоторые выдержки из этого очерка, чтобы понять, почему посещение Горьким Соловков летом 1929 года до сих пор вызывает споры и рождает обвинения «буревестника пролетарской революции» в конформизме.

Писатель об острове: «Суровый лиризм этого острова, не внушая бесплодной жалости к его населению, вызывает почти мучительно напряженное желание быстрее, упорнее работать для создания новой действительности. Этот кусок земли, отрезанный от материка серым, холодным морем, ошетиненный лесом, засоренный валунами, покрытый заплатами серебряных озер, — несколько тысяч людей приводят в порядок, создавая на нем большое, разнообразное хозяйство. Мне показалось, что многие невольные островитяне желали намекнуть: “Мы и здесь не пропадем!”».

Писатель о тюрьме: «Хороший, ласковый день. Северное солнце благосклонно освещает казармы, дорожки перед ними, посыпанные песком, ряд темно-зеленых елей, клумбы цветов, обложенные дерном». «Старостиха показывает нам комнаты женщин, в комнатах по четыре и по шести кроватей, каждая прибрана “своим”, — свои одеяла, подушки, на стенах — фотографии, открытки, на подоконниках — цветы, впечатления “казенщины” — нет, на тюрьму все это ничем не похоже, но кажется, что в этих комнатах живут пассажирки с потонувшего корабля».

Писатель о культурном досуге заключенных: «Концерт был весьма интересен и разнообразен. Небольшой, но хорошо сыгравшийся “симфонический ансамбль” исполнил увертюру из “Севильского цирюльника”, скрипач играл “Мазурку” Венявского, “Весенние воды” Рахманинова; неплохо был спет “Пролог” из “Паяцев”, пели русские песни, танцевали “ковбойский” и “эксцентрический” танцы, некто отлично декламировал “Гармонь” Жарова под аккомпанемент гармоники и ро-

ля. Совершенно изумительно работала труппа акробатов, — пятеро мужчин и женщина, — делая такие “трюки”, каких не увидишь и в хорошем цирке».

Писатель о социальном составе заключенных: «Партийных людей, — за исключением наказанных коммунистов, — на острове нет, эсеры, меньшевики переведены куда-то. Подавляющее большинство островитян — уголовные, а “политические” — это контрреволюционеры эмоционального типа, “монархисты”, те, кого до революции именовали “черной сотней”. Есть в их среде сторонники террора, “экономические шпионы”, “вредители”, вообще “худая трава”, которую “из поля — вон” выбрасывает справедливая рука истории».

Писатель о лагерном руководстве: «Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется, да и стыдно (!) было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с тем, быть замечательно смелыми творцами культуры».

Писатель о советской системе перевоспитания и профилактике правонарушений: «Совнарком РСФСР постановил уничтожить тюрьмы для уголовных в течение ближайших пяти лет и применять к “правонарушителям” только метод воспитания трудом в условиях возможно широкой свободы... В этом направлении у нас поставлен интереснейший опыт, и он дал уже неоспоримые положительные результаты. “Соловецкий лагерь особого назначения” — не “Мертвый дом” Достоевского, потому что там учат жить, учат грамоте и труду. Это не “Мир отверженных” Якубовича-Мельшина, потому что здесь жизнью трудящихся руководят рабочие люди, а они, не так давно, тоже были “отверженными” в самодержавно-мещанском государстве. Рабочий не может относиться к “правонарушителям” так сурово и беспощадно, как он вынужден отнестись к своим классовым, инстинктивным врагам, которых — он знает — не перевоспитаешь. И враги очень усердно убеждают его в этом. “Правонарушителей”, если они — люди его класса — рабочие, крестьяне, — он перевоспитывает легко... Мне кажется — вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки, и такие трудкоммуны, как Болшево (Болшевская трудовая коммуна ОГПУ № 1

(1924—1937). — М. Г.). Именно этим путем государство быстро достигнет одной из своих целей: уничтожить тюрьмы».

Понятно, что приглашение Горького на Соловки с последующим обязательным воспеванием СЛОНа было частью глобальной сталинской пропаганды, в которую в силу объективных причин и был включен великий пролетарский писатель. Авторитет Горького был столь велик как в СССР, так и за границей, что его слову (лживому в данном случае) верили даже вопреки здравому смыслу, вопреки собственному трагическому опыту (многие из читателей Алексея Максимовича сидели и были репрессированы), верили, потому что хорошо помнили легендарное горьковское: «Человек! Это — великолепно! Это звучит гордо!.. Надо уважать человека».

Впрочем, едва ли кто знал слова писателя и литературоведа Викентия Вересаева о «буревестнике революции»: «Господа! Давайте раз и навсегда решим не касаться проклятых вопросов. Не будем говорить об искренности Горького!»

Да и сам Алексей Максимович не скрывал этой своей раздвоенности, когда писал, что «жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить».

Ненависть и любовь, предательство и благородство совмещались в сознании писателя болезненно и неотвратимо. Казалось, что Горький порой пытался вырваться из этого замкнутого круга, насилуя свой творческий метод, а вслед за ним и свою совесть. Причем подобные духовные и нравственные эксперименты писатель проводил в первую очередь на самом себе, препарировал сам себя.

По свидетельству спутников Горького, по прибытии на остров он погрузился в странную задумчивость, часто на его глазах можно было видеть слезы, но что они означали — умиление, печаль, сожаление или радость, сказать не мог никто.

Итак, писатель посетил кирпичный, кожевенный и конский заводы на острове, сельскохозяйственную опытную станцию, кустарные мастерские, молочную ферму, антирелигиозный музей, а также штрафной изолятор на Секирной горе.

Всюду его сопровождало, что и понятно, высокое

лагерное начальство, всякий раз настойчиво показывая то, что ему надлежит увидеть.

И писатель видел...

Из воспоминаний Натальи Дормидонтовой (Ланг): «К встрече готовились тщательно и заблаговременно. Красили, мыли, перепахали кое-где землю и воткнули таблички с указанием якобы засеянных культур! В рабочем городке сделали “аллею” из спиленных в лесу елей».

Из воспоминаний бывшего соловецкого заключенного Олега Волкова: «В версте от того места, где Горький с упоением разыгрывал роль знатного туриста и пускал слезу, умиляясь людям, посвятившим себя гуманной миссии перевоспитания трудом заблудших жертв пережитков капитализма, — в версте оттуда, по прямой, озверевшие надсмотрщики били наотмашь палками впряженных по восьми и десяти в груженные долготьем санки истерзанных, изможденных штрафников — польских военных. На них по чернотропу вывозили дрова. Содержали поляков особенно бесчеловечно».

Из воспоминаний бывшего соловецкого заключенного Святослава Рахта: «В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем продолжительное время казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета, голые в полном смысле этого слова. На остальных — жалкие лохмотья. Источенные люди, лишённые подкожного жирового слоя, скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали, шатаясь, из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали».

Из воспоминаний бывшего соловецкого заключенного Дмитрия Лихачева: «Когда он приехал на Секирную гору в карцер, где творился самый ужас, где на “жердочках” сидели люди, то на время “жердочки” там убрали, на их место был поставлен стол, а на столе разложены газеты. И было предложено заключенным делать вид, что читают газеты, — вот как в карцере перевоспитываются! Заключенные же нарочно стали держать газеты наоборот, вверх ногами. Горький это увидел. Одному из них он повернул газету правильно и ушел. То есть он дал понять, что разобрался, в чем дело...

Вскоре после отъезда Горького начались беспорядочные аресты среди заключенных. Оба карцера — на Секирке и в кремле — были забиты людьми».

Однако утверждать, что Горький лишь трусливо «воспел» лагерный ад СЛОНа, зарабатывая себе доверие Сталина, было бы ошибкой.

Так, находясь под жесточайшим прессингом НКВД, Алексей Максимович все-таки нашел возможность вытащить из Соловков заключенную Юлию Николаевну Данзас — историка религии, католического религиозного деятеля, и в 1933 году переправить ее в Германию.

Известна и полная драматизма встреча писателя с мальчиком-заключенным, с которым они долго беседовали наедине.

Разумеется, Горький все понимал и знал, потому что нелепо, да и просто глупо отказывать одному из величайших русских писателей рубежа XIX—XX веков в проницательности и житейской опытности. Вполне понятно, что от него ждали большего, того, что он возвысит свой голос в защиту узников Соловецкого Лагеря Особого Назначения или хотя бы расскажет всему миру о том, что творится на Белом море, в одном из древнейших и славнейших русских монастырей. Но этого не произошло, писатель, которого в России традиционно считали «властителем дум» и совестью нации, защитником униженных и оскорбленных, смолчал, более того, пропел хвалебный гимн лагерному социализму в СССР.

Безусловно, в этих словах есть своя правда, и можно понять Олега Васильевича Волкова, прошедшего в сталинских лагерях 28 лет (!!!) и описавшего визит Горького на Соловки в своей книге «Погружение во тьму» следующим образом: «Я был на Соловках, когда туда привозили Горького. Раздувшимся от спеси (еще бы! под него одного подали корабль, водили под руки, окружили почетной свитой), прошелся он по дорожке возле Управления. Глядел только в сторону, на какую ему указывали, беседовал с чекистами, обряженными в новехонькие арестантские одежды, заходил в казармы воровцев, откуда только-только успели вынести стойки с винтовками и удалить красноармейцев... И восхвалял!»

Но, с другой стороны, мы не знаем, как бы повели себя те, кто проклинал «буревестника пролетарской революции», окажись они в силу объективных причин, та-

ланта, популярности, семейных связей и знакомств на том олимпе, на котором оказался Максим Горький. Думается, что далеко не все смогли бы пройти дьявольские искушения эпохи и сохранить благородное сердце, да и саму жизнь...

Следовательно, мы не вправе осуждать писателя, для которого та роль, которую он был вынужден играть при Сталине, была, как известно, исполнена глубокого личного трагизма.

Опять же не стоит забывать, что не один Алексей Максимович занимался «восхвалением». Список советских писателей, с восторгом описывавших «великие свершения» новой эпохи, достаточно пространен: М. Пришвин и В. Шкловский, В. Катаев и Вс. Иванов, В. Маяковский и Н. Тихонов, Вера Инбер и Бруно Ясенский, М. Зощенко и А. Толстой, А. Фадеев и Ф. Панферов, Л. Сейфуллина и Е. Габрилович.

Этот список можно продолжать долго...

Вспоминая слова В. Вересаева об искренности Горького, а также перечитывая его последний незавершенный роман «Жизнь Клима Самгина», можно предположить, что отношение Алексея Максимовича к происходящему в России было отношением именно писателя, художника — сомневающегося, напуганного большевистским террором, падкого на похвалы, гордого и в то же время беззащитного.

«Горький изнервничался и раскис... Горький всегда был архибесхарактерным человеком... Бедняга Горький! Как жаль, что он осрамился!.. И это Горький! О, теленок!» — это слова его, как казалось писателю, лучшего друга В. И. Ульянова (Ленина).

Но при этом русский апокалипсис, замешанный на страхе и героизме, великих потрясениях и великих разочарованиях, измене и благородстве, притягивал к себе внимание человека, некогда сказавшего: «...что человек на Руси ни делает, все равно его жалко».

Поездка на Соловки в обществе людей, чье звероподобие страшило и одновременно влекло Горького, была актом этой потаенной жалости к самому себе в первую очередь. Алексей Максимович словно бы оказывался «на дне» и одновременно на вершине советской жизни, имел возможность погрузиться, как говорил Достоевский, в «фиолетовые глубины» зла, но в то же время ди-

станционироваться от зверств режима; он до слез жалел несчастных, накрытых брезентом заключенных (конечно, он все понял тогда на причале в Кеми), но и восклицал при этом, что «жалость унижает человека», впрочем, и без того уже униженного и растоптанного СЛОНОм.

Можно ли разобраться в этом сложном, парадоксальном человеке сейчас?

Думается, что нет.

Более того, и сам Алексей Максимович не вполне понимал и осознавал, что именно движет им в тех или иных обстоятельствах, когда грани между жизнью и смертью почти не существовало и сделанный выбор слишком часто противоречил здравому смыслу.

Когда лагерный пароход «Глеб Бокий» вышел из Онежской губы в открытое море, Алексею Максимовичу предложили подняться в кают-компанию, где для высокого гостя уже был накрыт стол.

Но Горький, казалось, не услышал этого приглашения. Он продолжал стоять на палубе, пристально всматриваясь в береговую линию, которая постепенно растворялась в морской дымке.

Читаем в книге В. Кичкаса «Сатаниада. Соловецкие этюды» (Мюнхен, 1946):

«Всего шестьдесят четыре километра отделяют Соловки от материка с его скалистыми берегами, а какой поразительный контраст: берега острова покрыты яркой зеленой травой и густым лесом. Слева, в порту, виднеется белое здание УСЛОН — Управления Соловецкими лагерями Особого Назначения, а прямо навстречу пароходу надвигается кремлевская стена старинного Соловецкого монастыря. За ней в лучах утреннего солнца белели обезглавленные соборы и многоэтажные жилые дома. Легкие белые облака и тучи чаек дополняли эту спокойно-величественную картину. Берега Гавани Благополучия. Гу-у-уу! Протяжно запел фабричный гудок. И снова тишина. Из еле заметного прохода в кремлевской стене вышли черные монахи, постояли, посмотрели на приближающийся пароход, печально покачали клубуками и медленно, гуськом пошли вдоль берега. Было удивительно в конце двадцатых годов видеть настоящих монахов. Много чему пришлось удивляться здесь на первых порах, например, тому, что все

начальство внутренней охраны состояло из “бывших людей” и крупных уголовников: жестокий с подвластными князь Волконский, князь Н. Оболенский, капитан личного императорского конвоя Эрделли, а рядом садист осетин Жатов, одесский бандит Буйвол и многие другие...»

Заключенные прибывали на остров не только из Кеми.

Вот как описал Архангельский этап бывший соловецкий заключенный Вацлав Дворжецкий: «Река — Северная Двина... Загнали на пароход “Глеб Бокий”, в трюм, прямо на днище, шпангоуты торчат, вода по щиколотку. Заорали, зашумели: “Доски давай!” Взяли десяток парней — приволокли доски. Стояли сутки, пока загружали пароход. Пить, жрать охота, на opravку не выводят. Закрыли трюм — пошел, поплыли! Еще только через сутки накормили, дали воды. На палубу не пускают. Параша не поставили... А в трюме — друг на друге. Темно, вонь...»

После выполнения швартовки Алексея Максимовича, его сына Максима и его невестку Надежду Пешкову посадили на сохранившуюся на острове еще с монастырских времен бричку и повезли показывать местные достопримечательности.

Взгляд Алексея Максимовича был туманен и загадочен. Может быть, «буревестник пролетарской революции» прятался за него, а еще за свою немощь, артистическую неспешность, безусловно отыгранную еще его босяками, а еще за свои легендарные усы в стиле Фридриха Ницше наконец?

Вполне возможно. Прятался и подглядывал из своего укрытия за жизнью, за людьми, прекрасно понимая, что ровно таким же образом подглядывают и за ним те, кто его окружает.

Глава вторая

Жизнь особого назначения

Холмогорский и Пертоминский лагеря. — Лагеря смерти. — Спецкомиссия ВЧК. — Перевоспитание, а не уничтожение. — Создание Соловецкого лагеря принудительных работ. — Революционные настроения среди монахов. — Вениамин и Никифор. — Убийство отшельников. — Изъятие церковных ценностей на Соловках. — Матрица пенитенциарной системы СССР. — Совхоз «Соловки». — Пожар 1923 года. — Митрополит Мануил. — Пострижения в монастыре в начале 20-х годов. — Иночество в лагере. — Церковь Святого Онуфрия Великого. — 1923 год

Начало лагерному освоению Русского Севера было положено в 1920 году учреждением Холмогорского и Пертоминского концентрационных лагерей, которые по праву можно считать предтечами Соловецких Лагерьей Особого Назначения.

Вскоре после бегства из Архангельска английских войск и входа в город частей РККА в феврале 1920 года ВЧК был развернут террор, который точнее было бы назвать актом возмездия. В первую очередь ликвидации подлежали офицеры, которые не смогли уйти из города морем вместе с остатками частей Северной армии генерал-лейтенанта Евгения-Людвига Карловича Миллера и Сибирской армии адмирала Александра Васильевича Колчака. Также тотальным репрессиям были подвергнуты гражданские лица, уличенные или просто подозреваемые в коллаборации с интервентами, — крестьяне, зажиточные горожане, дворяне, духовенство.

Местами концентрации и уничтожения более 25 тысяч арестованных стали уже бывший на тот момент Успенский женский монастырь в Холмогорах и бывший мужской Преображенский монастырь в Пертоминске.

В своей книге «Адский остров. Советская тюрьма на дальнем Севере» С. А. Мальсагов писал: «После поражения генерала Деникина и Врангеля (соответственно в конце 1919-го и в 1920-х) взятые в плен белые офицеры и солдаты, а также гражданские лица с отвоеванных у

белых территорий — мужчины, женщины и дети — ссылались в Холмогоры этап за этапом. А после подавления Кронштадтского восстания в апреле 1921 г. все матросы, взятые под стражу большевиками в количестве около 2000 человек, тоже были присланы туда. Остатки колчаковской армии, различные сибирские и украинские атаманы, крестьяне из Тамбовской губернии, примкнувшие к антоновскому движению, десятки тысяч представителей интеллигенции всех национальностей и вероисповеданий, кубанские и донские казаки — все стекались широким потоком в Холмогоры и Пертоминск».

Анализ немногочисленных источников позволяет утверждать, что Холмогорский и Пертоминский лагеря, находившиеся в ведомстве Архгубчека, использовались исключительно как «лагеря смерти», иначе говоря, здесь изначально не предполагалось использование труда заключенных, а также их более или менее длительное содержание.

Способы уничтожения этапов варьировались от расстрелов с применением тяжелых станковых пулеметов (от 10 до 100 человек в расстрельной партии) до потопления на баржах в Северной Двине или близ восточного берега Унской губы Белого моря.

И вновь читаем в книге «Адский остров. Советская тюрьма на дальнем Севере»: «Высшее начальство в этих лагерях назначалось Москвой и исполняло предписания, полученные оттуда. Средний и низший персонал состоял из арестованных чекистов, которые были сосланы по причине слишком очевидного грабежа, взыточничества, пьянства и других нарушений. Эти ребята, потеряв выгодные должности в Чрезвычайных комиссиях центральной России, свою невероятную злость с неопишуемой жестокостью вымещали на лагерных заключенных».

Информация о том, что происходит в Холмогорах и Пертоминске, разумеется, поступала в Петроград и Москву.

Сохранилось письмо некоего Степанова «многоуважаемому тов. Ленину В. И.» от сентября 1921 года:

«Многоуважаемый тов. Ленин В. И.

Известно ли Вам о творимых безобразиях на Севере, которые как раз дают обратные результаты в укре-

плении социалистического строя. Совершенные же преступления на Севере Вашим уполномоченным Михаилом Кедровым, его сподвижником бывшим председателем АрхЧК Смирновым останутся вековым памятником и укором в истории советского строительства. Таковой памятник неизбежно будет на острове Ельники в верстах 70 от Архангельска, где зверски расстреляны привезенные на баржах из Холмогорского лагеря, Москвы и Кубани беззащитные люди, свыше 7000 граждан, из пулеметов, голодных, истерзанных, большинство из которых люди образованные, могущие принести своему отечеству в строительстве лишь пользу. Известно ли Вам, что вместо бывшего древнего Холмогорского женского монастыря учрежден концентрационный лагерь, где люди мрут от голода и холода... Пора одуматься. Довольно крови, горя и сирот... Товарищи, остановитесь. Дайте Северу вздохнуть».

Бессмысленная и варварская ярость победителей, уничтожавших собственный народ, видимо, даже в столицах (Москве и Петрограде) вызвала настороженность. Так, в начале лета 1922 года в Архангельск прибыла специальная комиссия ВЧК с целью выявления нарушений социалистической законности, а также злоупотреблений лагерного руководства. По результатам проведенного расследования коменданта Холмогорского лагеря расстреляли, а прочий персонал был арестован и отправлен на Лубянку для проведения дальнейшего расследования.

Хотя обольщаться на сей счет не следует, в том смысле, что у руководства страны вдруг «открылись глаза» на творимые на севере РСФСР средневековые зверства. Просто политика партии в этом направлении к тому времени изменилась, а палачи в Холмогорах и Пертоминске не знали об этом.

Так, распоряжением СНК от 25 июля 1922 года все места заключения в РСФСР были переданы в ведение НКВД, что означало кардинальный пересмотр всей советской пенитенциарной системы: отныне на ответственные концентрационные лагеря возлагались не только задачи по обеспечению исполнения наказаний, наложенных на граждан в соответствии с советским законодательством, но и глобальные экономические задачи. Полуразрушенная за годы Гражданской войны

страна нуждалась в рабочей силе, и многотысячная армия заключенных вполне подходила на роль трудовой армии, укомплектованной дешевой или вообще бесплатной рабочей силой.

Ленинский лозунг: «Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить» — при всей его очевидной (на фоне событий 1918—1920 годов) демагогичности обрел новое звучание. Учение В. И. Ленина о сочетании убеждения и принуждения как важнейшем принципе государственного руководства обществом в эпоху социализма, а также о двуединой роли наказания, выполняющего в условиях социалистического общества задачу как принуждения, так и перевоспитания лиц, совершивших преступления, получило абсолютно прикладной характер, что во многом способствовало принципиальному изменению самой идеологии деятельности советских карательных органов — не уничтожать, а перевоспитывать, не теряя при этом, разумеется, революционной бдительности перед лицом внутреннего и внешнего врага.

При этом следует понимать, что термин «перевоспитание» таит в себе известные разночтения, потому как убеждать и перевоспитывать можно по-разному — кнутом и пряником, расстрелами и каторжным трудом. А также совершенно непонятно, кто и каким образом установит ту грань, которая покажет, что заключенный навсегда порвал со своим криминальным (а в нашем случае контрреволюционным) прошлым. Хотя в те годы ответ на данный вопрос был очевиден и не вызывал нареканий — партия большевиков и есть истина в последней инстанции; именно она решает, кому жить, а кому умереть, кому трудиться на лесоповале, а кому создавать гимны партийным вождям.

Таким образом, система лагерного социализма опиралась на парадоксальную идею созидания и порабощения, угнетения и освобождения в труде одновременно. ГУЛАГ же как порождение этой системы представлял таковую возможность.

Первые шаги в данном направлении были сделаны в октябре 1923 года.

Согласно протоколу № 15 заседания Совета народных комиссаров СССР от 13 октября 1923 года СНК постановил: «1. Организовать Соловецкий лагерь

принудительных работ Особого Назначения и два пересыльно-распределительных пункта в Архангельске и Кеми. 2. Организацию и управление указанными в п. 1 лагерем и пересыльно-распределительными пунктами возложить на ОГПУ. 3. Все угодья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавшие бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерю и Архангельскому пересыльно-распределительному пункту, передать безвозмездно ОГПУ».

Под сим документом подписались — зампреда Совета народных комиссаров Рыков и управляющий делами Совета народных комиссаров Горбунов.

Предыстория возникновения лагеря особого назначения на Соловецком острове такова.

29 апреля 1920 года на Соловки прибыла комиссия во главе с начальником Особого отдела ВЧК М. С. Кедровым и председателем Архангельского губисполкома С. К. Поповым на предмет ознакомления с обстановкой в Соловецком Спасо-Преображенском монастыре. На тот момент в обители находилось 612 человек: 410 монахов и послушников, а также 202 трудника.

По результатам визита комиссаров в мае того же года монастырь был упразднен, а его имущество передано трем организациям: островному совхозу «Соловки» (полное название «Управление советского хозяйства на Соловецких островах»), судоремонтному затону Белмортран и лагерю принудительных работ Архангельского губчека (полное название «Лагерь принудительных работ для заключения военнопленных Гражданской войны, осужденных на принудительные работы»).

Тогда же Архгубчека официально сообщила, что «высадка на Соловецкие острова... воспрещается вплоть до особого распоряжения. Архгубчека выдает разрешения на право высадки в Соловецкие острова только в исключительных случаях. Высадившийся без разрешения Архгубчека, какой бы пост он ни занимал, будет задержан Комендантом Соловецких островов и направлен в г. Архангельск в распоряжение Архгубчека».

Для охраны режимного объекта, в который были превращены острова, прибыли дополнительные силы ВЧК из Архангельска и Кеми.

«Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома РКП/б» от 4 мая 1920 года сообщали: «Монастырь без советской власти прожить не сможет. Советская власть не будет разрушать хозяйство монастыря, она его будет всеми силами поддерживать, расширять. В ближайшем будущем предлагается организовать в Соловках трудовой лагерь. Условия для этого очень благоприятные, природная обстановка, трудовой режим, борьба с природой будут хорошей школой для всяких порочных элементов».

В июне заведующим по хозяйственной части Соловецких островов был назначен Герасим Алексеевич Алексеев, который во исполнение решения особой комиссии губревкома приступил к изъятию монастырских ценностей, а также запасов продовольствия и прочего имущества.

Однако уже через месяц тов. Алексеев жаловался комиссару Кемского уездного продовольственного комитета: «Хаотическое положение сложилось на Соловецких островах, куда съехалось со всех сторон много разнообразной власти, и каждая власть контролирует, берет без разрешения то, другое и третье. Не знаешь, кому и как подчиняться. Приезжают, делают что хотят, отбирают учетные книги из всех кладовых, делают распоряжения к полной дезорганизации».

Следует признать, что с приходом новой власти на остров хаос поразил все стороны местной жизни, начиная от гражданских служб, продовольственного обеспечения Соловков и кончая хозяйственными службами и службами режима.

1 июля 1920 года на острове был открыт клуб Карла Маркса, все храмы закрыли, а престарелые монахи были выселены в Савватиевский скит, где организовали Инвалидный дом. Остальная же часть братии перешла в подчинение Управления Соловецкими островами наряду с остальным гражданским населением Соловков.

Можно утверждать, что все эти административные и кадровые пертурбации не могли не стать причиной раскола среди бывших насельников обители.

Впрочем, начало конфликту было положено еще при прежнем настоятеле архимандрите Иоанникии (Юсове) — человеке решительном, жестком и требовательном. Как известно, жалобы на Иоанникия дошли до

Святейшего синода, и он был отстранен от занимаемой должности как раз накануне революции.

Избранный братией в 1917 году новый настоятель архимандрит Вениамин (Кононов) лишь на время затушил новый соловецкий пожар, который, однако, к 1920 году разгорелся с новой силой.

Из прошения иеродиакона Соловецкого монастыря Вячеслава на имя заведующего по хозяйственной части Соловецких островов Г. А. Алексеева:

«Благодаря перевороту в России нам удалось отстранить от власти тирана — настоятеля Иоанникия. Но, к сожалению, в выборе нового настоятеля мы ошиблись, как видите, он уже скоро три года управляет, а ничего на пользу общества не сделал... при таком ведении дел воровство, мошенничество и неравенство достигли крайних пределов... Верится, что Ваша Советская власть действует по промыслу Божественному, и если Вы найдете возможным хотя бы маленькое произвести расследование, то мы можем дать Вам черновики бумаг, которые писали в разное время, с фактами преступлений».

Мы не можем утверждать, что именно этот донос стал причиной тотальных проверок деятельности соловецкого духовенства со стороны Архгубчека. Однако именно в это время (о совпадениях тогда говорить не приходилось) на остров прибывает уполномоченный губисполкома на Соловецких островах председатель тройки ВЧК Ваганов, который докладывает в Архангельск, в частности, о расколе в среде духовенства — между «монахами-тружениками» и «начальниками-буржуями», а также просит разрешения на «вскрытие мощей так называемых “соловецких святых”».

Деятельность чекиста Ваганова поддержали трудники монастыря, а также послушники и некоторые рядовые монахи, на которых и были рассчитаны горячие речи о неравенстве и несметных богатствах монастырских старцев.

В ответ на надуманные обвинения соловецкий настоятель архимандрит Вениамин написал в Кемский уездный продкомитет развернутое письмо, в котором детально разъяснил, каким образом он ведет монастырское хозяйство. Из письма явствует, что все претензии в его адрес есть не что иное, как клевета.

Ответ на письмо пришел незамедлительно...

Но не из Кемского продкомитета, а из Архгубчека.

По обвинению в хранении оружия и сокрытии ценностей последний соловецкий настоятель, а также его келейник иеромонах Никифор (Кучин) были арестованы, вывезены с острова и этапированы в Холмогорский концентрационный лагерь.

Однако, как ни странно, через два года их освободили.

Прожив какое-то время в Архангельске, изгнанники перебрались в лесную пустыню на берег реки Лодьма, что близ Волкозера (Пинежский район Архангельской области), в 40 километрах от ближайшего населенного пункта.

Трудно себе представить, что в середине 20-х годов XX века, когда Русский Север сотрясал красный апокалипсис и Поморье подвергалось новой властью тотальному разорению, а местное население уничтожению, соловецкие подвижники остались верны аскетическим традициям Северной Фиваиды.

Здесь, в Архангельской глуши, архимандрит Соловецкий Вениамин и иеромонах Никифор построили деревянную келью, где, соблюдая традиции преподобных Савватия, Зосимы и Германа, установили аскетическое житие, полностью удалившись от мира и лишь два раза в год принимая бывшего послушника Соловецкого монастыря Степана Антонова.

Когда читаешь сейчас весьма краткое жизнеописание преподобномучеников Вениамина и Никифора, возникает ощущение, что время остановилось и описанные в житийных источниках рубежа XV—XVI веков иноческие подвиги преподобных Соловецких начальположников свершаются в 20-х годах XX века, а стало быть, слова Святых Евангелистов Луки, Матфея и Марка: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» наполняются особым смыслом и звучанием.

Отшельники Вениамин и Никифор проводили дни в молитве и трудах, питаясь исключительно трудом рук своих: работали на огороде, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу в Волкозере.

Однако бегство от мира, по мысли теоретиков аскетической жизни, лишь усиливает ярость началозлобного демона, мечтающего погубить отшельника. В этой

связи вспоминаются слова преподобного Иоанна Кассиана о том, что «пустыню искать должно совершенным, очищенным от всякого порока, и по совершенном очищении от пороков в обществе братий уходить в нее не по малодушию, а для Божественного созерцания, с желанием высшего ведения, которое может быть приобретено только в уединении и только совершенными. Ибо какие пороки не уврачеванные мы перенесем в пустыню, они будут скрыты в нас, но не истреблены.. Отшельник дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока не сталкивается в сношении ни с каким человеком. А когда встретится какой-нибудь случай к раздражению, то он тотчас возвращается к прежней страсти, ибо тотчас обнаруживаются пороки, которые скрывались, и как необузданные и от продолжительного покоя утучневшие кони с рвением вырываются из своих затворов и с большим стремлением и неистовством влекут своего всадника к гибели...».

Великим постом 1928 года в пустыне Вениамина и Никифора неожиданно появились два человека, назвались бездомными и попросились на ночлег. Откуда они узнали о соловецких монахах, давно прервавших общение с миром, особенно с тем «миром», который бушевал на Севере начиная с 1919 года, неизвестно. По долгу христианского странноприимства отшельники пустыли незнакомцев, которые, впрочем, вскоре исчезли так же внезапно, как и появились.

Мы можем лишь предполагать, какие внутренние переживания и страхи испытали аскеты, почувствовав, что незваные гости пришли неспроста и действуют по дьявольскому наущению.

Предчувствия, увы, не обманули Вениамина и Никифора.

Накануне Пасхи незнакомцы вернулись вновь и убили старцев, после чего сожгли их келью, а также трупы преподобномучеников.

Лишь в июне 1928 года трагедия была раскрыта, убийцы были найдены (ими оказались комсомолец Иванов и рецидивист Ярыгин) и арестованы. На допросе они признались, что убили монахов в поисках сокровищ Соловецкого монастыря, которые Вениамин и Никифор якобы хранили в своей пустыни.

Ничего, кроме двух обгоревших келейных икон и

убогой деревенской посуды, на пепелище найдено не было.

Рассказывая сейчас эту трагическую историю, вновь и вновь приходишь к убеждению, что время не просто остановилось на Соловках, его здесь как будто и нет. Ведь ровно таким же образом (или почти таким же) четыре века назад оборвалась жизнь святителя Филиппа (Колычёва). Те же лживые обвинения и клевета, те же зависть и затаенные обиды, та же лютая жестокость и та же страшная смерть.

Драматический раскол соловецкой братии, о котором мы уже говорили, описывая события 1667—1676 годов, так и не был исчерпан. Болезнь была загнана глубоко, и любое социально-политическое потрясение лишь активировало процесс.

Так произошло и на сей раз.

Разорение монастыря по сути было начато руками части его же недавних насельников, искренне уверенных в том, что таким образом на острове будет восстановлена справедливость и «начальники-буржуи» будут наказаны.

Читаем показания бывшего ризничего Соловецкого монастыря Климента (Амосова): «...были представлены ценности Соловецкого монастыря представителям соввласти товарищам Тетерину и Павлову. Ценности были скрыты в двух местах: в стене — в проходе Преображенского собора и над алтарем Никольской церкви, откуда были перенесены в ризницу. Вещи, не принадлежащие к богослужению, были отобраны упомянутыми выше товарищами Тетериным и Павловым для доставления в Архгубчека».

Разумеется, это была не вина находившихся в безвыходном положении монахов, но их беда.

Весной—летом 1922 года, в соответствии с постановлением ВЦИКа об изъятии церковных ценностей, из Соловецкого монастыря было вывезено 158 пудов (2,5 тонны) драгоценных камней, золота и серебра.

Газета «Трудовой Север» от 4 июня 1922 года довольно подробно сообщает об этом:

«Изъятие прошло при полной поддержке и сочувствии монахов и настоятеля (непонятно, о каком настоятеле идет речь, ведь последний соловецкий настоятель Вениамин (Кононов) в то время находился в Холмо-

горском концентрационном лагере. — М. Г.), которые еще до приезда комиссии устроили собрание с целью содействия изъятию. Изъято всего: серебра 84 пуда, золота 9 фунтов, серебряных крестов в золотой оправе — 11 штук, митр разноцветных с камнями — 9 штук, драгоценных камней: бриллиантов — 384, аметистов — 120, топазов — 80, альмонтинов — 557, гранатов — 70, рубинов — 294, бирюзы — 190, изумрудов — 246, алмазов — 5, аквамаринов — 27, сапфиров — 4, жемчуга — 10, опалов — 1, всего 1988 шт. Вес камней от 1 до 30 карат...

Раки с «мощей» тоже сняты...

Все изъятые тщательно описано, упаковано и отправлено в центр...

В Соловецком монастыре остались неизъятими до 500 парчовых и бархатных риз, которые монастырю сейчас совершенно не нужны».

Однако реставратор П. Д. Барановский оставил совсем иные воспоминания о том мероприятии: «В Преображенском соборе сняты в иконостасе складни. На иконах ободраны басменные обкладки — висят в некоторых случаях ключьями. Я прямо назвал сотрудникам Управления такой образ действия возмутительным варварством. Разрушен складень с литым образом Благовещения. Работа производилась так поспешно, что пол усеян серебряными гайками от риз. Снаружи разрушена фреска Знамения над входом в собор, которую разбили ломами вместе с каменной кладкой для того, чтобы снять серебряную ризу».

Лишь немногие знали тогда, что подобным образом шла подготовка территории монастыря и относящихся к нему скитов к устройству на острове лагеря особого назначения, находящегося в ведении ОГПУ НКВД.

Из протокола заседания Архгубисполкома, 1923 год:
«Слушали: О Соловецких церквах, не состоящих на учете Главмузея, как не представляющих историко-художественного значения.

Постановили: Признать необходимым ликвидацию всех находящихся в Соловецком монастыре церквей. Считать возможным использование церковных зданий для жилья, считаясь с остротой жилищного положения на островах в связи с переводом туда лагерей... Имущество церквей передать через НКВД Управлению Северных лагерей, за исключением колоколов».

Так, начиная с весны 1923 года перевод всех Северных лагерей на Соловки уже по сути был решенным вопросом.

Зампред ГПУ И. С. Уншлихт рапортовал: «Северные Лагеря принудительных работ ГПУ организуются в целях осуществления необходимой изоляции наиболее опасного в социальном отношении элемента на территории СССР. Лагеря эти имеют специальное назначение — содержание под стражей политических и уголовных преступников, отбывающих наказание по внесудебным приговорам ГПУ, органов упраздненной ВЧК, а также подлежащих содержанию под стражей по постановлению Особой Комиссии по административной высылке».

Таким образом, можно утверждать, что Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛОН) формировался как своего рода матрица пенитенциарной системы СССР, которая должна была быть взята за основу на всей территории страны.

О скоплении на острове самого разнообразного начальства, чиновников и, как бы сейчас сказали, силовых подразделений ВЧК—ГПУ—НКВД уже сообщалось в письме Г. А. Алексеева. Кардинальное переустройство жизни Соловков требовало, что и понятно, не только руководящих окриков, бесконечных постановлений, приказов и циркуляров, но и значительных финансовых вливаний.

До недавнего времени один из богатейших русских православных монастырей, как уже было отмечено в воспоминаниях П. Д. Барановского, давал изрядное количество поводов к безудержному воровству. Опять же контролировать средства, отпущенные государством на обустройство лагеря особого назначения на Белом море, было делом непростым, а порой так и вообще невозможным.

В ночь с 29 на 30 мая 1923 года в Казначейском корпусе, где располагалось правление совхоза «Соловки», вспыхнул пожар, который продолжался трое суток и охватил Настоятельский, Рухлядный и Квасоваренный корпуса, Трапезную палату, Успенский, Спасо-Преображенский, Троицкий соборы и Никольскую церковь, а также второй ярус колокольни. В результате пожара полностью сгорели монастырская библиотека и ар-

хив «Управления советского хозяйства на Соловецких островах».

Для расследования инцидента на остров прибыла комиссия, которую возглавил некто Зорин (увы, никакой подробной информацией об этом человеке, впоследствии соловецком заключенном, мы не располагаем).

Из заключения комиссии: «Было установлено, что загорелось около двух часов ночи на чердаке Казначейского корпуса на потолке канцелярии Совхоза. Кирпичные [стены] предотвратили распространение огня в сторону Благовещенской церкви и Настоятельского корпуса (теперешней столовой). Был третий час ночи, когда все спокойно спали. Стороживший на кремлевской стене монах впервые увидел огонь, пробиравшийся через крышу над горевшим чердаком, и густой дым около галереи-прохода, соединявшего горевший корпус с собором. Он слез со стены и сделал тревогу звоном в набатный колокол. Вскоре были разбужены управляющий и его помощник. Последнего видели около часа ночи близ пожарного депо. Проход-галерея, соединяющая горевший корпус с соборами, имела деревянный крашенный пол и заштукатуренный потолок. На стенах и на потолке были написаны всевозможные картины, и здесь для огня было достаточно пищи. Сильной тягой воздуха тянуло огонь в пустые паперти. В первый момент монахи (всего их во время пожара было около 150 человек) были охвачены сильной паникой. Такая же паника была и среди администрации Совхоза. Распространение огня можно было предотвратить разрушением галереи-прохода, но момент был упущен. Пока привели в порядок паровую машину, развели пары, взяли ее к Святому озеру, прокладывали рукава — огонь гулял вовсю на паперти соборов. Принимать какие-либо меры к тушению горящих соборов администрация была бессильна, а большинство монахов, видя такое бедствие, начали спасать свое имущество. Пожар продолжался день и ночь — трое суток. Через несколько дней после нашего приезда была создана комиссия из специалистов, которая определила убытки от пожара».

В том, что это был поджог, сомнения ни у кого не было, но о том, кто и зачем совершил это преступление, ходили разные слухи. По одной версии, монастырь яко-

бы подожгли монахи-фанатики, чтобы древние святыни не достались большевикам (следует заметить, что к этому времени основные ценности уже были вывезены с острова, да и монахов таких на острове к тому времени уже не было). По другой, которая представляется более здравой, пожар устроили новые соловецкие хозяева, чтобы скрыть следы чудовищного воровства и казнокрадства, процветавших на острове с приходом сюда чекистов. В пользу этого предположения говорит тот факт, что сразу после исчисления убытков (а они, по самым скромным подсчетам, составили около 70 562 рублей) дело было закрыто, и виновные не были ни обнаружены, ни, следовательно, наказаны.

Что, впрочем, и понятно: к августу на остров должна была прибыть первая партия заключенных; следовательно, штурмовщина, ставшая впоследствии отличительной чертой советской экономики, не оставила времени на разбирательства в том смысле, что в авральную суету было легче всего скрыть следы преступления.

Из записок Зорина: «К моменту передачи Совхоза лагерям ОГПУ жилая площадь пожаром была сильно сокращена и для размещения предполагаемых пяти тысяч заключенных была мала. Было решено сразу же отремонтировать большое помещение трапезной и Успенского собора и поместить туда 500 человек. Для бесперебойной перевозки грузов с пристани на склад в несколько дней и ночей была проложена узкоколейная железная дорога. Размещение заключенных — серьезный вопрос. Нужно было разместить около 1700 мужчин и триста с лишним женщин. О переброске заключенных в другие скиты и думать не приходилось — отсутствие военной охраны и недостаточно надзора. В силу этого все монахи из кремля были выселены сначала в Архангельскую гостиницу, а в кремль поместили заключенных, в т. ч. и женщин. Потом монахов переместили в Петроградскую гостиницу, а в Архангельскую переселили женщин. Конечно, больше всего забот в организационных вопросах доставалось начальнику управления тов. Ногтеву. Все было поставлено и шло по-боевому. Трудность работы осложнилась тем, что среди заключенных половина была уголовников, которые не только не работали, [но] производили хищения. Заключенных не удерживали никакие замки.

Партий заключенных из Архангельска прибывало все больше и больше. Вскоре их собралось около двух тысяч. Была опасность побегов. В свое время каторжане совершали побег из Сахалина за сотни верст на двух-трех бревнах, а здесь до материка 60 верст (а на озерах было много монастырских лодок). Кроме того, дней через десять были получены сведения, что уголовниками руководил некоторый КаЭР (контрреволюция). Они собираются обезоружить небольшую охрану, арестовать администрацию, захватить первый прибывший паром и уехать. Но подозреваемые заговорщики были арестованы».

Интересную оценку пожару, его причинам и последствиям дал бывший соловецкий заключенный, церковный историк, писатель, митрополит Мануил (Лемешевский): «Пламя выбросилось в разных местах и церквах одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме (по версии владыки) Успения Божией Матери. Царица Небесная испепелила Свою святыню за нечестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кощунства со стороны властей. Вскоре после пожара Успенская церковь была отведена под жилое помещение нового лагеря особого назначения ГПУ, заполнилась отбросами и отщепенцами мира и осквернилась, как и другие храмы. Монахи были изгнаны из кремля, потеряли святыню, потеряли свои кельи, уют; большая часть их (главным образом смутьяны, бунтовщики) были вывезены на берег за ненадобностью. И так, по слову Царицы Небесной, они рассеялись. По Промыслу Божию наиболее крепкие, трудолюбивые и менее виновные в сих смутах остались при святой обители на разных хозяйственных должностях для обслуживания лагеря и сохранения последней монастырской святыни — кладбищенской Онуфриевской церкви».

Эти слова владыки Мануила интересны в свете наших размышлений о глубинных корнях конфликта на острове, конфликта, которому советская власть лишь добавила новых красок. Митрополит Мануил (Лемешевский), известный своей непримиримой позицией по отношению к обновленческому движению в Русской Церкви, как и подобает монаху, причину соловецкой трагедии видел в первую очередь в «нечестии братии», в том, что иноки отпали от благодати и Духа Животво-

рящего, и «вся святость монастырская осквернилась... и плач обуял кельи и храм, ибо великий некогда... Израиль исшел из Иерусалима, дабы с гор окрестных вздохать и плакать о грехах своих и потерянных, и поруганных святынях».

Вполне естественно, что в те годы подобный взгляд на проблему ничего, кроме усмешки, у большинства новых соловецких хозяев не вызывал, но именно в нем, как представляется, кроется глубокий онтологический смысл апокалипсиса на «Острове мертвых».

«Бесы боятся, если увидят, что кто-либо, будучи подвержен оскорблению, бесчестию, ущербам и всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что он подвергся сему, но о том, что, подвергшись, не перенес того мужественно, ибо уразумевает из сего, что он вступает на истинный путь и имеет твердое желание ходить в совершенстве по заповедям Божиим», — говорит преподобный Зосима Палестинский (460—560). Речь в данном случае идет, как мы понимаем, о выборе, об умении мужественно переносить унижения и клевету, не впадая при этом в осуждение, гневливость и умственную суету, когда всем своим слабостям стремишься найти оправдание.

Владыка Мануил обличает островную братию как ветхозаветный пророк, усматривая в разрушении соловецкого иночества не столько дьявольские козни новой власти, сколько отсутствие молитвенной крепости и дерзновенного мужества монахов, выбравших путь пространный и широкий, ведущий, по словам преподобного Ефрема Сирина, «в пагубу».

Вслед за святым Учителем Церкви митрополит как бы мысленно повторяет: «Пойдем путем узким и тесным, любя сокрушение, чтоб пребывало в нас памятование смерти, и чтобы освободиться нам от осуждения, ибо сказано: горе... смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете (Лк. 6, 25). Блаженни же плачущие ныне: яко тии утешатся (Мф. 5, 4). Заглянем в могилу и увидим тайны нашего естества — кучу лежащих одна на другой костей, черепа, обнажаемые от плоти, и прочие кости. Смотря на них, увидим в них себя самих. Где красота настоящего цвета? Где доброзрачность ланит? Размышляя о сем, откажемся от плотских вожелений, чтобы не быть нам постыженными в общее воскресение мертвых».

Этот призыв митрополита Мануила в те годы на Соловках услышали немногие, но все-таки услышали!

Невероятно, но факт — в 1922 году в монашество на острове постригаются семь послушников с именами Никон, Даниил, Панкратий, Феофан, Пантелеймон, Аристарх, Ионафан. А в 1924 году в сан иеромонаха были рукоположены иеродиаконы Симон, Киприан и Ювеналий.

Оказавшись в соловецком заключении, владыка Мануил не только соблюдает (по возможности) монашеский обиход, но и создает духовные сочинения. В частности, «Соловецкие письма об епископстве», «Соловецкий Некрополь» и «Соловецкий цветник». Последний труд, составленный в классических традициях патериков, представляет собой сборник жизнеописаний монастырских подвижников начала XX века.

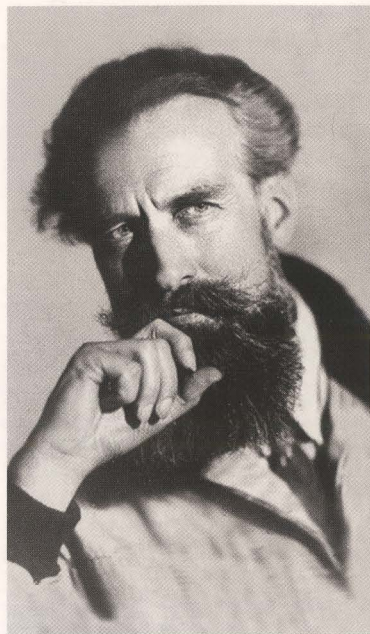
Из «Соловецкого цветника» мы узнаем о иеросхимонахе Зосиме (Феодосиеве) (1841—1920), обладавшем даром прозорливости. В монастыре старец проживал с 1865 года. Архимандрит Иоаникий (Юсов) так охарактеризовал этого инока: «Ведет строгую аскетическую жизнь, постоянно стремится мыслить о Боге, о вечности и о бессмертии души».

В обители Зосима выполнял послушание «гробного монаха», то есть молился у гробов преподобных Савватия, Зосимы и Германа, подавая благословение паломникам и помазывая их лампадным маслом.

«Уже в последние годы своей жизни, — читаем в «Соловецком цветнике» Мануила (Лемешевского), — приблизительно лет за восемь, духовно прозревая надвигающееся грозное будущее своей Родины и святой обители Соловецкой, стал отец Зосима иногда прикровенно, а большею частью немногими словами открывать завесу грядущих событий, и не только братии монастырской, но и богомольцам, приблизительно в следующих выражениях: “Настанет такое время, что не дай Бог нам до него дожить”. Когда же его спрашивали, что именно случится, то он со вздохом говорил, что всю Россию победят. В монастырь наедет множество нечестивых людей, а монахи разбегутся в разные стороны... Раннею весною 1920 года отец Зосима говорил окружающей его братии отрывочно, односложно, порою более прикровенно о грядущих скорбях, ожида-



Вознесенский скит на Секирной горе. В годы существования СЛОНа — штрафной изолятор



Олег Волков



Отец Павел Флоренский

Солдаты Соловецкого полка. 1920-е гг.





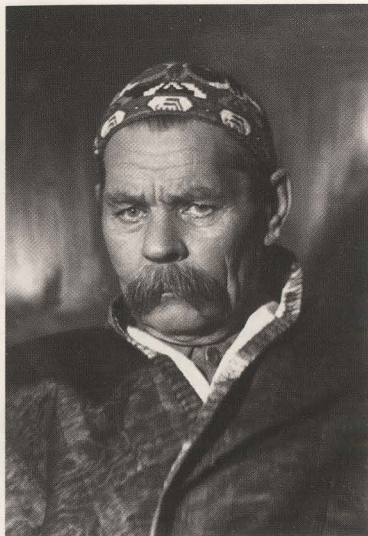
Кемьперпункт УСЛОН ОГПУ

Рабочеостровск. Поклонный крест на месте Кемской пересылки





Глеб Бокий



Максим Горький

Писатель Горький с руководством УСЛОНа





Соловки в 1920-е годы

Рабпоселок на Большом Соловецком острове. *Современный вид*



НОВЫЕ СОЛОВКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА.
ОРГАН СОЛОВОЦКОЙ ЯЧЕЙКИ РИП (В) и
УПРАВЛЕНИЯ СОЛОВОЦКАМИ ЛАГЕРЯМИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОГПУ.
ГОД ИЗДАНИЯ 1-0

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1925 ГОД:
на 1 месяц — 40 к. Тариф на объявление
на 3 месяца 1 р. 20 к. | 1 стр. печати след. текста 50 к.
Адрес редакции: остр. Соловки на Белом море, через Кемь, Карельский Республик.
Уездн. Соловецк. Лагерьный Служб. Начальн. первый этаж комн. 11. Телефон № 14.
Приним. от 10 ч. до 4 ч. д. и от 8 до 10 н.

№ 22.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7-го ИЮНЯ 1925 года.

№ 22.

1923

7 ИЮНЯ

1925.



Начальн. Управления Соловецк. ОЯ ОГПУ
НОГТЕВ А. П.



Член Коллегии ОГПУ
БОКИЙ Г. Я.



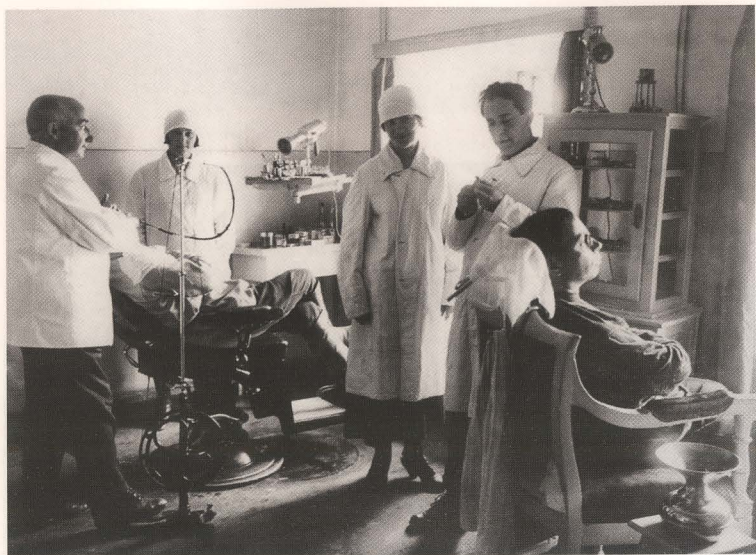
Заместитель Начальн. ОЯ ОГПУ
ЭЙХМАН Ф. Я.

Газета «Новые Соловки» от 7 июня 1925 года. На первой странице портреты руководителей УСЛОНа.

Слева направо — А. Ногтев, Г. Бокий, Ф. Эйхманс

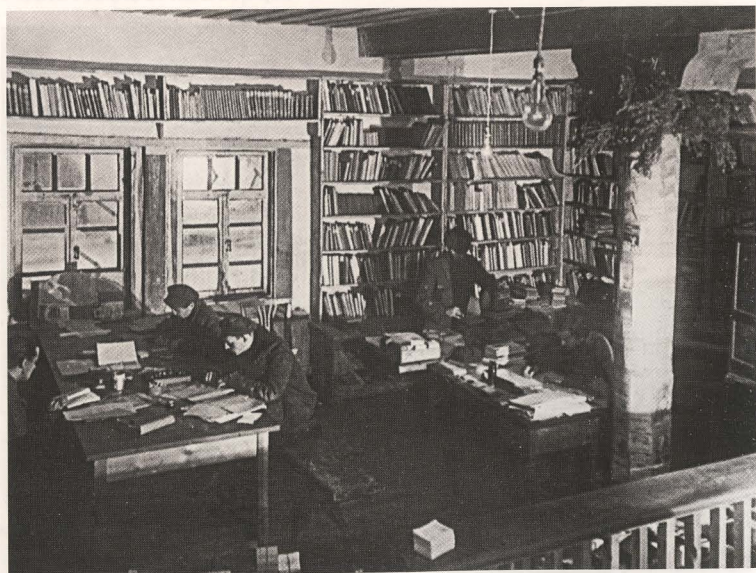
Лагерный духовой оркестр. Из альбома УСЛОН ОГПУ





Санитарная часть

Лагерная библиотека. Такой пытались изобразить жизнь заключенных в 1920-е годы





Лагерная пристань на острове Муксалма

Никольские ворота Соловецкого монастыря в 1920-е годы





Церковь во имя преподобного Онуфрия Великого
на Соловецком кладбище, единственный действующий храм
на Соловках в 1920-е годы

Радиостанция на острове





Поклонный крст
на месте
расстрелов
заключенных
штрафного
изолятора
на Секирке

Место
массовых
захоронений
на Секирке





СТОН (Соловецкая Тюрьма Особого Назначения)





Большой Заяцкий остров. *Современный вид*

Соловецкий монастырь. *Фото 1955 г.*





Соловецкие юнги

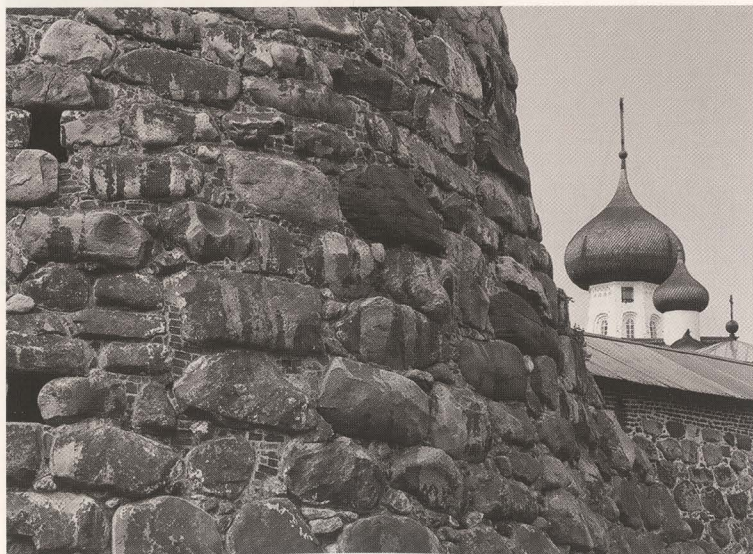
Островной аэродром





Иосиф (Братищев),
первый наместник
восстановленного
монастыря

Архангельская
башня



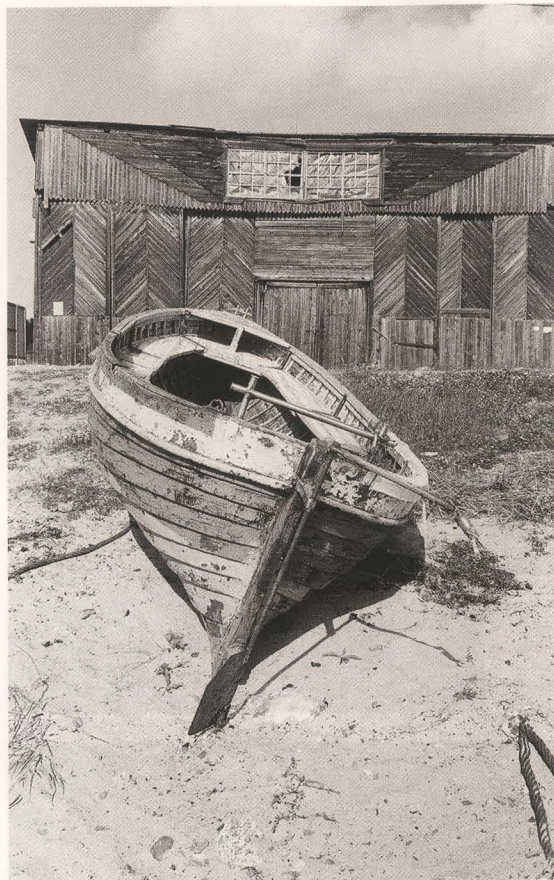


Внутренний двор монастыря

Прядильная башня



Бывший
авиационный
ангар



Поселок



ющих насельников святой обители: “Кто вытерпит сие житие, тот венцы получит”».

Спустя три года пророчества Зосимы (Феодосиева) начали сбываться, но ни самого старца, ни многих из тех, кто мог слышать его, уже не было в живых или не было на Соловецком острове.

Оказавшись в СЛОНе в 1928 году, писатель Олег Васильевич Волков с удивлением обнаружил, что вопреки всему (лагерь особого назначения тогда уже существовал на острове пять лет) иноческая жизнь на Соловках не угасла; она, конечно, видоизменилась, почти растворилась в лагерном быту, но не погибла окончательно.

В своей книге «Погружение во тьму» О. В. Волков писал: «На пустынном Соловецком морском берегу мне довелось видеть небольшую артель рыбаков-монахов, заводивших тяжелый морской невод. Делали они всё молча, споро и слаженно — десяток бородатых пожилых мужиков в подпоясанных подрясниках и надвинутых до бровей скуфьях. Самодельные снасти, карбасы, на каких плавали еще новгородцы; исконная умелость этих рыбаков, слитых с набежавшими студеными волнами; каменистая полоска прибоя и за ней — опушка из низких, перекрученных ветрами березок... Все в этой картине от века: древний промысел, отражающий прочные связи человека с природой, да еще освященный Евангельским преданием... Нет, не суждено этим мирным русским инокам стать апостолами. Оставались считанные дни до изгнания их с острова. И — кто знает? — не ожидали ли их там, на материке, как прославленного Соловецкого игумена преосвященного Филиппа, современные Малюты Скуратовы?»

Читая эти слова, вновь убеждаешься в том, что древние иноческие традиции, заложенные на острове преподобными Савватием, Зосимой и Германом, а впоследствии укрепленные и приумноженные святым Филиппом (Колычёвым), никуда не делись, ибо только они и были смыслом существования монахов и мирян на Соловецком острове. Верность традиции в данном случае следует воспринимать не как механически заученные фразы, движения и поведенческие стереотипы, но как естественное течение жизни в этом диком Поморском крае.

Говоря о бывших насельниках монастыря, оставшихся на острове и занявших «разные хозяйственные должности для обслуживания лагеря», митрополит Мануил поднимает весьма важный и неоднозначный для рядового восприятия вопрос. Речь идет о том, достойно ли сотрудничать с боготорческой властью, с людьми, разорившими Спасо-Преображенский монастырь и превратившими его в концентрационный лагерь? Ответом на этот вопрос была сама судьба владыки, которого связывали весьма непростые отношения с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), а жесткая позиция по обновленцам и прочим раскольникам того времени снискала ему славу человека сурового и непримиримого. Отбрасывая разного рода политические симпатии и антипатии, сиюминутную конъюнктуру и те самые личные обиды, о которых говорил преподобный авва Зосима Палестинский, во главу угла владыка ставил служение Богу, свершение Божественной литургии, иноческий путь, ради которых можно и должно идти на любые жертвы, вплоть до жертвы собственной жизнью. Это принципиальный момент, как представляется, в служении и молитвенном подвиге тех немногочисленных монахов, которые остались на острове, сохранив (до поры) действующим Онуфриевский кладбищенский храм (он, к сожалению, ныне не существует).

Бывший соловецкий заключенный Борис Леонидович Седерхольм писал: «Оно (духовенство. — М. Г.) держится с большим достоинством и мужеством, не высказывая недовольства, на какую бы работу его ни послали. Закончив карантин, духовенство получает должности счетоводов, конторщиков, библиотекарей и т. д. Духовенство ходит одетое сообразно сану и при встрече с лицами более высокого сана подходит под благословение, а с равными обменивается троекратным поцелуем — словом, не отступает от установленных для него правил. Случаи смерти от голода или цинги едва ли заметны, т. к. многие священники получают в достатке продуктовые посылки от родных и прихожан. Церковная служба (в церкви св. Онуфрия) разрешена духовенству лишь по субботам вечерами, после работы. Воскресных богослужений не бывает, т. к. на Соловках нет

дней отдыха для заключенных и каждый из них занят от 5 ч. утра до 8 ч. вечера».

Известно, что церковь во имя святого Онуфрия Великого была единственным действующим храмом в СЛОНе. Службы здесь совершались вплоть до 1930 года. Однако после того, как в 1931 году с Соловков был выведен последний представитель православного духовенства, храм был закрыт, а в 1940 году разобран на кирпич советскими военными моряками Соловецкого учебного отряда Северного флота (по другой версии — разобран заключенными Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения (СТОН) в 1939 году).

Пожалуй, это был абсолютно уникальный храм в советской лагерной системе. По воспоминаниям заключенных, Пасхальную заутреню у Святого Онуфрия могли совершать 13 епископов (разумеется, все они были заключенными СЛОНа). Также следует заметить, что взаимоотношения между немногочисленными представителями соловецкого духовенства (заключенными), оставшимися на острове, и этапированными сюда священниками и священномонахами были предельно уважительными и, невзирая на давление чекистов, строились сообразно сану и церковной субординации.

Обязанности настоятеля на тот момент уже несуществующего монастыря с ведома и одобрения лагерного начальства были возложены на архимандрита Феофана (Окулова). Именно благодаря усилиям этого человека вплоть до конца 20-х годов XX века на острове удалось сохранить, пусть и в усеченном виде, подобие монашеской жизни древнего Беломорского монастыря.

Так, по воспоминаниям бывшего соловецкого заключенного И. М. Зайцева от 1925 года, «иноки говорят, что они работают не на ГПУ, а по-прежнему состоят на послушании у святой обители».

Об архимандрите Феофане известно, что в Соловецком монастыре он проживал с 1888 года, с 1893 года стал послушником, через три года был пострижен в монашество, а в 1899 году был рукоположен в иеромонахи. В 1914 году Феофан стал духовником монастыря, а в 1927 году был возведен в сан архимандрита. То есть к моменту назначения исполняющего обязанности настоятеля бывшего Соловецкого монастыря Феофан был рядовым иеромонахом (или игуменом, но инфор-

мации об этом нет). В 1929 году он был вывезен с острова на материк и через три года скончался.

Сорок один год, проведенный в островной обители, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что Феофан (Окулов), как никто другой, знал жизнь северного монастыря, причем именно в переломные годы, когда смуты и конфликты внутри братии достигли известного предела, а светская власть подвергала обитель преподобных Савватия, Зосимы и Германа беспрецедентному давлению.

Из статьи в журнале «СЛОН» — органе Воспитательно-Трудовой части Управления лагерями: «Никому не нужный, утративший всякий смысл своего существования, рассадник векового дурмана и религиозного фанатизма Соловецкий монастырь превращен в трудовую колонию. Соловецкие Лагерь Особого Назначения резко оживили до того малообитаемые острова; многие сотни людей явились на смену их прежним немногочисленным обитателям. Жизнь забила ключом; жизнь эта растет, создает новые вопросы, разрешает их и мощным движением движется вперед. Соловки перестали быть прежними Соловками; монастырь, монахи — область истории; Соловецкие лагерь — действительность, надежда на будущее».

Итак, к осени 1923 года, когда Соловецкий Лагерь Особого Назначения был официально введен в эксплуатацию, на острове уже содержалось более трех тысяч заключенных.

Первым начальником Управления Соловецких Лагерь Особого Назначения (УСЛОНа) ОГПУ был назначен Александр Петрович Ногтев.

В бывшем Соловецком Спасо-Преображенском монастыре и его скитах начиналась совсем другая жизнь. Особого назначения...

Глава третья

Соловецкая власть

Александр Ногтев. — Структура лагеря. — Положение о СЛОНе. — Отделения. — Лагерное хозяйство. — Политскиты. — Теодорс Эйхманс. — Штрафизолятор на Секирке. — Горький в четвертом отделении. — Быт заключенных. — Карантинный городок. — Анзер и Кондостров. — Тифозный изолятор. — Епископ Максим. — Нерентабельное производство. — Документальный фильм. — Строительная рота. — «Могилевская губерния». — Духоборы. — Репрессии внутри лагерного руководства. — Расформирование Соллага

С этим человеком, неизменно встречавшим этапы из Кеми с карабином в руках, сталкивались почти все заключенные, которые прибывали на остров с октября 1923-го по ноябрь 1925 года.

В своей «Неугасимой лампаде» Б. Ширяев описал его так: «Он был прост и малограмотен, во хмелю большой самодур: то “жаловал” без причины, отпуская с тяжелых работ, одаривал забранными в Архангельске канадскими консервами, даже спиртом поил, то вдруг схватывал карабин и палил из окна по проходившим заключенным... Стрелял он без промаха, даже в пьяном виде... Он лично убивал одного или двух прибывших по собственному выбору. Он делал это не в силу личной жестокости, нет, он бывал скорее добродушен во хмелю. Но этими выстрелами он стремился разом нагнать страх на новоприбывших, внедрить в них сознание полной бесправности, безвыходности, пресечь в корне возможность попытки протеста, сковать их волю, установить полное автоматическое подчинение “закону соловецкому”».

Топивший в его комнатах печи уголовник Блоха рассказывал, что по ночам он сильно мучился. Засыпать мог, только будучи очень пьяным, но и заснувши, метался и кричал во сне:

— Давай сюда девять гвоздей! Под ногти, под ногти гони!

До Соловков он был помощником Саенко, знаменитого харьковского чекиста времен гражданской войны».

Эту главу мы начали с описания первого начальника Управления Соловецких Лагерьей Особого Назначения (УСЛОНа) ОГПУ Александра Петровича Ногтева.

Воспоминания об этом страшном человеке также оставил бывший соловецкий заключенный, один из немногих, кому удалось бежать из СЛОНа в 1925 году, Александр Клиндер: «Ногтев — видный чекист... член центрального исполнительного комитета. Он принимал активное участие в октябрьском перевороте как матрос известного крейсера “Аврора”, обстреливавшего в октябре 1917 года петроградский Зимний дворец с укрывшимся в нем Временным правительством. Помимо своей неумолимой жестокости Ногтев славится в Соловках своей непроходимой глупостью и пьяными дебошами. В самой его физиономии есть что-то безусловно зверское. В лагере его называют “Палачом”. Живет Ногтев со своей семьей в монастырском Кремле, в первом этаже “Управления северными лагерями особого назначения”».

При Ногтеве в лагере был сформирован войсковой уклад, который впоследствии постоянно видоизменялся. Заключенные делились на роты и взводы, командование над которыми осуществляли старосты, а также ротные и взводные командиры, набранные из числа заключенных чекистов и уголовников; политические же к лагерному руководству не допускались.

СЛОН состоял из шести отделений: Кремлевское, Савватиево-Исаково, Муксалма, Секирное отделение, где находился мужской штрафной изолятор (женский был устроен на Большом Заяцком острове), Анзерское отделение и Кондостров.

В свою очередь Первое (Кремлевское) отделение состояло из пятнадцати рот.

Первая рота — заключенные из числа лагерной администрации. Вторая — бывшие советские ответственные работники. Третья — заключенные из числа руководящего состава ОГПУ, следователи, милиционеры. Четвертая — музыканты Соловецкого оркестра. Пятая — пожарники Соловецкой пожарной дружины. Шестая — духовенство. Седьмая — медперсонал. Восьмая — уголовные. Девятая — рядовые чекисты. Десятая — совслужащие. Одиннадцатая рота Отрицательного элемента — карцер. Двенадцатая — рабочие,

ремесленники. Тринадцатая карантинная рота. Четырнадцатая рота — особый режим. Пятнадцатая — мастеровые, лагерная обслуга.

Охрану береговой линии нес Соловецкий особый полк (СОП), рекрутированный из мобилизованных. По большей части это были красные партизаны и добровольцы Гражданской войны.

Интересные воспоминания о социальном и этническом составе заключенных оставил С. А. Мальсагов: «В лагерях Особого Назначения множество представителей гуманитарных профессий, адвокатов, литераторов, учителей, врачей, инженеров. Имеется немалое количество крестьян, рабочих, ремесленников, мелких служащих. Довольно хорошо представлены донские, кубанские, сибирские казаки и народы Кавказа. Из нерусских, являющихся советскими подданными, наиболее многочисленны на Соловках эстонцы, поляки, карелы (многие вернулись из-за границы, поверив в амнистию) и евреи. Последние преимущественно прибывают на Соловки целыми семьями за причастность к сионизму и за экономическую контрреволюцию, под которой ГПУ подразумевает все, что ему заблагорассудится. Много иностранцев, большие группы офицеров старой и новой армии, деловые люди дореволюционной России и советские нэпманы, видные представители старого режима — бюрократия и аристократия, а также духовенство».

Жизнь СЛОНа была строго регламентирована в «Положении о Соловецких Лагерях Особого Назначения Объединенного Государственного Политического Управления» от 2 октября 1924 года.

«Положение» состояло из трех отделов и 196 параграфов.

Процитируем некоторые из них.

Параграф 6. Управление Соловецкими лагерями ОН ОГПУ расположено на острове Соловки в Белом море.

Параграф 39. Взаимоотношения комсостава, воинских частей и лагерной администрации определяются положением о войсках ОГПУ.

Параграф 61. Вместе с заключенными могут быть принимаемы в лагеря только грудные дети, в возрасте до полутора лет (18 месяцев), которые помещаются с матерями. Примечание: дети от полутора лет могут быть оставляемы при родителях впредь до передачи их

лицам, коих родители укажут, или до помещения в детский дом.

Параграф 76. Заключение делятся на пять категорий по признакам преступления и социальному положению. В первую категорию (входят) осужденные рабочие и крестьяне, имеющие не более одной судимости. Во вторую категорию — осужденные, имеющие более одной судимости, и лица иного, чем первой категории, социального положения. В третью категорию — осужденные в порядке ст. 57—73 включительно Уголовного кодекса, кроме политических. В четвертую — рецидивисты, в пятую категорию — осужденные за политические преступления (меньшевики, эсеры и анархисты).

Параграф 113. Работы заключенных имеют воспитательно-трудовое значение, ставя своей целью приохотить и приучить к труду отбывающих наказание, дав им возможность по выходе из лагерей жить честной трудовой жизнью и быть полезными гражданами СССР.

Параграф 155. Разговор заключенных с лицами, посещающими их, должен вестись на понятном для присутствующего надзора языке.

Параграф 169. Карцеры должны быть особо окарауливаемы и возможно более часто (не менее раза в день) посещаемы начальником отделения лагерей, его помощником или старшим надзирателем. Примечание: карцер должен представлять из себя одиночную светлую, сухую камеру, снабженную койкой, но без постельных принадлежностей и безо всякой мебели.

Параграф 170. В случае буйства заключенного, при невозможности прекращения его какими-либо мерами, может быть применено наложение смирительного пояса по распоряжению начальника отделения лагерей или его помощника.

Параграф 185. За побег заключенного отвечают как за преступление по должности все лица, на обязанности коих лежало окарауливание заключенного и наблюдение за его поведением.

Впрочем, строжайшая регламентация не мешала лагерному начальству немилосердно нарушать правила содержания заключенных, о чем мы уже прочитали в воспоминаниях Б. Ширяева и А. Клингера. Нарушения эти по большей части носили демонстративно-злост-

ный характер, а удаленность СЛОНа от материка, центра и, следовательно, от контролирующих органов обеспечивала полную безнаказанность и своеволие как самого А. Ногтева, так и его подчиненных.

Второе и третье отделения СЛОНа — Савватиево-Исаково и Муксалма — являлись ключевыми промышленными единицами лагеря. Так, в Савватиеве находился Соловецкий лесхоз, который к 1925 году уже занимался поставками островного леса через Кемь за границу. В свою очередь, усилиями лагерного Сельхоза № 1 на острове Большая Муксалма, который располагал собственным конезаводом, свинофермой, скотными дворами, птичником, крольчатником, маслозаводом и колбасной мастерской, к 1926 году СЛОИОН перешел на полную самокупаемость, а его (Сельхоза № 1) продукция поступила на внутренний и внешний рынки.

Однако в историю Соловецких ЛагереЙ Особого Назначения второе и третье отделения вошли совсем по другой причине.

Дело в том, что здесь, в Савватиеве и на Муксалме, с 1923 по 1925 год располагались политски-ты (в 1924 году к ним прибавился и лагпункт на острове Анзер).

Режим содержания политических ссыльных радикально отличался от общего режима в первом кремлевском отделении. заключенным в Савватиеве и на Муксалме было разрешено проживать со своими семьями и даже детьми. Комнаты были обеспечены всем необходимым для проживания — кроватями, столами, стульями, шкафами и полками для книг; полагалась регулярная смена постельного белья. Время прогулок не было ограничено. Так как проживание политических ссыльных на Соловках финансировалось Международным Красным Крестом, то и питание заключенных нельзя было назвать лагерным.

Более того, «политическим» было разрешено проводить собрания, кружковую работу, вести регулярную переписку не только в СССР, но и за рубежом; более того, их переписка не контролировалась цензурой. По неоднократным требованиям заключенных политски-тов на остров (в Савватиево и на Муксалму) приезжали представители Международного Красного Креста с целью проверки условий содержания «политических».

Из воспоминаний бывшего соловецкого заключен-

ного М. М. Розанова: «Статус “политический”... имели только члены партий, боровшихся вместе с большевиками против царизма: левые эсеры, социал-демократы (меньшевики) и анархисты... В скитах социалисты по традиции коллективно защищали свои “права политических”, отвоеванные у царизма. У каждой партии был свой выборный, а не назначенный начальством, как у *казров* — контрреволюционер, впоследствии совкаторжанин, приговоренный к 20 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), староста. Был свой завхоз, своя каптерка, куда поступали деньги и посылки от родных. Посылки от Красного Креста поступали тоже в общий котел. Колючая проволока и вышки с часовыми отгораживали социалистов от остальных соловчан. Они не могли выйти за проволоку, но и охране тоже было запрещено переступать “демаркационную линию”. Жизнь в скитах шла относительно безмятежно в сравнении с бурной кремлевской... Выписывались книги, газеты, журналы; словом, все, как в проклятом прошлом».

По понятным причинам особый режим содержания «политических» (в сравнении с первым отделением второе и третье были просто домами отдыха) не мог не вызывать недоумения и раздражения как на самом острове, так и в центре. В декабре 1923 года в СЛОН пришло распоряжение, согласно которому в отношении политических ссыльных вводилось ограничение времени пребывания вне помещений. Для доведения распоряжения до заключенных в Савватиево был отправлен отряд красноармейцев.

Бывший помощник коменданта Второго лагеря политзаключенных в скиту Савватиево Андрей Иванович Роцин так описал эти события: «Надо сказать, что политические заключенные пользовались абсолютной свободой. Они находились в изолированном, околоченном колючей проволокой лагере, в двухэтажном доме... У них было самоуправление. Мы не вмешивались к ним. Только наружное наблюдение с постов... Они же постовых на вышках часто обижали, подходили к этим вышкам и ругали бойцов... В конце концов это привело к трагедии. В общем, из Москвы приходит однажды директива: ограничить пребывание на свежем воздухе от и до, примерно до шести часов вечера. Как раз в этот день дежурил я. Посылает меня Башмаков к старостату

с указанием явиться им в комендатуру — расписаться в приказе об изменении порядка пребывания заключенных на воздухе. Старостат отказался».

Далее события пошли, увы, по худшему сценарию. «Политические» отказались от исполнения этого приказа, намеренно покинув помещения в запрещенное время. Столкновения с охраной и прибывшими красноармейцами закончились трагедией — шесть убитых. В ответ на события в Савватиеве заключенные политскита на Муксалме объявили всеобщую многодневную голодовку.

Об инциденте сразу стало известно в Москве, также о расстреле политических заключенных на Соловках сообщило несколько европейских периодических изданий. Чтобы замять ситуацию и по возможности успокоить международную общественность, руководством лагеря было принято решение в виде исключения захоронить погибших рядом с политскитом. Мемориал погибшим Г. Качоровскому, Е. Котовой, В. Попову, Н. Бауэр, М. Горелику и Г. Билима-Постернакову просуществовал в Савватиеве до 1925 года.

В ходе следствия по этому делу начальник УСЛОН А. П. Ногтев был срочно вызван в Москву. Внезапное исчезновение «Палача» с острова дало повод для многочисленных слухов. В частности, Б. Ширяев в своей книге «Неугасимая лампада» выдает желаемое за действительное — якобы Ногтев был тогда арестован за превышение полномочий и воровство, расстрелян и похоронен в неизвестной могиле на острове. Эту ошибочную информацию можно встретить в некоторых публикациях, посвященных СЛОНу, и по сей день.

На самом же деле в мае 1929 года А. П. Ногтев вновь вернулся на Соловки в прежней должности и пробыл здесь до мая 1930 года. В частности, известна его совместная с Максимом Горьким и Г. И. Бокием фотография на острове, сделанная в 1929 году.

В 1939 году А. П. Ногтев был осужден на 15 лет лагерей в Норильлаге, но по амнистии был освобожден через семь лет. Умер он в Москве в 1947 году в возрасте пятидесяти пяти лет.

В июне 1925 года, согласно постановлению СНК СССР, содержание политических ссыльных в Соловецком Лагере Особого Назначения было прекращено, и все «политические» были вывезены с острова на материк.

С ноября 1925-го по май 1929 года должность начальника УСЛОНа занимал бывший красный латышский стрелок Ф. И. Эйхманс. «Он был иного типа, — пишет В. Ширяев, — интеллигентный (бывший студент Рижского политехникума), деловитый, энергичный, он делал карьеру на революции, дал промах на прежней службе, а потом на Соловках старательно и умно выслуживался... При Эйхмансе кровавый хаос Ногтева постепенно замыкался в твердую, четкую систему советской каторги».

Именно при Федоре (Теодорсе) Ивановиче на Секирной горе, на территории бывшего Вознесенского скита, организовывается четвертое отделение СЛОН ОГПУ — мужской штрафной изолятор.

Изолятор комплектовался из отказников из числа уголовного элемента, рецидивистов, осужденных по 58-й статье, а также бывших «политических». Охрана и надзор осуществлялись силами сосланных в СЛОН за должностные преступления офицеров РККА, милиционеров и чекистов. Срок содержания в штрафизоляторе составлял от двух недель до года. Однако год здесь не выдержал никто.

Из «Положения о Соловецких лагерях особого назначения Объединенного Государственного Политического управления»:

«Заключенные штрафного разряда содержатся в одиночном заключении и в особо предназначенных для них камерах и пользуются правом свидания, выписки и посылки писем не чаще одного раза в два месяца, а также могут получать не более одного раза в три месяца передачи. Заключенные этого разряда назначаются на особые работы (уборка выгребных ям и пр.). Примечание: заключенные этого разряда определяются в порядке дисциплинарном (параграф 165, Дисциплинарные меры)».

А теперь познакомимся с воспоминаниями тех, кто содержался на Секирке. Иван Матвеевич Зайцев, соловецкий заключенный в 1925—1927 годах:

«Нас заставили раздеться, оставив на себе лишь рубашку и кальсоны. Лагстароста постучал болтом во входную дверь. Внутри заскрипел железный засов, и тяжелая громадная дверь отворилась. Нас втолкнули внутрь так называемого верхнего штрафизолятора. Мы остановились в оцепенении у входа, изумленные пред-

ставшим перед нами зрелищем. Вправо и влево вдоль стен молча сидели в два ряда на голых деревянных нарах узники. Плотно, один к одному. Первый ряд, спустив ноги вниз, а второй сзади, подогнув ноги под себя. Все босые, полуголые, имеющие лишь лохмотья на теле, некоторые — уже подобие скелетов. Они смотрели в нашу сторону мрачными утомленными глазами, в которых отражалась глубокая печаль и искренняя жалость к нам, новичкам. Все, что могло бы напомнить о том, что мы в храме, уничтожено. Росписи скверно и грубо забелены. Боковые алтари превращены в карцеры, где происходят избиения и надевания смиренных рубашек. Там, где в храме святой жертвенник, теперь огромная параша для “большой” нужды — кадка с положенной сверху доской для ног. Утром и вечером — проверка с обычным собачьим лаем “Здра!”. Бывает, за вялый расчет мальчишка-красноармеец заставляет повторять это приветствие полчаса или час. Пища, причем очень скудная, выдается единожды в сутки — в полдень. И так не неделю или две, а месяцами, вплоть до года».

Емельян Соловьев, соловецкий заключенный в 1925—1932 годах: «Узникам Секирки не разрешается писать и получать письма, запрещены посылки и право пользоваться ларьком, даже если на счету есть деньги. Утром по кружке кипятка, а позднее по три четверти фунга черного недопеченного хлеба, который мгновенно съедается... Если арестанту понадобится сходить по естественным надобностям, то без разрешения он не может встать и пойти в шкаф, где находится малая параша... Многие ложатся в штабеля, чтобы сохранить тепло. Один ряд ложится на пол, другие на них, а третий ряд еще выше. И так чередуются, чтобы не замерзнуть».

Борис Леонидович Седерхольм, соловецкий заключенный в 1925 году: «С Секирной горы редко кто возвращается обратно, а если и возвращается, то с увеличенным сроком пребывания в лагере, так как административная коллегия имеет право выносить приговоры помимо Москвы, включительно до смертной казни! Этим правом коллегия пользуется в самом широком объеме».

Летом 1929 года четвертое отделение на Секирной горе посетил «буревестник пролетарской революции»

Алексей Максимович Горький (об этом мы уже писали). Почему писателя привезли именно сюда, где к тому времени (начальником УСЛОНа вновь был А. П. Ногтев) полным ходом шли расстрелы, а уничтожение штрафников самыми изощренными способами было поставлено на поток, не вполне понятно.

Но предположить можно.

Дело в том, что именно в это время на Соловках шла очередная чистка рядов лагерной администрации, а также сотрудников охраны и надзора. Видимо, высокому московскому гостю хотели показать, что все нарушения и злоупотребления искореняются «надлежащим образом».

Из материалов следственного дела № 877.

Игорь Курилко (сотрудник ОГПУ, бывший комендант Кемьперпункта Соллаг ОН): «Вся система битья и издевательства над заключенными была именно системой, а не единичными случаями. Об этом прекрасно знает вольнонаемное начальство и поощряло это тем, что не предпринимало никаких мер для искоренения... Мы всегда были убеждены, что не сам Потёмкин, не сам Кривошеин или Ржевский (лагерное начальство того времени. — М. Г.) выдумали и проводили в жизнь всю эту систему избиения. Мы отлично знали, что то же самое (и еще хуже) делалось и делается в Соловках, на Секирке, на всех командировках... Потёмкин и такие же начальники, как он, подчинялись общей обстановке, общему положению вещей, ставшему системой».

Вильгельм Канеп (сотрудник ОГПУ, бывший красный латышский стрелок, лагерный староста в четвертом отделении СЛОНа): «В бытность мою лагерным старостой не раз были обходы и обследования лагерей и командированным высшим начальством, и прокурором как из центра, так и очень часто местным Кемским прокурором, и всё это поверхностно, сами видели, что творится в лагерях и на командировках...

Помню случай, когда приехал на Соловки Максим Горький с рядом лиц из центра, они были на Секирной горе, и там они оставили свою заметку в контрольном журнале при начальнике Секирной Сурикове. Кто-то из начальства ОГПУ Москвы отметил: «при посещении мною Секирной нашел надлежащий порядок», а Мак-

сим Горький ниже приписал следующую фразу: “сказал бы — отличный”, и его подпись».

Однако, что и понятно, подобного рода «меры», якобы направленные на соблюдение социалистической законности на Соловецких островах, ни к чему, кроме как к рецидивизму в среде уже не раз отсидевших сотрудников ОГПУ, не приводили. Это была замкнутая ротация, когда наказанные (если не расстрелянные) чекисты, озлобленные и униженные «своими» же, с понижением в должности вновь возвращались к своей работе, к которой приступали с особой жестокостью, мстя в первую очередь заключенным.

А количество заключенных на острове росло с каждым днем...

Из воспоминаний И. М. Зайцева: «В 1925—1927 годах вследствие чрезмерного многолюдства были набиты заключенными все крытые здания и постройки: храмы, часовни, конюшни, амбары, разного рода навесы и прочее. Во всех помещениях соловчане были спрессованы не только на нарах, но и валялись на полу под нарами и в других местах, где можно было прилечь. Приспособленные нежилые помещения не отапливались, арестантам предоставлялось самим, собственной теплотой согревать занимаемые ими камеры, поэтому в холодное время там стоял густой туман, со стен и потолков падали капли сгустившихся испарений; воздух был зловонно-удушливый».

С 1924 по 1928 год количество заключенных на острове выросло с 5872 до 10 тысяч человек.

Монастырские постройки уже не могли вместить прибывающие из Кеми и Архангельска этапы ссыльных. По этой причине в 1928 году южнее монастыря, за Онуфриевской кладбищенской церковью, начинается строительство рабочего поселка, куда в 1929 году переводят отдельный лагпункт — Карантинный городок на 800 человек.

Также происходит дальнейшее освоение островов Соловецкого архипелага — Анзера и Кондострова, где располагаются пятое и шестое отделения СЛОНа.

В 1924 году на Анзере находился лагпункт для содержания политических заключенных, но после ликвидации в 1925 году системы политскитов на остров из первого кремлевского отделения стали этапировать

священнослужителей, инвалидов, а также не способных по той или иной причине к тяжелому физическому труду.

В 1929 году в связи с эпидемией сыпного тифа, вспыхнувшей на острове (чего, следует заметить, никогда не было на Соловках раньше), в четвертом отделении был устроен тифозный изолятор, куда свозили больных со всех командировок и отделений лагеря.

О том, что происходило на Анзере в эти годы (1929—1930), сохранились воспоминания как тех, кто там отбывал наказание, так и тех, кто надзирал и охранял. Это тот редкий случай в истории СЛОНа, когда воспоминания и свидетельства с обеих сторон не противоречат друг другу.

Извлечения из «Справки и материалов из дела № 363 по тифозному изолятору на о. Анзер»:

«В период сыпно-тифозной эпидемии зимой 1929/30 года больные, поступавшие на излечение... зачастую в бессознательном состоянии, в течение 10—12 часов, а иногда и больше, ожидали в холодном коридоре на грязном полу, в грязи и во вшах, в невероятной скученности, пока их не примут в лазарет. После ванны больные, одетые в одни халаты или одеяла поверх белья и в лапти — часто даже без портянок, пешком в холод и снег переводились в другие отделения лазарета иногда на значительные расстояния. Не могущих следовать пешком сваливали на сани и ничем не прикрытых доставляли по месту назначения. Больные простуживались, возникали осложнения и увеличивалась смертность. Прибывшие в тифизолятор помещались в холодной палате, иногда даже на полу, за отсутствием топчанов по три человека на один матрац. Зачастую трое больных лежали на двух топчанах, прикрытые общим одеялом. В других отделениях лазарета было не лучше, не хватало дров, инвентаря, оборудования, белье сменялось раз в десять и даже четырнадцать дней...»

Из воспоминаний бывшей соловецкой заключенной Ю. Н. Данзас:

«Как описать ужас происходящего, когда, например, в церквушке заперли несколько сот человек, заболевших дизентерией, полутолых, лежащих на ледяном полу? Их оставили умирать, и каждое утро люди, воору-

женные длинными морскими баграми, приоткрывали ворота, чтобы вытащить трупы, а в это время живые пытались удерживать мертвые тела, которые служили им вместо матрацев».

Описанное Юлией Николаевной Данзас происходило в Воскресенской церкви острова Анзер, которая в 1929—1930 годах служила помещением так называемого «взвода Отрицательного Элемента» командировки Голгофа четвертого отделения СЛОН ОГПУ.

Совпадение свидетельств мучимых и мучителей о творимых на острове зверствах по отношению к тифозным больным имеет свое объяснение.

Тифозный карантин существовал и в кремле. Видимо, речь в данном случае шла о тех, кого везти на Анзер было уже бесполезно. В местном лазарете зимой 1929/30 года от тифа умерли 3959 человек.

В 1929 году на смену начальнику УСЛОН Ф. И. Эйхмансу (1897—1938) вновь приходит «палач» Ногтев, что означает очередную перетряску всего лагерного руководства, охраны и обслуги. Широкую огласку получает дело «О контрреволюционной деятельности надзорсостава» и «Материалы по тифозному изолятору на о. Анзер», а все фигуранты этих дел привлекаются к уголовной ответственности.

«Крайними» в анзерском кошмаре «новое» старое руководство лагеря назначает группу сотрудников санчасти четвертого отделения во главе с врачом Михаилом Жижиленко.

Биографическая справка.

Епископ Максим (Михаил Александрович Жижиленко; 1885—1931), брат профессора уголовного права Александра Жижиленко, выступавшего в 1922 году общественным защитником в «деле митрополита Вениамина» в Петрограде. Михаил Александрович окончил медицинский факультет Московского университета, был главврачом полевого госпиталя РККА в 1919 году, а с 1922 по 1928 год — главврачом больницы Таганской тюрьмы. Был лично знаком с патриархом Тихоном. С 1927 года в расколе. В 1928 году принял монашеский постриг с именем Максим и тайно хиротонисан во епископа Серпуховского. Состоял в непримиримом конфликте с митрополитом Мануилом (Лемешевским), тоже отбывавшим заключение в СЛОНе. Арестован в

апреле 1929 года и этапирован на Соловки. На острове совершал тайные богослужения. Работал врачом в тифозном изоляторе четвертого отделения СЛОН ОГПУ. В 1930 году арестован уже на Соловках и этапирован в Бутырскую тюрьму в Москве, где и был расстрелян 4 июня 1931 года.

Уже в конце 20-х годов стало ясно, что высокопарные ленинские рассуждения о том, что лагерная система не наказывает, а перевоспитывает, есть не что иное, как демагогия. Опять же, и с этим соглашались даже советские вожди, рабский труд заключенных не может быть эффективным, а единственной возможностью поддерживать эту варварскую экономическую схему в работе является постоянное пополнение трудармии «человеческим материалом».

Более того, низкая производительность труда и низкий уровень квалификации не позволяли выполнять высокотехнологичные работы, и, как следствие, результаты этого труда могли иметь исключительно местное применение, в принципе не будучи конкурентоспособными ни на внутреннем, ни на внешнем рынках. Единственным «плюсом» каторжного труда был его валовый (поточный) характер, возможный лишь при концентрации огромного количества рабочих рук.

К лету 1931 года производство СЛОНа было окончательно признано нерентабельным и его начали ликвидировать. На материк были вывезены УЖД (узкоколейная железная дорога), которая обслуживала торфоразработки и лесопильный завод, сам лесопильный и чугунолитейный заводы, типография, большая часть скота и почти весь запас продуктов (часть их сохранялась на острове еще со времен существования монастыря).

Если в 1930 году количество заключенных превышало 15 тысяч человек (неофициально говорили о 25 тысячах), то в 1931 году их численность сократилась до 13 тысяч человек, притом что этапы с материка безостановочно поставляли на «Остров мертвых» новых и новых обреченных остаться здесь навсегда.

Основной поток трудармейцев теперь был перенаправлен на строительство Беломорско-Балтийского

канала, а Соловецкие Лагеря Особого Назначения медленно, но верно превращались в лагеря смерти.

Если в начале 20-х годов убийство шести политических ссыльных в Савватиеве повлекло за собой отставку всей лагерной верхушки, то на рубеже 30-х годов расстрелы без суда и следствия на Секирке и массовое умерщвление тифозных больных на Анзере и в кремле вошли в привычный соловецкий обиход. Ротация же надзорсостава была исключительно чекистской формой и производилась систематически лишь для продвижения «своих» людей на выгодные должности. В остальном же кровавые «опыты» над заключенными продолжались во всех отделениях и на всех соловецких командировках.

Впрочем, некоторые попытки «живописать» СЛОИ как место перевоспитания и продуктивного труда еще предпринимались.

Наряду с посещением острова Максимом Горьким, в 1928—1929 годах по заказу ОГПУ режиссер Андрей Черкасов на студии «Совкино» снимает немой документальный фильм «Соловки (Соловецкие лагеря особого назначения)» (оператор В. Савенко, художник Р. Банцан). Вместе с фильмом была выпущена брошюра-либретто А. Даля, предназначенная, как следует из аннотации, для политпросветработников, работающих с весьма специфическим контингентом зрителей (заключенными, надо думать).

Предположительно заказ ОГПУ на создание подобного рода игрового кино (назвать показанное кинодокументом невозможно, ничего общего с тем, что происходило на Соловках в то время, картина не имела) поступил после того, как на Западе появились первые публикации бывших узников СЛОИ (освободившихся и бежавших).

В своей книге «Лагеря смерти в СССР» Николай Игнатьевич Киселев-Громов, бывший сотрудник ОГПУ, служивший в инспекционно-следственном Управлении СЛОИ и впоследствии бежавший в Финляндию, так описывал съемки фильма на острове:

«Летом 1928 года УСЛОИ получил от Лубянки-2 совершенно секретное отношение, в котором писалось примерно так: “Мировая буржуазия и прихвостни из второго, желтого интернационала ведут ожесточен-

ную антисоветскую агитацию... В целях борьбы с ней вам надлежит принять меры к освещению истинного положения в СССР путем воссоздания действительной жизни СЛОНовского заключенного в кинофильме 'Соловки'".

В кремле Соловецкого монастыря есть небольшая площадка, засаженная деревьями. На эту площадку привели, конечно, в строю, заключенных женщин. Так как одеяние их совершенно не подходило для чекистского фильма, их предварительно нарядили в платья расстрелянных в Москве каэрок. Такой одежды в 1928 году было привезено два вагона... Ротным командирам было приказано привести, тоже, конечно, в строю, заключенных мужчин, имевших собственную хорошую одежду. Начальник команды духового оркестра, чекист, вывел оркестр на площадку и приказал наигрывать вальсы. Измученные заключенные не знали, что им делать, и стояли унылой, безразличной толпой... ротные командиры врзались в толпу заключенных и стали расталкивать их, чтобы они не стояли скучившись.

На Соловках она (15 рота) называется "строительной ротой". В ней помещаются заключенные квалифицированного труда: плотники, столяры, бондари и проч. Заключенные этой роты размещены в двух этажах. В роте двухъярусные нары, неимоверная грязь и вонь; темно, сыро и всегда холодно. Никаких столов и скамеек нет: заключенные обедают на нарах, кто как приспособится. Одним словом, для "правдивого" фильма обстановка роты была не подходящая... Так как ни один заключенный не имел собственных, в прямом значении этих слов, постельных принадлежностей, то было приказано выдать на время простыни, одеяла, подушки... роту и ее помещение было приказано вымыть.

Характерно: за нелегальное свидание заключенного мужчины с заключенной женщиной в СЛОНе полагается от 14 до 30 суток карцера, за повторение этого "преступления" — от шести месяцев до одного года штрафного изолятора; на фильме же, который, может быть, пришлось и придется, читатель, видеть и вам, заключенные мужчины весело прогуливаются под ручку с заключенными женщинами... Много есть и других, хорошо сфабрикованных картин в этом

подлом фильме... Фильм сделан не плохо: в нем много прекрасных соловецких видов с лесами, озерами, морем и другими суровыми красотами северной природы, но нет главного: нет Конд-острова, нет вырытых в земле “крикушников”, нет “Секирки”, нет женщин, одетых в мешки (они живут на Анзеровском острове); на нем не увидите вы заключенных с отрубленными пальцами и кистями рук... Вообще там нет слез, крови, великих мук и смертей, которыми переполнена действительная жизнь действительных заключенных СЛОНа».

Пропагандистский фильм предполагалось показать как иностранному, так и советскому зрителю, чтобы опровергнуть «измышления» бывших заключенных о «гуманном» лагере особого назначения. Интересна реакция на «Соловки» в СССР — рабочие (целевая аудитория), которым была показана картина, были возмущены тем, насколько хорошо живется преступникам, а также было высказано недоумение, почему советская власть так терпима и добра к своим врагам. В результате фильм был снят с проката и положен на полку. Лишь в 1988 году стараниями историка и сценариста Виктора Листова и режиссера Марины Голдовской картина была извлечена из архива и стала доступна широкому зрителю.

...И, наконец, шестое отделения СЛОНа, более известное как «могилевская губерния», находилось на Кондострове в бывшем Никольском скиту. Изначально сюда отправляли провалившихся стукачей, а также информаторов лагерной администрации. Делалось это специально, потому как в противном случае им грозила неминуемая «нечаянная» смерть где-нибудь на лесоповале, в заводской каптерке или отхожем месте.

В 1926 году Кондостров был реорганизован в лагпункт, куда с островных и материковых командировок УСЛОН ОГПУ ссылали инвалидов, тех, «с кого, — как писал А. И. Солженицын, — больше уже не выбьешь ни куба земли, ни куба леса: цинготники в последней стадии, саморубы без пальцев или ступней, обмороженные с гниющими членами, искалеченные на работе или дрынами начальства, “леопарды”, уже не в силах нестись вперегонки четверками на оправку, страдающие неизлечимыми болезнями, и те, на кого начальство охот-

нее и поскорее бы взглянуло в братской могиле. Кондостров не был мертвым домом Достоевского, а домом вымирающих Соловецкого концлагеря, самой большой Соловецкой общей могилой, если не считать ям, заполненных на Онуфриевом кладбище за кремлем. В эту человеческую свалку на Кондострове если всё еще и отсылали стукачей, то они тонули в общей массе и им было не до издания стенгазеты “Стукач” и обвинения друг друга в “задроченности”».

Из воспоминаний Н. И. Киселева-Громова: «Заключенные на Кондострове живут в трех местах: в пяти бараках при штабе пункта и на командировках “Абакумиха” и “Маковица”; на последней находится и неперемное приложение при всех отделениях и пунктах СЛОНа — штрафной изолятор. Кроме того, имеется 40—50 заключенных с трудоспособностью 4-ой категории: они живут при маленьком смолокурном заводике, которым заведовал инженер Крыжановский Василий Васильевич (умер от тифа в зиму с 1929 на 1930 год). Работают только эти 40—50 человек, все остальные сидят безвыходно в бараках, получают 300 грамм черного сырого хлеба, два раза в день воду, в которой варилось пшено, и ничего не делают. Последнее для СЛОНа как будто странно, но они действительно не работают: они стоят одной ногой уже в могиле...

В количестве 65 они (духоборы) были присланы на Кондостров для “загиба” летом 1929 года. Несчастные духоборы испили в СЛОНе полную чашу страданий...

Они отказывались называть чекистам свои имена и фамилии, именуя себя “сынами божьими”. За это их немилосердно избивали. Духоборы умоляли чекистов застрелить их, но фамилий и имен своих все-таки не называли. В конце концов ИСО (инспекционно-следственное отделение) решило отправить их “на загиб” к “Шурке” Новикову, на Кондостров. Новиков отвел им в лесу место и велел строить себе землянки. Получив пилы и топоры, они приступили к постройке, а пока землянки строились, спали под открытым небом у костров. Заставить их назвать себя не смогли и на Кондострове. Самоуверенный Новиков сначала решил, что он заставит их и назвать свои фамилии, и работать. Но ошибся: избиваемые им плетью, они по-старому называли себя

“рабами божьими” и умоляли застрелить их. Эта просьба духоборов бесила полунормального Новикова, и после нее он бил их с новыми силами, которые ему давало бешенство...»

По сути Кондостров стал именно тем, чем и были концентрационные лагеря в РСФСР и СССР изначально, — местом массового уничтожения заключенных. Само лагерное начальство признавало (об этом пишет Н. И. Киселев-Громов), что никакой пользы от «доходяг» нет, потому что они уже не могут ничего делать, а о перевоспитании речь на острове давно не шла.

Поддерживать жизнь заключенных на должном уровне было убыточно для лагеря; следовательно, единственной возможностью существования системы (абсолютно варварской и преступной) было создание невыносимых для жизни условий, когда предельно высокий уровень смертности от болезней, голода, издевательств, неоказания помощи, а также доведение до самоубийства и казни без суда и следствия стали показателем профессионального подхода к своей работе лагерной администрации. «Человеческий материал» в Соловецком Лагере Особого Назначения использовался по прямому назначению, то есть подвергался целенаправленной и планомерной ликвидации.

За период с 1930 по 1933 год на острове сменилось три начальника лагеря — А. А. Иванченко, Э. И. Сенкевич, Я. А. Бухбанд, а также три временно исполняющих обязанности начальника лагеря — К. Я. Дукис, Бояр и Иевлев. Итого шесть руководящих чинов ОГПУ прошли через Соловки и сгинули (почти все) на спецобъекте ОГПУ—НКВД «Коммунарка».

Из книги О. В. Волкова «Погружение во тьму»:

«По обе стороны колонны шли сплошной цепью стрелки. Шли с винтовками наизготовку. Командиры шагали с наганами в руках. Не было обычных криков, матюгов, команд. Зловещее молчание. Народу гнали много, вероятно, более двухсот. Судя по одежде, то были не лагерники, а доставляемые из тюрем. В последнее время ходили упорные слухи о крупных партиях арестантов, сразу с пристани сопровождаемых на Секирную гору. Про то, кто эти обреченные, толковали разное... уверяли, что был открыт заговор в недрах самого

“ведомства”... Но кто бы они ни были, вели их на смерть. О том, что Секирная гора превращена в лобное место, солдовчанам было известно доподлинно. Этап прошел... Мы углубились в лес. И всё стояли перед глазами эти люди, из последних сил тащившие тяжелые вещи, в которых уже не было нужды».

Агония СЛОНа, пожирившего себя изнутри, была очевидна.

«Остров мертвых», изначально лежавший у подножия священных гор, теперь пресмыкался перед горой Секирной.

Лагерь особого назначения, еще несколько лет назад бывший передовым в советской пенитенциарной системе, сменивший Холмогорский и Пертоминский концентрационные лагеря смерти, насадивший в умах советских людей мысль о неотвратимости наказания и неизбежности перевоспитания, оказался на задворках ГУЛАГа. Теперь Соловецкий остров не вписывался в глобальные планы партии и правительства по переустройству жизни на материке. Начало строительства Беломорско-Балтийского канала и канала им. Москвы отвлекло на себя основные силы как заключенных (каналоармейцев), так и надзирающих, охраняющих и этапирующих структур ОГПУ—НКВД.

Из приказа по ОГПУ № 13 от 25 апреля 1930 года «О записи добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу во вновь организующиеся лагеря»:

«Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря, играющие большую положительную роль в деле промышленного и культурного развития далекого Севера Европейской части нашего Союза. Новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразующую роль в хозяйстве и культуре далеких окраин.

Приказываю:

Открыть запись добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу в имеющихся и вновь организованных лагерях. Срок службы в лагерях установить 3-годовалый, после чего желающие поменять место работы будут переводиться на оперативную работу в местности по их выбору. Раз в год добровольцам предоставлять отпуска сроком на два месяца; по истечении 3-х лет службы выдавать денежное вознаграждение, вы-

слугу в размере 3-месячного оклада и предоставлять дополнительный 3-х месячный отпуск.

Зам. Председателя ОГПУ Г. Ягода».

В 1931 году Соллаг ОН был расформирован и вошел в состав Белбалтлага, однако через год вновь открыт и уже окончательно прекратил свое существование лишь в 1933 году с полной передачей имущества и заключенных в ведение Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря.

Таким образом, в начале 30-х годов XX века после жутких экспериментов над собственным населением в СССР окончательно сложилась система тотального лагерного хозяйствования, которая пронизала все слои советского общества, поделив граждан Страны Советов на тех, кто сидел, и тех, кто их охранял.

Глава четвертая

Ввержение во тьму

СТОН. — Братья Минихи. — Строительство тюрьмы. — Тюремный режим. — Закрытие тюрьмы. — Ликвидация тюремного руководства. — Учебный отряд Северного флота. — Лабиринт. — Погружение во тьму. — Новое религиозное сознание

20 февраля 1937 года решением Наркомата внутренних дел Соловецкий Лагерь Особого Назначения был преобразован в Соловецкую Тюрьму Особого Назначения (СТОН) ОГПУ.

Летом того же года нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», на основании которого с августа 1937-го по ноябрь 1938 года было казнено 390 тысяч человек, а 380 тысяч были высланы в лагерь ГУЛАГа.

Для Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения квота составила 1200 человек. Расстрелы проходили на Секирной горе, а также в урочище Сандормох под Медвежьегорском и в Ленинграде, куда были этапированы узники СЛОНа.

«Соловецкий кремль превратился в спецтюрьму. Спешно огородили окна железными прутьями для новых “жилцов”. Скоро мы их увидели. Это были бывшие люди — “жатва Ежова”. Мест для них не хватало, и нас, рядовых зека и старых соловчан, отправили на материк в Белбалтлаг» — из книги бывшего заключенного СТОНа А. Светлова.

В 1938 году силами заключенных, количество которых сократилось с 12 тысяч до 1500 человек, на острове началось строительство здания тюрьмы, спроектированного заключенными, братьями-близнецами Борисом Васильевичем и Константином Васильевичем Минихами.

Узнать об этих людях удалось следующее. Родились они в 1900 году в Варшаве в дворянской семье. Некоторое время работали в Московском тресте «Горгражданстрой». В 1936 году по обвинению в шпионаже и терро-

ристической деятельности были арестованы и осуждены на восемь лет. На Соловках работали в проектно-сметном бюро. Уже после завершения в 1939 году строительства здания тюрьмы (кстати, оцененного начальством НКВД очень высоко) на Соловках братья Минихи были обвинены в создании повстанческой организации и вывезены в Москву, где через год их расстреляли.

Эта короткая биографическая справка — лишь одна из сотен тысяч подобных, из которых и состоит история ГУЛАГа в целом и СТОНа в частности.

Из воспоминаний бывшего узника Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения Иллариона Сергеевича Поздьева: «Полузадохнувшиеся в тюремных казематах, без нормального кислорода, провонявшие насквозь парашными выделениями и потом, мы были обессилены и походили на живые мумии. От свежего воздуха кружилась голова, подкашивались ноги...

С июня приступили к работе. Строительные объекты тюрем в обиходе назывались площадками. Вначале тюремное начальство направило нас на площадку, где разбирались старая церковь (речь идет об Онуфриевской кладбищенской церкви. — *М. Г.*) и кладбище. Разбирали строение, выкапывали покойников из могил монастыря и выбрасывали их в отвал. Вонь из раскопанных могил и трупов из них, со смердящим смертным ядом, отравляла нас, вызывала головные боли, рвоту и отравления. После случаев отравления трупным ядом стали выделять лошадей с грабарками и передками для перевозки трупов. Рыли котлован фундамента, как говорили, под больницу. Фактически это строился какой-то блиндаж или убежище, с глубиной котлована под фундамент более 15 метров.

Потом нас стали выводить на площадку бывшего кирпичного завода, затем новой тюрьмы, где проводили уборочные работы и строили дороги, ремонтировали мосты, разбирали ненужные строения. Работал я и на площадке бывшего йодового завода... Там также копали котлованы, траншеи и занимались планировочными работами. Плинтовали и убирали камни на площадке строительства аэродрома. Построили дамбу из булыжника, отвоевав у моря огромное пространство для аэродрома: для обычных самолетов и гидросамолетов».

Сокращение числа заключенных при сохранении, если не увеличении, численности надзорсостава привело к ужесточению режима, окончательно унифицировав повседневную жизнь в СТОНе. Отдаленные лагерные командировки на Большом Соловецком и Анзерском островах, а также на Муксалме были ликвидированы. Заключенные отныне содержались в периметре кремля. Было проведено кардинальное перепрофилирование их мест содержания.

Бывший узник Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения Б. Л. Оликер так описал место своего содержания: «Замки на дверях проверялись ежечасно... В камере, бывшей келье, стояло шесть коек. Между ними был промежуток двадцать пять — тридцать сантиметров. Это была та “площадка”, по которой заключенный мог ходить... Каждое карцерное отделение имело “предбанник”, где находился надзиратель, и две карцерные камеры... Карцер имел вид лежащей бетонной трубы диаметром примерно сто восемьдесят сантиметров и длиной около пяти метров, в середине вделан в бетон железный стул — стоящая торчком двугавровая балка, с приваренной сверху железной пластинкой размером с дамский носовой платок. На стене сбоку была прикреплена узкая доска на шарнирах, опускаемая с двенадцати ночи до шести часов утра — время, отведенное для лежания. Остальное время можно стоять, ходить или сидеть на железном стуле. Окна в карцере не было, а лампа над дверью светила круглые сутки. Парашу же я должен был наполнять пять суток без выноса. Помещение не отапливалось...»

Рост числа заключенных на острове и концентрация их в кремле требовали освоения новых площадей. Так, по воспоминаниям Д. С. Лихачева, «при СЛОНе помещение Никольской башни использовалось как склад и считалось непригодным для обитания. С образованием тюрьмы там устроили огромную камеру без уборной, без настоящего отопления».

Введенный в 1939 году в эксплуатацию тюремный корпус на Кирпзаводе (архитекторы — братья Минихи, главный инженер — Гусев) так и не был использован по назначению.

Неожиданно осенью 1939 года из Москвы за подписью народного комиссара внутренних дел Союза ССР,

комиссара государственной безопасности 1-го ранга Л. П. Берии пришел приказ «О закрытии тюрьмы на острове Соловки».

В нем, в частности, говорилось:

«Соловецкую тюрьму закрыть.

Заклученных тюрьмы перевести во Владимирскую и Орловскую тюрьмы.

Лагерный контингент тюрьмы передать в распоряжение ГУЛАГа НКВД СССР.

Все материальные ценности, здания и сооружения, электростанцию, подсобное хозяйство, незавершенное строительство, самолеты, пароходы, радиостанции, баржи и т. д. передать Наркомату Военно-Морского флота.

Этапирование всех заключенных, перемещение личного состава тюрьмы и вывоз материальных ценностей закончить 15 декабря 1939 года».

Ликвидация тюрьмы во исполнение установленного срока проходила лихорадочно и сопровождалась, что и понятно, репрессиями внутри самого «ведомства». Возвращать на материк руководящий состав СТОНа было не только нерентабельно, но и опасно. Никаких гарантий того, что данные надзорсоставом подписки о неразглашении будут соблюдены, разумеется, не было. Тем более что правда о спецтюрьме НКВД медленно, но верно все-таки просачивалась на материк и уходила за границу.

Особенно эта информация была нежелательной на фоне событий, которые имели место в Германии после прихода здесь в 1933 году к власти нацистов.

Из «обязательства» старшего надзирателя Соловецкой тюрьмы НКВД СССР В. А. Перекрестенко:

«Я, нижеподписавшийся, сотрудник ВОХР ББК НКВД Перекрестенко В. А., находясь на службе или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строгом секрете все сведения и данные о работе НКВД и его органов, ни под каким видом не разглашать и не делиться ими даже со своими близкими родственниками и друзьями. Неисполнение настоящего грозит мне ответственностью перед Революционным народом».

«Ответственность перед Революционным народом» в те годы, как известно, наступала неотвратимо.

Так, оба начальника СТОНа И. А. Апетер и И. К. Кол-

легов были расстреляны в 1938 и 1939 годах соответственно. Та же судьба постигла и В. А. Перекрестенко в 1939 году.

Столь скоропалительное решение относительно судьбы островной тюрьмы, которая еще недавно должна была стать главным карцером ГУЛАГа, можно объяснить начавшейся в ноябре 1939 года советско-финской войной. По мысли советского руководства, нахождение в самой непосредственной близости от финской границы огромного, стратегически важного объекта, населенного заключенными (неблагонадежными гражданами), недопустимо в свете сложившейся напряженной политической обстановки.

По воспоминаниям военных моряков, в декабре 1939 года Соловецкий монастырь и остров были абсолютно пусты, заключенных не было. Взору курсантов Соловецкого учебного отряда Северного флота ВМФ СССР предстал разоренный монастырь, заброшенный барачный поселок и хаотически разбросанные по всему острову братские захоронения заключенных.

Это все, что осталось от СЛОНа—СТОНа...

Спустя годы О. В. Волков вспоминал:

«В начале шестидесятых годов несколько знакомых ученых усиленно уговаривали меня примкнуть к их туристической поездке на Соловки. Я отказался. Из-за ощущения, что этот остров можно посещать, лишь совершая паломничество. Как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных тяжелых дат. Как Освенцим или Бухенвальд. Суетность туристической развлекательной поездки казалась мне оскорбительной даже для моих пустяковых испытаний (провел в советских лагерях, тюрьмах и ссылках 28 лет)... Или следовало поехать? И указывать моим спутникам:

— Здесь агонизировали мусаватисты... А тут зарыты трупы с простреленными черепами...

— Недалеко отсюда в срубе без крыши сидели зимой босые люди. Босые и в одном белье. А в летние месяцы ставили на комары...

— А вот тут, под берегом, заключенные черпали воду из одной проруби и бегом неслись выливать ее в другую... Часами, под лихую команду “Черпать досуха!” — и щедрые зуботычины...»

Прошли века, и вновь здесь, под низким северным небом под нескончаемый вой ветра, направление которого разнообразно и непредсказуемо, Соловецкий архипелаг погрузился в хаос, где происходил переход из мира живых в потусторонний и парадоксальный мир мертвых, населенный черными животными и благородными предками, злыми духами и их антагонистами, заключенными с отрубленными ступнями и бесноватыми надзирателями, в мир, где входящего в него встречают Олень-Сайво, Рыба-Сайво и Птица-Сайво.

Всякий раз отчаливая от материка в 20—30-х годах XX столетия, мореход, по сути, безоглядно входил в кипящие воды реки Морг, о которой в первой половине XIV столетия архиепископ Василий Новгородский сказал: «Много детей моих (духовных детей, разумеется. — М. Г.) видоки тому на Дышучем мори: червь неусыпающий и скрежет зубовный, и река молненная (кипящая. — М. Г.) Морг».

Еще этнограф, фольклорист и узник СЛОНа Н. Н. Виноградов утверждал, что на острове существует потусторонний мир, постигнуть который можно лишь путем посвящающих практик или самой смерти. Ученый даже не предполагал, насколько он был прав и насколько его предположения (утверждения) оказались близки к тому, что на острове происходило и называлось «жизнью».

Действительно, странник, он же заключенный, он же надзиратель, высокий чин ОГПУ, писатель или ответственный сотрудник, оказываясь на Соловках, перейдя окоём, совершенно утрачивал ощущение реальности, устойчивости и в смысле физическом, и в смысле ментальном, когда он более не принадлежал себе.

Не имея сил противостоять воплощенному пусть и в безумстве чекистов злу, обитатель «новых Соловков» более не был привязан к тверди, отныне имея возможность опираться лишь на символы, рожденные болезненным и помраченным воображением, что блуждало в лабиринтах подсознательного.

В каменных лабиринтах, сохранившихся на Большом Заяцком острове...

Кстати, интересная деталь — лабиринт, существующий ныне на Большом Соловецком острове в районе Кислой губы, был сложен заключенными СЛОНа.

Может быть, это был подспудный поиск выхода в состоянии одержимости, когда жизнь уже не имеет цены? Вопрос, на который мы не узнаем ответ...

Массовый психоз, которому в 20—30-х годах оказалось подвержено население не только Советской России, но и ряда европейских стран, на Соловках обрел особое наполнение. Это была не только эпидемия клинической истерии, о которой именно в это время в своей работе «Внушение и его роль в общественной жизни» писал великий русский физиолог, психиатр и психолог В. М. Бехтерев (1857—1927), но и впадение в бесоодержимость и звероподобие, вхождение в контакт и собеседование с изнанкой человеческого облика, его многочисленными и неуловимыми личинами.

Достаточно вспомнить *сейды* на Кузовах, которые, уходя на Соловецкие острова, воздвигали древние саамы, чтобы сохранить в них часть своей души, дабы на «Острове мертвых» она не была исхищена демонами и погублена при этом безвозвратно.

В жизнеописаниях преподобных Савватия, Зосимы и Германа Соловецких, а также святителя Филиппа (Колычёва) мы неоднократно встречаем (эти примеры мы уже разобрали в предыдущих главах книги) описание духовной брани подвижников с «началозлобными демонами», которые строят козни против всякого человека, оказавшегося на острове. Ярость враждебных сил велика, и единственным оружием в такой битве, которая порой заканчивается трагедией, становится молитва «живого мертвеца» (монаха), который умер для мира, но молится за него.

Глубокое мистическое взаимодействие между островом и дерзнувшим поселиться на нем предполагает постоянное нахождение человека (островитянина) на грани между добром и злом, благодатью и грехом, жизнью и смертью. Можно утверждать, что соловецкое монашество своим жертвенным служением на протяжении многих столетий (мы говорим, разумеется, о духовном подвиге и иноческой жертве) оживляет это поле постоянной битвы, указывая путь к спасению в брани с одержимостью, в сече с беснованием, в этой неистовой пляске, где человек уже давно не принадлежит себе и уже давно заблудился в каменном лабиринте.

В своей книге «Погружение во тьму» О. В. Волков оставил пронзительные воспоминания о тех немногих островитянах, которые сохранили или пытались сохранить верность традициям преподобных Савватия, Зосимы и Германа. Их тайные собрания чем-то напоминали молитвенные подвиги святых подвижников у подножия Секирной горы в дремучем Соловецком лесу, где обитали «нечистые духи, скрежеща зубами, обращались одни в змей, другие — в различных зверей и гадов, и ящериц, и скорпионов, и всяких пресмыкающихся по земле... отверзали зев, желая поглотить... рыча, как будто готовые растерзать».

Читаем в книге «Погружение во тьму»:

«...Вспоминались тайные службы, совершавшиеся в Соловецком лагере погибшим позже священником...

То был период, когда духовных лиц обряжали в лагерные бушлаты, насильно стригли и брили. За отправление любых треб их расстреливали. Для мирян, прибегнувших к помощи религии, введено было удлинение срока — пятилетний “довесок”. И все же отец Иоанн, уже не прежний благообразный священник в рясе и с бородкой, а сутулый, немощный и униженный арестант в грязном, залатанном обмундировании, с безобразно укороченными волосами — его стригли и брили связанным, — изредка ухитрялся выбраться за зону: кто-то добывал ему пропуск через ворота монастырской ограды. И уходил в лес.

Там, на небольшой полянке, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранившиеся с великой опаской у надежных и бесстрашных людей антиминос и потребная для службы утварь. Отец Иоанн надевал епитрахиль и фелонь, мятую и вытертую, и начинал вполголоса. Возгласия и тихое пение нашего робкого хора уносились к пустому северному небу; их поглощала обступившая мшарину чаща...

Страшно было попасть в засаду, мерещились выскакивающие из-за деревьев вохровцы, — и мы стремились уйти всеми помыслами к горним заступникам. И, бывало, удавалось отрешиться от гнетущих забот. Тогда сердце наполнилось благодатным миром, и в каждом человеке прозревался брат во Христе. Отрадные, просветленные минуты! В любви и вере виделось ору-

жие против раздирающей людей ненависти. И воскресали знакомые с детства рассказы о первых веках христианства.

Чудилась некая связь между этой вот горсткой затравленных, с верой и надеждой внимающих каждому слову отца Иоанна зэков — и святыми и мучениками, порожденными гонениями. Может, и две тысячи лет назад апостолы таким же слабым и простуженным голосом вселяли мужество и надежду в обреченных, напуганных ропотом толпы на скамьях цирка и ревом хищников в вивариях, каким сейчас так просто и душевно напутствует нас, подходящих к кресту, этот гонимый русский священник. Скромный, безвестный и великий...

Мы расходились по одному, чтобы не привлечь внимания...»

Как известно, в 1931 году с Соловков на материк были вывезены последние монахи, а Онуфриевская церковь закрыта для богослужений и впоследствии разрушена.

Последние хиротонии (рукоположения) в Соловецком монастыре произошли в 1929 году, в год пятисотлетия с начала совершения монашеского подвига на острове. Иеромонахи Агапит, Алексей и Наум были посвящены в игумены, иеродиакон Сосфен, Вонифатий и Феодорит рукоположены в иеромонахи, иеродиакон Филипп рукоположен в архидиакона. На тот момент в бывшем Спасо-Преображенском монастыре насчитывалось 58 насельников: 1 архимандрит, 3 игумена, 13 иеромонахов, 1 архидиакон, 7 иеродиакон, 32 монаха и послушник.

Это были последние иноки Соловков, на них монашеская традиция преподобного Савватия и литургическая традиция святого Зосимы прервались.

Все они были этапированы с острова, и дальнейшая их судьба неизвестна.

Так, по словам Евангелиста Матфея, произошло окончательное извержение архипелага во «тьму внешнюю», и были там «плач и скрежет зубовой».

Однако «из всего, что с нами произошло, мы извлекли только знание гибельных путей», — сокрушенно писал Олег Васильевич Волков. В данном случае важно понимать, что люди, оказавшиеся на острове (по большей части не по своей воле), были насильно ввержены в су-

меречное состояние теми, кто уже был «не в живых», а потому пролагал пути в потусторонний мир, заражая своим беснованием десятки, сотни и тысячи. Безусловно, источником внушения и разуверения была иллюзия, некие смутные воспоминания о справедливости, о законе, некие отрывочные знания, полученные хаотически, насажденные не с любовью, а с надменностью и тщеславием.

Но сказано у святого Евангелиста Матфея: «...всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

Видимо, в этом и есть глубинный смысл того самого «знания гибельных путей», которые являются пространными, ибо прообразуют стихии греховного мира. В данном случае мы говорим о стихии как о чем-то не подверженном ни дисциплине, ни нравственному закону, это своего рода бушующее, кипящее море, где гибель неизбежна, а спасение является чудом.

Очевидно, что на Соловецком острове новое советское «религиозное сознание», явленное в быту и работе, на митингах и демонстрациях, противостоит 500-летнему монашескому служению, изуверски переиначивая евангельские истины о праведности, честном труде, равенстве, самопожертвовании, дружбе и любви. Загоняя «железной рукой человечество к счастью» (один из лозунгов СЛОНа), безбожная власть узурпирует Божественное произволение, вступая на гибельный пространственный путь (увлекая за собой «железной рукой» сотни и тысячи людей), сама не осознавая этого.

Нахождение на границе, на которой в полной мере проявляется Богоданная свобода выбора — стяжать венец славы, следуя за Христом, или, насытившись сиюминутными страстями, низвергнуться в зло, — и есть основной нерв островной жизни. Это духовно-нравственное переживание в своих воспоминаниях отразила бывшая соловецкая заключенная Ольга Викторовна Яфа:

«Контраст между тем, чем было в течение веков это место, освященное молитвами спасавшихся там праведников, и тем, что теперь там происходит, — чудовищен, оскорбителен для каждого, в ком еще живо религиозное чувство или хотя бы уважение к нашему прошлому...

Я увидела превращенный в руины обезглавленный и обескрещенный Соловецкий кремль. Ведь я была здесь и раньше, до революции, и еще видела его таким, каким он был прежде, — сказочно живописным... когда монахи были здесь еще полными хозяевами, а богомольцы и богомолки благоговели перед каждой чайкой, каждым стебельком незабудки... [но] еще неизвестно, что превысит в конечном итоге в истории Соловков и послужит их вечному прославлению — тот ли период существования монастыря, когда никто не посягал на его святость и когда Соловецкий кремль выглядел таким живописным и благополучным, или теперь, когда он стоит обезглавленный и обескрещенный — в мученическом венце...»

Очень интересные слова, требующие, впрочем, своего комментария.

Как мы теперь уже знаем, за внешним благополучием Соловков всегда стояли напряженный молитвенный и физический труд, полное отсечение праздности, самоотречение, доходящее до фанатизма, а порой и смертельная опасность, потому что жизнь на «Острове мертвых» в Белом (Дышащем) море всегда была суровым испытанием и никогда отдыхом. Богоборческая же власть лишила эти тяжелые труды живительного смысла (без которого многие поколения соловецких монахов просто не смогли бы здесь выжить), а профанация тяжелого и бессмысленного труда превратила Соловецкий Лагерь Особого Назначения в место убийства. Посягнув на святость Соловков (это происходило и в XVII и в XIX веках), УСЛОН ОГПУ посягнул на Спасо-Преображенский первосмысл архипелага (чего никогда не было раньше) и, как следствие, погрузил остров и погрузился сам во «тьму внешнюю».

ПОСЛЕ СЛОНА

Глава первая

Быт на острове

Структура Учебного отряда Северного флота. — Военно-морская база. — Соловецкая школа юнг. — Валентин Пикуль. — Быт соловецких юнг. — Александр Ковалев. — Будьте как дети. — Островной гарнизон. — Соловецкий музей-заповедник. — Соловецкие стройотряды. — Андрей Битов. — Юрий Кублановский. — Двадцать лет особого назначения. — Борис Ведьмин. — Возобновление монастыря. — Игумен Иосиф

5 марта 1940 года приказом командующего Северным флотом (на основании директивы № 009 Главного военно-морского совета от 21. 12. 1939) на Соловках был сформирован Учебный отряд Северного флота, который состоял из пяти школ: пулеметной, зенитной, школы боцманов, мотористов и коков. В 1942 году в результате реорганизации структура УО СФ выглядела уже следующим образом: электро-механическая школа, школа оружия, школа связи, объединенная школа и школа юнг ВМФ.

Таким образом, Учебный отряд готовил по следующим морским профессиям: рулевой, сигнальщик, кок, кладовщик, писарь, минер, торпедист, котельный машинист, катерный моторист, моторист, машинист-турбинист, электрик-прожекторист, электрик, радист, артиллерийский электрик, дальномерщик, комендор для флота (помощник корабельного артиллериста).

Курсанты Учебного отряда были размещены на территории Соловецкого кремля, их же руками производились и ремонтно-восстановительные работы бывшего первого отделения Соловецкого Лагеря Особого Назначения. Учебные классы отряда также находились в здании тюрьмы на Кирпичном заводе.

Начатое еще при СТОНе строительство аэродрома на Большом Соловецком острове было завершено (действует до сих пор), а к 1941 году еще один военный аэродром был построен на острове Муксалма. Соловецкое авиазвено было укомплектовано самолетами-разведчиками У-2 (По-2) и военно-транспортными машинами Ш-2.

В конце 1940 года на остров также стали прибывать регулярные части советской армии, расселение которых уже велось по всему архипелагу. В это же время была сформирована батарея тяжелой береговой артиллерии на северо-западном берегу Большого Соловецкого острова, а также легкие береговые и зенитные батареи у гавани Благополучия. Началось строительство Соловецкого военного порта СФ, впоследствии войсковая часть 42895 — бригада ВМФ «Острова Соловецкие», в задачи которой входило обеспечение всеми видами снабжения кораблей Северного флота, базирующихся на Соловецких островах.

Также островному гарнизону была придана 1-я отдельная дисциплинарная рота Северного флота для содержания осужденных из числа младшего начальствующего и рядового состава срочной службы Краснознаменного Балтийского и Северного флотов.

После короткого затишья жизнь на Соловках вновь закипела.

По воспоминаниям очевидцев, в начале 40-х годов численность населения (что и понятно) здесь резко выросла. В годы войны на острове проживало более десяти тысяч человек, это были военнослужащие, их семьи, вольнонаемные, а также курсанты УО СФ и учащиеся Соловецкой школы юнг.

О последнем подразделении Соловецкого учебного отряда следует сказать особо.

Из Приказа народного комиссара Военного-морского флота Союза ССР адмирала Н. Кузнецова от 25 мая 1942 года:

«В целях создания кадра будущих специалистов флота высокой квалификации, требующих длительного обучения и практического плавания на кораблях ВМФ, приказываю:

1. К 1 августа 1942 г. сформировать при учебном отряде СФ школу юнгов ВМФ со штатной численностью

переменного состава 1500 человек, с дислокацией на Соловецкие острова. Плановые занятия начать с 1 сентября 1942 г.

2. Школу юнгов ВМФ подчинить командиру учебного отряда Северного Флота.

3. Школу укомплектовать юношами-комсомольцами и некомсомольцами в возрасте 15—16 лет... исключительно добровольцами.

4. Из принимаемого контингента готовить следующих специалистов:

- боцманов флота
- рулевых
- радистов
- артиллерийских электриков
- торпедных электриков
- мотористов
- электриков.

...Начальнику Главного Управления Портов ВМФ обеспечить изготовление и подачу комплектов обмундирования для юнгов к началу приема их в школу».

Почему именно здесь, на Соловецком острове, где еще несколько лет назад располагался закрытый спецобъект ОГПУ—НКВД, где каждую весну после схода снега из-под земли выступали человеческие останки, где километры колючей проволоки делили всё пространство архипелага на сектора, где тифозные бараки на Анзере стояли по-прежнему заколоченными, а окна бывших монастырских палат были забраны решетками, решили устроить школу юнг, где детей обучали военному и морскому делу, сказать трудно.

Может быть, дело в том, что военное детство и не могло быть другим, когда многие из питомцев школы юнг уже знали на себе, что такое война, да и дислокация в относительной близости от линии фронта имела решающее стратегическое и военно-транспортное значение.

Следует сказать, что первая школа юнг в СССР была создана в 1940 году на острове Валаам на Ладоге, однако с началом войны юнги были переведены сначала в Шлиссельбург, а потом в Ленинград, где оказались блокированными, а следовательно, не имели возможность взаимодействовать с Балтийским и Северным флотами.

Соловецкая школа должна была заменить оказавшихся в блокадном Ленинграде юнг, а также курсантов учебных школ ВМФ.

История юнг на русском флоте берет свое начало в 1701 году, когда император Петр I открыл в Кронштадте училище юнг в память о своей службе на флоте в чине «каютного юнга» у голландского шкипера Клааса Месши.

Важно заметить, что первое море, с которым познакомился император в качестве шкипера и капитана яхты «Святой Петр», было именно Белое. И вот спустя более чем 200 лет на Соловецком острове, стоящем посреди Белого (Дышащего) моря, была организована школа юнг.

В годы Великой Отечественной войны, безусловно, это не было обычным совпадением, но символическим актом преемственности традиций русского императорского и советского военно-морских флотов.

При том, что идеология ВМФ СССР была, разумеется, совсем иной, структура образовательного процесса, дисциплина и профессиональный подход к воспитанию будущих советских мореходов сохранились с до-революционных времен.

Особой любовью и уважением у соловецких юнг пользовался воспитатель, начальник СШЮ Николай Юрьевич Авраамов, личность уникальная и легендарная на острове.

Н. Ю. Авраамов, кавалер двух орденов Святой Анны (4-й и 3-й степени), Святого Станислава 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени, а также ордена Ленина, трех орденов Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны 1-й степени и ордена Красной Звезды, родился в Баку в 1892 году в дворянской семье. Окончил Императорский Морской корпус и с 1906 года служил на флоте. В 1917 году командовал эсминцем «Лейтенант Ильин», впоследствии занимал руководящие должности в ВМФ СССР. В 1930 году был репрессирован, но через два года восстановлен в кадрах флота. В марте 1943 года Николая Юрьевича назначили начальником Соловецкой школы юнг. Скончался в 1949 году в возрасте пятидесяти семи лет.

Именно при Авраамове окончательно сложились профиль и формат учебно-воспитательного процесса на острове, где к воспитателям и командирам предъяв-

лялись не только высокие профессиональные, но и моральные, человеческие требования: ведь они, по сути, должны были заменить своим питомцам отцов, воевавших или уже погибших на фронте.

Интересно, что именно Н. Ю. Авраамов попал в кадры редкой кинохроники, которую в 1942 году снимали на острове для киножурнала о юных защитниках Советского Севера.

Соловецкая школа юнг базировалась в кремле (на базе учебных классов Соловецкого УО СФ) и в Савватиеве.

Деревянные корпуса и кельи бывшего Савватиевского скита (при СЛОНе здесь находился политскит) были переоборудованы под учебные классы и командирское общежитие. Юнги жили в полуземлянках блиндажного типа.

Бывший соловецкий юнга, писатель В. С. Пикуль (1928—1990) вспоминал: «Когда мы прибыли на Соловки, нас отвели в лес и сказали: “Здесь будете жить”. Как жить? А вот так! Здесь надо вырыть котлованы, в котлованы заложить полуземлянки-кубрики на 50 человек. Наступала осень, сапоги у нас уже расквасились и просили каши, было холодно, шинели перестали греть... Вот эта работа по созданию школы юнг, она-то по сути дела и сплотила нас».

Строительство блиндажного поселка на берегу Киприянова озера (в полутора километрах от бывшего Савватиевского скита) велось исключительно силами юнг.

Технология строительства была предельно проста (рытье котлованов в соотношении с рельефом местности, обкладывание их каменными валунами и накатка бревенчатых срубов), но при отсутствии строительной техники и опыта для пятнадцати-шестнадцатилетних мальчиков она стала серьезным испытанием.

В этой связи вспоминаются кельи-полуземлянки предподобных старцев Савватия и Германа, что создавались наподобие поморской *вежи*, которая строилась поморами с учетом специфики местных каменистых почв и влажного морского климата и была предельно лаконична в компоновке и функциональна при использовании.

Мы, естественно, не можем утверждать, что при строительстве землянок юнг эти принципы были взяты за основу, но невозможно не уловить очевидную связь

этих построек — связь не только технологическую, но и мистическую: ведь строительство блиндажного поселения СШЮ велось именно в Савватиеве, куда в 1429 году пришли преподобные Савватий и Герман.

Из воспоминаний бывшего соловецкого юнга Алексея Сапожкова: «С 5 сентября начали строить землянку на всю роту (100 человек). Руководил нами инженер — капитан II ранга. Роту разделили на четыре группы (смены) по 25 человек. Смены имели командиров из старослужащих... Мы валили деревья, обрабатывали их и получали бревна для строительства землянки. Рыли котлован, возводили стены, делали накат. Внутри землянки построили двухъярусные нары, комнату для старшины. Оборудовали место для дневального, сложили печку, сделали окно. Расположена землянка была на небольшой полянке у опушки леса».

Бывший соловецкий юнга Игорь Алексеевич Титов рассказывал автору этих строк, что изначально отопление землянок было неудовлетворительным — у самой печи невыносимо жарко, а на дальних нарах юнга мерзли, потому что протопить огромный блиндаж одной печью было невозможно. Решили установить на входе печки-буржуйки: они хоть и держали тепло слабо, но прогревали входной тамбур и спасали от сквозняков. Кирпич на строительство стационарных печей добывали в заброшенных к тому времени Макариевской, Исааковской и Старо-Сосновской пустынях.

Из воспоминаний бывшего соловецкого юнга Леонида Пшеничко: «Кровати в землянках стояли в три яруса, а в углу находилась печка, одна на все помещение. Холод был собачий, ночью мерзли. Но мы придумали выход — у каждого был свой кирпич. Перед тем как ложиться спать, мы клали этот кирпич на плиту, после чего заворачивали его в свое белье, под одеяло. Иначе не заснешь...

Подъем у нас был в семь утра. 15 минут зарядка на улице, даже в мороз. После этого приходили, одевались, заправляли свои кровати. Потом давалось время привести себя в порядок...

После зарядки и утреннего туалета — построение и с песней (в обязательном порядке) строем шли в столовую около километра. Песни попели, в столовую зашли. Снова построение и в учебный корпус на занятия.

Занятия наши продолжались восемь часов с перерывом на обед. Самостоятельной подготовки у нас не было, все обучение проходило только в учебном корпусе. А после — ужинали и возвращались в землянку. Далее была заготовка дров... перед сном — час личного времени (с 9-ти до 10-ти). Мы писали письма, штопали носки и обмундирование. Отбой был в одиннадцать вечера».

Хотя, по воспоминаниям И. А. Титова, заниматься в землянках все же приходилось, а так как дизельная электростанция работала с перебоями, то по длине землянки под потолком натягивали телефонный шнур и поджигали его (горел он медленно и ярко), и за то время, пока он проходил весь путь — от стены до двери, около пяти с половиной метров, — можно было многое успеть.

Читаем в мемуарах юнга второго набора (всего было пять наборов — три военных и два послевоенных) Алексея Ивановича Сапожкова: «По утрам перед построением на завтрак, пока позволяла погода, в лесу вокруг землянки собирали чернику и голубику и съедали собранные ягоды за завтраком. Перед обедом нам в миски наливали отвар хвои. Это помогало восполнить запас витаминов. У многих был авитаминоз, и опасались цинги. До этой болезни дело не доходило, но у меня и других ребят кровоточили десны. Дело в том, что на Соловки продукты завозили раз в году и овощи были в основном сушеные».

Особое место в штатном расписании СШЮ занимал банный день.

Соловецкий юнга второго набора Борис Владимирович Давыдов рассказывал, что помывка происходила в Белецкой бане недалеко от кремля. За 20 минут необходимо было помыться самому и постирать белье, после чего горячую воду выключали. Естественно, что не всем удавалось справиться с этой задачей в отведенное время. А между тем на выходе из бани стоял старшина и проверял, постирано ли белье (всего у юнг было два комплекта). Если нет, то в свободное от учебы и нарядов время юнга был обязан выстирать белье, но уже в озере, а зимой в проруби, до следующего банного дня.

«Умывались и стирали белье в близлежащем озере, — вспоминает юнга первого набора Владимир Ефимович Порабкович. — От холода в воде коченели руки,

все тело пробирала дрожь. Сушили нательное и постельное белье на морозе. На кострах кипятили нижнее белье в котлах с добавлением дезсредства. Несмотря на все трудности, массовых заболеваний удалось избежать».

В 1943 году количество юнг на острове значительно возросло, и было принято решение перевести мотористов и электриков в кремль, где в процессе обучения можно было использовать базу УО СФ.

Из воспоминаний юнги первого набора Анатолия Николаевича Прорешенко: «Меня зачислили в четвертую роту, в 53-ю смену. Наша рота была расквартирована в отдельном двухэтажном здании Кремля. На первом этаже были учебные классы, на втором — кубрики, спортзал. Мы всё вычистили, вымыли, побелили и покрасили. В роте было десять смен по двадцать пять будущих корабельных специалистов. В восьми сменах готовили артэлектриков, а в двух — торпедных электриков».

И еще одно воспоминание юнги второго набора Владимира Федоровича Порожнякова: «Очень интересно проходили практические занятия по легководолазному делу в доке за Кремлем. По очереди спускались под воду, осматривались, подавали сигналы по тросу, закрепленному на поясе. Случались и курьезы. Снаряжение рассчитано на нормальных взрослых людей, а юнги — мальчишки. Если костюмы были как-то подогнаны для нас, то балласт был тяжеловат и свободно болтался на наших тощих плечах. И когда, нагибаясь под водой, юнга терял груз, его выбрасывало на поверхность вверх ногами».

Общаясь с бывшими соловецкими юнгами, мне не раз приходилось слышать и о чрезвычайных происшествиях в ШЮ. Так, например, в 1944 году юнги из Савватиева подняли бунт, разгромили столовую, требуя более качественного питания. Там же, в Савватиеве, юнги взломали скитскую библиотеку (чудом сохранившуюся) и порвали древние кожаные переплеты, а сами книги утопили в арестантской уборной. Также И. А. Титов рассказывал, как они с друзьями самовольно ушли под парусом в море и чуть не погибли, на их поиски был брошен спасательный отряд УО Северного флота.

Конечно, наказания следовали, потому что поддержание дисциплины на острове было первоочередной

задачей командования как Учебного отряда, так и Школы юнг. В частности, в учебном корпусе в кремле был подземный каземат, сохранившийся со времен Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения и используемый как карцер. Максимальное время содержания провинившихся было два часа. По воспоминаниям юнг, наказания всегда носили осмысленный характер и никогда не были результатом произвола старшин, воспитателей и командиров.

Общение с бывшими юнгами, а также анализ источников дают возможность оценить социальный статус питомцев Соловецкой школы юнг. На остров приезжали со всей страны: из Москвы и Смоленска, Ленинграда и Архангельска, Горького и Орши (Белоруссия), Ульяновска и Свердловска, Вологды и Перми, Ярославля и Куйбышева. В основном это были мальчики из неполных семей или из семей, где отцы воевали или погибли на фронте, но также были и сыновья репрессированных, чьи родители или сидели, или были расстреляны в годы Большого террора,

Расскажем о самом, пожалуй, известном на Соловках юнге, кавалере ордена Отечественной войны 1-й степени Александре Ковалеве, который погиб в мае 1944 года.

Его именем названа одна из улиц на Соловках, а рассказ о его подвиге и его официальная биография служили и служат примером для юнг и курсантов морских училищ как в СССР, так и в современной России.

Саша родился в Москве в 1927 году в семье начальника одного из подразделений Наркомата тяжелой промышленности Филиппа Марковича Рабиновича и Елены Яковлевны Рабинович (Черномордик). В 1937 году родители были арестованы — отец расстрелян в 1938 году, мать осуждена на ссылку в Карлаге в Джезказгане. К себе в семью в Ленинград мальчика забрали тетя, старшая сестра матери Раиса Яковлевна — известная переводчица Генриха Бёлля, Франца Кафки, Курта Воннегута, Эдгара По Рита Райт-Ковалева, и ее муж, инженер-капитан 2-го ранга флота Николай Петрович Ковалев. Находясь в Архангельске, Николай Петрович устроил Сашу в Школу юнг по подложным документам — Александр Филиппович Рабинович превратился в Александра Николаевича Ковалева.

Из сборника «Соловецкие юнги»: «8 мая 1944 года

торпедные катера ТКА-209 и ТКА-217... атаковали конвой противника и потопили два корабля. Но в бою с вражескими сторожевыми катерами ТКА-217 получил повреждения, загорелся и начал тонуть. Под пулеметным огнем противника ТКА-209 снял с тонущего катера экипаж, развил полный ход и пошел на прорыв... В разгар боя осколком снаряда на катере был пробит коллектор двигателя, из которого тугой струей стала бить горячая вода, перемешанная с маслом и бензином. С минуты на минуту перегревшийся мотор мог взорваться... И тогда молодой моторист — а это был воспитанник Соловецкой Школы юнг Саша Ковалев, чтобы обеспечить работу мотора, бросил на коллектор телогрейку и грудью навалился на пробоину... Корабль и экипаж были спасены. ТКА-209 вышел из боя победителем».

Несколько дней спустя, когда катер возвращался на базу для ремонта, на нем взорвалась бензоцистерна. В результате взрыва погибли мичман Д. Капралов и моторист-юнга А. Ковалев.

То обстоятельство, что после СЛОНа и СТОНа на разоренный остров пришли дети, лишённые войной детства, видится нам глубоко символичным. Конечно, Соловки не были домом отдыха или пионерским лагерем; конечно, жизнь в землянках в Савватиеве и в бывших тюремных камерах в кремле была далека от домашнего уюта, а наряды на дрова зимой и хождение под парусом осенью не являлись развлечением, но подобным образом «Остров мертвых» переставал быть мертвым, он оживал, давая возможность жить московским беспризорникам и ленинградским отличникам, свердловской шпане и вологодским малолеткам.

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). Едва ли кто из тех ребят слышал эти слова Спасителя. И если кто из их воспитателей и слышал их, то едва ли придавал им значение. Но все это было не так важно, потому что знание и понимание этих слов приходили с опытом и прожитыми годами, в том числе и годами, проведенными на Соловках.

В 1957 году УО СФ был выведен с Соловков и на остров передислоцирована часть 39105 — береговая база ВМФ (выполняла пограничные задачи по охране

арктических рубежей СССР), которую через два года сменила часть 42895, занимавшаяся также обеспечением жизнедеятельности и снабжением бригады надводных кораблей Северного флота. Командование гарнизона располагалось в бывшей Преображенской гостинице (в 1990 году здание гостиницы, которая должна была передаваться монастырю, сгорело при невыясненных обстоятельствах).

Период с 1939 по 1991 год, когда на острове находились военные, является, пожалуй, наиболее закрытым и малоизученным в силу объективных причин. Военно-морская база на многие годы ограничила доступ на остров исследователей-профессионалов и по сути закрыла посещение Соловков для обычных путешественников, любителей русских древностей. Разумеется, говорить о посещении бывшего монастыря представителями православного духовенства и богослужениях в нем не приходилось.

При этом следует заметить, что нахождение на Соловках базы ВМФ обеспечивало острова как рабочими местами, так и продовольствием. Это был статус, которому могли бы позавидовать многие провинциальные города и райцентры Архангельской и Мурманской областей.

В 1967 году распоряжением Совета министров РСФСР на острове был создан Соловецкий музей-заповедник как филиал Архангельского областного краеведческого музея, который предполагал только целевое экскурсионное посещение. В том же году на острове силами студенческого отряда физфака МГУ начали проводиться ежегодные летние реставрационные работы, которые, к слову заметить, проводятся на Соловках каждое лето и по сей день.

По воспоминаниям студентов, в отряд всеми правдами и неправдами прорывались также химики и филологи, историки и ребята с мехмата, студенты из других московских вузов.

Заслуженный профессор МГУ, заведующий кафедрой биофизики физического факультета В. А. Твердислов в 1967 году был секретарем комитета комсомола физфака и первым командиром стройотряда на Соловках.

О работе московских студентов на острове Всево-

лод Александрович рассказывал следующее: «Сначала надо было расчистить помещения кремля от мусора, скопившегося там за многие годы. Мусор таскали носилками, потом поняли, что так будет до второго пришествия, и “физики” пришли на помощь “лирикам”. Сделали тачку с полозьями, и ее вытаскивал грузовик. Расчистили ризничную палату, иконописную, рухлядную и чоботную палаты, вывезли мусор из подвалов, где когда-то томились узники, потом перешли к зондажу стен. Работали, как шутили студенты, почти как в каменном веке. Инструмента не было, любая железка, найденная в мусоре, шла в дело. Обивали позднюю штукатурку, чтобы обнажить стенную кладку, обивали не специальными инструментами, а простыми ломиками, от которых потом “руки отваливались”».

Уже этих слов достаточно, чтобы понять, в каком состоянии находились древние монастырские сооружения, от которых по сути остались только стены. Вероятно, уйдя из кремля, сначала СЛОН—СТОН, а потом и военные вывезли и вынесли всё, что возможно, оставшись до конца верными принципу — «после нас хоть потоп».

Из воспоминаний доцента кафедры общей физики физфака МГУ, участника Соловецких факультетских экспедиций с 1975 года И. В. Митина:

«Когда отряд прибыл на место, выяснилось, что никто из его членов (около 60 человек) никогда не бывал на Соловках... Основу отряда составляли студенты 2—3 курсов, было и несколько старшекурсников, аспирантов и сотрудников. В те годы соловецкий отряд выделялся из всех отрядов физфака своим “романтическим” настроением, сюда ехали “за туманом”, из любопытства, просто посмотреть, что же это за место, о котором наверняка слышали немало самых различных толков и версий. Как следствие этого большое количество девушек — около трети отряда, что не могло не сказаться на некоторой приподнятости настроения всего отряда... Подготовка кадров для будущего отряда начиналась уже осенью, сразу после возвращения с Соловков. Отряд фактически был круглогодичным, для начинающих в Москве организовывалась “Школа реставратора”, учеба проходила в Новоспасском монастыре, на Крутицком подворье, на других реставрируемых па-

мятников. Организовывались лекции по истории и архитектуре, отряд выезжал на многочисленные экскурсии по городам Золотого кольца. И летом на Соловки студенты отправлялись уже подготовленными к серьезной работе».

Совершенно неожиданно возрождение разоренного монастыря и скитов Соловецкого архипелага началось усилиями тех, чьи родители, вполне возможно, или отбывали в СЛОНе наказание, или надзирали за теми, кто это наказание отбывал.

И вновь на Соловках среди руин, гор мусора, ржавой колючей проволоки, барачных и брошенной военной техники (она, кстати, остается на острове и по сей день) со всей очевидностью проступил смысл слов из Книги Екклесиаста: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки... бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас...» Смысл, заповеданный еще преподобными Савватием, Зосимой и Германом; смысл, который оказывается выше и глубже обыденного понимания трудов и дней, когда «всяческая суета» затмевает то, что святые Отцы Церкви называли «блюдением ума».

Но, как сказано все в той же Книге Екклесиаста, в третьей главе: «Всеу свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».

Пришло время «собирать камни», и вновь, теперь уже в конце 60-х годов XX века молодые «физики» и «лирики» оказались, как написал, посетив в 80-х годах Соловки, русский писатель Андрей Георгиевич Битов, «на границе времени и пространства».

Поколение «оттепели» искало ту живую линию, которая пролегает между умом и сердцем, идеологией и метафизикой, повседневной рутинной и Божественным смыслом; впрочем, о последнем, думается, студенты

МГУ в те годы едва ли могли помыслить. Этот эмоциональный хаос в своей книге «Пятое измерение» очень точно описал А. Г. Битов — каторжный труд, амбиции, кровь, борьба честолюбий и, наконец, гулливеровские усилия по преодолению трагического разрыва между культурой и цивилизацией. Причем этот разрыв воспринимался как несхождение интеллекта и веры, образования и мистического опыта, которым, безусловно, обладал каждый, но в своей основе не мог ни осмыслить, ни воспользоваться им.

Можно предположить, что именно в те годы на Соловках сформировалось концептуальное противостояние, которого до того на острове не было никогда. Противостояние-конфликт между гуманитарно-атеистическим и церковным восприятием острова, его истории, его более чем 500-летнего бытования.

Посетивший Соловки в 1971 году русский поэт Юрий Михайлович Кублановский отразил это смятенное состояние человеческой души, находящейся за окоёмом, «на грани времени и пространства», в своем стихотворении «Волны падают стена за стеной...»:

Волны падают стена за стеной
под полярной раскаленной луной.
За вскипающе зыбью вдаль
близок край не ставшей отчей земли.
Соловецкий островной карантин,
где Флоренский добывал желатин
В сальном ватнике на рыбьем меху
В продуваемом ветрами цеху.
Там на визг срываться чайкам легко,
ибо, каркая, берут высоко,
из-за пайки по-над массой морской
искушающие крестной тоской.
Все ничтожество усилий и дел
Человеческих, включая расстрел.
И отчаянные холод и мрак,
пронизавшие завод и барак...
Грех роптать, когда вдвойне повезло:
ни застенка, ни войны. Только зло,
причиненное в избытке отцу,
больно хлещет и теперь по лицу.
Преклонение, смятенье и боль

продолжая перемалывать в соль,
в неуступчивой груди колотьба
гонит в рай на дармовые хлеба.
Распахну окно, за рамы держась,
крикну: «Отче!» — и замру, торопясь
сосчитать, как много минет в ответ
световых непродолжительных лет...

Особенно это драматическое противостояние стало очевидным в начале 90-х годов, когда началось возрождение Соловецкого монастыря и на остров стали возвращаться монахи.

Конфликт между музеем и монастырем, между монастырем и частью островитян, не имевших к тому времени ни работы, ни достойных условий жизни, нарастал, откликаясь самым болезненным и неожиданным образом. Вдруг всем на Соловках стало ясно, что без монастыря как живого действующего организма жить на острове невозможно. Осознание этого вызвало неоднозначную реакцию соловчан и потребовало от каждого сделать свой выбор...

А меж тем в начале 70-х годов на архипелаг в поисках северной экзотики и суровой красоты циклопической Соловецкой крепости (именно крепости, а не монастыря) поехали, если угодно, «постоттепельные» романтики. Здесь, вдали от городской суеты, посреди Белого моря новые советские отшельники искали архаическую гармонию, видели себя такими «робинзонами» эпохи Л. И. Брежнева — времени, к слову сказать, вполне вегетарианского, а посему дающего повод почувствовать себя человеком, победившим рабство и страх.

На острове, который еще совсем недавно был символом тотальной несвободы и лагерного изуверства, прикосновение к запрещенной и цензурированной истории Соловецких Лагерея Особого Назначения (их следы на Соловках в то время были повсюду) рождало чувство свободы и сопричастности чему-то очень важному как в истории страны, так и в себе самом.

Фотограф, историк СЛОНа, автор культовой монографии «Соловки: двадцать лет особого назначения» Юрий Аркадьевич Бродский, впервые оказавшийся на острове в 70-х годах, рассказывал, как был потрясен тем,

что история ГУЛАГа никуда не ушла, что она рядом — в оставшихся на окнах решетках, в проступающих из-под побелки надписях — «советская власть не карает, а исправляет», в процарапанных на подоконниках лагерных бараков именах и фамилиях заключенных, в братских захоронениях в Соловецком лесу.

Тогда даже мысль о том, что сохранение памяти о советских лагерях смерти, об их жертвах и палачах необходимо, приравнивалась к диссидентству. Пожалуй, именно в 70-х годах на острове сформировалось новое поколение соловчан, для которых история архипелага началась в 1923 году, году создания Соловецкого Лагерь Особого Назначения и в ту историю не вписывалось восприятие острова как места иноческого служения и молитвы.

Таким образом, вопрос политической ангажированности вошел в противоречие с пониманием аскетической сущности Русской Фиваиды на Севере и Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря в частности.

Читаем в книге Ю. А. Бродского: «КГБ десятилетиями преследовал любые попытки проникновения в историю лагерей, материальные следы ГУЛАГа целенаправленно уничтожались. Не осталось в alma mater советских лагерей и живых очевидцев “средневековья” XX века... И все-таки Соловки в первую очередь не есть символ “лобного места” одной шестой части земной суши. История Соловецких Лагерей Особого Назначения... есть фрагмент всемирной картины борьбы зла с добром. Эта история знает многочисленные примеры духовного сопротивления безвинно арестованных узников, которые вопреки физическим и моральным страданиям, не утратив человеческого достоинства, завершили свой жизненный путь. Благодаря подвигам этих людей Соловки из символа репрессий становятся в нашем сознании символом единения и святости, ведь и Крест — символ спасения, как ни парадоксально, когда-то был лишь оружием мучительной казни. В Соловках ушли из жизни по единым спискам тысячи людей многих национальностей и различных мировоззрений, а земля, где пролита кровь безвинных мучеников, почитается всеми религиями как святая».

С одной стороны, соловецкие древности воспринимались исключительно в контексте недавней лагер-

ной истории, с другой — интерпретировались с точки зрения светской науки (истории архитектуры). Эти два взгляда не то что бы противостояли друг другу, но единой картины бытования архипелага не создавали; онтологическая разность требовала некоего единого объединяющего начала, которым, вне всякого сомнения, было богословское осмысление Соловецкого Преображения. Интуитивно это осознали все, кто был в те годы на острове и прилагал значительные усилия к сохранению его архитектурного облика и его природы, изуродованной почти за полвека не меньше, чем монастырь и скиты.

Однако до первых шагов к сведению воедино усилий искусствоведов и архитекторов, фотографов и краеведов-любителей, историков-профессионалов и художников оставалось 15 лет, и только 14 апреля 1989 года православной общине острова была передана церковь во имя Святителя Филиппа, митрополита Московского, на территории Спасо-Преображенского монастыря. В этом же году в Соловецком музее была открыта первая в СССР выставка, посвященная истории советских концентрационных лагерей — «Соловецкий Лагерь Особого Назначения», авторами которой стали А. Баженов, Ю. Бродский, А. Сошина и А. Мельник.

В 1974 году Соловецкий филиал Архангельского краеведческого музея был реорганизован в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник управления культуры Архангельской области. К музею-заповеднику перешло в оперативное управление недвижимое имущество Соловецкого монастыря. Тогда же решением Архангельского облисполкома был утвержден генеральный план развития Соловецкого музея-заповедника, который предусматривал расширение поселка и создание условий для развития на острове туризма.

В конце 70-х годов в Савватиеве была предпринята попытка построить турбазу, приспособив под нее заброшенные скитские корпуса. Но по причине хронической нехватки денег проект, превратившись в соловецкий долгострой, так и не был реализован, прекратив свое существование в середине 80-х.

Во исполнение постановления Совета министров РСФСР «О социально-экономическом развитии Соло-

вечких островов Архангельской области» в 1988 году на остров начали завозиться тяжелая строительная техника и персонал для ведения жилищного и капитального строительства. Генеральный план развития острова предусматривал значительное расширение поселка, а также создание единой системы инженерного обеспечения. Однако вскоре стало ясно, что реализовать задуманное не представляется возможным. Шел 1990 год, СССР на тот момент практически прекратил свое существование.

Последним весьма символическим аккордом советского периода в Соловецкой истории стал пожар на монастырской колокольне летом 1985 года.

По свидетельству очевидцев, от удара молнии загорелся полуразвалившийся и рассохшийся деревянный купол, с которого около года назад была снята железная звезда, установленная на колокольне еще во времена СЛОНа (можно предположить, что одновременно она играла и роль громоотвода). Затем огонь перекинулся на деревянную обшивку кровли. Тушить пожар на такой высоте было невозможно: не было ни людей, ни специальной техники. Выгорев дотла и не затронув только что отреставрированные купола на Никольской церкви, пламя стихло так же неожиданно, как и возникло.

Одним из немногих фотографов-профессионалов, снимавших Соловки в то время (в том числе и пожар), был Борис Ведьмин (1915—1994). Кроме фотокарточек Борис Викторович оставил после себя яркие воспоминания об острове, на котором он впервые оказался в 1969 году и на который ездил ежегодно вплоть до 1991 года.

Из воспоминаний Б. В. Ведьмина: «И ничто не могло омрачить нашей радости, нашего счастья, нашей возможности купить отпускной билет на северный рейс Васьковского “ЛИ”. И виделась Кириллова губа, цветущий вереск, белый песок и синее-синее море. Вытерпим, выдюжим, дождемся своей минутки: “Соловецкие острова — в накопитель! Поехали!”...

Мне казалось, что каждая тропинка в лесу хожена-перехожена тысячи раз, каждый камешек на морском берегу знаком в лицо, каждый цветок — добрый друг... Но стоило только выбраться из дому, и все началось сызнова — чудесное, сказочное, неповторимое...

По дороге на Печак осыпается червонное золото осенних листьев. Можно весь день пролежать в душистом вереске, без усталости смотреть в синее небо, на расплавленное серебро залива, слышать беспокойные крики чаек и вдруг затосковать над услышанным курлыканьем пролетевших на Печак журавлей... И быть сытым куском теплого хлеба и быть пьяным от глотка родниковой воды... В час отлива, на голубом песке белые россыпи чаек. И можно рисовать на песке воздушные замки и бегать по теплым лужам, поднимая алмазные брызги...

Дважды в наши зимние побывки на Соловках мы ходили на лыжах к Заяцкому острову. Было боязно, когда лыжи неожиданно проваливались сквозь наст в талую воду, ледяную кашу, пропитанную морским рассолом. К счастью, в таком рассоле лыжи не обмерзают и можно продолжать путь. Вблизи “острова погибших кораблей”, где были затоплены старые буксиры “Акмолинск” и др., мы увидели, как по склону Заяцкого острова пробегают какие-то черные тени. Напуганные рассказами о волках, которые иногда по льду прибегают с материка, мы решили укрыться на “Акмолинске”. Собравшись с духом, в телеобъектив разглядели, что это были не волки, а олени. Стадо соловецких оленей, около тридцати голов...

В некоторые зимы, когда на острове выпадает особенно глубокий снег и трудно добраться к корму, олени с мыса Печак переходят через пролив на Заяцкий остров, где штормовые ветры сдувают со склонов почти весь снег и где добывать корм легче...

Антарктические чайки — крачки — прилетают на Соловки с берегов далекого острова Кергелен. Пролетев почти над всем миром более 16 тысяч километров, крачки спешат к узкой полоске земли на Белом море — к острову Малая Муксалма... Так и мы, услышав весной призывные крики перелетных птиц, собираемся в путь-дорогу к заветному острову...

Между небом и морем, в жемчужном ожерелье тающих льдин смотрятся в воду замшелые крепостные стены. Не меркнувшее солнце торопит приход весны, и в июне взрываются почки в березовых перелесках. Караваны птиц возвращаются к своим гнездам, и журавлиное курлыканье звучит над притихшими заливами

и озерами. Две недели на Острове, две недели белых ночей и встреча с загадочными беломорскими миражами...

...Знаю, читал, наслушался страшных рассказов про погружение во тьму. Видел на Голгофе ту страшную надпись на стенке в бараке, которая сегодня прошла по всем выставкам "Мемориала". И сам, как многие из моих современников, пережил многое (с 1946 по 1954 год Борис Ведьмин провел в лагерях Саров, Кузнецк, Тайшетлаг. — М. Г.)... потом всегда, на всех дорогах Острова с нами встречаются "души умерших людей"... Мы не умеем, но, как можем, молимся об их упокоении...

И хотелось бы теплом наших сердец согреть эти бесприютные тени, этот Остров Гибели и Спасения...

На Анзере мы работали из последних сил с нашими штативами и железками в поисках синей птицы... Увидеть и сохранить для всех хрупкую красоту анзерских пейзажей.

Пустынный берег одинокого северного острова. Пустынная дорога, убегающая по зеленому ковру нетоптанных трав. Наш Остров, наша дорога... Трепещут под морским ветром цветы и трава. Белый песок и синее море... Мы снова на Острове, в Кирилловой губе, и, не шелохнувшись, затаив дыхание, слушаем Страсти Баха и думаем про наш Остров и благодарим Бога за эту встречу».

25 октября 1990 года Священный синод Русской Православной Церкви принял решение возобновить деятельность Соловецкой обители, а через два года указом Святейшего патриарха Алексия II наместником Соловецкого монастыря был назначен игумен (ныне архимандрит) Иосиф (Братищев). Монастырю были переданы второй и третий этажи корпуса у Никольских ворот, где располагались домовый храм и кельи насельников обители. Также службы совершались в Филипповской церкви, однако прилегающие к ней корпуса занимала гостиница Соловецкого музея.

Таким образом, спустя ровно 70 лет на острове было возрождено монашество с поставлением наместника при священноархимандрите Соловецкого Спасо-Преображенского ставропигиального монастыря Святейшем патриархе Московском и всея Руси. А в мае 1992 го-

да в праздник Благовещения игумен Иосиф совершил первый постриг насельников обители в монашество.

И тогда вспомнились слова из Жития преподобного Зосимы, основателя Соловецкой обители:

«И многие стали приходить к нему из разных мест, желая жить вместе с ним и слышать из его уст слово спасения, — стремились, “как олень на источники вод”... Блаженный же не только учил их словом, но и в делах во всем был примером для паствы, точно исполняя сказанное в Евангелии: “Блажен, кто сотворит и научит, — тот большим наречется в Царствии Небесном”.

И из окрестных мест приходили к нему многие иноки, хотевшие следовать его добродетельной жизни и духовному деланию. Он же, как чадолюбивый отец, с радостью всех принимал, и с безмерной кротостью и смирением духовно поучал, и давал телесный покой: всем равную еду и питье, одежду и обувь. И умножалось число братии — и все имели достаток, и было всего в изобилии, и жили по установленному порядку весьма благополучно».

Глава вторая

Pro memoria

«Косяков», «Шебалин» и «Клара Цеткин». — Путешествие на остров в 90-х. — В монастыре. — Зима на острове. — Петя Леонов. — «Соло». — Коктебель. — Филипповская церковь. — Оптина пустынь. — Аэродром. — Муксалма. — Слово о пострижении схимников. — «Соловецкие мечтания» Юрия Казакова. — Никита Минов и его Крест. — На Анзере

На «Косякове» к острову подошли ближе к вечеру, хотя если стоят белые ночи, то совершенно непонятно, какое это может быть время суток.

Ветер почти отсутствовал, и потому могло показаться, что ковш гавани Благополучия был до краев заполнен горящим на предзакатном солнце лампадным маслом, благоухал водорослями, звучал криками чаек, а также монотонным низкочастотным воем корабельного двигателя, что стелился над самой водой. Как туман.

Потом завывла сирена, и начали швартоваться.

Со всего хода «Косяков» ударился в деревянный пирс, чудом сохранившийся еще с монастырских времен и переживший лагерь особого назначения. Тут уже стояли несколько водометных катеров, моторных лодок, да, как выяснилось впоследствии, известный от Онеги до Архангельска, густо выкрашенный масляной комкастой, как манная каша, краской «Шебалин». Даже не покачивался на прибойной волне, а стоял, как вкопанный в дно.

Отражение Спасо-Преображенского монастыря в воде задрожало, башни и колокольня, забранная почерневшими от времени деревянными лесами, тут же повалились набок, а точнее сказать, рассыпались в закипевших от маневра «Косякова» бурунах. Камнем ушли на дно.

Рассказывали, что когда лет десять назад землечерпалками чистили акваторию гавани, то наткнулись на затопленную здесь в конце 30-х годов баржу «Клара Цеткин». На которой из Кеми на остров перевозили заключенных.

Баржу тогда, конечно, вытащили, и вот сейчас ее проржавевшие, напоминающие скелет гигантской дох-

лой рыбы шпангоуты наполовину торчали из воды у самого берега.

То исчезал, словно отползал на глубину во время прилива, то выбирался на сушу во время отлива скелет, покрытый наростами и перепутанный проволокой. Казалось, что он жил своей, никому не ведомой загробной жизнью морского чудовища, страшного и беззубого. А вернее сказать, одного из многих чудовищ Придонного царя, у которого росла борода из ламинарий и который, согласно поверьям древних саамов, обитал на самом дне Дышащего моря и сетями излавливал души утонувших рыбаков-мореходов.

Сельдь здесь, на острове, ловят сетями-мережами и складывают на дне моторки, потом высыпают ведро соли и перемешивают штыковой лопатой или веслом. Конечно, у таких лодок всегда толпится народ.

Вот и теперь, когда «Косяков» пришвартовался, уперся в прикрученные к пирсу лысые автомобильные покрышки и замер, встречающие на причале уже запались соловецкой селедкой, которая издавала терпкий, дурманящий запах.

Еще долго мне будет чудится этот запах во всем — в замшелых, ледникового происхождения валунах, спящих в основании стен Спасо-Преображенского монастыря, в зарослях кривых, завернутых против часовой стрелки, завязанных немислимыми узлами карликовых берез, в пустых дудящих сквозняками залах монастырских палат, в разложенных на брезенте в целях просушки водорослях.

Пожалуй, всего и не перечислишь.

Перечислять, так перечислять, учитывать, так учитывать, вспоминать, так вспоминать.

Например, как в Кеми от поезда добрались на попутке до Рабочеостровска. Площадка перед пристанью в несколько слоев была засыпана стружкой и опилками, а потому ходила под ногами, дышала, как море, в которое и предстояло войти. Старый лесопильный завод то ли еще работал из последних сил, то ли уже не работал и почил, зарос колючим кустарником, однако из-за глухого, зашитоного без щелей забора доносился надрывный лай цепных собак.

Тогда на Соловки отходили по сбору. Набирали человек восемьдесят, и это при хорошей загрузке, обыч-

но бывало меньше, и шли. Ходили в любое время суток и при любой погоде.

Несколько лет спустя, осенью, пришлось идти на остров после страшного шторма в четыре часа утра. Кемь тогда полностью провалилась в кромешную, непроглядную тьму, которую на далеком горизонте изредка расчерчивали изломанные, как сухие ветви, молнии. Но чем ближе подходили к острову, тем небо становилось светлее, сначала озаряемое звездами, а затем сердоликового отлива лучами рассвета. Ветер почти стих и перестал терзать море, в котором, как в огромном увеличительном стекле, отразились две фазы времени: ночь и день, свет и тьма. Действительно, когда на горизонте в клоках густого тумана возникли очертания монастыря, небо разделилось ровно надвое, как это бывает изображено на старинных немецких гравюрах.

— Зима скоро, — задумчиво проговорил низкорослый со сломанным носом мужик в ватнике. А потом рассказывал, как ходил в команде «Косякова» на остров и обратно в Кемь до середины ноября, до первого льда, после чего и ушли в Беломорск, где зазимовали.

Лето 1997 года выдалось на острове жарким, даже знойным. Конечно, этому следовало радоваться, потому как нередко случалось, что в июне или даже в июле мог выпасть снег, а проливные дожди при этом вымывали из каменных, неоттапливаемых пустот всякую жизнь. Стены монастыря при этом чернели, вероятно, для того, чтобы почти не отличаться от низкого свинцового неба со всеми его клокастыми облаками, разрываемыми шквальным ледяным ветром. В каменных мешках стояла вода, трава прокисала и начинала гнить, приготовленные для ремонта причала бревна превращались в неподвижную осклизлую гору, рабочие сидели под шиферным навесом, сооруженным тут же: «Нет, в этом году до дела не дойдет»; курили, разумеется.

Сейчас уже трудно понять, почему в тот первый приезд на остров на территорию монастыря мы проникли через едва различимые в высокой траве, низкие, как вход в подвал, Сельдяные ворота, хотя вся толпа, прибывшая на том же «Косякове», с криками и хохотом направилась к огромным Святым воротам с надвратной Благовещенской церковью.

Но вышло именно так..

Заваленный битым кирпичом узкий проход между корпусами вывел на площадку, запертую с четырех сторон каменными палатами, которые, как утесы, вырастали одна из другой.

Здесь было тихо и пустынно.

На досках, сложенных перед входом в Наместнический корпус, спал человек. Перед тем как лечь, он снял резиновые сапоги, аккуратно поставил их рядом с собой и задремал. Было около одиннадцати часов вечера, но белая ночь не позволяла определить время суток достоверно. Блеклая тень на солнечных часах, что нависали над спящим человеком, плыла в акварельном настое свежeweыбеленной стены. Тогда это показалось удивительным, но потом стало ясно, что отсутствие времени на острове, или движение его в обратную сторону, когда ждешь полуденного часа, а наступает утро, когда приходят закатные сумерки и длятся целую вечность безо всякой надежды на завершение, дело абсолютно нормальное, обыденное. В такие минуты, часы, периоды всё видимое теряло свой обычный, тот, к которому мы привыкли, ритм. Да и сам в такой промежуток времени, вернее, безвременья, начинал ощущать себя иначе, не медлительным, но проникающим неспешно в какие-то неведомые ранее закуты, комнаты, коридоры, о которых, разумеется, знал раньше, но не решался открыть дверь и сделать шаг.

И вот открыли дверь и оказались в бывшей келье Святительского корпуса, переделанного в музейную гостиницу. Здесь все было по-старинному, по-соловецки. В темный, едва подсвеченный лампой-дежуркой коридор выходили печи, по одной на две комнаты, а на жестяном поддоне у лестницы лежали дрова. Хоть лето было и теплое, но по ночам протапливаться все равно было необходимо, потому что камень стыл и обволакивал все жилые помещения сыростью, а половицы пола, огромные, напоминающие могильные плиты доски, просыхали и начинали скрипеть, да так, что их пронзительный голос был слышен, наверное, на монастырском причале.

Сквозь запотевшие стекла всё в том же акварельном мареве едва проступали очертания Спасо-Преображенского собора. Он возносился, вырастал откуда-то из гигантских глыб, положенных одна на другую, постепен-

но меняющих очертания сооружения от хаотического нагромождения диких форм и острых углов к выверенным линиям, с умением и умыслом выложенным оштукатуренным кирпичом.

А побелка на потолке у печной стены облупилась.

Конечно, в ту первую ночь на острове уснуть было невозможно. И даже не потому, что слишком жарко натопили и в открытую форточку налетели комары, а потому, что тишина на монастырском дворе была кричащей, наполнилась какими-то необъяснимыми шепотами и движениями невидимых и уже давно ушедших людей. Казалось, сам воздух не спал от этого коловращения — гулких ударов воображаемого колокола, хриплых, отдаваемых вечно простуженным голосом команд, приглушенных благословений.

Чем более побелка просыхала, тем более крошилась на придвинутый к стене стол, исходила хлопьями, и сквозь полусон могло показаться, что с потолка падает снег.

В 2014 году я впервые оказался на острове зимой, вернее, в начале марта, но на Соловках это была еще зима.

Изю дня в день по немыслимо высокому небу (похоже, что летом оно становится ниже) бесконечной чередой неслись облака. Они принимали то форму развивающихся полотнищ, то мучнистого дыма, попеременно то открывая, то пряча солнце. Снег из-за этого оживал, словно бы наперегонки с теньями, с очертаниями деревьев, барачков, вмерзших в лед судов, храмов и монастырских стен начинал свое движение за ветром, усилиями которого март на острове не утихал и не замирал ни на минуту.

Именно тогда, спустя 17 лет после своего первого посещения острова, я познакомился с Петей Леоновым.

Петя пришел после обеда, он стоял в дверях моего гостиничного номера, на сей раз это была гостиница «Соло», что устроили в начале 90-х в расселенных бараках рабочих агарового завода, и как-то робко улыбался.

В руках Леонов держал пачку листов формата А-4, это была подборка рассказов под общим названием «Соловецкие были-небыли», которые он почему-то скромно называл «разговоры с читателем». Это уже потом я узнал, что Петр Михайлович был завлитом на Та-

ганке времен Любимова и Высоцкого, что в 1990 году уехал из Москвы жить на Соловки.

Так вот, Петя показал свою рукопись, рассказал о том, что раньше работал на островном радио, потом сторожем в Морском музее, но все это время писал, хотя сочинителем, то бишь писателем, себя именовать не решался, но более собеседником воображаемого читателя, автором ни к чему не обязывающих воспоминаний, например, про кота Мурмышку и про, как заметил сам Леонов, «соловецкого чистокровного двортерьера» по прозвищу Печак.

Однако обо всем по порядку.

Петр Михайлович обстоятельно разложил перед собой листы бумаги, затем, выбрав по своему усмотрению один из них, поднес близко к глазам и начал читать:

«С наступлением холодов полевки из леса перебираются в дома соловчан и, если в доме нет кошки, безнаказанно там бесчинствуют. Но нам повезло, Мурмышка была сверхталантливым мышеловом. Поняв это, мыши вообще перестали посещать нашу квартиру. Кому охота добровольно лезть в камеру смертника? А Мурмышка без своих маленьких сереньких “друзей” загрустила. Пытались показывать ей мультфильмы про Микки Мауса, купили игрушечную мышь, но ничто не помогало. Тогда я стал выдавать Мурмышку “напрокат” соловчанам, живущим без кошек. И все (конечно, кроме мышей) стали счастливы».

Впоследствии, оказавшись в квартире Леонова и его жены Надежды (они жили на первом этаже двухэтажного барака на Приморской улице), я имел возможность увидеть этого «сверхталантливого мышелова». Вообще следует заметить, что отношение к котам на Соловках особенное. Они как-то по-особенному неспешны и задумчивы, что ли, могут часами неподвижно сидеть на берегу моря и смотреть за линию горизонта, словно пытаясь разглядеть что-то или понять, каким образом оказались здесь, на острове. Отвлекать их от этого занятия не принято, а посему, особенно в закатные часы, коты, сидящие у воды, напоминают добрые валуны, покрытые мхом или водорослями, в зависимости от длины шерсти.

Петиного кота отличала повышенная пушистость, он был высокомерен и в меру угрюм, видимо, от осоз-

нения собственного величия, ведь, как-никак, он пользовался повышенным спросом и заслуженной популярностью во всем поселке. На знаки внимания к себе отвечал с неохотой и был весьма избирателен к своим многочисленным поклонникам, лишь немногим из них великодушно отвечая взаимностью.

Разумеется, резко отрицательно относился к собакам, видимо, находя само их существование ошибкой природы.

Исключение составлял, пожалуй, лишь Печак.

Петр Михайлович продолжал читать:

«Дома нас неласково встретила кошка Мурмышка, с которой вы уже успели познакомиться. За полгода, которые она у нас прожила, юная кошечка твердо осознала себя главной персоной в доме. Поэтому на нового жильца она злобно зашипела. Я попытался “задружить” наших четвероногих: приласкал и усадил их на одну табуретку. Это было возможно из-за мизерных, примерно одинаковых размеров кошки и щенка. Но как только я отошел на кухню, Мурмышка огрела когтистой лапой нового жильца квартиры. Он “ссыпался” с табуретки и жалобно заскулил. Так, с неудачи, началась моя трудная миссия миротворца. Когда щенок стал быстрыми темпами набирать в росте и перегнал по габаритам Мурмышку, кошка собаку вынуждена была слегка зауважать. Между Мурмышкой и Печаком (так называли щенка) естественным образом установился дипломатический статус-кво. Хотя, может, это была и любовь? Кто его знает. Ведь любовь — это необъяснимая тайна. “Чужая душа — потемки, ну а кошачья — тем более”, — премудро заметил Антон Павлович Чехов».

После завершения чтения Леонов стал рассказывать о своем островном бытовании, о том, что он совершенно не мыслит своей жизни без монастыря, посвящая ему все свои мысли, тем самым общаясь с ним, как с живым человеком.

Очувтившись на острове впервые, сам не знаю почему, я ощутил странное чувство, которое испытывал разве что в детстве или во сне: когда оказываешься в незнакомой местности, в которой никогда не был до того, но при этом испытываешь точное знание и абсолютную уверенность в том, что пребывал здесь раньше. Изображение в этом случае становится необычайно ярким,

выпуклым, таким, что его можно даже потрогать руками, прикоснуться к предметам, ощутить запахи и движение атмосферы. Картина же, видимая мысленным взором, вселяет какое-то неизъяснимое спокойствие, как это бывает, когда приходится наблюдать за движущимися чередой по небу облаками.

Архангельскими воротами я вышел с территории монастыря на берег Святого озера. Здесь, невзирая на позднее время, было многолюдно, видимо, неспособность или нежелание спать белой соловецкой ночью были присущи не только мне. Люди сидели на песке у самой воды, купались, прогуливались вдоль монастырской стены от Архангельской до Никольской башни и обратно, воскрешая тем самым в памяти воспоминания о вечерних гуляньях по набережной Коктебеля в 70-е годы. Те же лица, те же разговоры, те же мизансцены, с той только разницей, что подобное происходило более двадцати лет назад на берегу Черного моря.

Время существует только тогда, когда его проживаешь, наполняя впечатлениями, переживаниями и ощущениями; в противном случае его нет, оно находится в состоянии покоя, оно неподвижно, и направление его движения зависит только от того, какими воспоминаниями и чувствами его наполнить. Понимание этого рождает ощущение уверенности в том, что впервые увиденный мной в июне 1997 года остров существовал в моем сознании и раньше, являлся в каких-то иных образах и географических точках, а следовательно, был мною посещаем.

Вот где-то здесь, между гаванью Благополучия и Святым озером, в 1436 году преподобному Зосиме было видение церкви, висящей в воздухе.

Всё на острове началось именно отсюда, с этого перешейка между двумя водными стихиями — морем и озером, которым никогда не сойтись, как никогда не переселят незамерзающие ключи-студенцы дыхания Белого моря, а приливы и отливы никогда не доберутся до колодцев с питьевой водой и прорубленных зимой во льду озера иорданей, приспособленных для полоскания в них белья.

Белая ночь безветренна, и белье неподвижно висит на веревках, протянутых от дома к дому.

В марте 2014 года все было по-другому, когда не за-

тихающий ни на минуту ветер трещал развевающимися вдоль дворов простынями и пододеяльниками, гремел ржавыми железными листами крыш, отслоившимися от деревянной обрешетки, гудел перекатывающимся под его порывами лесом. Особенно с горы Секирной было хорошо видно волнение этого заснеженного пространства, затина, скованного со всех сторон льдом.

Хотя днем, когда солнце иногда все же выбирается из-за несущихся облаков и тепло на какое-то время завораживает, дает возможность передохнуть, если успел спрятаться от воздушного возмущения за камнями, среди сваленных бревен или в снежной норе, припай начинает постепенно подтаивать. Густая с ледяной крошкой каша тут же и принимается чавкать под ногами, чернеет мгновенно от малейшего прикосновения, и уже неизвестно, насколько крепок лед, потому как он оттаял ото дна, начал трещать и лопаться по воле луны и солнца.

За островом Бабья луда море открылось, и по нему проплывают словно развороченные взрывом льдины, переворачиваются, выпуская с характерным шипением на поверхность целые россыпи пузырей.

У подножия Секирной горы тихо, а на вершине ураган.

Белье во дворах вздувается, бьется в окна, и снять его с веревок — это целая комиссия, ведь оно накидывается в первую очередь на лицо, а уж потом пеленает руки и колом валится к ногам.

Так и стоит на земле — промерзшее, пахнущее солью и снегом.

Его заносят в дом, где оно вскоре оттаивает, и кажется, что у него, у простыни, например, подкосились ноги. Простыня оседает на пол, ее подхватывают, складывают, но до поры не убирают в шкаф, а кладут рядом с печной стеной, чтобы она высохла окончательно.

Летом 1997 года я провел на острове всего лишь три дня, хотя вернее было бы сказать, трое суток, потому что белые ночи окончательно стерли грань между темным и светлым временем, между солнцем и луной.

Лишь обязательная протопка печи служила своего рода мерилем того, что наступила ночь; в остальном же все было подчинено Соловецкому закону, по которому остров жил веками.

Удар колокола, что висел перед входом в Филипповскую церковь, к которой примыкала наша гостиница, точнее сказать, Святительский корпус, приглашал к ранней.

Утренняя тишина сразу же оживала, начинала полниться шепотами, шагами, приглушенными благословениями, но на сей раз уже не воображаемыми, как это было ночью, но совершенно живыми, естественными для действующей обители.

Наместник Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря игумен Иосиф приехал на остров в 1992 году. До этого, в конце 80-х, он восстанавливал Оптину и Толгский монастырь под Ярославлем.

В те же годы в числе добровольцев в Оптиной пустыни работал и я. И вот, спустя годы, встретились на острове, будучи знакомыми, разумеется, заочно. Но в то время эти пути были исхожены многими, и потому, приехав, например, на Соловки или в Оптину, в Кириллов или на Спас-Каменный, что на Кубенском озере, можно было встретить знакомых людей, увидеть знакомые лица.

В Оптиной Введенской пустыни Иосиф пробыл недолго, оставив при этом у паломников и трудников по себе приятные воспоминания — деловит, обстоятелен, строг в меру.

Однако, оказавшись на Соловках, что и понятно, столкнулся с такими трудностями, о которых на материке и подумать было невозможно.

То, что пришлось увидеть на острове в 1997 году, уже не шло ни в какое сравнение с тем, что увидели духовник обители игумен Герман и настоятель игумен Иосиф на острове в начале 90-х: полузатонувший, полуразрушенный ковчег посреди Белого моря

Петр Михайлович Леонов вспоминал: «...А потом все вместе пошли в храм. Службы тогда совершались еще в домовый церкви, расположенной на втором этаже монастырской постройки у Никольских ворот в Северном дворике. На первом этаже, прямо под церковью, бойко работал магазин РайПО, в котором продавали не только хлеб и продукты, но и спиртное, и курево. Представляет, дьякон ладаном в храме кадит, а под ним пьяный мужик вонючей “Примой” чадит... Слава Богу, что все это позади. После долгой церковной службы (отец Герман всегда служил не спеша, без оглядки на наш бешеный

век, так, как, наверное, служили на Соловках во времена Преподобных) мы в благостном состоянии возвращались домой».

От Никольских ворот дорога ведет в Филиппову пустынь и на Муксалму.

Туда и отправился на второй день своего пребывания на острове.

После аэродрома вполне сносная гравийка пошла направо.

Строить взлетную полосу на Соловках начали еще во времена СТОНа в 1939 году. Найти на архипелаге такой огромный и плоский, как стол, участок земли невозможно, потому что его здесь нет. Но, как известно, для архитекторов «новой жизни» преград не существовало ни на море, ни на суше. Усилиями заключенных Соловецкой Тюрьмы Особого Назначения площадка была создана, то есть приведена к единому уровню. Точно такой же аэродром был построен и на Муксалме в десяти километрах от монастыря.

Когда ровняли площадку для взлетно-посадочной полосы, каким-то чудом не снесли каменный корпус бывшей Филипповой пустыни, расположенной на берегу Игуменского озера. Постройку спасло то, что в ней находилась лагерная командировка, предположительно здесь содержали заключенного Павла Флоренского.

Вскоре дорога испортилась окончательно, начала уходить в провалы, заваливаться в ручьи, что неожиданно выбегали из чащи, а потом вновь исчезали в горах наваленных по обочине валунов. Полное отсутствие ветра усиливало духоту преюющих болот и монотонный комариный гул, который неотступно преследовал ровно с того момента, когда гравийка вошла в лес.

Помыслилось, что надо было идти через аэродром, там хоть изредка веет прохладой, доносящейся с моря. Впрочем, решение было принято явно с большим опозданием — непроходимый кустарник все попытки свернуть с дороги сделал бесполезными. Значит, так и надо идти, воображая себе, что точно так же, через лес, топь, комариный полчища пробирался в свою пустыню соловецкий игумен Филипп (Колычѳв).

Обогнув Игуменское озеро, тропа выровнялась, стала значительно суше и пошла в гору, которая уступами

восходила над летным полем и завершалась небольшой поляной, окруженной высокими соснами.

Хотя не гора это была, но холм, круча, как принято говорить на Севере.

Если подняться к единственной сохранившейся постройке Филипповой пустыни, то на горизонте можно увидеть шпиль монастырской колокольни, который едва различим среди частокола островерхих соловецких елей.

Значит, пустыня Святителя возвышается над островом, над монастырем, и восхождение на нее для игумена Филиппа было всякий раз восхождением на Голгофу.

Или на гору Фавор...

На вторые сутки островного жития, без сна, без ночи и дня как таковых, лег на деревянные ступеньки бывшего келейного корпуса и уснул. Даже сам не заметил, как это произошло, только и успел подумать, что напоминаю сейчас того человека, что спал на досках у Наместнического корпуса, загодя сняв резиновые сапоги и аккуратно поставив их рядом. В том смысле, что порядок превыше всего.

Во время мартовской поездки на остров, конечно, тоже пришел в Филиппову пустынь. Тогда снегопад обложил высокими сугробами корпус почти до самых окон, и до деревянных ступеней, ведущих на крыльцо, было не добраться.

Пришел в пустынь на обратном пути с Муксалмы. Конечно, ходил на «мелкий пролив» (финно-угорский перевод топонима «Муксалма») и летом, но зимой, когда напоминающая огромного полоза каменная дамба выползает из кусков зубастого льда, образует прогалины, воет на постоянном ветру, здесь всё совсем по-другому. Это и есть тот край, окоём, за который по водотокам утекает незамерзающая вода, и нет ей возврата из Дышащего моря.

На Муксалму в Сергиевский скит возвращается только единственный насельник, что живет здесь всю зиму.

Разве что на лыжах ходит в поселок раз в неделю.

Запасается хлебом и душеполезным чтением.

Льжню замечает быстро, и потому всякий раз тропить надо по новой.

Топит печь.

Вслух читает «Сборник поучений Соловецкого став-

ропигиального первоклассного монастыря на общие и местные праздники и на разные случаи».

Например, «Слово о пострижении схимников»:

«Древнее время представляет нам немало примеров благочестия наших предков, и один из них... обычай постригаться перед кончиною в монашество. Желание в ангельском образе скончать земную жизнь, чтобы в будущей, загробной, иметь общение со святыми ангелами, было плодом добродетельной жизни наших предков... Ныне, с ослаблением монашеского духа в монастырях и оскудением благочестия в мирянах, утратился и этот благочестивый обычай — постригаться перед кончиною.

Хотя великая схема и свойственна преклонному старчеству, но мы видим, что многие старцы кончают жизнь в малом монашеском образе, не изъявляя желания принять великий. Известно, что великая схема имеет одно назначение: совершенное оставление земных дел ради единственной деятельности — приготовления души к смертному исходу. Само одеяние схимника показывает, что он как бы заживо погребен или живой мертвец.

Что такое схимническое уединение? Это тихая, мирная смерть прежде разлучения души с телом. В этом уединении постепенно сглаживаются впечатления, начертанные в душе предметами мира, и душа постепенно теряет свое общение с этим миром. Ум истинного схимника глядит на сей мир как бы с того света... который есть вечность. Взоры души невольно устремляются в это беспредельное пространство, часто всматриваются в него, увлекаются этим величественным, доселе неизвестным зрелищем.

Созерцая в своем уединении вечность, отшельник по душе признает, называет все временное суетою... он опытным знанием убеждается, что назначение человека не для земли, а для неба.

Понятно, что не все старцы-иноки могут иметь стремление к такой исключительно духовной деятельности, какова схимническая... И хотя монастырский устав частыми и продолжительными церковными службами и направляет к тому подвизающегося в молитве инока, но далеко не все старцы чувствуют себя способными и сильными для столь трудного дела, как пребывания в непрестанной молитве».

Затем совершает правило на сон грядущему, гасит свет и ложится спать.

А за окном в это время не на шутку разыгрывается снежный буран, заметая каменную дамбу и вмёрзший в лед скитский причал.

Всякий раз, приезжая на остров, вспоминаю то мое первое посещение Соловков в 1997 году и тот сон в Филипповой пустыни, словно бы и мимолетный какой-то, безо всяких видений, с подложенным под голову рюкзаком, но при этом необычно глубокий, придавливающий, как камень, который, по преданию, вместо возглавия здесь использовал соловецкий игумен Филипп (Колычёв).

Допускаю, что это и был своего рода переход в иную, островную реальность, постичь которую можно лишь в бессознательном состоянии, просто принять ее, довериться ей и сразу же ощутить себя частью этого места.

Интересно, что уже в Москве по возвращении с острова я прочитал «Соловецкие мечтания» Юрия Казакова, наткнулся на книгу в «Букинисте», что был рядом со вторым выходом из станции метро «Парк культуры» на Остоженку.

Прочитал и словно опять погрузился в тот сон на деревянном крыльце келейного корпуса Филипповой пустыни.

Юрий Павлович пишет:

«Вот наконец и двенадцатый час ночи, и сидим мы в монастырской келье на Соловках, свет сочится в два окна, одно из которых глядит на запад, на море, другое — на юг, вдоль стены.

Всюду теперь тишина — и на море, и во дворе монастыря, и внутри “братских келий в трех этажах, а под ними внизу кладовые” — как обозначено это здание, в котором размещена турбаза, на старинном плане.

Угомонились пьяные, не торгуют пивом во дворе монастыря, закрылся магазин с водкой, и выключили на ночь водопровод в уборной и умывальнике, чтобы какой-нибудь турист не вздумал, боже упаси, водицы ночью испить или что-нибудь там еще такое... Не положено. Отбой. Всё спит на острове, всё выключено, заперто, одна белая ночь не выключена — сияет. Розовое небо на северо-западе, мрачно-пурпурны тяжелые контуры дальних туч, вздымающихся за горизонтом, и серебри-

сты и жемчужны высочайшие чешуйки легких облаков над головой.

Я было лег, потом разговорился с приятелем, опять встал, разогрел на плитке, пью крепкий чай. Ветерок, слабый вздох с моря вдруг войдет в окно и растечется по келье пряным запахом водорослей. Всё прошло, всё где-то далеко, одна ночь осталась и длится.

Нет, жалко заснуть, жалко пропускать такую ночь. Поглядев еще раз в окна, мы одеваемся и тихо выходим. Во дворе в ночной свежести пахнет камнем, пылью, мусором... За воротами поворачиваем направо, идем сначала вдоль Святого озера, потом по поселку, потом лесом — к морю. В лесу сладко обдает нас мхом, торфом, хвоей, и в настое этом едва уловимо звучит теплый камень.

Море — как стекло. И клюквенная полоса на горизонте, и облака, и черные карбасы на якорях, и мокрые черные камни — все отражено в его зеркальности. Идет прилив. На песчаном дне между камней ручейки заполняют ямки, следы чаек. Отвлечешься чем-нибудь, потом глянешь на воду: камень, который только что высоко и черно торчал из воды, теперь почти скрылся...

Чайки невидалье, как нерастаившие льдинки, белоголубые, спят на воде, торчком подняв хвосты. Молча, быстро проносятся вдоль берега черные морские утки. Там и сям по заливу плавают бревна, занесло их сюда с Двины или с Онеги. Тюлень высунулся, увидел нас, скрылся, потом объявился возле бревна, положил на бревно ласты, высоко вытянул морду и долго разглядывал нас. Было так тихо, что доносился по воде шум его дыхания. Наглядевшись, хмыкнул, плеснул, спина колесом блеснула в округлом движении, и исчез... На Соловки я попал с Жижгина на шхуне, высадился на противоположной стороне острова и, пока шел к Соловецкому кремлю, ни души не встретил на бесчисленных кругом озерах, на прекрасной дороге с полосатыми верстовыми столбами».

На обратном пути в поселок познакомился с паломниками из Калуги. Разговорились. Выяснилось, что на остров они приезжают уже третье лето подряд и живут в палаточном городке, разбитом севернее монастыря на дороге на Ребалду — это как раз по направлению к каналам.

Соловецкие озера не знают, что окружены морем. Действительно, взяв лодку и отправившись по каналам и протокам от озера к озеру, пребываешь в абсолютной уверенности, что странствуешь где-нибудь на материке, в пойменных затонах Онеги, близ Каргополя по озеру Лача, по Вожеозеру или в Белозерских пределах.

Низкое вечернее солнце, едва пробиваясь сквозь деревья, склонившиеся к самой воде, кажется, обжигает противоположный берег бегущим огнем. Пылают кустарники и островерхие ели, сосны и черные дубовые городни, которыми еще в монастырскую бытность были выложены каналы-водоводы.

На старых, пожелтевших от времени фотографических карточках изображены паровые катера, которые выходят из озера Валдай в Большое Белое озеро. Потом, скорее всего, они опишут здесь круг и вернутся обратно в озеро Щучье, а из него в Средний Перт.

На веслах, конечно, события развиваются не так быстро, но зато, входя в протоки, можно наблюдать, как рядом с лодкой неспешно плывут рыбы и с любопытством смотрят на неведомого пловца.

При входе в узкие каменные горловины одно из весел покидает уключину, и им следует пользоваться как багром, отталкиваясь от берегов.

Рыбы не отстают, пребывая в полной уверенности, что им ничто не угрожает.

С одним из этих каналов была связана история, о которой уже шла речь в книге. Соловецкий фотограф Юра Малышев, с которым мы познакомились на острове осенью 1999 года, утопил здесь свою дорогую фотокамеру. Сам мне потом рассказывал, что все как-то глупо тогда получилось — увлекся съемкой и не заметил, как лодка развернулась и зацепила носом едва заметный в тенистом полумраке протоки валун.

Жалко было даже не камеру, а почти отснятую на Анзере пленку.

Потом камеру вытащил из воды, конечно, разобрал, пытался сушить на плите... нет, не помогло, так она с тех пор и стоит в шкафу за стеклом, словно продолжает смотреть из-под воды подслеповатым цейсовским объективом.

На Анзер я попал только осенью 2011 года: тогда пришли на «Поморе» с известным на острове в районе

Северных Железных Ворот мореходом Максимом. Всю дорогу он без умолку рассказывал, как многолюдно было на острове при военных, весело, по вечерам танцы и футбол.

Когда подошли к мысу Кеньга, Максим неожиданно посерьезнел и сказал:

— Места тут дикие и суровые, порядка требуют, здесь сам патриарх Никон был, — потом помолчал и добавил: — ну то есть, когда еще не был патриархом...

Когда «Помор» подошел к шаткому, наскоро сооруженному причалу, Максим ловко спрыгнул на берег и принялся подтягивать катер к вкопанным в землю дубовым сваям.

А затем была дорога на гору Голгофу, о которой столько прочитано в воспоминаниях узников Соловецкого Лагеря Особого Назначения, дорога, с каждым поворотом которой открывались картины, когда каждая следующая не повторяет предыдущую. На горизонте вставало море, залитое тихим осенним солнцем, и совершенно нельзя было предположить, что именно здесь было столько боли, страдания и смерти. С трудом верилось и в другое: что именно на Анзере почти 400 лет назад новоначальный инок Никон вызвал гнев старца-скитоначальника и покинул остров, ввергнув себя в лютое и смертельно опасное испытание.

Тогда и помыслилось — если Большой Соловецкий остров есть ум архипелага, то Анзер его сердце, а сердце может болеть от печали и любви, от обиды и предательства, от чрезмерного напряжения и смертельной усталости.

Скорее всего, Иов (в схиме Иисус) Анзерский провидел это, когда в 1710 году ему именно здесь явилась Богородица и велела основать Голгофо-Распятскую церковь как истинный символ любви и жертвенности, сердечного горения и невыносимых мук.

Сделанные в то посещение Анзера фотографические карточки редко рассматриваю сейчас. На них время остановилось: вот Максим задремал на причале, вот деревянная Воскресенская церковь, вот пристань Кеньга и Троицкий Елезаров скит. А на острове ведь всё по-другому, потому что сердце архипелага живет и бьется, и не успеть за его бегом, как не предсказать, какая кар-

тина ожидает тебя после очередного поворота дороги, восходящей на Голгофу.

На третьи сутки того своего первого пребывания на острове в 1997 году погода внезапно испортилась. Небо заволочло, и пошел мелкий дождь, который более напоминал туман, что то усиливался, то затихал, то летал по воле слабого ветра, то настойчиво барабанил по металлической крыше катера, на котором пошли в Кемь.

Кстати, катер называл «Туман».

Думаю, что это было просто совпадение, а название запомнил исключительно для памяти, что называется, *pro memoria*.

Будут последние первыми, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных.

Евангелие от Матфея. 20, 16

Уже стало общим местом рассуждать о том, что Соловки были, есть и, надо думать, будут своеобразным зеркалом всей российской жизни, что в них отражаются все пороки и победы, радости и ужасы, достижения и провалы русской истории. Безусловно, это так, анализ повседневного островного бытования позволяет прийти к такому выводу.

Но, с другой стороны, не хотелось бы в каком-то роде демонизировать архипелаг, превращая его в некое квазиисторическое пространство, где все обретает гипертрофированно-болезненные формы и размеры.

Соловки стоят в одном ряду с Ярославлем и Москвой, Вологдой и Ростовом Великим, Псковом и Новгородом, Рязанью и даже юным Санкт-Петербургом. И это вполне объяснимо, ведь тут, безусловно, просматривается единая историческая парадигма, так как каждый по отдельности и все вместе данные центры существуют внутри общего культурного, экономического и ментального потоков. При том что каждый из них, безусловно, обладает своим уникальным своеобразием, своим неповторимым стилем и почерком.

Говоря о Соловках, мы в первую очередь обращаем внимание на то, что этот остров, расположенный, по сути, на краю русского бытования,

на рубеже православной ойкумены, не вписывается в принятые на протяжении многих веков правила и регистры, в поведенческие стереотипы и форматы. Тут всё, как в России, и в то же время тут всё совсем по-другому.

Действительно, Русский Север (или Русская Фиваида на Севере) никогда не знал крепостного рабства, жизнь в суровых условиях Приполярья сформировала тут особое отношение к слову и делу, к поступку и ответственности за этот поступок, именно здесь человек, оказавшийся один на один с краем вселенной, ощутил себя свободным и достойным этой свободы, могущим сделать выбор и воспитать своих детей в традициях верности заветам предков.

Однако именно эти уникальные возможности, а вернее, права, которые получили поморы в целом и островитяне в частности, наложили на них и непрекращаемые обязанности, потому что выбор — это уже есть несвобода — возможность преодолеть зло или возможность впасть в него. Тут, безусловно, вновь приходят на ум слова святого Макария Египетского, которые мы уже комментировали на страницах этой книги: «Как Бог свободен, так свободен и ты... если захочет человек — делается сыном Божиим или сыном погибели».

Итак, рубежное состояние острова обуславливает его глубочайшее эсхатологическое напряжение и становится залогом труднейшего и важнейшего испытания для всякого человека, оказавшегося тут, — преодолеть зло и смерть или принять их безропотно, погубив свою бессмертную душу прежде смерти физической.

Можно утверждать, что Соловки в русском сознании и в русской истории уникальны и важны именно данным напряжением или, как бы сказал Ф. М. Достоевский, «надрывом», из которого вопреки страданиям и выходят внутренняя свобода и человеческое достоинство.

Необычайно точно высказался на эту тему в первом томе сборника «Воспоминания Соловецких узников», вышедшем в издательстве Соловецкого монастыря в 2013 году, архимандрит, наместник Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря Порфирий (Шутов): «История Соловков в минувшем веке с определенной ясностью свидетельствует о том, каких страш-

ных масштабов может достигать зло, прорывающееся в мир через людей, сердца которых отпали от Бога. И та же история доносит до нас неопровержимый факт: зло бессильно перед твердым стоянием в правде. Мужество тех, кто перед лицом мучений и самой смерти сумел сохранить внутреннюю свободу и человеческое достоинство, выводит исторический опыт Соловков далеко за рамки национальной истории России, вписывает драгоценную страницу в летопись человеческого духа».

Преподобные началоположники Соловецкого иночества Савватий, Зосима и Герман, неоднократно подвергаемые самым суровым испытаниям, мучимые сомнениями, страхами, людским жестокосердием и кознями «началозлобного демона», сумели явить пример величайшей духовной крепости и твердого стояния в вере. Подвижникам удалось взрастить семена на каменистой Соловецкой почве, населить архипелаг монахами и мирянами, вдохнуть в него жизнь вопреки леденящей и бессмысленной смерти, превратить его не только в обитель молитвы, но в место труда, облагородившего эти пустынные и необитаемые пределы.

Однако важно понимать, что увеличение численности островитян, в частности в эпоху царя Ивана Васильевича IV, во времена печально знаменитого Соловецкого восстания 1667—1676 годов, а также в эпоху Петровских реформ (что само по себе стало процессом закономерным и естественным), принесло на Соловки неистовые страсти мира сего, предельно сконцентрировав их на небольшом клочке земли, затерянном в Белом море, сократив поле невидимой брани до 347 квадратных километров.

Можно утверждать, что первым великим островитянином, ощутившим на себе это непомерное давление зла, беснование и ярость сил, которым противостояли еще святые Савватий, Зосима и Герман, стал соловецкий игумен, будущий московский первосвященник Филипп (Колычёв).

В своей монографии «Святой Филипп, Митрополит Московский» Георгий Петрович Федотов подробно описывает, как подвижник «отходит в пустыню», чтобы предаваться там еще большим телесным трудам и уединенной молитве. Филипп, как мы теперь понимаем, ищет на острове место, где бы он мог сосредото-

читься на самом главном, не отвлекаясь на житейские дразги и разбор конфликтов, которыми к тому времени изобилует многочисленная соловецкая братия. Игумен хочет донести до сознания островитян, что нарушение нравственных и духовных законов преподобных соловецких старцев может привести к катастрофе, последствия которой на архипелаге будут сокрушительными.

Аскетический опыт святителя Филиппа абсолютно уникален в своем роде, ведь он подвизается и как отшельник, и как пастырь, и как проповедник, и как строитель монастыря, то есть человек, решающий сложнейшие хозяйственные задачи. Предельная сосредоточенность игумена, взгляд, направленный в первую очередь внутрь себя, позволяющий святому авве Филиппу вести невидимую брань со страстями, гордостью, тщеславием, гневом и раздражительностью (насельники обитатели, надо полагать, давали к тому немало поводов) не вопреки братии, но благодаря ей. То есть не возносясь, не надменно обличая, но становясь отцом каждому из монахов. Следовательно, святитель, покинув мир, принимает его на острове таким, какой он есть, точнее, каким он пришел в XVI столетии на Дышащее море, — в этом, можно утверждать, и заключается смысл его подвига.

Если во времена преподобных Соловецких началоположников битва с демонами, искушавшими отшельников и являвшимися им в личинах зверей и гадов, носила характер поединка с явным и неприкрытым злом, то в эпоху Филиппа (Колычёва) это сражение обрело иной характер.

Так, по мысли архимандрита Порфирия (Шутова), «зло нередко прячется в красивые одежды, тем самым стремясь быть неузнанным. Чтобы понять его губительную суть, его надо увидеть обнаженным и безобразным». Коварство московской власти, политические игрища, представления и безумные спектакли царя Ивана Васильевича, разумеется, облаченные в богатые и яркие убранства, стали для Спасо-Преображенского монастыря суровым испытанием. И, пожалуй, лишь Соловецкий игумен решился обнажить это зло, явить его миру и братии, изначально при этом понимая, что далеко не все поймут его и останутся с ним рядом до конца.

Удаляясь в пустыню на берег Игуменского озера, святитель Филипп восходил на высоту, с которой мог видеть монастырь целиком и молиться за его насельников. Все происходило ровно так, как впоследствии было изображено на миниатюре из лицевой рукописи Жития Зосимы, Савватия и Германа Соловецких 1623 года — он закидывал сеть, а над ним воздвигалось вырастающее из стволов деревьев, каменных валунов и островных круч демонское воинство. Причем не обезличенное, а в облике самих островитян, царевых посланников, стрелецких голов, соловецких монахов, таивших в своем сердце обиду и зависть, гордость и тщеславие. Таким образом, окруженный Дышащим морем монастырь был не только местом аскетичного подвига и молитвы, но и местом кипящих человеческих страстей и амбиций. То обстоятельство, что в 1566 году соловецкий игумен покинул остров и отправился в Москву навстречу своей мученической смерти, в очередной раз свидетельствует о том, что будущий святитель добровольно избрал путь следования за Христом, укрепившись духом именно в построенном им (и по большей части на собственные средства) Спасо-Преображенском монастыре. Он не бежит от зла и наветов, но идет навстречу, восходя на митрополичью кафедру в Москве.

Ровно через 100 лет, в 1666 году, патриарх Всероссийский Никон, постриженник Троице-Анзерского скита, был извержен из священства, лишен патриаршего и епископского сана и сослан в Рождества Богородицы Ферапонтов монастырь под надзор.

Связь этих двух событий кажется очевидной именно на фоне нарастания эсхатологического напряжения в духовной жизни на Соловках, к которому оба великих русских первосвятителя имели непосредственное отношение.

Святейший патриарх Никон, чей могучий образ неразрывно связан в первую очередь с духовной жизнью Поморья (Соловки, Анзер, Кий-островский Крестный Понежский и Кожезерский Богоявленский монастыри), вне всякого сомнения, занимает особое место в Соловецкой истории, которой архимандрит Порфирий (Карабиневич) дает следующую весьма неутешительную характеристику: «Опасаясь нашего раскаяния,

крепко держит нас в самообольщении коварный строитель гибели нашей. Он-то старается уверить, что мы живем в мире, как следует людям порядочным, а если и согрешили в сем по немощи, то... Бог все простит нам по благодати Своей... Вся протекшая жизнь наша, в коей мы никогда не давали отчета пред совестью, и источник ее — сердце, в которое мы никогда не входили со светильником слова Божия, покрываются непроницаемою мглою, сквозь которую собственное око наше не может усмотреть почти ничего. А не видя всей бездны своего греховного растления, мы, очевидно... и не сокрушаемся о своем гибельном состоянии... О, сколько величайших зол для души, сколько потери в деле спасения происходит от незнания себя!»

Конфликт инока Никона и преподобного аввы Елеазара, о котором уже шла речь на страницах данной книги, безусловно, стал в ряду тех нестроений на поприще самообольщения и незнания себя, о которых пишет архимандрит Порфирий (Карабиневич).

Если святитель Филипп уходил в пустыню, то будущий патриарх Никон вообще покинул Анзер, чтобы не искушать старца Елеазара и не ввергать свою душу в пучину страстей и козней. Конечно, это было бегство с острова, но не от трудов и зла, а навстречу им, чтобы вести невидимую брань и быть полностью ответственным за каждое свое слово и каждый свой поступок.

Но «Остров мертвых» не хочет отпускать Никона, который, вырвавшись из пучины страстей, попадает в пучину морскую и едва не лишается жизни за свое дерзновение стоять в правде до конца. Промыслом Божиим анзерский инок находит спасение на острове Кий близ Онежского устья и устанавливает здесь по поморскому обычаю деревянный восьмиконечный обетный крест, к которому спустя годы вернется уже патриарх Никон и в память о событиях 1639 года начнет возведение Крестовоздвиженского монастыря.

В этом смысле известная оппозиция двух северных обитателей — Соловецкой и Кий-островской (в свете событий, связанных с Соловецким восстанием 1667—1676 годов) в большей степени может быть отнесена к областям экономической и политической, но с точки зрения мистической и богословской она (оппозиция, даже конфликт) совершенно ничтожна. Преображе-

ние Господне и воздвижение Креста Господня на Белом море трудами преподобных Савватия, Зосимы и Германа, святителя Филиппа и патриарха Никона знаменуют собой забрасывание той сети, о которой святой Евангелист Лука говорит, что она прорывалась от великого множества рыбы.

Конечно, эти слова следует понимать иносказательно — сеть прорывается, потому что взято на себя чрезмерно много и уже нет возможности отделить зерна от плевел.

Почти десять лет так называемого Соловецкого сидения второй половины XVII века, когда по сути в рамках одного, отдельно взятого острова и монастыря велась гражданская война, закончившаяся не победой (победить тут невозможно), но чудовищным погромом и разорением обители, стали рубежным событием в истории Спасо-Преображенского монастыря. Духовная брань отшельников трансформировалась в кровавую бойню, когда каждая сторона была уверена в своей правоте и почитала себя наследницей традиций преподобных соловецких отцов.

Так называемая «трагедия русской святости», о которой писал Георгий Петрович Федотов, докатилась и до острова, но в особой, предельно жестокой и апокалиптической форме. Сжатое пространство сжало и воспламенило ярость и взаимные претензии. Категорический отказ (вплоть до добровольного принятия самой лютой смерти) ряда соловецких старцев разделить нововведения патриарха Никона и служить по новопечатным книгам наводит на мысль о том, что произошла трагическая подмена свободного и дерзновенного духовного поиска, который вели ученики преподобного Сергия Радонежского и ученики его учеников, обрядоверием, порожденным в первую очередь страхом, недоверием к богомыслию как акту внутренней свободы.

Буква закона в данном случае оказалась сильнее духа закона.

Но буква неподвижна и мертва!

А «Дух, как ветер, веет где хочет: шум ветра слышишь, а откуда он приходит и куда уходит — не знаешь, так что каждый может быть рожден от Духа», — восклицает Евангелист.

Итак, речь в конечном итоге заходит о понимании

свободы и несвободы, об отторжении мира и о тех узах, путах ли, которые не отпускают человека (а в случае с монастырем, инока), погружая его в «непроницаемую мглу».

К сожалению, противостояние соловецких «бунтовщиков» и стрельцов воеводы Мещерина иначе как противостоянием человеческих амбиций и страстных помыслов не назовешь. Восстание 1667—1676 годов не было результатом богословской дискуссии хотя бы по той причине, что богословия тогда просто не существовало. Разговор мог идти лишь о незначительных расхождениях в трактовках, о нежелании подчиниться церковному начальству, о старых обидах, об ошибочном толковании патриарших грамот и указов, приходивших из Москвы в конце концов. Следовательно, речь идет исключительно о человеческом, бытовом конфликте, возведенном в ранг духовного, потому как разгорелся он в стенах Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря.

К сожалению, эта драматическая ошибка, или заблуждение, имеющая в своей основе эсхатологический страх — именно страх, а не святоотеческое упование о смертном часе, — окончательно обрушила видение человека как обладателя двух «крыл» — свободы и благодати, окончательно лишила его индивидуальности и «самодвижности», то есть умения не бояться собственного сердечного горения в вере.

На Соловки (да и на весь Русский Север в целом) как на место свободное изначально, открытое всем ветрам как в прямом, так и в переносном смысле, это событие не могло не произвести гнетущее впечатление.

Произошел раскол, который в принципе не мог существовать, потому что виделся безбытным и неосуществимым. То есть мысль о том, что может быть добро и «добро», что зло может победить добро, что стояние в вере есть не всегда стояние в правде и наоборот, породила сомнение, о котором святой Ерм писал в своем «Пастыре»: «Сомнение есть земной дух, от диавола, и силы не имеет... гибельно и ужасно сомнение, и многих, даже твердых в вере, совсем отторгает от веры. Ибо сомнение это есть дочь диавола, и сильно злоумышляет на рабов Божиих».

И вот теперь, когда и без того зыбкая почва Соло-

вещного архипелага была выбита из-под ног, а «плач и скрежет зубовой» оказались абсолютно реальными, в разоренной обители не осталось, увы, тех, кто нашел в себе силы и обладал бы опытом для продолжения дела святых Соловецких основоположников.

Можно утверждать, что Синодальный период и Петровские реформы еще далее увели в приказном порядке островной монастырь от аскетического «умного делания», разглядев в Соловках в первую очередь важный для Империи экономический, социально-политический и военно-морской объект.

По сути пустыня на Белом море окончательно перестала быть таковой.

Хотя что следует понимать под этим словом? Пустыня — как место аскетических подвигов и богомыслия, или пустыня — пустошь, необитаемое и заброшенное место?

Думается, что ответ на этот вопрос дали события начала 20-х годов XX столетия. Ответ в своей сути парадоксальный и восходящий к богословскому пониманию апотропеической (оберегающей) семантики креста — с одной стороны, креста как орудия унижительной, позорной и мучительной смерти «в гноище», к которой приговаривались «отбросы» общества, что не заслуживали ни жалости, ни сочувствия, а с другой — Креста-апотропея, Креста — символа победы над смертью, Креста — указующего единственный путь ко спасению.

Это парадокс, который нельзя усвоить умом или по учебникам, это евангельский парадокс, который можно только прожить, пройдя «тесным путем» или, по крайней мере, хотя бы попытавшись им пройти.

В книге «Погружение во тьму» читаем такое эмоциональное описание, данное О. В. Волковым:

«Вдоль берега Святого озера подымались суровые силуэты башен монастыря. Грозные и насуленные, они высились над озером в сером тусклом небе, словно с тем, чтобы каменной своей неподвижностью напомнить людям, ничтожным, копошащимся у их подножия, о нависшем над ними роке... Мнилось: не сизые клубы холодных морских туманов застыли четкие очертания башен и колоколни, а испарения скопища пришибленных людишек, зловонное облако ругани и бо-

гохульств, кровавая изморозь, оседающая на холодных валунах... Каторга стерла признаки святой обители».

В этих словах узника Соловецкого Лагеря Особого Назначения, очевидца того ада, в который был превращен остров, разумеется, превалируют эмоция, боль и разочарование. Смерть на кресте, криво сколоченном, покосившемся, окруженном стервятниками, под смех и улюлюканье толпы, уверенной в том, что ее не коснется эта страшная экзекуция, приводит в ужас, лишает всяческих сил и надежд. Именно это состояние смертной тоски и описывает Олег Васильевич, именно это и есть конец блужданий по лабиринту, из которого нет выхода. Рассматривая в самом начале нашей книги феномен дохристианских культовых сооружений на Соловках, мы пришли к выводу, что движение по каменному лабиринту предполагало восхождение на вершину «священных гор». Восхождение, разумеется, умозрительное, гипотетическое, в результате приводящее лишь в тупик, к пылающему жертвеннику, за которым ничего нет, кроме «тьмы внешней».

Однако почти пятисотлетняя история Спасо-Преображенского монастыря (на момент организации на острове СЛОНа) давала выход из этого, на первый взгляд безвыходного положения. Причем образом этого спасения были не столько монастырские башни, заброшенные храмы и превращенные в штрафизоляторы скиты, но люди, которые видели Крест, как место своей неизбежной казни в концлагере, совсем другим.

Протопресвитер Михаил Польский так описывал соловецкого узника, архиепископа Илариона (Троицкого; 1886—1929): «Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник, оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый: везде, где он появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью... За годы совместного заключения являемся свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости».

Наряду с представителями духовенства разных конфессий крестный путь, может быть, даже и не осознавая это, стяжали обычные миряне, обычные заключенные

разных национальностей, разных культурных и духовных традиций. Тут важно понимать, что сам выбор, сделанный этими людьми, их неколебимая верность чувству собственного достоинства и, как следствие, внутренней свободе и стали решающими в переосмыслении места массового убийства и тотальной несвободы в место сопригвождения и воскресения.

По сути, здесь, на Соловецком острове, в XX столетии произошло то, что происходило в иные века, в иных землях, у других народов.

Евангельская история повторилась здесь и сейчас...

Всякий раз, когда идешь на остров на «Косякове» или на «Святителе Филиппе» в наши дни, необычайно интересно наблюдать за тем, как реагируют путешественники, паломники ли на величественно и неотвратимо вырастающие на горизонте, словно восходящие из недр Дышащего моря очертания сначала Соловецкого архипелага, а затем и Спасо-Преображенской обители.

Кто-то замирает в изумлении, кто-то просто улыбается, кто-то тут же хватается за фотоаппарат или видеокамеру, кто-то как уныло смотрел на грозный беломорский пейзаж, так и продолжает недоумевать, зачем и почему он тут очутился, а кто-то затихает, не смея поднять глаза, словно боясь увидеть нечто таинственное и глубоко личное.

Однако подобное разнообразие реакций, как думается, вполне объяснимо — мы помним, что еще со времен древних саамов остров безмолвно принимает всех, пристально вглядываясь в пришельцев, но лишь немногие смогут покинуть архипелаг, выдержав этот ледяной неподвижный взгляд, ощутив при том напряжение глубокого душевного сокрушения, когда «будут последние первыми, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20, 16).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л., 1990.
- Бродский Ю. А.* Двадцать лет особого назначения. М., 2002.
- Ведерникова Н. М.* Соловецкие паломники // <https://www.booksite.ru/localtxt/svi/aty/nor/thr/uss/kih/zem/yel/19.htm>.
- Валков О. В.* Погружение во тьму. М., 1989.
- Воспоминания Соловецких узников: В 5 т. М., 2013—2015.
- Григорий Палама.* Триады. М., 1995.
- Денисов Семен.* История об отцах и страдальцах Соловецких. М., 2002.
- Дерягин Г., Харлин Л.* Старая Онега. Онега, 1993.
- Добротолюбие. М., 1991.
- Жития Зосимы и Савватия Соловецких // <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10573>.
- Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. М., 1995.
- Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона. М., 1997.
- Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880.
- Иоанн (Кологривов).* Очерки по истории Русской Свято-сти. Брюссель, 1961.
- Карсавин Л. П.* Св. отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М., 1994.
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992.
- Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. Париж, 1947.
- Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
- Лосский В. Н.* Боговидение. М., 1995.
- Максим Исповедник, св.* Творения. М., 1993.
- Максимов С. В.* Год на Севере. М., 1987.
- Михаил (Мудьюгин).* Введение в основное богословие. М., 1995.
- Мордвинов Я. Я.* Журнал о походах в Соловки и на Валаам. СПб., 1888.
- Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. М., 1999.
- Немирович-Данченко В. И.* Соловки // http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_0020.shtml.
- Никон, патр.* Труды. М., 2004.
- Православные русские обители. СПб., 1994.
- Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993.
- Реформатская М. А.* Северные письма. М., 1968.
- Русский рисованный лубок. М., 1992.
- Скопин В. В.* На Соловецких островах. М., 1991.
- Случевский К. К.* Поездки по Северу России в 1885—1886 гг. М., 2009.

- Соловецкие острова. М., 2006.
Соловецкие юнги. М., 2004.
Соловецкое море. Историко-литературный альманах. 2014. Вып. 2; 2016. Вып. 15.
Сошина А. А. На Соловках против своей воли: Судьбы и сроки. 1923—1939. М., 2014.
Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.
Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991.
Федотов Г. П. Стихи духовные. М., 1991.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
Флоровский Г. В. Восточные отцы IV—VIII вв. Париж, 1933.
Фомин А. И. Описание Белого моря. М., 2009.
Хоружий С. С. Диптих безмолвия. М., 1991.
Часть суши, окруженная небом. СПб., 2011.
Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886.
Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667—1676 гг. М., 2009.
Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

6

Часть первая. ОСТРОВ МЕРТВЫХ

*Место силы. — Река Морг. — Священные горы. — Лабиринты. —
Хожделение на остров. — Кузова. — Гиперборея. — Великая
пропасть. — Секирная гора*

17

Часть вторая. МОНАСТЫРЬ

Глава первая. Великий отшельник

*Савватий из Кириллова монастыря. — Русская Фиваида. —
О священнобездомствующих. — Уход на Валаам. — Инок
Геннадий. — В сердце кротких почит мудрость. — Савватий
и Никон. — На Выге. — Встреча с Германом. — 1429 год. —
В Сосновой губе. — Кельи-полуземлянки. — Савватиево*

27

Глава вторая. Одиночество, приносящее жизнь

*Поморские тайны острова. — Остров ветров. — Соловецкая
зима. — Распорядок дня отшельника. — Смоленская
Одигитрия. — Абсолютный покой. — Пасха на Соловках. —
1430 год. — Легенда о Секирке. — Михайло-Архангельская
часовня. — Один на острове. — Отбытие Германа на материк. —
Молитвенное правило Савватия. — Нафанаил. — Служба
мирским чинам. — Евхаристия. — Подвиг сверхъестественного
ожидания. — Предсказание Иоанну. — Кончина Савватия. —
Герман на Суме. — Зосима. — 1436 год. — Святое озеро*

46

Глава третья. Когда невидимое становится явным

*Будьте святы. — Видение Зосимы. — Первые кельи из бревен. —
Отплытие Германа на материк. — Молитвенное правило
Зосимы. — Восстание острова. — Герман, Марк и Феодосий. —
Первое пострижение в монашество на острове. — Первая*

Божественная литургия на острове. — Антиминс из Великого Новгорода. — Священные сосуды. — Иноческий обиход при Зосиме. — Игнатий. — Архиепископ Иона. — Игумен Зосима. — Общежительный устав. — Уставное благочестие. — Умножение братии. — Дисциплина на острове. — Келейное правило. — Молитва и тайновидение. — Марфа Борецкая. — Возвращение Савватия на остров. — Сорока

64

Глава четвертая. Род проходит, и род приходит

В. И. Немирович-Данченко. — Савватий, Зосима, Герман. — Поморы. — Мореходы, не знавшие крепостного права. — Быт поморов. — Поморский дом. — Судостроение. — Шняка, коч, карбас. — Весновальный промысел. — Ожидание без страха. — Селение Устьянское. — Солеварни на Кие. — Лямецкий и Летний берега. — Рыбачья изба. — Сумской посад. — Елисей. — Кончина Германа Соловецкого

84

Глава пятая. Филипп

Кижь. — Субота. — Федор Кольчѣв. — Московские бояре. — Андрей Старицкий. — Бегство из Москвы. — Отречься от себя. — Деревянный монастырь. — Игумен Арсений. — Пожар 1538 года. — Послушник Федор. — Послушания инока Филиппа. — Традиции Кирилла Белозерского на острове. — Старец Иона. — Вкладное монашество. — Аскетические подвиги Филиппа. — Архиепископ Феодосий. — Иноческий обиход при Филиппе. — Филиппова пустынь. — Два крыла. — Йодпром. — Жесткая дисциплина при Филиппе. — Наказания. — Каменное строительство. — Конфликт в монастыре. — Спасо-Преображенский собор. — Никита Минов. — Иоанн Васильевич

103

Глава шестая. Обитель уставного благочестия

Соловецкая келья. — Деревянные и каменные кельи. — Келейные кортуса. — Отопительная система в монастыре. — Келейный интерьер. — Соловецкое чиновоследование. — Трапеза. — Трудники. — Техническое обеспечение. — Монастырские промыслы. — Традиции игумена Филиппа. — Стратегический объект. — Игумен Артемий. — Первый соловецкий заключенный. — Иосифляне и нестяжатели. — Нил Сорский. — Иосиф Волоцкий. —

Видение Филитта. — Сильван Грек. — Сильвестр. — Островной острог. — 1566 год. — Обвинения в колдовстве. — Паисий. — Игумен Варлаам. — «Сергиевская плеяда». — Крепость и тюрьма. — Игумен Иаков. — Покаяние. — Анзер

123

Глава седьмая. Елеазар и Никон

Игумен Иринарх. — Аскетические подвиги Иринарха. — Елеазар Анзерский. — Скитское житие на Анзере. — Скитский обиход. — Виды иноческой жизни. — Традиции Древней Церкви на острове. — Троицкий Анзерский скит. — Умная молитва. — Хозяйство Анзерского скита. — Киновийный устав. — Состав соловецких насельников и трудников. — Священник Никита Минов. — Никита во иночестве Никон — конфликт с Елеазаром. — Змий чёрен и зело велик. — Бегство с Анзера. — Кий-остров. — Поклонные кресты на Севере. — Воздвижение креста на Кие. — Гроб Филитта. — Крест Никона. — Чешьогский крест. — Храм Сергия, что в Крапивниках

141

Глава восьмая. Мятеж

Книги новой печати. — Попраие «кумиров». — Соловецкий бунт. — Осада монастыря. — Иван Мещеринов. — Верность «древлему благочестию». — Персонализм и самовластность. — Крах аскетических заветов. — Отказ от соборной молитвы за царя и патриарха. — Восставший гарнизон. — Осадные мероприятия. — Штурм монастыря. — Феоктист. — Две версии Соловецкого погрома. — Арест Мещеринова. — Предвидение СЛОНа. — Переукомплектация островного гарнизона. — Последствия Соловецкого восстания. — 2000 год. — Максим Горький. — Голгофа на Анзере

161

Глава девятая. Посещение Голгофы

Св. Петр. — Антон Тимофеев или Антипа Панов. — Пертоминский монастырь. — Петр I на острове. — Митрополит Игнатий. — Вознесенская церковь на Секирке. — Храм-маяк. — Второе посещение Петром I Соловков. — Никогда так сытно не кушивал... — Церковь Андрея Первозванного на Заяцком острове. — Инок Иоанн. — Иов Анзерский. — Великая схима. — Иисус Анзерский. — Видение схимника. — Иноческое

*правило Распятского Анзерского скита. — Сопригвождение. —
Строгое житие анахоретов. — Зосима и Феофан. —
Командировка Голгофа. — Архиепископ Петр (Зверев). —
Уподножия Соловецкой Голгофы. — Олег Волков. — Донат
Новицкий. — Тьма Сайво. — Последствия Петровских реформ в
Поморье. — Архимандрит Варсанофий*

181

Глава десятая. Заметки путешественников, или Накануне

*Иван Корейша. — Соловецкие богомольцы. — Соловецкий
транспорт. — Яков Мордвинов. — Ладожская сойма. — Петр
Челищев. — Монастырский быт. — Трудники, обетники,
годовики. — Быт соловецких трудников. — Молитва «по
обещанию». — «Обетное» мироощущение. — Михаил Пришивин. —
Кутальни на Святом озере. — Люди искусства на острове. —
Елизавета Феодоровна. — Открытие судоходной канальной
системы. — Монастырская радиостанция. — Феликс Юсупов. —
Упразднение Соловецкой тюрьмы. — Смута 1913 года. —
Архимандрит Иоанникий. — Массовые пострижения
в монашество. — Архимандрит Вениамин*

202

Часть третья. СЛОН

Глава первая. По этапу

*Кемь. — Попов остров. — 1918 год. — Обращение к
епископу Кентерберийскому. — Кемьперпункт. — Созерко
Мальсагов. — Комплекс зданий УСЛОН. — Успенский собор. —
Рабочееостровск. — Этапирование в Кемь. — Дмитрий
Лихачев. — Глеб Бокий. — Горький на Соловках. —
Юлия Данзас. — Сатаниада*

223

Глава вторая. Жизнь особого назначения

*Халмогорский и Пертаминский лагеря. — Лагеря смерти. —
Спецкомиссия ВЧК. — Перевоспитание, а не уничтожение. —
Создание Соловецкого лагеря принудительных работ. —
Революционные настроения среди монахов. — Вениамин и
Никифор. — Убийство отшельников. — Изъятие церковных
ценностей на Соловках. — Матрица пенитенциарной системы*

СССР. — Совхоз «Соловки». — Пожар 1923 года. — Митрополит Мануил. — Пострижения в монастыре в начале 20-х годов. — Иночество в лагере. — Церковь Святого Онуфрия Великого. — 1923 год

240

Глава третья. Соловецкая власть

Александр Ногтев. — Структура лагеря. — Положение о СЛОНе. — Отделения. — Лагерное хозяйство. — Политскиты. — Теодорс Эйхманс. — Штрафизолятор на Секирке. — Горький в четвертом отделении. — Быт заключенных. — Карантинный городок. — Анзер и Кондостров. — Тифозный изолятор. — Епископ Максим. — Нерентабельное производство. — Документальный фильм. — Строительная рота. — «Могилевская губерния». — Духоборы. — Репрессии внутри лагерного руководства. — Расформирование Соллага

261

Глава четвертая. Ввержение во тьму

СОН. — Братья Минихи. — Строительство тюрьмы. — Тюремный режим. — Закрытие тюрьмы. — Ликвидация тюремного руководства. — Учебный отряд Северного флота. — Лабиринт. — Погружение во тьму. — Новое религиозное сознание.

282

Часть четвертая. ПОСЛЕ СЛОНА

Глава первая. Быт на острове

Структура Учебного отряда Северного флота. — Военно-морская база. — Соловецкая школа юнг. — Валентин Пиккуль. — Быт соловецких юнг. — Александр Ковалев. — Будьте как дети. — Островной гарнизон. — Соловецкий музей-заповедник. — Соловецкие стройотряды. — Андрей Битов. — Юрий Кублановский. — Двадцать лет особого назначения. — Борис Ведьмин. — Возобновление монастыря. — Игумен Иосиф

293

Глава вторая. *Pro memoria*

«Косяков», «Шебалин» и «Клара Цеткин». — Путешествие на остров в 90-х. — В монастыре. — Зима на острове. — Петя

*Леонов. — «Соло». — Коктебель. — Филипповская церковь. —
Оптина пустынь. — Аэродром. — Муксалма. — Слово о
пострижении схимников. — «Соловецкие мечтания» Юрия
Казакова. — Никита Минов и его Крест. — На Анзере*

314

Послесловие

332

Библиография

343

Гуреев М. А.

Г 95 Повседневная жизнь Соловков: От Обители до СЛОНа / Максим Гуреев. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 350[2] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-04113-4

Повседневная жизнь Соловецкого архипелага, или просто Острова, как называют Соловки живущие на нем, удивительным образом вбирает в себя самые разные эпохи в истории России. А потому и книга, предлагаемая вниманию читателя, столь же естественно соединяет в себе рассказы о бытовании самых разных людей: наших современников и подвижников благочестия XV—XVI столетий, стрельцов воеводы Мещеринова, управлявшихся с участниками знаменитого Соловецкого сидения второй половины XVII века, и юнг Великой Отечественной войны, узников Соловецкого Лагеря Особого Назначения и чекистов из окружения Максима Горького, посетившего Соловки в 1929 году. На острове в Белом море время словно остановилось, и, оказавшись здесь, мы в полной мере можем почувствовать это, убедиться в том, что повседневность на Соловках — вовсе не суетная обыденность и бытовая рутина, но нечто большее — то, о чем на материке не задумываешься. Здесь каждый становится частью истории и частью того пространства, которое древние саамы называли *saivo*, что в переводе означает «*Остров мертвых*».

УДК 94(470.116)“14/19”
ББК 63.3(2Рос-4Арх)

знак информационной
продукции **16+**

Гуреев Максим Александрович

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОЛОВКОВ:
ОТ ОБИТЕЛИ ДО СЛОНа**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **К. В. Забусик**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректор **Г. В. Платова**

Сдано в набор 20.02.2018. Подписано в печать 11.04.2018. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1805950.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04113-4

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*



**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**



**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64









ВЫШЛИ В СВЕТ:

А. Сергеева-Кляtis
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУШКИНОГОРЬЯ.
СЕЛЬЦО МИХАЙЛОВСКОЕ
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

О. Елисеева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУШКИНСКОЙ
ОДЕССЫ

С. Аристов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НАЦИСТСКИХ
КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ
ЛАГЕРЕЙ

А. Васькин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВЕТСКОЙ
СТОЛИЦЫ ПРИ ХРУЩЕВЕ
И БРЕЖНЕВЕ

С. Яров
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛОКАДНОГО
ЛЕНИНГРАДА

ISBN 978-5-235-04113-4



9 785235 041134 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ